

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 3 (31)

2024

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:

**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.

Журнал издается с 2016 года

Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, кандидат исторических наук, Россия

Технический секретарь

А. Е. Жукова, кандидат исторических наук, Россия

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, профессор, Россия

О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия

Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова

С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан

В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия

К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония

Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия

Д. Рансел, доктор истории (PhD), США

М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия

Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай

Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration ПИИ № ФС77-68612,
March 04, 2016

The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into
the list of reviewed academic journals
and periodicals recommended
for publishing in corresponding series basic
research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Candidate of History, Russia

Technical secretary

A. E. Zhukova, Candidate of History, Russia

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Full Professor, Russia

O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova

S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan

V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia

S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia

K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan

N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia

D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA

M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia

L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

Наталья Львовна Пушкарева.
Фото из личного архива

ТЕМА НОМЕРА

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ФЕМИНОЛОГИЯ,
ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ,
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
И ОБРАЗОВАНИЯ

К юбилею доктора исторических наук,
профессора, Натальи Львовны Пушкаревой

СОДЕРЖАНИЕ

- З. З. Мухина** [10]
К юбилею Натальи Львовны Пушкаревой –
основоположника отечественной гендерной истории

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

- О. Р. Демидова** [16]
Слухи о женщинах в «Кентерберийских рассказах»
Джеффри Чосера

- О. И. Лисицына** [28]
Дискурс сексуальности в российском дворянском
обществе первой половины XIX в.

- А. С. Чертков** [47]
Особенности семейно-бытовой повседневности
якутского казачества во второй половине XIX –
начале XX вв.

- А. О. Победоносцева-Кая** [66]
Гендерные аспекты советской культурной революции
1920-1930-х гг. среди курдов

- Е. А. Сорокина** [87]
Женский нарратив в Швеции:
путь к обеспечению гендерного равенства

- Н. С. Нижник** [109]
Женщины на службе в полиции Мексики:
трудная борьба за гендерное равенство

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Т. И. Пашкова** [138]
Посещения петербургских гимназий императором
Николаем I: рождение сценария

- С. Н. Брежнева** [150]
Женский персонал в детских приютах
Русского Туркестана на рубеже XIX–XX вв.
- Е. В. Бурлуцкая, Е. Н. Абдрахманова** [173]
Материнская забота о гигиене
и питании новорожденных в работах специалистов
и реалиях Оренбурга рубежа XIX–XX вв.
- О. А. Валькова** [196]
К истории закона 1911 г. «Об испытаниях лиц женского
пола в знании курса высших учебных заведений
и о порядке приобретения ими ученых степеней
и звания учительницы средних учебных заведений»
- Е. В. Жбанкова** [222]
Театр и революция. Роль Театрального отдела
Наркомпроса в становлении государственной
политики в области искусства

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- В. А. Веретенко, С. В. Степанов** [236]
Педагог-организатор женского образования
и птицеводства в Петербургской губернии
Е. М. Гедда (1855–1940)
- А. Ю. Федотова** [252]
Наталья Петровна Куприянова: биография
общественной деятельницы Казанской губернии
конца XIX – первой половины XX в.
- М. В. Кротова** [268]
Письма Нины Озеровой-Анерт как отражение
процесса женской эмансипации в 1920-х гг.
- Е. В. Годовова** [287]
Лучший продавец-женщина города Оренбурга
(профессиональное становление А. Н. Головкиной)
- Иллюстрации [295]

CONTENTS

- Zinara Z. Mukhina** [10]
On the Anniversary of Natalya Lvovna Pushkareva,
the Founder of Russian Gender History

GENDER HISTORY

- Olga R. Demidova** [16]
Rumors About Women in Geoffrey Chaucer's
"Canterberry Tales"

- Olga I. Lisitsyna** [28]
The Discourse of Sexuality in the Russian Noble Society
of the First Half of the 19th Century

- Aleksey S. Chertkov** [47]
Peculiarities of Family and Everyday Life
of the Yakut Cossacks in the Second Half of the 19th –
early 20th Centuries

- Angelika O. Pobedonostseva-Kaya** [66]
Gender Aspects of the Soviet Cultural Revolution
of 1920–1930 Among Kurds

- Elena A. Sorokina** [87]
Women's Narrative in Sweden:
The Path to Gender Equality

- Nadezhda S. Nizhnik** [109]
Women in the Mexican Police Service:
Difficult Struggle for Gender Equality

CULTURE AND EDUCATION EVERYDAY LIFE

- Tatiana I. Pashkova** [138]
Emperor's Nicholas I Visits to St. Petersburg Gymnasiums:
Birth of a Script

- Svetlana N. Brezhneva** [150]
Female Staff in Orphanages of Russian Turkestan
at the Turn of the 19th – 20th Centuries
- Elena V. Burlutskaya, Ekaterina N. Abdrakhmanova** [173]
Mothers' Care for the Newborns' Hygiene and Nutrition
in the Works of Specialists and the Orenburg Realities in
the Late 19th – Early 20th Centuries
- Olga A. Valkova** [196]
On the History of the Law of 1911 “On the Tests of Female
Persons in the Knowledge of the Higher Educational
Institutions' Course and on the Procedure for their
Acquisition of Academic Degrees and the Title of Teacher
of Secondary Educational Institutions”
- Elena V. Zhbankova** [222]
Theatre and Revolution. The Role of Theater Department
of the People's Commissariat of Education in the Formation
of Public Policy in the Field of Art

PERSONALITY IN THE EVERYDAY LIFE HISTORY

- Valentina A. Veremenko, Stanislav V. Stepanov** [236]
E. M. Gedda (1855–1940) – Teacher-Organizer of Female
Education and Aviculture in the St. Petersburg Province
- Anastasiya Ju. Fedotova** [252]
Natalya Petrovna Kupriyanova:
Biography of a Public Activist of Kazan Province
of the Late 19th – First Half of the 20th Centuries
- Mariia V. Krotova** [268]
Nina Ozerova-Ahnert's Letters as a Reflection
of the Process of Women's Emancipation in the 1920s
- Elena V. Godovova** [287]
Best Female Salesperson in Orenburg
(A. N. Golovkina Professional Development)
- Illustrations [295]

К юбилею Натальи Львовны Пушкаревой – основоположника отечественной гендерной истории

З. З. Мухина

Статья посвящена юбилею основоположника отечественной исторической феминологии и гендерной истории Натальи Львовны Пушкаревой. На основе анализа биографии и творчества исследователя, характеризуются основные направления деятельности юбиляра как человека и учёного. Опираясь на некоторые изданные в разное время труды профессора Пушкаревой, в сжатой форме анализируются особенности стиля, мышления и мировоззрения историка. В статье акцентируется внимание на эволюции и одновременно преемственности, взглядов ученого, на ее роли в формировании нескольких научных направлений и исторических школ в современной России.

Ключевые слова: Н. Л. Пушкарева, юбилей, педагог, учёный, гендерная история, историческая феминология, история повседневности.

Для цитирования: Мухина З. З. К юбилею Натальи Львовны Пушкаревой – основоположника отечественной гендерной истории // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 10–15. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_10. EDN: FHQBDC

Имя Натальи Львовны Пушкаревой, российского историка, антрополога, основоположника исторической феминологии и гендерной истории в нашей науке хорошо известно исследователям истории России как у нас, так и за рубежом.

Наталья Львовна родилась 23 сентября 1959 г. в семье известных российских историков – Ирины Михайловны и Льва Никитовича Пушкаревых, сотрудников Института российской истории (тогда – Института истории СССР АН СССР). Круг ее увлечений и интересов определили не только родители, привившие ей трудолюбие и умение достигать поставленные цели, но также друзья семьи, прежде всего специалисты по истории Древней и средневековой Руси В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, В. Л. Янин, позже – И. С. Кон, имевший широкую международную известность. Владимир Терентьевич Пашуто – специалист по истории России древнейшего периода, член-корреспондент Академии наук СССР, бывая за рубежом, заметил новое явление в мировой историографии: интерес к «женской теме». Он предложил Наталье Пушкаревой, поступившей после окончания школы с золотой медалью на исторический факультет МГУ, заняться реконструкцией истории женщин в Древней Руси. Эта тема стала ее судьбой, ей она верна всю свою жизнь.

После окончания университета и непростой защиты Н. Пушкаревой кандидатской диссертации по теме *«Положение женщины в семье и обществе Древней Руси X–XIII вв.»* в 1985 г. (один из оппонентов сказал, что выбранная тема «узкая», другой оспорил: «Половина населения страны за 5 веков – разве этого мало?»), в 1987 г. она была принята на работу в Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, где продолжает работать и в настоящее время, пройдя путь от должности старшего лаборанта Сектора русского народа до руководителя Центра гендерных исследований. Несмотря на то что долгое время тему истории женщин не признавали достойной научного анализа, Наталья Львовна продолжила исследование избранной ею темы как дополнение к плановой работе института. С удивительным упорством Наталья каждый день ходила в архивы, все найденные материалы по средневековой Руси в Москве и Ленинграде были тщательно обработаны, что и позволило автору сделать важнейший для историографии вывод об огромной значимости женщин в хозяйственной, полити-

ческой и культурной сферах жизни древнерусского общества. В 1989 г. в издательстве «Мысль» была опубликована ее первая научная монография *«Женщины Древней Руси»*, вышедшая огромным тиражом в 100 тыс. экземпляров.

В августе 1990 г. Н. Л. Пушкарева в составе делегации советских историков приняла участие в работе XVII Международного конгресса исторических наук в Мадриде. На этом конгрессе впервые работала специальная сессия, посвященная истории женщин. На ней Н. Л. Пушкареву избрали постоянным представителем от тогдашнего СССР в только что созданную «Международную федерацию исследователей женской истории». Она вернулась, наполненная планами и идеями. Благодаря знанию языков и целеустремленности ей удается установить научные контакты с коллегами из Европы и США. Ее проекты получили поддержку самых различных фондов и стипендиальных программ. Приходилось сочетать работу над плановыми темами института с исследованиями по женской истории. В следующей книге *«Женщины России и Европы на пороге Нового времени»* Н. Л. Пушкарева решает на усиление темы истории повседневности, реконструкции отечественной женской истории с позиций концепции французской школы «Анналов». В это время она посещает межинститутский научный семинар по истории частной жизни, инициатором создания которого был сотрудник Института всеобщей истории РАН Ю. Л. Бессмертный. Участие в работе семинара подсказало Наталье Львовне основную идею новой книги *«Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.)»*. После ее издания многих исследователей захватила история женской работы, благотворительности, женского меценатства, женских эмоций и т. д., выходят десятки работ.

В 1997 г. в ИЭА РАН Н. Л. Пушкарева блестяще защитила докторскую диссертацию на тему *«Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X – начала XIX в.»* Несмотря на то что к этому времени вышли еще три ее книги и множество статей, значительная часть скрупулезного труда Натальи Львовны осталась «за скобками» – неопубликованной по сей день. По времени защита совпала с периодом, когда в отечественную науку буквально ворвалась захватившая ее гендерная концепция. Наталья Львовна готовит к изданию монографию

«Гендерная теория и историческое знание» будучи убежденной в том, что гендерные исследования – интегративное направление современного социального знания, заимствующее подходы и исследовательские приемы социологии, политологии, психологии, лингвистики, литературоведения и других наук, применимые и сочетаемые с подходами смежных дисциплин – истории, антропологии, археологии, источниковедения.

В 2002 г. Н. Л. Пушкарева издает информативный библиографический указатель по отечественной женской истории с подробным историографическим введением – книгу *«Русская женщина: история и современность: История изучения "женской темы" русской и зарубежной наукой 1800–2000»*, что, по словам автора, призвано помочь любому желающему услышать «женский голос» российской истории и российского настоящего.

В последние десятилетия в современной исторической науке уделяется особое внимание осмыслению истории повседневности, ее гендерно-специфичных особенностей. «История повседневности» – одно из тех научных направлений, в становление которых в российской гуманитаристике Н. Л. Пушкарева внесла огромный вклад. Сегодня просто невозможно представить это направление без ее работ.

Еще одной новаторской для российской исторической науки стала тема, касающаяся истории сексуальной культуры, работа над многолетним научным проектом по публикации источников по этой стороне отечественного прошлого: *«А се грехи злые, смертные...»*.

В настоящее время Н. Л. Пушкарева увлеклась новыми направлениями: женщины-ученые, в том числе женщины-историки, их вклад в историописание, в том числе советского периода, пока не оценен и не понят; история репродуктивного поведения, женская социальная память и др.

Разработка женских тем позволила проявиться важному научно-организационному качеству – умению сплотить вокруг себя команду единомышленников. Наталья Львовна постоянно ставит задачу расширения числа сторонников своего направления и формирования научной смены. Речь не только о докторантах и аспирантах подразделения, но и о работе по организации конференций Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) в разных городах России,

женских общественных организаций, среди членов которых она находит новых приверженцев, единомышленников научного изучения гендерной и женской истории, антропологии повседневности, истории сексуальности и др. направлений.

Главный результат исследовательской работы Н. Л. Пушкаревой – создание отечественной школы женской и гендерной истории. Умение и желание открывать новое вместе с теми, кто вслед за нею выбрал женские исследования в гуманитаристике, готовность делиться идеями и результатами своих исследований сделали Наталью Львовну центром научного притяжения молодежи и коллег из разных городов России и зарубежья. Наталья Львовна инициировала создание НКО (некоммерческой организации) – *Российской ассоциации исследователей женской истории* (РАИЖИ), на реализацию которой ушло долгих пять лет. Ассоциация была создана в 2008 г. – это символическая дата: ровно за 100 лет до этого, в 1908 г., сторонницам женского равноправия удалось провести первый Всероссийский женский съезд в Петербурге.

В 2017 г. Наталья Львовна была удостоена премии *The Association for Women in Slavic Studies* – весомое свидетельство международного признания профессиональным сообществом ее выдающихся заслуг как основоположника исторической феминологии и гендерной истории в советской и российской науке.

Наталья Львовна Пушкарева все так же на переднем крае развития науки. Она автор и составитель более девяти сот изданий и статей. Наиболее полное библиографическое издание, объединяющее публикации отдельных трудов, статей и интервью в сборниках, журналах, газетах и электронных ресурсах, представлено в научном издании «*Женский голос российской истории: теория и практики исследования (оммаж¹ профессору Наталье Львовне Пушкаревой)*» [1], подготовленном ее учениками, коллегами к юбилею.

Список литературы

1. Наталья Львовна Пушкарева. Библиографический указатель (Т. А. Камскова, З. З. Мухина, А. В. Жидченко, С. В. Любичанковский) // *Женский голос российской истории: теория и практики исследования (оммаж профессору Наталье Львовне Пушкаревой)*: коллективная монография / отв. ред. А. В. Белова, З. З. Мухина. М.: ИЭА РАН, 2024. С. 247–423.

¹ Оммаж (от фр. «*hommage*») – признательность.

On the Anniversary of Natalya Lvovna Pushkareva, the Founder of Russian Gender History

Zinara Z. Mukhina

The article is dedicated to the anniversary of the founder of Russian historical feminology and gender history, Natalya Lvovna Pushkareva. Based on the analysis of researcher's biography and works, the main areas of activity of the anniversary celebrant as a person and scientist are characterized. Using some of Professor Pushkareva's works, published at different times, the features of historian's style, thinking and worldview are analyzed. The article focuses on the evolution and, at the same time, continuity of the scientist's views, on her role in the formation of several scientific directions and historical schools in modern Russia.

Key words: N. L. Pushkareva, anniversary, teacher, scientist, gender history, historical feminology, history of everyday life.

For citation: Mukhina, Z. Z. (2024) K yubileyu Natal'i Lvovny Pushkarevoy – osnovopolozhnika otechestvennoy gendernoy istorii [On the Anniversary of Natalya Lvovna Pushkareva, the Founder of Russian Gender History]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 10–15. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_10. EDN: FHQBDC

References

1. Belova, A. V., Mukhina, Z. Z. (2024) (eds.) Natal'ya Lvovna Pushkareva. Bibliograficheskiy ukazatel' (T. A. Kamskova, Z. Z. Mukhina, A. V. Zhidchenko, S. V. Lyubichankovskiy) [Natalya Lvovna Pushkareva. Bibliographic index (T. A. Kamskova, Z. Z. Mukhina, A. V. Zhidchenko, S. V. Lyubichankovsky)]. *Zhenskiy golos rossiyskoy istorii: teoriya i praktiki issledovaniya (ommazh professoru Natal'ye Lvovne Pushkarevoy)* [Women's voice of Russian history: theory and research practices (homage to Professor Natalya Lvovna Pushkareva)]. Collective monograph. Moscow: IEA RAS. Pp. 247–423. (In Russ.)

Об авторе

Мухина Зинара Зиевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета МИСИС, г. Старый Оскол, Российская Федерация; e-mail: mukhiny@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2226-1864

About the author

Mukhina Zinara Z., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Humanities, Stary Oskol Technological Institute named after A. A. Ugarov (branch) National Research Technological University MISIS, город, Russian Federation; e-mail: mukhiny@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2226-1864

Статья поступила в редакцию 06.06.2024
Одобрена после рецензирования 25.06.2024
Принята к публикации 8.07.2024

Слухи о женщинах в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера

О. Р. Демидова

Предметом гендерно ориентированного историософского и филологического анализа в статье является корпус слухов о женщинах, бытовавших в европейской повседневности эпохи Возрождения и представленных в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера. Слухи понимаются как феномен, который на уровне повседневности складывается и живет в культурной памяти, получая воплощение в фольклорных и литературных текстах, стереотипах, системе запретов и допущений и общей аксиологической и эстетической парадигме культуры. Автор статьи представляет функциональную парадигму слухов, складывающуюся из мемориальной, охранительной (цензурной), нравственной, эстетической, репутационной и властной функций, каждая из которых обуславливает продуктивность и частотность функционирования слухов в культуре в целом и в анализируемом тексте в частности. Основой для слухов становятся, по мнению автора, женские добродетели и пороки, при этом вторые оказываются значительно более актуализированными в тексте, чем первые, однако в совокупности те и другие представляют все связанные с женщинами стереотипы и полностью отражают патриархатное мировоззрение эпохи.

Ключевые слова: слухи, культура, традиция, повседневность, гендерный, женщины, рассказы, пороки, добродетели.

Для цитирования: Демидова О. Р. Слухи о женщинах в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 16–27. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_16. EDN: GTDRUR

Введение

«Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (1387) справедливо принято считать «подлинной энциклопедией английской жизни» [1, с. 287]. Не в меньшей степени они являются энциклопедией поэтических сюжетов, жанров и образов, соединяя в себе элементы куртуазной повести, бытовой новеллы, лэ, фаблю, народной баллады, дидактической поэзии, рыцарской любовной и авантюрной поэзии и пародии на все вышеперечисленные. Равным образом «Рассказы» можно рассматривать и как энциклопедию слухов о женщинах, основанных на стереотипных представлениях о сложившейся в культуре парадигме феминного в его противопоставлении маскулинному в рамках оппозиции «позитивное – негативное» (нравственных и социальных установках и табу, актуальных стереотипах, границах должного, дозволенного и недопустимого и пр.).

Слух в настоящей статье понимается как «молва, вести, <...> говор в народе, слава, огласка» [2, с. 225]. Иными словами, слух есть то, что рождается и активно функционирует в той или иной культуре, передаваясь во времени от поколения к поколению и способствуя формированию и закреплению стереотипов сквозь время. Слух – это то, что пребывает «на слуху» культуры, живет в ее памяти, передается из уст в уста и переходит из текста в текст, репродуцируясь и обрастая новыми бытовыми деталями и смысловыми вариациями в соответствии с психологией эпохи и сословия (подробнее о психологии слухов см. [3]). При этом очевидно, что первоначально слухи зарождаются, оформляются и функционируют на уровне бытовой повседневности, т. е. в фольклорных текстах (в том числе и в городском фольклоре), лишь со временем переходя в более высокий регистр текстов литературных, легитимирующих и закрепляющих их в памяти культуры (подробнее об этом см., напр., [4, с. 70–81]). Представляется, что слухи можно рассматривать как один из инструментов практик, которые М. де Серто называет «изобретением повседневности» и «искусством делать» (подробнее о теории де Серто см. [5]).

Функциональная парадигма слухов достаточно репрезентативна: кроме мемориальной, они выполняют основанную на аксиологических установках культуры цензурную (охранительную), этическую и эстетическую функции, определяя нравственные, идеологические, художественные и экзистенци-

альные границы той или иной культуры и формируя критерии типологических позитивных и негативных образов персон и событий. Особую роль играют тесно связанные друг с другом репутационная и властная функции, неотделимые от эстетической (подробнее об эстетике власти см. [6]): позитивные слухи могут использоваться как инструмент выстраивания репутации, тогда как негативные способны мгновенно разрушить ее; при этом тот, кто эти слухи распускает, становится властином судьбы тех, кто становится их объектом.

Истоки

Учитывая жизненный и творческий опыт Дж. Чосера¹, применительно к «Кентерберийским рассказам» следует говорить о нескольких культурных традициях, к которым этот текст восходит: античной; средневековой рыцарской; итальянской, французской и английской предренессансной и раннеренессансной; как высокой, так и фольклорной низовой и о весьма значительном временном периоде от античности сквозь Средневековье вплоть до раннего Возрождения, а равно и о корпусе слухов, бытовавших в этих (социо)культурных пластах в указанные эпохи. Источниками слухов о женщинах, на которых основаны рассказы паломников-персонажей Чосера, послужили для него античные авторы, средневековый эпос, рыцарский роман во всех своих изводах, христианские тексты, французская куртуазная поэзия, поэзия и проза трех великих итальянцев – Данте, Петрарки и Боккаччо [15], французский, итальянский и английский городской фольклор, а также восточные мифы и легенды в обработке античных и ренессансных авторов. И при всем этом многообразии в «Кентерберийских рассказах» очевидна типичность связанных с женщинами сю-

¹ В творчестве Чосера принято выделять три периода: французский (приблизительно до 1369 г.), итальянский (1380–1386) и английский (с 1387). В первый период Чосер – участник Столетней войны (1337–1453) попал в плен к французам и, дожидаясь выкупа, свел близкое знакомство с французскими поэтами, что позволило ему пополнить знание французской куртуазной литературы; тогда же он перевел «Роман о Розе». После возвращения из плена долгое время писал по-французски стихи для образованной знати, опираясь на французскую средневековую и раннеренессансную поэтическую традицию; написал поэму «Книга герцогини» (1369), в основе которой – понимание античного наследия как идеала. В 1370-е гг. выполнял дипломатические поручения во Франции и Италии, познакомился с итальянской культурой и литературой и стал их пропагандистом в Англии. Переводил произведения Данте, Петрарки, Боккаччо, используя их наследие в собственном творчестве, см., напр., поэму «Троил и Крессида (Хризеида)» (ок. 1385 г.), сюжет которой заимствован из куртуазной поэмы Боккаччо «Филострато». Первой англоязычной поэмой стала «Легенда о славных женщинах» (ок. 1387) – заимствованные у Овидия и Вергилия девять историй о прославленных женщинах древности; подробнее см.: [7–14].

жетных коллизий и женских образов – как положительных, так и отрицательных, с одной стороны, и становящихся предметом слухов женских добродетелей и пороков – с другой.

Добродетели и пороки

Основной женской добродетелью является покорность – отцу, брату, мужу, правителю, судьбе, Богу. Высший образец покорности – Гризельда из рассказа Студента, стойчески выдерживающая все жестокие испытания, которым подвергает ее муж, и неуклонно следующая данному накануне венчания обету: «Даю обет вам ныне – постоянно / Послушной быть и в мыслях, и в делах, / Отбросив даже перед смертью страх» [16, с. 340]. Безропотное долготерпение Гризельды сопоставляется с долготерпением Иова – и предпочтение отдается ей: «Об Иове нам много говорят, / Его смирение хвалю лестно / Возносит до небес ученых ряд. / <...> Однако если честно / Нам рассудить, то вряд ли из мужчин / Тут с женщиной сравнится хоть один» [16, с. 355]. Правда, в авторском послесловии к рассказу Студента Чосер вполне недвусмысленно обращается как к мужьям, так и к женам. Первых он предупреждает: «Не испытуйте ваших жен терпенье. / Никто Гризельды не найдет второй / В своей супруге, – в этом нет сомненья»; вторым советует: «Вы, жены, что верблюдов посильней, / Не допускайте, чтобы оскорбленья / Вам наносить решался муж-злодей. / А вы, о жены, слабые в сраженье, / Как львицы, будьте яры, день-деньской / Язык, как жернов, приводя в движенье. / Бояться мужа – глупо-го глупей: / Будь он в кольчужные закован звенья, / Стрелами острыми своих речей / Пронзишь ты и стальное облаченье. / Вяжи его и ревностью порой, – / И станет за тобой ходить он тенью» [16, с. 362–363]. Иными словами, по мнению автора, то, что молва признает женскими недостатками, следует использовать как оружие самозащиты.

Еще один образец покорности – Констанца из рассказа Юриста, уверенная в том, что «женщины для рабства рождены / И слушаться мужей своих должны» [16, с. 158]. Покорность положительных героинь дополняют физическая и духовная красота, истинная и глубокая вера, невинность до брака, хорошее воспитание, фертильность (новобрачная непременно должна зачать ребенка «с первой ночи»), плодовитость, домовитость,

скромность, добрый нрав, смирение, готовность к любым испытаниям, чистота души, для девушек и молодых женщин – разумность, для женщин пожилых и старух – мудрость. В рассказе Врача представлен образец женщины: «Багрянцем роз и белизною лилий / Украшены ее ланиты были; / Как ива, гибок был прелестный стан, / А лес кудрей златистых осиян / Лучами полыхающего Феба, / Глядящего с полуденного неба. / Но внешности, отрады из отрад, / Был нрав ее прекраснее стократ. / Все качества соединились в ней, / Которые мы ценим у людей. / Душой и телом далека от зла, / Она цветеньем девственным цвела, / Во всем воздержанна, всегда смиренна / И долготерпелива неизменно, / В нарядах, в поведении скромна, / В ответах же учтивости полна» [16, с. 236].

К женским порокам относятся болтливость («жена была болтлива, как сорока» – рассказ Мажордома, [16, с. 134]), лживость, лицемерие, злобность, завистливость, двоедушие, склонность к обману, интригам и сплетням, склочность, похотливость, жадность, ветреность, глупость. И именно эти качества зачастую становятся предметом распускаемых о женщинах слухов, см., напр., отзывы об одной из героинь в рассказе Повара: «В городе о ней ходили слухи / Как о доносчице и потаскухе» или эпилог к рассказу Купца: «Женщины полны / Обмана, лжи и всяческих уловок» [16, с. 149, 394].

Типология образов и коллизий

В «Кентерберийских рассказах», как известно, не считая автора, двадцать девять персонажей-паломников, каждый из которых должен рассказать историю по своему выбору, но, поскольку текст не завершен, рассказов только двадцать один, однако некоторые из них сопровождаются прологами и/или эпилогами. Показательно, что лишь три персонажа: Аббатиса, Батская ткачиха и Вторая монахиня-черница – женщины, а право голоса представлено только двум из них – Батской ткачихе и Монахине, рассказывающей историю св. Цецилии. Однако почти в каждом из мужских рассказов есть своя героиня, которой рассказ посвящен, а в некоторых этих героинь две или более, и почти с каждой из них связана та или иная парная, по большей части оппозиционная матримониально-бытовая гендерная сюжетная коллизия. При всем количественном многообразии коллизии эти

позволяют выстроить достаточно легко определяемую пятичастную типологию: любимый молодой муж – любимая юная жена, старый муж – молодая жена, молодой муж – старая жена, постылый муж – желанный возлюбленный (неизменно юный), постылая жена – желанная любовница. В роли возлюбленных, как правило, выступают соседи, подмастерья, студенты, монахи и другие священнослужители, в роли любовниц – соседки, жены и дочери соседей, служанки, иногда юные воспитанницы.

Своего рода *profession de foi* престарелого жениха и его идеал брака, например, предлагается в рассказе Купца, повествующего о некоем ломбардском рыцаре, в шестидесятилетнем возрасте женившемся на двадцатилетней девице: «Кто может быть нежнее, чем жена? / Кто с большим прилежаньем, чем она, / Когда ты болен, ходит за тобою? / Она готова верною рабою / Тебе служить, хотя б ты слег в кровать / С тем, чтоб до смерти больше не вставать?». При этом ценность юного возраста будущей жены обусловлена той легкостью, с которой муж сможет конструировать ее личность и диктовать линию поведения: «А девушка в твоих руках – как воск: / И сердце свежо у нее и мозг» [16, с. 367, 370]. О скрытых в самой природе подобного союза адюльтерных превратностях жених не догадывается, полностью полагаясь как на не вызывающую у него сомнений добродетельность невесты, так и на свое безусловное право подчинить будущую жену своей воле, контролируя все ее мысли, эмоции, желания и поступки.

Еще одна типология, очевидным образом выстраиваемая на основании всех текстов, – типология женских образов, как представляется, почти буквально отражающая их типологию во всех культурных традициях, на которые опирался Дж. Чосер и учитывающая те реальные (бытийные) женские типы, которые оказались наиболее частотными и продуктивными для этих традиций, т. е., наиболее полно и ярко в них представленными. Если идти в направлении от горнего к долъному, складывается следующий ряд: святая – жертва (почти достигшая святости благодаря тем горестям и испытаниям, которые она претерпела, не утратив веры и чистоты помыслов) – грешница – злодейка – изменница (долгу, обету, мужу). Возможно выстроить и более частную типологию жен: добродетельная жена – верная жена – покорная жена – неверная (по-

хотливая) жена – вздорная (непокорная) жена – жена, которая держит мужа под каблуком и использует его как пассивное орудие для достижения собственных корыстных целей. Чаще всего в рассказах речь идет о неверных и вздорных женах (см. рассказы Мельника, Мажордома, Повара, Шкипера, Купца, пролог Монаха). В рассказе Рыцаря главная героиня выступает в роли яблока раздора, становясь причиной вражды двух братьев и приводя одного из них к гибели.

Чужие и свои истории

Почти все рассказы паломников, как мужчин, так и женщин, основаны на чужих историях, которые рассказчики когда-то слышали, кроме, возможно, библейских и житийных текстов и произведений античных авторов, хранящихся в памяти тех, кому довелось учиться в церковной школе или в университете, как, например, в памяти Врача, пересказывающего историю, зафиксированную у Тита Ливия. Но в любом случае все это суть *чужие* истории, запечатленные в памяти культуры в письменном или – что чаще – устном виде и рассказанные от третьего лица. Иначе говоря, паломники в своих рассказах воспроизводят различные варианты слухов, в том числе и слухов о женщинах, активно циркулирующих в культуре и в той части сообщества, к которой каждый из них принадлежит. Об анонимности и вторичности источников их рассказов прежде всего свидетельствуют зачины, см., напр., рассказы Рыцаря («Предания давно минувших дней / Нам говорят»), Мельника («Однажды жил в Оксфорде некий плотник»), Мажордома («Под Кембриджем, в селенье Трэмпингтон / Стояла мельница»), Повара («Жил подмастерье в городе удалый»), Шкипера («Купец один в совсем недавни дни»), Продавца индulgенций («Так вот, в Брананте некогда жила / Компания повес»), Батской ткачихи («Когда-то, много лет тому назад, / В дни короля Артура»), Сквайра («В татарском граде Сарра проживал / Царь, что нередко с Русью воевал»), Купца («В стране ломбардской рыцарь жил когда-то» [16, с. 56, 112, 133, 147, 184, 248, 287, 396]). И это далеко не случайно, поскольку анонимность и выраженная временная аморфность характерны для природы слухов, словно заведомо освобождая их распространителей от ответственности за свои речи, перекладывая ее на некое коллективное сознание.

Единственное исключение составляет пролог Батской ткачихи, рассказывающей *собственную* историю от первого лица. Весьма примечательно, что эта история представляет собой своего рода аксиологический перевертыш, оправдывая все женские пороки и объявляя их добродетелями с точки зрения природы и жизненной прагматики. С одной стороны, Батская ткачиха – совокупность всех качеств слабого пола, традиционно почитаемых греховными: болтливая, похотливая, неверная, лживая, расчетливая, корыстолюбивая, продажная, коварная; она – отъявленная сплетница, притворщица, лицемерка, выпивоха; она держит нелюбимых мужей под каблуком и безжалостно манипулирует ими, обманывая их при первой представившейся возможности. И во всех этих и других грехах она вполне откровенно и без стеснения признается, ссылаясь на Ветхий и Новый заветы, античных авторов и античную же мифологию: «Дух боевой мне Марсом был отмерен, / Чувствительность – был щедрый дар Венерин. / Венера мне дала в любви покорство, / А Марс – в любви и крепость, и упорство. / Мой прадед – Минотавр, и предок – Марс мой. / Зачем любовь грехом сильна, коварством? Звезда моя велит неугомонно / Не подавлять того, к чему мы склонны» [16, с. 279]. Брак для нее – торговая сделка: от каждого из пяти мужей она «пыталась получать / <...> лучшее: мощну или сундук» [16, с. 263]; супружеские обязанности – инструмент власти над мужем; нелюбимый старый муж – источник обогащения; юный возлюбленный и желанный молодой муж – плотских утех: «Ему лет двадцать только миновало, / Мне ж было за сорок, но я нимало / Не колебалась, сохранив весь пыл, / Который и с годами не остыл. / Господь прости, была я похотлива» [16, с. 279].

С другой стороны, ее рассказ – панегирик женской изобретательности, выносливости, разумности, здравомыслию, свободолюбию, чувству собственного достоинства. В нем представлен своеобразный компендиум советов и рекомендаций женщинам: «Так слушайте, о женщины, коль разум / С невинностью не потеряли разом. / Я научу вас шашни все скрывать, / Водить всех за нос, клясться, улещать / <...> У нас, у женщин, уж такая доля. / Мы слабы, правда, но господь взамен / Нам даровал коварство для измен, / Обман и слезы. Мы оружием этим / Мужскую силу оплетем, как сетью» [16, с. 268, 273].

Представлена в ее пространном монологе и весьма нелюбимая оценка мужчин: «Да если бы мы, женщины, свой гнев, / Свое презренье к мужу собирали / И книгу про мужчину написали, – / Мужчин бы мы сумели обвинить / В таких грехах, которых не сравнить / С грехами нашими ни в коей мере». Здесь же она прямо говорит о причинах дурных слухов о женщинах, об источнике и причине публичного поношения слабого пола: «И ни один ученейший калека / Не станет женщин от души хвалить. / Да иначе оно не может быть! / Как от учености он одряхлеет, / Венере подать он платить не смеет, / Да и зачем дырявый ей башмак! / И вот тогда начнет он так и сяк / На женщин шамкать злую клевету, / Что будто бы мы любим суету / И не способны верными быть клятвам. / Еще не то налагать на нас он рад вам» [16, с. 281, 282].

И, наконец, героиня открыто заявляет о том, чего хотят женщины, будь они примером добродетели или вместилищем порока: «Все мы хотим, будь даже мы порочны, / Чтобы никто ни прямо, ни заочно / О нас дурного людям не сказал, / Но чтоб в пример нас женам называл. / А есть такие, что хотят доверье / Завоевать хотя бы лицемерьем. / Советницей и другом мужу быть, / Секреты мужа от людей хранить. / Цена их притязаниям – полушка. / Поверьте, женщина всегда болтушка. / Хранить секреты – это не для нас» [16, с. 289]. Иными словами, по мнению Батской ткачихи, женщинам нужно, чтобы их ценили такими, какие они есть, не ждали от них того, чего они в силу самой своей природы дать не могут, и не распускали о них дурных слухов.

Обсуждение и выводы

В «Кентерберийских рассказах» Чосера во всей полноте явлена оппозиция «маскулинное – феминное», отражающая гендерную парадигму тех эпох и культур, к которым автор обращался как к источникам для создания своего текста. Связанные с женщинами стереотипные представления нашли воплощение в большинстве рассказов персонажей, как мужских, так и женских, что отражает гендерные установки, в соответствии с которыми конструировалась повседневная жизнь и обыденная мораль, основанная на патриархатной картине мира. Противоположная точка зрения представлена лишь в прологе к рассказу Батской ткачихи, являющемся аксиологическим

перевертышем: рассказчица подвергает сомнению обоснованность бытующей системы ценностей и делает попытку переосмотреть гендерно ориентированные акценты, типичные для современной Чосеру европейской культуры, предлагая иной взгляд на феномены мужского и женского и (ин)варианты их проявления в повседневной жизни.

Список литературы

1. История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3. М.: Издательство «Наука», 1985. 816 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. 684 с.
3. Горбатов Д. С. Психология слухов и сплетен. СПб.: Речь, 2012. 240 с.
4. Дубин Б. В. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое Литературное Обозрение, 2001. 412 с.
5. Серто М., де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
6. Дорский А. Ю. Эстетика власти. СПб.: Алетейя, 2013. 296 с.
7. Кашкин И. А. Джеффри Чосер // Кашкин И. А. Для читателя-современника: Статьи и исследования. М.: Советский писатель, 1968. С. 227–261.
8. Brewer D. Chaucer and His World. New York: Dodd, Mead, 1978. 231 p.
9. Brewer D. Geoffrey Chaucer. The Writer and His Background. London: Boedell and Brewer Inc., 1990. 400 p.
10. Bryan W. F. (ed.). Sources and Analogies of Chaucer's "Canterbury Tales". Chicago: University of Chicago Press, 1941. 765 p.
11. Chesterton G. K. Chaucer. London: Sheed and Ward, 1959. 285 p.
12. Payne F. A. Chaucer and Menippean Satire. Madison: University of Wisconsin Press, 1981. 290 p.
13. Spurgeon C. F. E. Five Hundred Years of Chaucer Criticism and Allusion. 1357–1900. Vols. 1–3. New York: Russel and Russell, 1960.
14. Ward A. W. Chaucer. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 212 p.
15. Алексеев М. П. «Кентерберийские рассказы» и «Декамерон» // Уч. записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. 1941. – Т. 41. – С. 57–110.
16. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М.: Издательство «Художественная литература», 1973. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 30). 528 с.

Rumors About Women in Geoffrey Chaucer's "Canterbury Tales"

Olga R. Demidova

The object of the gender oriented historiosophical and philological analysis carried out in the article is the body of rumors about women active in the Renaissance Europe everyday life and presented in G. Chaucer's "Canterbury Tales". Rumor is understood as the phenomenon formed and functioning on the everyday life level and actualized in folklore and literary texts, stereotypes, the system of the permitted and the prohibited as well as in the general axiological and aesthetic paradigms of a certain culture. The author presents the functional paradigm of rumors consisting of the following functions: the me-

morial, the protective (censoring), moral, aesthetic, reputational, and the power ones, each of them conditioning the productivity and frequency of rumors in culture in general and in the text under analysis in particular. The author argues that the basis for rumors is formed by female virtues and vices, the latter being much more actualized than the former, though, taken as a whole, both of them present all stereotypes connected with women and reflect the patriarchal worldview of the epoch.

Key words: rumors, culture, tradition, everyday life, gender, women, tales / stories, vices, virtues.

For citation: Demidova, O. R. (2024) Slukhi o zhenshinakh v "Kenterberijskikh rasskazakh DzhEFFri Chosera [Rumors About Women in Geoffrey Chaucer's "Canterbury Tales"]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 16–27. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_16. EDN: GTRUR

References

1. (1985) *Istoriya vsemirnoi literatury: V 9 t.* [History of World Literature: In 9 vols.]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka". (In Russ.)
2. Dal', V. I. (1956) *Tolkovnyi slovar' zhivogo velokorussskogo jazyka: V 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols.]. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarej. (In Russ.)
3. Gorbatov, D. S. (2012) *Psikhologija slukhov i spleten* [Psychology of Rumors and Gossip]. St. Petersburg: Rech'. (In Russ.)
4. Dubin, B. V. (2001) *Slovo – pis'mo – literatura: Ocherki po sociologii sovremennoi literatury* [Word – Writing – Literature: Essays on Modern Literature Sociology]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenije. (In Russ.)
5. Serto, M. de (2013) *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [Invention of Everyday Life. 1. The Art of Doing]. St. Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v Peterburge. (In Russ.)
6. Dorsky, A. Ju. (2013) *Estetika vlasti* [The Aesthetics of Power]. St. Petersburg: Aleteia. (In Russ.)
7. Kashkin, I. A. (1968) *Dzhefri Choser* [Geoffrey Chaucer]. *Dlia chitatelia-sovremennika: Stat'ji i issledovanija* [For the Contemporary Reader: Articles and Research]. Moscow: Sovetskij pisatel'. Pp. 227–261. (In Russ.)
8. Brewer, D. (1978) *Chaucer and His World*. New York: Dodd, Mead.
9. Brewer, D. (1990) *Geoffrey Chaucer: The Writer and His Background*. London: Boydell and Brewer Inc.
10. Bryan, W. F. (ed.) (1941) *Sources and Analogies of Chaucer's "Canterbury Tales"*. Chicago: The University of Chicago Press.
11. Chesterton, G. K. (1959) *Chaucer*. London: Sheed and Ward.
12. Payne, F. A. (1981) *Chaucer and Menippean Satire*. Madison: University of Wisconsin Press.
13. Spurgeon, C. F. E. (1960) *Five Hundred Years of Chaucer Criticism and Allusion. 1357–1900*. Vols. 1–3. New York: Russel and Russell.
14. Ward, A. W. (2011) *Chaucer*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Alekseev, M. P. (1941) "Kenterberijskie rasskazy" i "Dekameron" ["Canterbury Tales" and "Dekameron"]. *Uchenye zapiski Leningradskogo pedagogicheskogo instituta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of Leningrad pedagogical institute after A. I. Hertsen]. Vol. 41. Pp. 57–110. (In Russ.)
16. Choser, Dzh. (1973) *Kenterberijskie rasskazy* [Canterbury Tales]. Moscow: Izdatel'stvo „Khudozhestvennaja literature. Biblioteka vsemirnoi literatury, Series 1. Vol. 30. (In Russ.)

Об авторе

Демидова Ольга Ростиславовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: ord55@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2281-4059.

About the author

Demidova Olga R., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy Department, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: ord55@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2281-4059.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024
Одобрена после рецензирования 09.07.2024
Принята к публикации 16.07.2024

Дискурс сексуальности в российском дворянском обществе первой половины XIX в.

О. И. Лисицына

В статье рассматривается тема сексуальной культуры в российском дворянском обществе первой половины XIX в. Исследование дискурсивных практик российского дворянства представляется значимой задачей научного анализа, поскольку ввиду жёсткой и многоуровневой цензуры (в том числе и самоцензуры), лишь немногие исторические источники данной эпохи содержат информацию о специфике сексуальности российского дворянства. Обращение же к дискурс-анализу речевых практик как таковых позволит не только лучше понять сексуальную культуру и сексуальное поведение российского дворянства, но и раскрыть механизмы, посредством которых осуществлялись одновременно конструирование сексуальной сферы жизни российского дворянства и контроль над ней. Опираясь на источники личного происхождения и художественную литературу (в том числе и «непечатную»), автор выявляет уровни дискурсивных практик о сексе и делает вывод о систематическом исключении женщин на каждом из уровней не только из «производства» дискурса, но и из какого-либо участия в нём.

Ключевые слова: сексуальность, дискурсивные практики, Российская империя, дворянское общество, цензура, власть, нормализация.

Для цитирования: Лисицына О. И. Дискурс сексуальности в российском дворянском обществе первой половины XIX в. – 2024. – № 3. – С. 28–46. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_28. EDN: IQHZV

Введение

Повседневная жизнь российского дворянства не одно десятилетие изучается в системе социально-гуманитарного знания [1]. Однако не все стороны мужской, и тем более, женской повседневности в равной степени исследованы. Отчасти причина этого кроется в слабой освещённости отдельных сторон жизни дворянства в исторических источниках. Разумеется, в первую очередь это касается сферы сексуальности, писать о которой даже в личных дневниках в исследуемый период осмеливались единицы, ведь в отношении дискурса сексуальности, по выражению Мишеля Фуко, система запретов была наиболее «уплотнена» [2, с. 52], что, в свою очередь, говорит о его особой значимости в процессе «нормализации» общества.

Но, несмотря на то что о сексуальной сфере жизни людей прошлого исторические источники зачастую сообщают значительно меньше, чем о других сторонах жизни, существует немало исследований историков, культурологов, философов и социологов по истории сексуальности. Ниже будут упомянуты лишь те из них, которые либо относятся к теоретической методологической базе данного исследования, либо связаны непосредственно с предметом исследования – дискурсом сексуальности российского дворянства первой половины XIX в.

Начиная с выхода в 1949 г. работы Симоны де Бовуар «Второй пол» [3], в историографии темы сексуальности сформировалось влиятельное направление, утверждающее социальную обусловленность полового поведения и сексуальных практик. Особая роль в формировании и легитимизации сексуальности в рамках данного направления отводилась категориям «дискурса» и «власти». Безусловно, ключевую роль в развитии подобных представлений сыграли взгляды М. Фуко, усматривавшего в сексуальности некий «конструкт», формируемый властью посредством воздействия на общественное сознание системой речевых практик о сексе [2, с. 110] с целью «нормализации» социума.

Как видим, в 1970-е гг. концепция М. Фуко «придаёт сексу форму дискурса»¹. В те же годы схожие идеи, правда в русле пересмотра психоаналитической теории, формулирует Джулиет Митчелл [4, с. 28], рассуждая о роли бессознательного

¹ Бодрийяр Ж. Забыть Фуко [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodtr/zb_fuko.php (дата обращения: 22.05.2024).

в конструировании сексуальности, которую она понимает как комплекс действующих в социуме норм или моделей поведения. Дискурсивный аспект «нормализации» сексуальной сферы жизни общества в 1980-е гг. затрагивает в своей книге [5, с. 205–206] и Андреа Дворкин, которая, анализируя механизмы мужского доминирования в обществе, среди прочего выделяет такой из них, как «власть именовать», влияющий, по её мнению, не только на восприятие, но и на формирование окружающей действительности.

В 1990-е гг. выходят исследования, полемизирующие с М. Фуко по частным вопросам, но в целом подтверждающие его концепцию «власти-знания». Одно из них – исследование Джудит Батлер [6], которая не согласна с М. Фуко, полагавшим, что «гендерное регулирование» является частным примером «более масштабных регуляционных действий власти» и утверждает, что гендер «нуждается в собственных, вполне самобытных и особых регулятивных и дисциплинарных режимах». Второе – работа Энтони Гидденса «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» [7], в которой он, с одной стороны, характеризуя современную сексуальность – в противовес «викторианской» – в категориях «сексуальной революции», явно дискутирует с М. Фуко (М. Фуко был склонен видеть между современным ему и «новоевропейским» принципами конструирования сексуальности, скорее, преемственность, нежели разрыв), с другой – сходится с ним в оценках новоевропейского дискурса сексуальности как репрессивного и подавляющего [7, с. 50], в первую очередь по отношению к женщине.

Безусловно, после преобразований Петра I и особенно в исследуемый период Российская империя мыслилась как часть Европы, поэтому можно сказать, что в известной степени все суждения исследователей о «викторианской» сексуальности справедливы и для российских реалий, однако следует сделать ряд оговорок. Во-первых, ещё до преобразований Петра I в России существовал феномен «теремного затворничества», который не был привнесён с Запада и имел под собой подтекст контроля над сексуальностью именно представительниц нобилитета. Во-вторых, в отличие от «буржуазной» Европы, в Российской империи и XVIII в., и первой половине XIX в.

в значительной степени ещё продолжали господствовать традиционные, «феодалные» ценности, в рамках которых сексуальность индивида была подчинена «задаче укрепления его семейных, родственных и иных социальных связей» [8, с. 45], но не подвергалась – по М. Фуко – столь строгой системе запретов и ограничений (особенно в условиях продолжавшего существовать крепостного права). В-третьих, несмотря на укрепление связей с Западом при Петре I, действительное восприятие европейских нравственных установок относится лишь к концу XVIII в., когда культурные контакты образованного российского общества с Западной Европой стали более массовыми, и постепенно – в том числе и через иностранных гувернёров и гувернанток – оказались восприняты такие «буржуазные» ценности, как недопустимость вмешательства в частную сферу [9, с. 9], «плюрализация и индивидуализация» жизненных стилей [8, с. 46], стремление к самостоятельному выбору брачного партнёра, с одной стороны, но и явное ужесточение половой морали, с другой. Поэтому представляется обоснованным говорить о существенных изменениях в системе морально-этических норм российского дворянства именно к концу XVIII в., а период первой половины XIX в. (вплоть до Великих реформ) воспринимать как относительно целостный в культурном отношении.

Симптоматично, что исследований сексуальной сферы жизни российского дворянства данного периода крайне мало, даже И. С. Кон [8], специально изучавший сексуальную культуру в России, об этом периоде пишет довольно кратко. Целый ряд важных работ по теме принадлежит Н. Л. Пушкарёвой, не только в целом заложившей основу изучения взаимодействия полов в отечественной исторической науке [10], но и уделившей немалое внимание проблематике сексуальной культуры в России, в том числе сфере чувств и интимных переживаний российского дворянства первой половины XIX в. [11; 12], вопросам женской сексуальности [9; 13; 14 и др.]. Также нельзя не упомянуть об исследованиях А. В. Беловой – комплексном анализе повседневной жизни российских провинциальных дворянок XVIII – первой половины XIX в. [15], в частности восприятию дворянскими девушками собственной телесности и сексуальности [16; 17 и др.]. Отдельные аспекты проблематики сексуальности также затрагивались в работах И. А. Жеребкиной [18;

19] и Н. А. Мицюк [20], а также ряде других исследователей, однако практики говорения о сексе в российской дворянской среде остаются практически неизученными.

В данной статье предпринята попытка выявить специфику дискурса сексуальности в российском дворянском обществе первой половины XIX в. на основе гендерного подхода, истории повседневности, семиотического подхода и дискурс-анализа. Концептуальной основой исследования является социокультурная концепция сексуальности, а также «гипотеза подавления» и концепция «власти-знания» М. Фуко.

Результаты

Изучение женских и мужских текстов, принадлежащих дворянской культуре, показало, что дискурс сексуальности может быть присущ только двум видам письменных источников: эгодокументам и художественной литературе, поэтому для данного исследования привлекались именно они. В свою очередь, сопоставление текстов мужского и женского авторства демонстрирует существенную разницу в дискурсах, поэтому анализ построен на сопоставлении мужского и женского письма.

В мужских текстах со второй половины XVIII в. под влиянием тенденций сентиментализма распространилась мода описывать свои «чувствования», появилось понятие «влюблённость» и начал развиваться соответствующий язык [8, с. 85]. Всё более значимое место в дискурсивных практиках стало уделяться любовным переживаниям, а также их «предмету» – женщине. Причём это в равной степени касается как литературного творчества, так и личных переживаний, отражённых в эгодокументах.

Женские же тексты и во второй половине XVIII в., и позднее продолжали оставаться значительно более сдержанными. В них выражения чувств практически отсутствуют, а описания любовных переживаний носят гораздо более формальный характер. И даже в тех случаях, когда, судя по контексту или сопоставлению фактов с другими источниками, в женских эгодокументах должен наличествовать не только любовный дискурс, но и дискурс сексуальности, тем не менее, он или отсутствует¹, или намеренно формализован [21], или тщательно завуалирован

¹ Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Из воспоминаний о моём детстве // Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 02.05.2024).

[22, л. 2 об.] Можно сказать, что именно на уровне «выведения в дискурс» любовных чувств и сексуального влечения женщины-дворянки демонстрируют значительно большую приверженность традиционным семейно-брачным ценностям, в то время как стремление к индивидуализации и проговариванию любовных переживаний остается сугубо мужской прерогативой.

Если мужской эпистолярный слог во второй половине XVIII в. претерпевал изменения, то женский, по сути, ещё лишь формировался, однако и в XIX в. подобная сдержанность будет характерной чертой «женского письма» [23], которую можно объяснить воспринятой в процессе усвоения дискурса самоцензурой. Также к концу XVIII в. начал формироваться женский интерес к литературе, причём как читательский, так и писательский. Но для многих дворянок основным языком и устного, и письменного общения на период первой половины XIX в. стал французский язык, который (в противовес русскому языку, считавшемуся языком политики, и потому «мужским») будет языком светского общения и потому «дамским» [1, с. 54–55; 76]. В связи с этим многие «модницы» были лишены возможности читать произведения русской литературы, а уж тем более писать их.

Поэтому даже многие из вполне «печатных» и «цензурных» по тем временам произведений российских авторов изначально создавались как бы «не для дам» [24] – о подобной «исключённости» дворянских девушек и даже многих женщин свидетельствует учреждение лишь в 1859 г. специализированного женского издания – журнала «Рассвет»¹. Разумеется, это вовсе не означает, что ими не читались газеты и литературные журналы [21, л. 9], но весьма симптоматичным следует признать заявление А. С. Пушкина, что женщинам, якобы, поэзия не интересна², притом, что женские тексты демонстрируют совершенно обратное³. Более того, известно, что главными поклонницами, первыми слушательницами сочинений поэта и хранительницами его рукописей были именно женщины [25, с. 233–234], но всё же многие произведения русской

¹ Водовозова Е. Н. На заре жизни [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 9.04.2024).

² Пушкин А. С. Опровержение на критики [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1031.htm?ysclid=lxwxcj9rjbr110842011> (дата обращения: 25.05.2024).

³ Ковалевская С. В. Воспоминания детства [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaaya_memoirs.htm (дата обращения: 10.04.2024).

Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Указ. соч.

классической литературы, особенно поэтические, в том числе «номинально» обращённые к женщине, создаются как бы «в обход» женской читательской аудитории. Пожалуй, одним из наиболее показательных примеров может служить творчество Д. В. Давыдова, который, даже обращаясь в своих стихах к мнимой адресатке («О пощади! Зачем волшебство ласк и слов» [26]; «Сегодня вечером увижусь я с тобою...» [27] и др.), в действительности писал явно для мужской публики, поскольку по стилистическим особенностям и смысловой нагрузке его произведения близки к многочисленным «внутримужским» поэтическим «посвящениям» [28; 29 и др.], а содержательный посыл данных и многих подобных им произведений делал их недоступными для женщин, ведь такие фразы, как «дрожь любви», и уж тем более «бешенство желанья» [26, с. 131], были совершенно «неприемлемы» для «дамского чтения», о чём будет подробно сказано ниже.

Так, внутри вышеописанного, довольно «нейтрального», любовного дискурса «вызрел» ещё один пласт речевых практик – собственно дискурс сексуальности, характеризовавшийся гораздо большей откровенностью, а в крайних его проявлениях и явной порнографичностью, обценной лексикой и гротескным сексуализированным содержанием. Разумеется, тексты такого рода были, как правило, «непечатными», да в большинстве своём и не предназначались для печати. Прежде чем проанализировать данные два пласта дискурсивных практик о сексуальности (назовём их условно «эротический» и «порнографический»), необходимо напомнить о таком важном факторе складывания и циркулирования дискурсов, как цензура. Очевидно, что грань между «пристойным» и «непристойным», как она понималась цензурой, – важный аспект для изучения принципов функционирования власти в отношении сексуальности. Но прежде следует оговориться о том, что, судя по всему, цензура не была единой. В контексте исследуемой проблемы логичным представляется выделение трёх уровней цензуры, из которых первый – государственная, второй – «частная» или «внутрисемейная», а третий – внутренняя цензура или самоцензура.

Что касается системы государственных запретов, она наиболее плотно «окутывала» две сферы – власти и сексуальности. О первой уже не раз писалось в историографии, о второй же

известно значительно меньше, однако её достаточно ёмко охарактеризовал в своих «Дневниках» А. Н. Вульф: «Смешно рассказывал Пушкин, как в Москве цензи́ровали его “Графа Нулина”»: нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как же одеть, предложили сюртук. Кофта барыни оказалась тоже соблазнительною: просили, чтобы он дал ей хотя салоп»¹. Как видим, любой сколько-нибудь сексуализированный дискурс пресекался на уровне государственной цензуры, а границы «дозволенного» были весьма узкими. Конечно, общеизвестно, что цензура лишь ужесточалась на протяжении первой половины XIX в., но следует предположить, что общая её направленность при этом оставалась неизменной (поскольку ни в николаевскую эпоху, ни ранее в России не публиковались произведения хоть сколько-нибудь эротического содержания), а ужесточившиеся требования затрагивали в первую очередь лексическую составляющую: «если б “Недоросль” явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сукою... “Что скажут дамы! – воскликнул бы критик, – ведь эта комедия может попасться дамам!”»² – писал А. С. Пушкин в своём «Опровержении на критики».

Как видим, уже на уровне государственной цензуры запреты и ограничения обосновываются таким критерием, как «пригодность» для дам и дамского чтения. Это явное «исключение» женщин из дискурса было характерно не только для государственной, но и для «частной», «внутрисемейной» цензуры, однако с некоторыми нюансами. Сам факт наличия этого уровня цензуры явствует из следующего высказывания А. С. Пушкина: «как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик»³; подтверждается это и в IV

¹ Вульф А. Н. Дневник Алексея Николаевича Вульфа. 1828–1831 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (дата обращения: 8.04.2024).

² Пушкин А. С. Опровержение на критики [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1031.htm?ysclid=lxwxf9rjbr110842011> (дата обращения: 25.05.2024).

³ Пушкин А. С. Указ. соч.

главе «Евгения Онегина», где Ленский выборочно «читает Оле нравоучительный роман» [30, с. 250]. Как видим, данные примеры демонстрируют табуирование информации на сексуальные темы, в первую очередь именно для «дев», «девушек», т. е. незамужних представительниц дворянского сословия. Действительно, для этого уровня цензуры была характерна подобная иерархия. Многие дворянки, вспоминая о своём детстве, также указывают, что их воспитание – в семье или даже вне её – было сопряжено с цензурными ограничениями чтения¹. Следует ещё раз подчеркнуть, что основанием для запретов был не столько возраст, сколько именно пол читающего. А в свою очередь, для женщин существовала уже внутренняя градация по возрасту. Так, вступление в брак явно способствовало смягчению или снятию цензурных запретов. Вот какие нюансы отмечает С. А. Толстая: «помню, я раз очень огорчилась, что Лев Николаевич написал цинично о каких-то эпизодах разврата красавицы Елены Безуховой. Я умоляла его выкинуть это место; я говорила, что из-за такого ничтожного, малоинтересного и грязного эпизода *молодые девушки будут лишены счастья читать это прелестное произведение*. И Лев Николаевич сначала неприятно на меня огрызнулся, но потом выкинул всё грязное из своего романа...» [31, с. 67]. Как видим, особенно жёсткие ограничения касались именно юных представительниц дворянского сословия.

Главным на данном уровне цензуры, безусловно, был запрет «самостоятельного» чтения девушкой романов, которые могли бы дать ей доступ хотя бы к малейшей информации на сексуальные темы и пищу для соответствующих размышлений. Симптоматично, что иных источников информации о собственной телесности и сексуальности юные дворянки также были лишены, а «чрезвычайная разборчивость» старших не только создавала постоянный «дефицит чтения»², но и делала невозможным их знакомство с большей частью вполне цензурных и печатных произведений как зарубежных, так и российских авторов. Следовательно, интересующий нас период характеризуется лишь

¹ Лабзина А. Е. Воспоминания // Российский мемуарий. [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm> (дата обращения: 17.05.2024); Стерлигова А. В. Воспоминания о Екатерининском институте. [Электронный ресурс]. URL: <http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html> (дата обращения: 25.05.2024); Францева М. Д. Воспоминания. [Электронный ресурс]. URL: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/franzeva.htm> (дата обращения: 30.05.2024); Ковалевская С. В. Указ. соч.; Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Указ. соч.

² Ковалевская С. В. Указ. соч.

ужесточением сексуальной морали через систему представлений о «пристойном», «приличном» и «разрешительном» для дам, и в особенности для девиц, причём «частная» цензура оказывалась существенно жёстче государственной. Два этих уровня цензурных запретов, безусловно, влияли и на формирование третьего: выросшие в условиях полной табуированности дискурса сексуальности российские дворянки, естественно, никоим образом не могли этот дискурс воспроизводить. Очевидно, что для мальчиков подобная система запретов и ограничений, если и существовала, то была отнюдь не такой жёсткой и безальтернативной («читал охотно Апулея, а Цицерона не читал» [30, с. 314], вспоминает о своём детско-юношеском чтении А. С. Пушкин).

Следующий пласт дискурсивных практик представлен текстами, уже непосредственно посвящёнными сексуальному поведению и сексуальным практикам. Женские тексты этой категории сводятся исключительно к источникам личного происхождения, крайне редки и, что важно, говорят о сексе эвфемистически, не включаясь в дискурс сексуальности как таковой. Мужские эгодокументы также немногочисленны, однако отдельный интерес представляет «мужская» художественная литература этой категории.

Одними из самых ярких примеров источников личного происхождения этой категории могут служить «Записки» М. П. Загряжского и «Дневники» А. Н. Вульфа, в которых тема сексуального поведения не только непосредственно представлена, но и играет важную роль в повествовании. «Однажды она сидела у меня на коленях, держась левой рукой за шею... Я правой держал её за талию, а левой своевольничал далее и далее. Оба не знали, что делали. Один поцелуй произвел необыкновенное восхищение, какого в мою жизнь еще не бывало. Чувства нежной страсти разлились с головы до пят»¹, – пишет в конце XVIII в. Михаил Загряжский; «Софья становится нежнее со мною, я от этого в замешательстве: мне не хотелось бы на его (мужа Софьи, барона А. А. Дельвига – О. Л.) счёт гулять, а другого средства нет, чтобы избежать опасности, как не ходить ни к нему, ни к Анне Петровне (Керн, с которой А. Н. Вульф также состоял в любовных отношениях – О. Л.), что мне весьма

¹ Загряжский М. П. Записки [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (дата обращения: 02.04.2024).

тяжело <...> Софья была ещё нежнее: что будет – будет»¹, – сетует в конце 1820-х гг. Алексей Вульф. Как видим, в текстах, созданных мужчинами, не только они сами, но и дворянские женщины предстают значительно более сексуально раскрепощёнными, чем это следует из их собственных эгодокументов.

В то же время сами дворянки по возможности вовсе избегают касаться вопросов столь «непристойного» характера, (причём, по всей видимости, эта особенность распространялась не только на письмо, но и на устную речь), а если и затрагивают данный аспект в своих текстах, то демонстрируют либо отрицание собственной телесности и потребности в сексуальной жизни: «...он... был уничтожен благородным и гордым её отпором, как низкий ухаживатель за чужой уже женой»²; либо собственную сексуальную непросвещённость: «ему казалось весьма естественным, чтобы 18-летняя девушка, *не имеющая понятия о любви*, отдалась человеку, который пользуется её расположением» [32, с. 46]; либо отвращение к телесному и сексуальному: «я не знаю *скотской любви*, и Боже меня спаси знать её, а я хочу любить чистой и непостыдной любовью»³. При этом и демонстративное отсутствие чувственности, и полная сексуальная непросвещённость самими дворянками – даже много лет спустя – осмысляются и оцениваются в своих мемуарах чаще всего в позитивном ключе, как неоспоримые «добродетели» или же «деликатность»⁴. Видимое исключение составляют мемуары Е. Н. Водовозовой, всё же дающие негативную коннотацию своей и чужой сексуальной непросвещённости⁵, но очевидно, это связано с тем, что данный текст создавался уже в пореформенный период, хоть и повествует о событиях первой половины XIX в., а для самой Е. Н. Водовозовой критика сексуальной непросвещённости является лишь частью критики «институтской» системы образования как таковой.

Такая ситуация наглядно демонстрирует воздействие «двойственной модели»⁶ сексуального поведения на формирование системы ценностных установок и морально-этических норм.

¹ Вульф А. Н. Указ. соч.

² Францева М. Д. Указ. соч.

³ Лабзина А. Е. Указ. соч.

⁴ Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Указ. соч.

⁵ Водовозова Е. Н. Указ. соч.

⁶ Муравьёва М. Г. История сексуальности // Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/094.htm> (дата обращения: 02.05.2024).

В обществах, где распространены подобные «двойные стандарты», мужчина и женщина, как правило, не только живут в разных системах представлений о допустимом и недопустимом в сексуальной сфере, но ещё и на женщину возлагается функция «морального контролёра» общества, что заставляет её тщательно следить за соблюдением принятых в обществе норм и ограничивать не только собственную чувственность, но и сексуальность мужчины.

Следующий пласт дискурса, выделяемый из предыдущего, представляет собой наиболее яркий пример обозначенной двойственности – речь идёт о категории так называемых «непечатных», «экспрессивных» поэтических произведений, которые, используя формулировку их первого издателя в Женеве в 1879 г., можно обозначить как литература «не для дам» [24], хотя, как мы уже убедились, практически вся литература того времени предназначалась «не для дам», но здесь речь пойдёт уже о произведениях нарочито фривольного, «озорного» (и по большей части подчёркнуто-эротического или порнографического) характера, каковые писали и А. С. Пушкин [29; 33], и М. Ю. Лермонтов¹, и значительно менее известные авторы, «специализировавшиеся» на сочинении исключительно «непечатных» произведений – И. С. Барков, А. Полежаев и многие другие. Данный пласт литературы свидетельствует о существовании достаточно хорошо развитого и проработанного дискурса сексуальности, создаваемого, однако, исключительно мужчинами и существующего в сугубо мужской среде, ведь в контексте вышесказанного не вызывает сомнений, что женщины не только не писали ничего подобного, но и ни при каких обстоятельствах не читали такого рода сочинения, а следовательно, не владели соответствующим дискурсом.

В альбоме А. П. Керн А. С. Пушкин написал показательное в данном контексте четверостишие о И. С. Баркове, демонстрирующее обозначенную «исключённость» женщины из дискурса сексуальности: «Не смею вам стихи Баркова // Благопристойно перевести // И даже имени такова // Не смею громко произнести!»² Изучение источников мужского сексуального просве-

¹ Лермонтов М. Ю. Сашка [Электронный ресурс]. URL: http://mirknig.mobi/data/2013-06-09/1383723/Lermontov_Sashka.1383723.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

² Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Указ. соч.

щения не входит в задачи данного исследования, но, очевидно, ключевыми факторами, обеспечивающими возможность формирования такого пласта дискурсивных практик о сексе, следует назвать их возможность свободного общения с представителями крестьянства (как с мужчинами, так и с женщинами, причём последние часто становились для них и первыми сексуальными партнёрами [8]), отличающимися достаточно непосредственным восприятием сексуальной стороны жизни, и возможность обсуждения сексуальных тем в кругу сверстников, и значительно более свободный доступ к литературному наследию, в том числе и античному.

Как видим, дискурс сексуальности в российской дворянской культуре не был единым и монолитным. В проговаривании любовных чувств, эротических переживаний и сексуального опыта можно явственно различить три уровня: во-первых, тексты о любви и любовных переживаниях, которых в связи с влиянием сентиментализма в рассматриваемый период становится особенно много; во-вторых, тексты, повествующие об эротических переживаниях, о собственном или чужом сексуальном опыте; в-третьих, экспрессивные тексты нарочито сексуального или порнографического характера. Так, можно заключить, что дискурс сексуальности был довольно хорошо развит в российской дворянской культуре, несмотря на жёсткие цензурные ограничения. Однако, следует предположить, что подобное его «расслоение» ставило своей целью то, что М. Фуко назвал «прореживанием» говорящих субъектов. Причём, происходило оно по двум ключевым критериям – возраста и пола, из которых последний был явно более значимым и принципиальным. Иными словами, в российской дворянской культуре происходит исключение женщины не только из «производства» дискурса сексуальности, но даже из какого-либо участия в нём.

Всё это, безусловно, существенно усиливало различия мужского и женского письма, а также вело к явной рассогласованности того, что М. М. Бахтин назвал «телесным низом» и «духовным верхом» [34]. Безусловно, такая разница существовала не только в женских и мужских практиках говорения о сексуальном, но и внутри мужского дискурса. Об этом явствует наличие проанализированных выше пластов или уровней дискурса сексуальности, но наиболее показательным может служить

пример применения различных «языков любви», когда речь идёт об одном и том же человеке. Проследим, как, в зависимости от контекста, А. С. Пушкин высказывается об А. П. Керн. Общеизвестно, что именно её в своём знаменитом стихотворении [35] поэт называет «мимолётным виденьем» и «гением чистой красоты», формируя некий «публичный» дискурс; в то же самое время в рамках дискурса «приватного», «закрытого», вдобавок «мужского» (в письмах друзьям-мужчинам – А. Н. Вульффу, С. А. Соболевскому) поэт между делом упоминает «*m-me Kern*, которую с помощью божией... на днях [*y...б*]¹», и называет её «Вавилонской блудницей»². Разумеется, данный пример далеко не единственный, но он наиболее ярко свидетельствует о поляризации дискурсов сексуальности, имевших место в системе речевых практик о сексе в российской дворянской среде первой половины XIX в. В каком-то смысле это можно назвать различием между «публичным» и «приватным» дискурсами сексуальности.

Обсуждение и выводы

Итак, в рассматриваемый период система речевых практик о сексе в рамках дворянского сословия развивается в двух различных направлениях. Одно из них, будучи сугубо «мужским», являет собой пример экспрессивного, в большей или меньшей степени непосредственного и откровенного речевого процесса, обладающего соответствующей лексикой (которая зачастую могла быть инвективной и обценной), толерантным отношением к проявлениям своей и чужой (но, как правило, всё же, только мужской) чувственности; второе же, частично открытое женщине, но обычно лишь как «объекту» мужских эротических переживаний, оказывалось более «легитимным», всеобщим, но сильно формализованным и эвфемистическим.

Очевидно, что женщины не только не принимали участия в первом из них, но были из него сознательно исключены и поставлены в жесткие моральные рамки соответствующей их полу модели сексуального поведения, в том числе и речевого. В наиболее невыгодном положении оказывались девушки-

¹ Письмо А. С. Пушкина к С. А. Соболевскому. Вторая половина февраля 1828 г. из Петербурга в Москву [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.lit-info.ru/pushkin/pisma/252.htm> (дата обращения: 25.05.2024).

² Письмо А. С. Пушкина к А. Н. Вульффу от 7 мая 1826 г. из Пскова или Острова в Дерпт [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.lit-info.ru/pushkin/pisma/193.htm> (дата обращения: 25.05.2024).

дворянки: им позволялось читать только то, что заведомо исключало сколько-нибудь значимую информацию о сексуальном, и это блокировало для них фактически единственный возможный способ сексуального просвещения и познания своей и чужой телесности. В целом и «серьёзная» русская литература ориентировалась в большинстве своём на мужского читателя, а что читать барышне, за неё должны были решать те, кто занимался её воспитанием (и чаще всего таким «контролёром» морали в данный период оказывалась гувернантка).

В качестве ключевого механизма, осуществляющего процедуры «исключения» из дискурса, следует обозначить цензуру, которая осуществлялась на трёх уровнях: государственном, «частном» (или «внутрисемейном», когда старшие родственники или воспитатели брали на себя функцию «моральных контролёров») и «внутреннем», причём есть основания полагать, что зачастую, каждый последующий уровень был «жестче» предыдущего.

Как видим, изучение дискурсивных практик о сексе в российской дворянской среде, помимо прочего, позволяет лучше осознать культуру и повседневную жизнь российского дворянства, глубже понять мотивы создания тех или иных литературных произведений, специфику выбора тематики и особенностей художественного повествования.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 2008. 412 с.
2. Фуко М. Воля к знанию (История сексуальности, Т. I) // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
3. Бовуар С. де. Второй пол / пер. с фр. Т. I, II. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
4. Лауретис Т. Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 23–47.
5. Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования. Ч. II... С. 199–219.
6. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / пер. с англ. Е. Князевой. Минск: Прополис, 2000. С. 297–346.
7. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. 208 с.
8. Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: ОГИ., 1995. 464 с.
9. Пушкарева Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 2 (47). – С. 3–18.
10. Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. – 1998. – № 6. – С. 74–83.
11. Пушкарева Н. Л. «Милый Алексей Николаевич» (флирт и любовь русского дворянина начала XIX века) // Родина. 1996. № 3. С. 67–73.

12. Пушкарева Н. Л., Экштут С. А. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина начала XIX века // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 178–204.
13. Пушкарева Н. Л. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре до и после великих реформ XIX века // Вестник пермского университета. Серия история. 2013. № 1. С. 43–55.
14. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М.: Ломоносовъ, 2012. 203 с.
15. Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с.
16. Белова А. В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. – 2006. – № 4 (41). – С. 45–63.
17. Белова А. В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. – 2007. – № 2 (16). – С. 3–18.
18. Жеребкина И. А. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России // Гендерные исследования. Харьков. – 1998. – № 1. – С. 155–209.
19. Жеребкина И. А. «Прочти моё желание...»: Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 256 с.
20. Мицок Н. А. Средства контрацепции в повседневной жизни российских дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2014. – № 2. – С. 49–68.
21. Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 119.
22. РГАЛИ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 282.
23. Белова А. В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII – первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 49–55.
24. Eros Russe. Русский эрот не для дам. (Женева, 1879) / Худож. В. Флиссак. СПб.: Фирма «Ольга», 1993. 206 с.
25. Письмо С. М. Дельви́г к А. Н. Семеново́й от 13 октября 1824 г. цит. по: Модзалевский Б. Л. Пушкин, Дельви́г и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельви́г // Пушкин и его современники. Избранные труды. СПб., 1999. С. 233–234.
26. Давыдов Д. В. Элегия VIII (О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов) // Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1959. С. 131.
27. Давыдов Д. В. Решительный вечер // Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1959. С. 140.
28. Давыдов Д. В. Бурцову (Призывание на пунш) // Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1959. С. 76–77.
29. Пушкин А. С. Юрьеву // Брак холостит душу / Александр Пушкин. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 36–37.
30. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. С. 186–354.
31. Толстая С. А. Моя жизнь // Октябрь. – 1998. – № 9. – С. 52–87.
32. Ржевская Г. И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 33–66.
33. Пушкин А. С. Гаврилиада // Брак холостит душу / Александр Пушкин. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 130–165.
34. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
35. Пушкин А. С. К*** // Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 1. С. 351.

The Discourse of Sexuality in the Russian Noble Society of the First Half of the 19th Century

Ol'ga I. Lisitsyna

The article is devoted to the problem of the discourse of sexuality in the Russian noble society of the first half of the 19th century. The study of the discursive practices of the Russian nobility seems to be a significant task of scientific research, because in the conditions of strict and multilevel censorship (including self-censorship), only a few historical sources of this era contain information about the specifics of the sexuality of the Russian nobility, an appeal to the discourse analysis of speech practices as such will not only allow a better understanding of sexual culture and sexual behavior the Russian nobility, but also to reveal the mechanisms, through which the sexual sphere of life of the Russian nobility was simultaneously constructed and controlled. Relying on sources of personal origin and fiction (including "obscene") the author identifies the levels of discursive practices about sex and concludes about the systematic exclusion of women at each level not only from the "production of discourse", but also from any participation in it.

Key words: sexuality, discursive practices, Russian Empire, noble society, censorship, power, normalization.

For citation: Lisitsyna, O. I. (2024) Diskurs seksual'nosti v rossijskom dvoryanskom obshchestve pervoj poloviny XIX veka [The Discourse of Sexuality in the Russian Noble Society of the First Half of the 19th Century]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 28–46. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_28. EDN: IQIHZV

References

1. Lotman, Yu. M. (2008) *Besedi o russkoi kulture: bit i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: the life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)
2. Fuko, M. (1996) *Volya k znaniyu (Istoriya seksualnosti, T. I)* [The Will to Knowledge (History of Sexuality, Vol. I)]. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboti raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works from Different Years]. Moscow: Kastal. (In Russ.)
3. Bovuar, S. de. (1997) *Vtoroi pol* [The Second Sex]. Moscow: Progress; St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)
4. Lauretis, T. (2001) *Amerikanskii Freid* [American Freud]. *Vvedenie v gendervie issledovaniya. Ch. II: Khrestomatiya* [Introduction to Gender Studies. Part II: Reader]. Ed. S. V. Zherekkin. Kharkov: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteiya. Pp. 23–47. (In Russ.)
5. Dvorkin, A. (2001) *Pornografiya. Muzhchini obladayut zhenshchinami* [Pornography. Men Possess Women]. *Vvedenie v gendervie issledovaniya. Ch. II* [Introduction to Gender Studies. Part II]. Pp. 199–219. (In Russ.)
6. Batler, Dzh. (2000) *Gendernoe bespokoistvo* [Gender Anxiety]. *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of Gender Theory]. Minsk: Propilei. Pp. 297–346. (In Russ.)
7. Giddens, E. (2004) *Transformatsiya intimnosti. Seksualnost, lyubov i erotizm v sovremennikh obshchestvakh* [Transformation of Intimacy. Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies]. St. Petersburg. (In Russ.)
8. Kon, I. S. (1995) *Seksualnaya kultura v Rossii. Klubnichka na berezke* [Sexual Culture in Russia. Strawberry on a Birch Tree]. Moscow: OGI. (In Russ.)
9. Pushkareva, N. L. (2008) *Seksualnost v chastnoi zhizni russkoi zhenshchiny (X–XX vv.): vliyaniye pravoslavnogo i etakratcheskogo gendernikh poryadkov* [Sexuality in the Private Life of Rus-

sian Women (10th – 20th Centuries): The Influence of Orthodox and Etacritic Gender Orders]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 2 (47). Pp. 3–18. (In Russ.)

10. Pushkareva, N. L. (1998) *Gendernii podkhod v istoricheskikh issledovaniyakh* [Gender Approach in Historical Research]. *Voprosi istorii* [Questions of History]. No. 6. Pp. 74–83. (In Russ.)

11. Pushkareva, N. L. (1996) «*Milii Aleksei Nikolaevich*» (*flirt i lyubov russkogo dvoryanina nachala XIX veka*) ["Dear Alexei Nikolaevich" (flirtation and love of a Russian nobleman of the early 19th century)]. *Rodina* [Rodina]. No. 3. Pp. 67–73. (In Russ.)

12. Pushkareva, N. L., Ekshtut, S. A. (1996) *Lyubovnie svyazi i flirt v zhizni russkogo dvoryanina nachala XIX veka* [Love affairs and flirtation in the life of a Russian nobleman at the beginning of the 19th century]. *Chelovek v krugu sem'i: Ocherki po istorii chastnoi zhizni v Yevrope do nachala novogo vremeni* [A person in the family circle: Essays on the history of private life in Europe before the beginning of Modern times]. Ed. Yu. L. Bessmertny. Moscow: Izd-vo RGGU. Pp. 178–204. (In Russ.)

13. Pushkareva, N. L. (2013) *Zhenshchina i zhenskoe v traditsionnoi russkoi seksualnoi kulture do i posle velikikh reform XIX veka* [Woman and Feminine in Traditional Russian Sexual Culture Before and After the Great Reforms of the 19th Century]. *Vestnik permского университета. Seriya istoriya* [Bulletin of Perm University. History Series]. No. 1. Pp. 43–55. (In Russ.)

14. Pushkareva, N. L. (2012) *Chastnaya zhizn russkoi zhenshchiny v XVIII stoletii* [Private Life of Russian Women in the 18th Century]. Moscow: Lomonosov. (In Russ.)

15. Belova, A. V. (2010) «*Chetire vozrasta zhenshchiny*»: *Povsednevnyaya zhizn russkoi provintsialnoi dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* ["Four Ages of a Woman": Everyday Life of a Russian Provincial Noblewoman of the 18th – Mid-19th Centuries]. St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)

16. Belova, A. V. (2006) *Devichestvo rossiiskoi dvoryanki XVIII – serediny XIX v.: telesnost, seksualnost, gendernaya identichnost* [Maidenhood of a Russian Noblewoman of the 18th – Mid-19th Centuries: Corporality, Sexuality, Gender Identity]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 4 (41). Pp. 45–63. (In Russ.)

17. Belova, A. V. (2007) *Russkaya devushka-dvoryanka: seksualnost i gendernaya identichnost (XVIII – pervaya polovina XIX vv.)* [Russian noblewoman: sexuality and gender identity (18th – first half of the 19th centuries)]. *Novii istoricheskii vestnik* [New historical bulletin]. No. 2 (16). Pp. 3–18. (In Russ.)

18. Zherebkina, I. A. (1998) *Strast: zhenskoe telo i zhenskaya seksualnost v Rossii* [Passion: the female body and female sexuality in Russia]. *Gendernie issledovaniya* [Gender studies]. Khar'kov. No. 1. Pp. 155–209. (In Russ.)

19. Zherebkina, I. A. (2000) «*Prochti moyo zhelanie...*»: *Postmodernizm, psikhoanaliz, feminizm* ["Read my desire ...": Postmodernism, psychoanalysis, feminism]. Moscow: Ideya-Press. (In Russ.)

20. Mitsyuk, N. A. (2014) *Sredstva kontratsepsii v povsednevnoi zhizni rossiiskikh dvoryanok na rubezhe XIX–XX vekov* [Contraception in Everyday Life of Russian Noblewomen at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»* [Vestnik of TvSU. History Series]. No. 2. Pp. 49–68. (In Russ.)

21. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art] (hereinafter – RGALI). F. 10. Op. 1. D. 119.

22. RGALI. F. 7. Op. 2. D. 282.

23. Belova, A. V. (2001) *Zhenskaya epistolyarnaya kultura i dvoryanskaya povsednevnost v Rossii kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Women's Epistolary Culture and Everyday Life of the Nobles in Russia in the Late 18th – First Half of the 19th Century]. *Rossiiskie zhenshchiny i yevropeiskaya kultura* [Russian Women and European Culture]. Proceedings of the 5th Conference on the Theory and History of the Women's Movement. Compiled and edited by G. A. Tishkin. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. Pp. 49–55. (In Russ.)

24. (1993) *Eros Russe. Russkii erot ne dlya dam.* (*Zheneva, 1879*) [Russian Eros is not for ladies. (Geneva, 1879)]. Artist V. Flissak. St. Petersburg: Firma «Olga».

25. (1999) *Pismo S. M. Delvig k A. N. Semenovoi ot 13 oktyabrya 1824 g. tsit. po: Modzalevskii B. L. Pushkin, Delvig i ikh peterburgskie druzya v pismakh S. M. Delvig* [Letter from S. M. Delvig to A. N. Semenova, October 13, 1824. cited from: Modzalevsky B. L. Pushkin, Delvig, and Their St. Petersburg Friends in the Letters of S. M. Delvig]. *Pushkin i yego sovremenniki. Izbrannie trudi* [Pushkin and His Contemporaries. Selected Works]. St. Petersburg. Pp. 233–234. (In Russ.)

26. Davidov, D. V. (1959) *Elegiya VIII (O, poshchadi! Zachem volshebstvo lask i slov)* [Elegy VIII (Oh, have mercy! Why the magic of caresses and words)]. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel. P. 131. (In Russ.)

27. Davidov, D. V. (1959) *Reshitel'nyi vecher* [Decisive Evening]. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel. P. 140. (In Russ.)

28. Davidov, D. V. (1959) *Burtsovu (Prizivanie na punsh)* [To Burtsov (Call for Punch)]. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel. Pp. 76–77. (In Russ.)

29. Pushkin, A. S. (2017) *Yurevu* [To Yuryev]. *Brak kholostit dushu* [Marriage bachelorizes the soul]. Moscow: Izdatel'stvo AST. Pp. 36–37. (In Russ.)

30. Pushkin, A. S. (1985) *Yevgenii Onegin* [Eugene Onegin]. *Sochineniya. V 3-kh t. T. 2. Poemi; Yevgenii Onegin; Dramaticheskie proizvedeniya* [Works. In 3 volumes. Vol. 2. Poems; Eugene Onegin; Dramatic works]. Moscow: Khudozhestvennaya literature. Pp. 186–354. (In Russ.)

31. Tolstaya, S. A. (1998) *Moya zhizn* [My Life]. *Oktyabr* [October]. No. 9. Pp. 52–87. (In Russ.)

32. Rzhavskaya, G. I. (2008) *Pamyatnie zapiski* [Memorable notes]. *Institutki: Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnikh devits* [Institute girls: Memories of pupils of institutes for noble maidens]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 33–66. (In Russ.)

33. Pushkin, A. S. (2017) *Gavriliada* [Gavriliada]. *Brak kholostit dushu* [Marriage bachelorizes the soul]. Moscow: Izdatel'stvo AST. Pp. 130–165. (In Russ.)

34. Bakhtin, M. M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednekovovaya i Renessansa* [The Works of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literature. (In Russ.)

35. Pushkin, A. S. (1985) *К*** [К***]*. *Sochineniya. V 3-kh t. T. 1* [Works. In 3 volumes. Vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literature. P. 351. (In Russ.)

Об авторе

Лисицына Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет, г. Тверь, Российская Федерация; e-mail: olglisitsyna@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0001-1872-7262

About the author

Lisitsyna Ol'ga I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Tver State University, Tver, Russian Federation; e-mail: olglisitsyna@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0001-1872-7262

*Статья поступила в редакцию 14.06.2024
Одобрена после рецензирования 30.07.2024
Принята к публикации 8.08.2024*

Особенности семейно-бытовой повседневности якутского казачества во второй половине XIX – начале XX в.

А. С. Чертков

В статье с позиций культуры повседневности анализируются особенности социально-бытовых процессов, происходивших в служилой среде казачьего населения – пришлых из сибирских городов казаков, присоединивших огромную территорию Северо-Востока Азии к Русскому государству и их потомков, внесших существенный вклад в освоение региона. На конкретных примерах, в том числе архивных источниках и свидетельствах политических ссыльных – участников экспедиций, автор делает выводы об увеличении в конце XIX – начале XX в. числа социально-смешанных браков и складывании в большей степени метизированного казачьего сословия, когда браки русских казаков с якутскими женщинами стали обычным явлением, а в «казачье звание» из-за нехватки штатной численности команд принимались люди из других сословий. Данные явления способствовали изучению русскими казаками автохтонных языков, восприятию традиций и обычаев аборигенных племен и родов. Исследованные категории казачьей повседневности – семья, жилище, пища, одежда – служили основой быденной жизни казачества, влиявшие на развитие данного сословия в рассматриваемый исторический период.

Ключевые слова: казаки, якутское казачество, казачья повседневность, служилые люди, Русское государство, Северо-Восток Азии, инородцы, метизация, семейные отношения, культурно-бытовые традиции.

Для цитирования: Чертков А. С. Особенности семейно-бытовой повседневности якутского казачества во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 47–65. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_47. EDN: JQJKPA

Введение

В 1630-х гг., с отправкой в Якутск первых казачьих отрядов начался период организованной колонизации богатыми землями и пушнинами региона Северо-Востока Азии, приведения под «высокую государеву руку» местных племен и родов. Властные институты Русского феодального государства были заинтересованы в сохранении здесь служилого сословия как опоры ясачного режима.

Проникнув в Ленский край и выстроив здесь на основных реках систему острогов, казаки в поисках промысловых угодий всюду навязывали царскую власть местным родам, князьки которых вынуждены были присягать (шертовать) новому порядку. Служилые люди набирались в казачьи сотни из енисейских, тобольских и березовских команд и подлежали ротации. В силу разных причин не все из них возвращались в исходные пункты дислокации: часть из них оседали в Якутской области, создавали семьи, формируя тем самым местное казачье население, заметно отличающееся по своим культурно-бытовым качествам от других сословий. Однако нехватка служилых для реализации растущего круга обязанностей по выполнению разнообразных служебных функций (сопровождение ссыльных, транспортировка грузов, участие в научных экспедициях и др.) и, как следствие, недокомплект штатной численности в казачьих командах приводили к размыванию этих сословных границ: в казаки принимали представителей любых сословий, а также новокрещенных из местных родов.

Служилые люди постепенно переходили к оседлому образу жизни, заводили хозяйство, при этом из-за недостатка женщин русские казаки женились на якутках, овладевали местными языками, перенимали обычаи и традиции инородческого населения края. Данные процессы оказали существенное влияние на изменение физического типа, языковых и других культурно-бытовых особенностей некогда целостного казачьего сословия, привнеся в них значительный местный акцент и колорит.

Дореволюционные и советские историки рассматривали служилых людей, якутских казаков исключительно с позиций проводников политики царского правительства в регионе, сквозь призму несения ими служебных полицейских обязанностей.

Историография исследуемого вопроса в контексте культуры повседневности казачьего сословия региона не изобилует

большим количеством трудов. Вопросы образования, быта, языка и культуры казачества затрагивались в исследованиях политссыльных В. И. Иохельсона [1], И. И. Майнова [2], известны факты общения и духовного влияния на вилюйских казаков Н. Г. Чернышевского [3], в защиту колымских казаков писал С. И. Мицкевич, рассказавший об их тяжелом хозяйственном положении и невыгодной пожизненной службе [4]. Статью Н. Матюнина об организационном устройстве Якутского казачьего полка во второй половине XIX в. [5] и очерк А. И. Маныкина-Невструева, исследовавшего служебное и хозяйственное состояние местных казаков [6], следует считать редкими специальными работами о потомках первых служилых людей, продолжавших нести воинскую службу в Якутской области.

Современная историография насчитывает небольшое число изданий, соответствующих данной тематике. В их ряду отметим работы: В. А. Афанасьева [7, с. 116–119], где рассматриваются вопросы создания казачьих училищ; С. Е. Мостахова [8], Д. А. Шириной [9, с. 57] о географических открытиях с участием местных казаков; Ф. Г. Сафронова [10], исследовавшего служебную деятельность русских служилых людей; А. С. Черткова, изучившего быт и духовную культуру якутского казачества [11].

В числе современных исследований различных сфер казачьей повседневности следует отметить работы Е. В. Годовой [12], Н. Б. Акоевой [13], А. П. Скорика и Л. И. Щербаковой [14] и др. Вопросы семейно-бытовой повседневности якутского казачества в данных трудах не рассматривались.

Методологической основой статьи послужили труды Н. Л. Пушкаревой [15], разработавшей методологию изучения теории повседневности как исторического направления, а также исследования В. А. Веременико и С. В. Любичанковского [16], Л. П. Репиной [17] и др. Междисциплинарный анализ ключевых категорий казачьей повседневности – жилище, пища, одежда представлен в статье А. П. Скорика и Л. И. Щербаковой, где сказано, что «аналитические подходы к изучению социовитальных институтов казачьей повседневности нацелены на необходимость учитывать процессы преемственности в топохронной эволюции казачества как социальной и культурно-этнической группы» [14, с. 38–39]. Исследуя мир повседневности, пишут Т. А. Шебзухова, Н. Г. Бондаренко, «снимается дилемма между

случайным и необходимым», «позволяет обрести методологическую автономию от естествознания, но и обратиться к проблеме смысла как главного принципа объяснения действий людей, их мыслей и намерений» [18, с. 44]. В исследовании применены проблемно-хронологический, ретроспективный и статистический методы обработки и обобщения эмпирического материала.

Документальной базой статьи явились архивные материалы, хранящиеся в региональных и научных архивах. Основной объем источников выявлен в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС(Я)), в фонде Якутского пешего городского казачьего полка (Ф. 401). В нем содержатся распоряжения областного начальства по управлению иррегулярным войском, приказы и отчеты атаманов, формулярные списки казачьих команд, ведомости, расписки, служебные записки, жалобы казаков и др. Архивные источники, характеризующие семейные отношения в казачьих семьях, культуру повседневности местных народов, обнаружены нами в отчетах-наблюдениях политических ссыльных – участников научных экспедиций по изучению края в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), в фонде Восточного-Сибирского отдела Русского географического общества (Ф. 293), а также в архиве Якутского научного центра СО РАН, в фонде Института языка, литературы и истории (Ф. 5).

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей семейно-бытовой повседневности якутского казачества в изучаемый период. Задачи исследования состоят в определении причин и динамики процесса метизации в служилой среде, обеспеченности казаков ключевыми категориями казачьей повседневности.

Гипотеза исследования предполагает, что произошедшие в якутской казачьей среде трансформационные процессы, приведшие к тому, что большинство казаков переняли культуру и традиции аборигенных народов, были выгодны как самим казакам, так и местному населению, а также администрации края и царскому правительству в силу их естественного характера. Вместе с тем не стоит обольщаться кажущимся консенсусным состоянием достигнутых отношений между якутскими казаками и якутским населением, которые всецело зависели от русского царя и торгово-экономических интересов в крае

феодалного государства, чью волю обязаны были выполнять местные служилые команды.

Результаты

В XVII – первой четверти XIX в. служилое сословие последовательно играло важную роль в процессах присоединения, освоения Северо-Востока Азии: в качестве сборщиков с податного населения ясака, в обустройстве острогов, казачьих зимовий и постов, транспортировке ссыльных и грузов; администрацией края были востребованы навыки казаков по поддержанию общественного порядка, оказанию помощи в проведении различных экспедиций по изучению огромных северных пространств. Однако со второй половины XIX в. значение служилого сословия в крае неуклонно снижается, наблюдается недокомплект численного состава казачьих команд, сокращение их служебных функций, главными из которых оставались препровождение и охрана ссыльных, охранная и караульная служба.

Всего в 1857 г. казачьего населения Якутской области вместе с отставными казаками и их семьями насчитывалось 2374 чел. (1203 душ м. п. и 1171 ж. п.) [19], а в 1906 г. оно сократилось на 953 чел. и составляло 1421 чел. обоего пола [20].

Значительное влияние на развитие социально-культурных процессов в служилой среде Ленского края оказало состояние материальной стороны их быта: жилищно-бытовые, социальные условия существования семей, процессы метизации пришлого русского населения казаков с местными народами. Согласно правительственным установлениям, казаки находились в двойственном положении «воина-пахаря», при котором они обязаны были относить воинскую повинность, выполняя возложенные на них служебные функции по охране общественного порядка, политических ссыльных и одновременно выполнять хозяйственные функции – обеспечивать свои семьи пропитанием при отсутствии стабильного жалованья и времени на ведение хозяйства, так как главы семей постоянного находились на службе, в дальних командировках и разъездах [11, с. 91].

Процессы социальной дифференциации не минули и служилое сословие, привилегированность которого перед другим населением выражалась в обеспеченности денежным, хлебном довольствием, наделением земельными участками. Неуклонный

процесс смешения русских казаков с аборигенными родами привел в массе своей к стиранию русского физиологического типа, культурных особенностей и части сословных перегородок. В большей степени указанные явления проявились в семейно-брачных отношениях у казаков, которые из-за нехватки своих соплеменниц по роду и вере заключали браки с местными женщинами.

В XVII–XVIII вв. на прииски новых северо-восточных земель снаряжались одинокие казаки, которые вынуждены были вступать в браки с местными женщинами, так как их недостаток в казачьей среде всегда был ощутим. Во второй половине XIX в. ситуация несколько меняется, но и она не позволяла существенно улучшить гендерную диспропорцию в казачьей среде. В 1888 г. в казачьих командах Якутской области из 1 305 чел. обоего пола мужское население составляло 54,2, женское – 45,8 %, из этого количества вычитаем 586 детей обоего пола и получаем, что на одного казака (60,8 %) приходилось 0,64 женщины (39,2 %). Данное соотношение мужчин и женщин приводило к снижению количества браков и одновременно стимулировало создание социально-смешанных брачных пар. Семейные казаки составляли в 1850-х гг. 57,6 % сословия, в 1891 г. – 50,4, в 1908 г. – 76,8 % [21; 22]. Таким образом, можно утверждать, что казачье сословие края подверглось активной метизации со стороны аборигенного населения, а смешанные браки стали обычным явлением.

При рассмотрении семейных отношений в казачьем сословии выявляется непосредственная зависимость количества брачных пар от социально-экономических условий проживания и хозяйственного состояния служилых людей. На численность семейных служилых влияли частные командировки казаков в отдаленные команды края (что не давало возможности главам семейств заниматься разными видами промыслов), обеспеченность земельными, сенокосными наделами, разный уровень жизни в округах, зависящий от удаленности от областного центра или ярмарочных мест.

Статистические данные за 1907–1908 гг. позволяют определить количество семей в казачьих сотнях Якутского пешего городового казачьего полка, команды которого располагались не только в городах, но и отдаленных улусах и острогах Якутской области. На самую дальнюю Колымскую команду приходится самый

большой процент семейных казаков – 93,9 %. Такому положению имеет объяснение: при отсутствии удобного для поездок регулярного транспортного сообщения колымских жителей, обеспеченность продуктами питания была хронической, а хлебное довольствие и денежное жалование казаков, которое выдавалось пусть и с задержками, становилось важным стимулом для заключения браков и имело значительную экономическую ценность, что побуждало казаков заключать не только социально-однородные, но и социально-смешанные браки. Управляющий казачьей Колымской командой еще в 1851 г., отвечая встречным донесением на требование атамана полка из Якутска перевести туда нескольких казаков, писал, что «отправлять некого, так как холостых и малосемейных в здешней команде нет».

В Якутской и Вилюйской казачьих командах хлебное довольствие не имело ярко выраженного экономического значения, так как в центральных улусах Ленского края существовали дополнительные заработки и возможности. Факторов, поощряющих деторождение, здесь было меньше, что и приводило к увеличению числа одиноких казаков. Наибольший процент бессемейных казаков приходится на Олекминскую – 50,8 и Верхоянскую – 41,7 % команды. При относительной дешевизне хлеба, по сравнению с другими улусами, олекминские казаки не имели возможности выгодно продать свой продуктовый паек, а сравнительная обеспеченность населения округа землей затрудняла казакам сдачу своих наделов в аренду и получение за них дополнительного дохода.

Малое количество брачных пар в Верхоянской команде явилось результатом искусственного регулирования численности служилых в этом округе, где отбывали ссылку разные категории ссыльных. Областное начальство переводило сюда провинившихся неугодных нижних чинов полка как в место, где выполнять служебные обязанности было на порядок сложнее. Такой контингент служилых, как правило, не был обременен семьями, так как постоянный страх перевода в другую команду являлся для этого одним из сдерживающих факторов. На невысокий уровень количества казачьих семей в Верхоянске влияли дороговизна и ограниченность продовольствия, поставляемого в этот округ, а самое главное – отсутствие условий и времени для осуществления различных промыслов, так как

казаки обязаны были постоянно находиться на службе. Данные обстоятельства приводили к тому, что верхоянские служилые, судя по их жалобам начальству, «претерпевали в пропитании крайние недостатки» [23]. Цены на продукты питания здесь были высокими, а с февраля по июнь приобрести их было невозможно, так как отсутствовало транспортное сообщение, затем начиналась распутица и наступал голодный период времени для всех жителей округа.

Тяжелые экономические условия существования в северных условиях, постоянная зависимость от своевременности и полноты выдачи жалованья за выполнение служебных заданий серьезным образом сказывались на деформации семейно-брачных отношений у служилого сословия. Согласно Уставу о сибирских городских казаках 1822 г., на каждого мальчика, роившегося в казачьей семье, родители получали половину хлебного пайка взрослого мужчины, а с семилетнего возраста – полный паек. На родившихся девочек эта льгота не распространялась. Однако закон разрешал «приживать» детей других сословий, которые тотчас причислялись в «казачье звание», чем и пользовались неимущие казаки в надежде заполучить паек.

Нарушение семейного уклада в казачьих семьях наглядно проявлялось во время голодовок, случившихся, например, на Колыме в 1861 и 1869 гг. Колымский исправник по этому поводу отмечал: «Недостаточность питания довела жителей казачьего сословия до того, что родители смотрят на незаконные сожития своих дочерей с чисто практической стороны. Девушки, рожающие сыновей, на которых полагается провиант, пользуются даже особым уважением родителей и не пренебрегаются обществом, девушки же, имеющие несчастье родить дочерей, находятся в загоне. Такое распределение любви родителей объясняется ничем иным, как только бедностью и голодом» [24]. Экономические причины толкали на добровольные сожительства жен казаков, у которых не было своих детей, с «детными» казаками. Последний давал обязательство мужу казачки, что его жена «родит паек». В случае успешного осуществления плана он целый год получал в виде гонорара паек за новорожденного, а в обратном случае или, если рождалась девочка, «детный» казак платил в виде неустойки свой полный месячный паек семье, с которой был заключен такой договор.

Размер казачьего жалованья вполне обеспечивал прожиточный минимум одного казака. Содержать же на него большое семейство было крайне трудно. Под влиянием этого обстоятельства казачьи семьи представляли собой сложное социальное явление: структура казачьих семей была неоднородной по составу и численности.

Материалы подворной переписи 1885 г. позволяют определить, что многочисленными у казаков следует считать семьи из 3–4 чел., что составляло 34,2 % населения сословия. Почти столько же приходилось на семьи из 5–6 чел. (30,2 %), далее следуют семьи из 7–10 и более чел. (19,7 %) и из 2-х чел. (15,7 %). Преобладающей формой семьи являлась так называемая малая семья, состоявшая из двух или трех поколений людей – выходцев из казачьего сословия.

Демографическое несоответствие между мужским и женским населением в казачьей среде приводило к частичному сокращению доли социально-однородных браков и одновременно к увеличению числа социально-смешанных браков. Стремление казаков выйти из сословия и покончить с обременительной 25-летней службой, «не приносящей никакого дохода», заставляло их жениться на якутках или приживать в своих семьях детей от якутов, что давало хоть малую, но возможность на причисление к податному сословию.

Процесс расширения ареала брачных контактов русских казаков с женщинами из числа местных родов начался в XVII в., когда служилым людям было дозволено брать в жены новокрещенки. Под воздействием целого ряда социально-экономических факторов, выравнивающих культурно-бытовые различия казаков с другими сословиями и коренными народами, происходит этническая ассимиляция части русского и якутского народов, оказавшихся в силу исторических обстоятельств полезными друг другу в едином социокультурном пространстве.

Общность условий для выживания в суровых северных реалиях, тесные хозяйственные, брачные связи русских и якутов привели к тому, что ко второй половине XIX в. физический тип потомков казаков-первопроходцев подвергся сильному метизационному воздействию со стороны тюркского этноса. К тому времени нередко были картины, когда казаки, находившиеся в окружных центрах, слабо напоминали собой русских –

«до того форма головы, склад лица и многие другие физические признаки выдавали их за инородцев», – писал участник этнографической «Сибиряковской» экспедиции Императорского Русского географического общества (РГО) В. И. Иохельсон [1, с. 1–37]. Участник этнографической экспедиции Восточно-Сибирского отдела РГО ученый-этнолог И. И. Майнов, исследуя данную проблему, указывал, что причины этих явлений «исходили из неприглядного социального положения якутских казаков, бедности, отсутствия образования» [2, с. 2].

Несмотря на активные процессы метизации, среди казаков сохранился и русский физический тип. В медицинских описаниях внешнего облика якутских служилых зачастую встречались следующие данные о таком человеке: «Лицо белое, глаза карие и голубые, волосы темно-русые, носы средние, говорят по-русски чисто». При этом рост казаков, достигших двух аршин и шести вершков (168,88 см.), считался большим, чуть ниже этого – средним. В 1852 г. в Якутской казачьей команде из 250 чел. 76 казаков считались людьми «большого роста».

Увеличение межнациональных браков в служилой среде привело к своеобразной, смешанной по физическому типу культуре, языку и обычаям части русского и якутского населения. Данное явление, сопровождаемое взаимным проникновением отдельных хозяйственных и культурных традиций обоих народов, привело к тому, что большого различия в образе жизни казачества и местных жителей не было. Революционер-демократ и публицист Н. Г. Чернышевский, отбывавший в 1871–1874 гг. ссылку в Вилюйском остроге, отмечал исторически сложившую общность якутов и русских, где он наблюдал «наполовину русские, наполовину якутские житейские обычаи» [3, с. 537–538].

Как следствие, это отразилось и на уровне владения казаками языков других народов. Русские люди начали активно осваивать якутский язык в период первоначального прибытия на «украинную землю». Причинами успешности данной лингвистической практики стала та «первоначальная необходимость», которая двигала промышленными интересами русских служилых людей и казаков к последовательному приведению «под высокую государеву руку» приращенных земель, освоению их природных богатств. Н. Г. Чернышевский по этому поводу, например, отмечал, что вилюйские казаки так сбли-

зились с коренными жителями, что «или вовсе позабыли русский язык, или меньшинство из них говорят по-русски плохо, и то лишь с посторонними, а в своих семьях исключительно по-якутски» [3, с. 645]. Позднее участник Ленско-Колымской экспедиции 1909 г., астрофизик, гидролог Е. Ф. Скворцов подтвердил вывод революционного демократа, когда выделял казачье сословие как наиболее податливое в языковом отношении якутскому влиянию: «Потомки покорителей Сибири между собою даже предпочитают объясняться на якутском языке» [25, с. 9]. Необходимо заметить, что и якутский язык в свою очередь впитал массу русских слов: шел процесс взаимного влияния двух языков, представители которых силою торгово-экономических отношений стали сосуществовать в едином социокультурном пространстве.

Об уровне развития культуры повседневного быта казачества можно судить по степени обеспеченности их жилищно-бытовыми условиями, которые непосредственным образом сказывались на нормализации хозяйственной и семейной жизни домохозяев. Служилым людям выплачивалось, вплоть до 1878 г. ежегодное квартирное довольствие, однако оно не способствовало обзаведению собственного жилья, а в большинстве случаев уходило на оплату «обывательских квартир». Согласно постановлению Якутского областного правления от 12 декабря 1870 г., казаки начали «участвовать в платеже квартирного сбора наравне с другими домовладельцами сообразно со своим состоянием» [26]. Данное правило ухудшило материальное положение рядовых казаков, так как холостые казаки получали на покрытие проживания в 11 раз, а семейные – в пять раз меньше собратьев, занимающих высшие чины в таблице о рангах в полку.

Возможно, данные меры областного правления возымели действие и сказались на росте обеспеченности домами служилых края: уже в начале 1870-х гг. наблюдается постепенное увеличение числа казаков – собственников жилья. Так, если в 1848 г. в собственности казаков Якутской команды насчитывалось 46 домов, ими владело лишь 21,4 % личного состава, то в 1871 г. в этой же команде на долю служилых казаков приходилось 55 домов, на долю отставных – 44 дома, что составляло 33 % от общего количества домовладельцев города.

Важным показателем приспособляемости к бытовой культуре коренных народов Ленского края русскими служилыми людьми является заимствование навыков возведения жилых и хозяйственных построек якутского типа. В свою очередь якутские жители перенимали у казаков их строительные традиции. Пришедшие на новые земли казаки сооружали жилища двух типов: первый – русский дом, сложенный из горизонтально уложенных бревен с русской, а иногда и по голландскому образцу печью; второй – якутская юрта, представляющая собой сооружение в виде усеченной пирамиды из вертикально поставленных и обмазанных снаружи «плах» (жердей), снабженная для обогрева традиционным якутским камельком. Больше всего построек обоего вида было в казачьих командах, располагавшихся в Вилюйске и в Среднеколымске, где казачье сословие преобладало в численной структуре населения. Однако больше всего жилых казачьих построек русского типа в 1907–1908 гг. было в Якутской команде – 141 дом. В Колымской команде казаки отстроили 50 домов, а в Верхоянской – 4 дома. Другой тип жилья – якутская юрта – был характерен для казачьих домохозяев городов: Якутска – 44 юрты, Вилюйска – 35 и Верхоянска – 11 сооружений. Наиболее обеспеченными рубленными домами были колымские казаки – 78,8 %, меньше всего – верхоянские – 12,5 % от численности казачьего сословия местных команд. Служилые и отставные казаки Колымской, Якутской и Олекминской команд строили дома преимущественно русского типа. В Верхоянской (45,8 %) и Вилюйской (59,6 %), наоборот, преобладающим типом постройки являлась якутская юрта. Всего в Якутском казачьем полку в 1907–1908 гг. обеспеченность домами составляла 47,3 %, юртами – 28,9 % [27, с. 19]. Для ведения хозяйства служилые и отставные казаки сооружали «надворные» постройки – хлева, сараи. Самым распространенным типом вспомогательных сооружений в то время были амбары для хранения вещей и продуктов.

Получая жалкое квартирное довольствие, не имея других доходов ввиду постоянной занятости на службе, казаки встречали затруднения в содержании своих домов, которые становились «обременительны». Во время различных, порой длительных командировок по региону, «не имея собственных свободных средств отапливать дом в зимний период», казаки нанима-

ли для этого якутов, которые проживали здесь же или в хозяйственных постройках. Совместное проживание в одном жилище хозяина-собственника и бездомных приглашенных семей беднейшей части якутского населения привело к распространению в казачьей среде своеобразного социального явления – «дюккашества», являвшегося по существу скрытой формой эксплуатации наемных работников [11, с. 96]. Платой за пользование жильем становился труд дюккаков, выполнявших самые разнообразные хозяйственные работы.

Для лучшей организации сезонных работ по хозяйству казаки, владевшие жилыми строениями, имели один зимний и небольшой летний дом (заимку) или юрту, который использовали как дачу в удобное для ловли рыбы или охоты время года. Так описывает А. Гедеонов повседневную жизнь колымских казаков на заимках: «В кое-как наскоро сколоченным из неотесанных бревен балагане проводит колымчанин страдное время. Ни печи, ни камина, ни кроватей в такой урасе не полагается. Он спит на земле, редко на досках... Богатые имеют дома, перевозят на заимку мебель, победнее – делают к своему балагану пристройку (белый дом), где вы найдете камин, пол и кровать-нары. Пол устлан свежей душистой хвоей лиственницы и все чисто и опрятно» [28, с. 116–152].

Обеспеченность казаков домашним имуществом и одеждой – также один из индикаторов культуры повседневности, который напрямую зависел от уровня хозяйственной состоятельности казачьих семей. Значительное влияние на наличие этих компонентов быта оказывали процессы имущественной дифференциации и межэтнического взаимодействия русских казаков с местными народами.

Имущество рядовых казаков и отставных было скудным, в достатке жили высшие чины полка и те из них, кто сумел различными способами «добыть» больше пушнины или другого товара. Отметим, как свидетельство разумного приспособления к местным северным условиям наличие традиционной одежды аборигенного народов в гардеробе казачьих семей.

Служилое сословие края переняло у инородцев и собственные им способы приготовления пищи, что говорит о влиянии культурно-бытовых традиций аборигенных народов на русские гастрономические предпочтения. Казаки

стали по-якутски готовить мясо, рыбу, якуты же стали больше солить добытый улов, что способствовало лучшей сохранности продуктов. Участник Вилюйской экспедиции Р. Маака политический ссыльный А. Павловский в «Заметках о Вилюйском крае» приводит любопытные сведения о растениях, которые начали употреблять в пищу местные жители после знакомства с русскими: хрен, щавель, черноголовник (ымыях), аптекарскую кашку (эрбесин) и др. [29]. Ссыльный В. Е. Горинович в рукописи «Пища якутов», одобренной Э. К. Пекарским, указывал на то, что якуты переняли у русских казаков приготовление заварки для чая из растения затуран («судуран»), которое прессовали в компактную массу, незаменимую в дальних путешествиях [30]. Якуты и русские переняли друг у друга различные способы приготовления лекарственных средств для лечебных целей.

Обсуждение и выводы

По мере продвижения первых служилых людей на земли коренных народов Северо-Востока Азии в XVII – первой четверти XIX в. и создания острожной системы расселения казачьих команд в возведенных укреплениях по берегам северных рек, происходит закрепление в регионе русского населения. В силу неизбежности соседства в местах, удобных для занятия земледелием и различными промыслами, ведения хозяйства, обороны от воинственно настроенных племен, происходят процессы взаимного влияния культур русских и местных родов, приведшие к созданию смешенного в этническом и социокультурном плане русско-якутского населения.

Ввиду огромной удаленности от административных центров Сибири, задержки выплаты жалования, дефицита удобных для хлебопашества земель, промысловых участков казачье сословие Ленского края и других казачьих команд региона находилось в сложных социально-бытовых условиях, которые способствовали ускорению процессов метизации служилых людей, изучению ими аборигенных языков, восприятию традиций и обычаев северных культур. Данные условия повседневности способствовали ломке сословных перегородок казачьего сословия – принятию «в казаки» представителей других сословий, что непосредственным образом воздействовало на измене-

ние структуры казачьих семей, ускорило процессы этнокультурного взаимодействия с местным населением региона.

Выявленные категории казачьей повседневности региона в исследуемый период – семья, жилище, пища, одежда – показывают, что происходившие внутри сословия семейно-бытовые процессы отвечали интересам феодального государства, так как способствовали закреплению в местах службы казаков, отправляемых в Якутскую область из ряда сибирских областей, были выгодны самим казакам, переходившим к оседлому образу жизни в городах, а также и местному населению, видевшему в русских служилых людях гарантию стабильности охраны порядка в населенных пунктах их дислокации и получившие возможность поступать на воинскую службу, пользуясь казачьими привилегиями в виде жалования и различного вида довольствия.

Список литературы

1. Иохельсон В. И. Заметки о населении Якутской области в историко-географическом отношении // Землеведение. – 1895. – Вып. 2. – С. 1–37.
2. Майнов И. И. Помесь русских с якутами // Русский антропологический журнал. – 1900. – № 4. – 30 с.
3. Чернышевский Н. Г. Письма. Полн. собр. соч. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. Т. XIV. С. 537–538; 645, 688.
4. Мицкевич С. И. Очерки Колымской жизни // Восточное обозрение. – 1902. – № 151.
5. Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского пешего казачьего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871 год. СПб.: Якутский обл. статистический ком., 1871. С. 39–177.
6. Манькин-Невструев А. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1883. 78 с.
7. Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. 344 с.
8. Мостахов С. Е. Сподвижники путешественников и исследователей (Участие местного населения в географическом изучении Северо-Востока Сибири в XVII – начале XX в.). Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. 211 с.
9. Ширина Д. А. Отечественная наука и изучение Якутии в XVIII – начале XX вв. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. Якутск: Якутское книжное издат-во, 1987. С. 57.
10. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1978. 258 с.
11. Чертков А. С. Якутское казачество во второй половине XIX – начале XX вв. М: Контакт РЛ, 1996. 184 с.
12. Годовова Е. В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 382 с. EDN WIQDMS.
13. Акоева Н. Б. Повседневная жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX вв. Славянск-на-Кубани: Изд. центр СГПИ, 2011. 243 с.
14. Скорик А. П., Щербакова Л. И. Социовитальные институты казачьей повседневности: категориально-понятийный анализ // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 37–52. – DOI 10.19181/vis.2023.14.3.3. EDN LRTOIC.

15. Александров В. А., Власова И. В., Пушкарева Н. Л. Русские: этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. 189 с. EDN RRFOHT.

16. Веремко В. А., Любичанковский С. В. От Н. Л. Пушкаревой до Н. Л. Пушкаревой: современная историография истории женской повседневности в России // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – № 3(46). – С. 85–94. – DOI 10.17072/2219–3111–2019–3–85–94. EDN ACUNRH.

17. Репина Л. П. Практики историописания в пространстве межкультурного взаимодействия // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2022. – № 2(32). – С. 114–129. – DOI 10.21638/srbu19.2022.208. EDN HWWVSGW.

18. Шебзухова Т. А., Бондаренко Н. Г. Исторические аспекты повседневности и методологические проблемы исторического познания. Пятигорск: ООО «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2023. 160 с. EDN MVSQTL.

19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 4. Д. 50.

20. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее НА РС(Я)). Ф. 343. Оп. 1. Д. 36.

21. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 60.

22. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 77.

23. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 98.

24. Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9.

25. Скворцов Е. Ф. Ленско-Колымская экспедиция 1909 года: (доложено отделениями Географии Математической и Географии Физической И. Р. Г. О. 16 ноября 1910 г.) // ИИРГО. – 1914. – Т. 50. – Вып. 7. – 32 с.

26. НА РС(Я). Ф. 493. Оп. 1. Д. 26.

27. Казачье население Якутской области: статистико-экономический очерк составлен Канцелярией Якутского областного статистического комитета. СПб.: Тип. Мин-ва Вн. Дел, 1909. 93 с.

28. Геденов А. За Северным полярным кругом: от Якутска до Колымска // Русское богатство. – 1896. – № 6. – С. 116–152.

29. Государственный архив Иркутской области (далее ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 768.

30. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 749.

Peculiarities of Family and Everyday Life of the Yakut Cossacks in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries

Aleksey S. Chertkov

The article, from the perspective of everyday culture, analyzes social and everyday processes that took place in the service environment of the Cossack population – Cossacks who came from Siberian cities, annexed the vast territory of North-East Asia to the Russian state, and their descendants, who made a significant contribution to the region development. Using specific examples, including archival sources and testimonies of political exiles – participants of expeditions, the author draws conclusions about the increase of the number of socially mixed marriages and formation of a more mixed-race Cossack class in the late 19th – early 20th centuries, when marriages of Russian Cossacks with Yakut women became commonplace, and people from other classes were accepted into the “Cossack rank” due to a lack of staffing levels. These phenomena contributed to the study by Russian Cossacks of autochthonous languages, the perception of traditions and customs of aboriginal tribes and clans. The studied categories of Cossack everyday life – family, housing, food, clothing – served as a basis for the Cossacks daily routine, influencing the development of this class in the historical period under consideration.

Key words: cossacks, Yakut Cossacks, cossack everyday life, service people, Russian state, North-East Asia, foreigners, cross-breeding, family relations, cultural and everyday traditions.

For citation: Chertkov, A. S. (2024) Osobennosti semeino-bytovoi povsednevnosti yakutskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Peculiarities of Family and Everyday Life of the Yakut Cossacks in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 47–65. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2024_3_47. EDN: JQJKPA

References

1. Iokhel'son, V. I. (1895) *Zametki o naselenii Yakutskoi oblasti v istoriko-geograficheskom otnoshenii* [Notes on the population of the Yakut region in historical and geographical terms]. *Zemlevedenie* [Earth Science]. Vyp. 2. Pp. 1–37. (In Russ.)
2. Mainov, I. I. (1900) *Pomes' russkikh s yakutami* [A cross between Russians and Yakuts]. *Russkii antropologicheskii zhurnal* [Russian Anthropological Journal]. Moscow: Tipolitografiya A. V. Vasilevicha i K. No. 4. (In Russ.)
3. Chernyshevskii, N. G. (1949) *Pis'ma* [Letters]. *Poln. sobr. soch.* [Full composition of writings]. Moscow. Vol. XIV. Pp. 537–538; 645, 688. (In Russ.)
4. Mitskevich, S. I. (1902) *Ocherki Kolymskoi zhizni* [Essays on Kolyma life]. *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Outlook]. No. 151. (In Russ.)
5. Matyunin, M. (1877) *O pokorenii kazakami Yakutskoy oblasti i sostoyanii Yakutskogo kazach'ego peshego polka* [About the conquest of the Yakut region by the Cossacks and the condition of the Yakut Cossack foot regiment]. *Pamyatnaya knizhka Yakutskoy oblasti na 1871 god* [Memorial book of the Yakut region for 1871]. St. Petersburg: Yakutskiy obl. statisticheskii kom. Pp. 39–177. (In Russ.)
6. Manykin-Nevstruev, A. (1883) *Zavoivateli Vostochnoi Sibiri yakutskie kazaki* [Conquerors of Eastern Siberia, Yakut Cossacks]. Moscow: Univ. tip. (M. Katkov) Publ. (In Russ.)
7. Afanas'ev, V. F. (1966) *Shkola i razvitie pedagogicheskoi mysli v Yakutii* [School and development of pedagogical thought in Yakutia]. Yakutsk: Yakutknigoizdat. (In Russ.)
8. Mostakhov, S. E. (1966) *Spodvizhniki puteshestvennikov i issledovatelei (Uchastie mestnogo naseleniya v geograficheskom izuchenii Severo-Vostoka Sibiri v XVII – nachale XX vv.)* [Companions of travelers and researchers (Participation of the local population in the geographical study of the North-East of Siberia in the 17th – early 20th centuries)]. Yakutsk, Yakutknigoizdat. (In Russ.)
9. Shirina, D. A. (1987) *Otechestvennaya nauka i izuchenie Yakutii v XVIII – nachale XX vv.* [Domestic science and the study of Yakutia in the 18th – early 20th centuries]. *Istoricheskie svyazi narodov Yakutii s russkim narodom* [Historical connections of the peoples of Yakutia with the Russian people]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdat-vo. P. 57. (In Russ.)
10. Safronov, F. G. *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII-seredine XIX v.* [Russians in North-East Asia in the 17th – mid-19th centuries.]. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ.)
11. Chertkov, A. S. (1996) *Yakutskoe kazachestvo vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Yakut Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. Moscow, Kontakt RL. Pp. 110–119. (In Russ.)
12. Godovova, E. V. (2020) *Povsednevnyaya zhizn' rossiiskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Daily life of the Russian Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.)
13. Akoeva, N. B. (2011) *Povsednevnyaya zhizn' kazach'ego naseleniya Yuga Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Daily life of the Cossack population of the South of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. Slavyansk-on-Kuban]. Slavyansk-na-Kubani: Izd. tsentr SGPI. (In Russ.)
14. Skorik A. P., Shcherbakova L. I. (2023) *Sotsioivital'nye instituty kazach'ei povsednevnosti: kategorial'no-poryatiinyi analiz* [Sociovital institutions of Cossack everyday life: categorical and conceptual analysis]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 14. No. 3. Pp. 37–52. (In Russ.)

15. Aleksandrov, V. A., Vlasova, I. V., Pushkareva, N. L. (1995) *Russkie: etnoterritoriya, rasselenie, chislennost' i istoricheskie sud'by (XII–XX vv.)* [Russians: ethnoterritory, settlement, numbers and historical destinies (12th – 20th centuries)]. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN. (In Russ.)
16. Veremenko, V. A., Lyubichankovskii, S. V. (2019) *Ot N. L. Pushkarevoi do N. L. Pushkarevoi: sovremennaya istoriografiya istorii zhenskoi povsednevnosti v Rossii* [From N. L. Pushkareva to N. L. Pushkareva: modern historiography of the history of women's everyday life in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Perm University. History]. No. 3 (46). Pp. 85–94. (In Russ.)
17. Repina, L. P. (2022) *Praktiki istoriopisaniya v prostranstve mezhkul'turnogo vzaimodeistviya* [Practices of historical writing in the space of intercultural interaction]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 2 (32). Pp. 114–129. (In Russ.)
18. Shebzukhova, T. A., Bondarenko, N. G. (2023) *Istoricheskie aspekty povsednevnosti i metodologicheskie problemy istoricheskogo poznaniya* [Historical aspects of everyday life and methodological problems of historical knowledge]. Pyatigorsk: OOO «Reklamno-informatsionnoe agentstvo na KMV». (In Russ.)
19. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGLA). F. 1263. Op. 4. D. 50.
20. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya)* [National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)] (hereinafter – NA RS (Y)). F. 343. Op. 1. D. 36.
21. NA RS (Y). F. 401. Op. 1. D. 60.
22. NA RS (Y). F. 401. Op. 1. D. 77.
23. NA RS (Y). F. 401. Op. 1. D. 98.
24. *Arkhiv Yakutskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk* [Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. F. 5. Op. 1. D. 9.
25. Skvortsov, E. F. (1914) *Lensko-Kolymyskaya ekspeditsiya 1909 goda: (dolozheno otdeleniyami Geografii Matematicheskoi i Geografii Fizicheskoi I. R.G.O. 16 noyabrya 1910 g.)* [Lena-Kolyma expedition of 1909: (reported by the departments of Geography of Mathematics and Geography of Physical I. R. G. O. on November 16, 1910)]. *IIRGO (Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva)* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 50. Iss. 7. (In Russ.)
26. NA RS (Y). F. 493. Op. 1. D. 26.
27. (1909) *Kazach'e naselenie Yakutskoi oblasti: statistiko-ekonomicheskii ocherk sostavlenn Kantselyariei Yakutskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta* [Cossack population of the Yakut region: a statistical and economic essay compiled by the Office of the Yakut Regional Statistical Committee]. St. Petersburg: Tip. Min-va Vn. Del. (In Russ.)
28. Gedeonov, A. (1896) *Za Severnym polyarnym krugom: ot Yakutsk do Kolymka* [Beyond the Arctic Circle: from Yakutsk to Kolymsk]. *Russkoe bogatstvo* [Russian wealth]. No. 6. Pp. 116–152. (In Russ.)
29. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (dalee GAIO)* [State Archive of the Irkutsk Region] (hereinafter – GAIO). F. 24. Op. 7. D. 9.
30. GAIO. F. 293. Op. 1. D. 749.

Об авторе

Чертков Алексей Сергеевич, кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация; e-mail: alexchertkov@list.ru; ORCID ID: 0009-0004-9990-2887

About the author

Chertkov Aleksey S., Candidate of Historical Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russian Federation; e-mail: alexchertkov@list.ru; ORCID ID: 0009-0004-9990-2887

*Статья поступила в редакцию 15.05.2024
Одобрена после рецензирования 12.07.2024
Принята к публикации 17.07.2024*

Гендерные аспекты советской культурной революции 1920–1930-х гг. среди курдов

А. О. Победоносцева-Кая

Роль женщин в курдских революционных движениях Сирии и Турции привлекла к себе значительное внимание в последние годы. Этот феномен – активно борющихся за социальное и национальное освобождение женщин курдского общества – имеет параллели в ранней советской истории и даже может быть с ней связан. Советское общество выстраивалось в процессе культурной революции, целью которой было преобразование самого мышления и культурных рамок в направлении социального освобождения угнетенных масс и национальной эмансипации этнических групп многонациональной бывшей Российской Империи. В этой связи советская политика развивала модерную национальную идентичность нерусских народов СССР. В контексте культурной революции и построения социализма женщины рассматривались как движущая сила первостепенного значения. Более того, в отсутствии многочисленного класса пролетариата в мусульманских обществах СССР они, по замечанию Грегори Массела, становились «суррогатным пролетариатом». Это переосмысление роли женщин в обществе требовало соответствующих мер в области массовой культуры и просвещения. Одним из инструментов распространения новых идей и практик стала визуальная пропаганда борьбы за новую жизнь в социалистическом государстве, прежде всего в советском Закавказье средствами разных жанров искусства: в живописи, скульптуре, кинематографе.

Ключевые слова: курды, езиды, Курдистан, Турция, СССР, культурная революция, национальное строительство, женский вопрос.

Для цитирования: Победоносцева-Кая А. О. Гендерные аспекты советской культурной революции 1920–1930 гг. среди курдов // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 66–86. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_66. EDN: MBSOBS

Введение

Целый ряд недавних фильмов о роли женщин в вооруженных конфликтах («Вдалеке»¹, «Девушки Солнца»², «Красный змей / Сестры по оружию»³ и мн. др.) создали образ героини-курдянки, которая в составе боевых подразделений воюет с экстремистскими салафитскими группировками в Сирии или Ираке. Другим примером такой воинственной эмансипации является видеоклип⁴ курдской певицы Хелан Абдулла из Ирана. В клипе, съемки которого проходили вблизи расположения лагеря экстремистов⁵, обыгрывается милитаристская атрибутика. Начало этой тенденции к максимальному экспонированию роли женщин в курдском движении положили пропагандистские материалы Рабочей партии Курдистана (РКП) в 1980-х гг. В рядах этой партии действительно находилось немало женщин, но руководство оставалось в руках мужчин⁶. Впрочем, несмотря на традиционно консервативный характер курдского общества, в нем парадоксальным образом издавна присутствовали и воинственный образ курдской женщины.

Иными словами, традиции активного участия курдской женщины в революционных движениях – вероятно, более активного чем у большинства народов региона – сложились задолго до вышеперечисленных событий. Учитывая левую политическую ориентацию крупнейших курдских организаций и использование ими социалистических, в т. ч. советских идеологических материалов, советская эмансипация женщин, осуществлявшаяся как часть общей национальной политики СССР, не могла не повлиять на их позицию. Но советская политика в отношении курдов как одной из национальностей советского Закавказья представляла собой особенно сложный случай советской национальной политики в силу социально-

¹ Leyla Toprak (реж.). “Uzak mi?” (2015). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt5468164> (дата обращения: 01.04.2024).

² Eva Husson (реж.). “Les filles du soleil” (2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt6704880> (дата обращения: 01.04.2024).

³ Caroline Fourest (реж.). “Soeurs d’armes” (2019). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt7858472> (дата обращения: 01.04.2024).

⁴ Helly Luv. “Revolution” (2015). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fLMtTQsiW6I> (дата обращения: 01.04.2024).

⁵ Crowcroft O. Iraq: Kurdish star Helen Abdulla shells Isis forces in her glossy music video. *IBTimes*. 2015.05.22. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/iraq-kurdish-star-helen-abdulla-shells-isis-forces-glossy-music-video-1502496> (дата обращения: 01.04.2024).

⁶ Как это видно в новостном сюжете из курдского лагеря в Ливане, см. Подготовка партизан в лагере курдов в Ливане. Зарубежные новостные сюжеты № 23 (1988). [Электронный ресурс]. URL: <https://fs.net-film.ru/fs16154.mp4> (дата обращения: 01.04.2024).

экономической и культурной маргинализации и смешанного проживания с другими этническими группами. Данная статья призвана частично закрыть этот пробел через анализ политики советских властей, направленных на решение женского вопроса среди курдского населения.

Курды и курдянки в контексте мирового революционного процесса

До того, как в СССР к концу 1920-х гг. утвердилась идея «социализма в одной стране», партийное руководство полагало, что большевизм не выживет в России в одиночку, а потому тесное взаимодействие с мировым революционным движением считалось решением этой проблемы. Одни большевистские лидеры считали, что революцию надо устраивать в развитых промышленных странах, другие, в частности члены Коммунистического интернационала (Коминтерн), утверждали, что революции могут быстрее разгореться в колониях, полуколониях и менее развитых странах, т. е. на Востоке, и затем распространятся на промышленно более развитые регионы. Поэтому действия большевиков на «собственном» Востоке, особенно в Центральной Азии, Кавказе и части Сибири, должны были быть тщательно подготовлены с целью максимального воздействия на общественность за пределами Советского государства [1, p. 70].

Исследователи отмечали роль работы с женщинами в рамках советской культурной революции [2], а женский вопрос рассматривался как ключевой для советской политики в ряде отдельных исследований [1; 3–7]. В литературе отмечено, что Коммунистическая партия выработала обширный набор методов для достижения якобы универсальной цели освобождения женщин [1, p. 77]. И эти методы разрабатывались в рамках общего стратегического видения революционного процесса. Изучая эту проблематику применительно к женщинам Центрально-Азиатского региона, Грегори Масселл сформировал концепцию «суррогатного пролетариата», т. е. категории, которая в мусульманских традиционных обществах воспринималась «низшей из низших», иначе говоря, изолированными, эксплуатируемыми, униженными и стесненными. Таким образом, мусульманские женщины стали представлять в советском политическом воображении струк-

турное слабое место в традиционном порядке: потенциально девиантный, а потому подрывной слой, восприимчивый к воинственному призыву [3, р. XXI–XXII].

Пробуждающиеся женские массы в восточных странах считались более восприимчивой к коммунистическим идеям частью общества. Опыт коммунистической пропаганды в советском Закавказье и в Туркестане в большинстве случаев должен был быть распространен и на остальные страны Востока, поскольку дело шло о мусульманских женщинах [8, с. 26]. Советские активисты 1920-х гг. полагали, что сопоставление положения трудящихся женщин СССР и советского Востока с положением женщин в капиталистических странах Запада и зарубежного Востока придаст агитации значительно более боевой характер [9; с. 24–25].

Пролетариат как движущая сила должен был тянуть за собой остальных. «Суррогатность» этого понятия исходит из отсутствия в Центральной Азии и Кавказе пролетариата в марксистском понимании, т. е. рабочих промышленных предприятий, на механизированных заводах. Не было их и у курдов Закавказья и Туркмении, которые являлись маргинальной группой. На первый взгляд, может показаться, что концепция Масселла к курдянкам была бы более применима, чем к остальным восточным женщинам, и уже в 1930 г. курдский писатель Араб Шамилов настаивал, что они были готовы пойти вперед при необходимости, и это *«значительно облегчает работу среди курдинок и вовлечение их в советское строительство»* [10, с. 88–89].

В этой статье предпринята попытка применить разработанные в основном на центральноазиатском материале концепции Нортропа и Масселла для анализа гендерных аспектов советской культурной революции и национальной политики в отношении курдов. Данный подход определяет выбор соответствующей методологии, основанной на анализе административных мер и визуальных агитматериалов. Соответствующие процессы и события были изучены на основе делопроизводственных источников, мемуаров и периодических изданий.

В частности, были рассмотрены публикации в периодических изданиях 1920–1930 гг., справочники и сборники документов по советской национальной политике и ее отдельных аспектах [11], мемуары и травелоги [12–18], исследования курдского общества [19–21], а также описания курдской жизни,

составленные самими курдами [10; 22–24]. Использование иллюстративных материалов второй половины XIX в., включенных в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (ГОСКАТАЛОГ.РФ), позволило дополнить исследование анализом визуальных аспектов изменения роли курдянки, а изучение соответствующих кинокартин раннесоветской и современной эпох дало возможность отследить эволюцию образа курдской женщины в искусстве и общественном мнении.

**«Так же хороша, как мужчина, или даже лучше!»:
культуры, нации, женщины**

Любая работа советских и партийных органов с курдским населением осложнялась тем, что курды были разделены не только государственными границами СССР, но и границами союзных республик СССР, а также племенными, языковыми и религиозными отличиями. Основная часть курдского населения проживает на Ближнем Востоке – в современных Турции, Ираке, Иране и Сирии. Но в то время на территории СССР проживала, пожалуй, более значительная часть курдов мира, нежели сейчас на территории бывшего СССР. Во-первых, заметное курдское население присутствовало практически по всему Южному Кавказу (или Закавказью) – в Армении, Азербайджане и Грузии, а также в Центральной Азии (в Туркмении). Курды, а также причисляемые к этому этносу езиды, были автохтонным населением Кавказа, поскольку населяли его – пусть и с территориальными передвижениями – на протяжении долгого времени. Согласно статистическим данным, численность курдов в СССР составляла 69 123 чел. на момент переписи 1926 г. [25], большая часть которых проживала в ЗСФСР.

В 1920-х гг. в рамках советской национальной политики для многочисленных народов, проживавших на территории Советского Союза, были созданы административно-территориальные единицы различной величины и степени автономности. Курдам в 1923 г. достался небольшой горный район под названием Курдистанский уезд, располагавшийся между азербайджанским Нагорным Карабахом и Арменией. В 1929–1930 гг. на его основе был создан Курдистанский округ, но он был упразднен в ходе очередной административной реформы, что лишило курдов ряда институциональных возможностей.

Несмотря на вышеперечисленные трудности, в случае курдов, советские власти могли рассчитывать на большой успех продвигаемых ими мер ускоренной эмансипации, в частности через опору на женщин. Так как большинство свидетельств, касающихся социального облика и быта курдского общества до 1917 г., характеризует курдских женщин как наиболее эмансипированных, по сравнению с женщинами соседних народностей, отмечая в первую очередь, что *«женщин курдских держат не так строго, как турецких и арабских»* [12, с. 142]. Различные эксперты и путешественники, в т. ч. советские, отмечали, что и в традиционном курдском обществе курдянка не носила покрывала [16, с. 119; 19, с. 40], ей была доступна торговля и она могли присутствовать на собраниях, принимать гостей [14, с. 8; 15, с. 63; 16, с. 119; 22, с. 15]. О самостоятельности курдской женщины писала в своих мемуарах Агата Кристи, оказавшаяся в северной Сирии в 1930-х гг. после распада Османской империи: *«Курдская женщина не сомневается, что она так же хороша, как мужчина, или даже лучше!»* [18, р. 70].

Особое положение курдской женщины соответствовало общественной структуре кочевых народов [23, с. 220–221], женщины которых всегда пользовались большей свободой, нежели у соседних оседлых. Советский курдовед Олег Вильчевский отмечал, что условия развития высокогорных форм скотоводства привели к уменьшению оснований для укрепления в семье и обществе господства мужчин и для принижения роли женщины. Женский труд был наиболее востребован при разведении мелкого рогатого скота, чем при разведении крупного, в частности при коневодстве. Другой причиной к повышению роли женщин стало то, что горным скотоводческим племенам чаще приходилось обороняться и защищать свое имущество, поэтому все способное к обороне взрослое население племени, включая и женщин, входило в состав ополчений. Патриархальные отношения получили распространение в Курдистане, выдвинув в семье и обществе на первое место мужчину, тем не менее авторитет женщин сохранился в курдской среде и по сей день [19, с. 40].

В истории прославились некоторые воинственные курдские женщины [17, р. 57], которые хорошо владели оружием и ездили верхом, как мужчина [16, с. 119]. В каждом племени находились девушки, имевшие большую привязанность *«к ору-*

жизню и дракам, чем к прялке и домашним работам» и называемые «дели-кыз» [13, с. 57]. Олицетворением воинственности стали две курдянки, вошедшие в историю под именем Кара Фатма.

Первая – Кара Фатима Ханум (тур. Kara Fatma, курд. Fatmaşer), которая лично командовала курдским отрядом, по мнению одних исследователей, во время Крымской войны [13, с. 56–57; 24, с. 24], а по мнению других, в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [26, с. 67]. Вторая – Кара Фатма (Fatma Seher) [27, с. 39], воевавшая на стороне кемалистов в освободительной войне против западных держав в 1919–1922 гг.

Эти особенности гендерных отношений в курдском обществе – пусть и с минимальной концептуализацией, а скорее, в рабочем порядке – но все же учитывались советскими экспертами и властями в ходе проведения марксистской «культурной революции». Понятие «культурная революция» включало в себя ряд мер, которые были предприняты для преобразования мышления как того требовала идеология нового, советского общества. Основными направлениями культурной революции стали ликвидация безграмотности населения, создание прослойки интеллигенции среди крестьян и рабочих, образ которых теперь присутствовал в большей части литературных произведений, повествующих о периоде революции, социалистическом строе и патриотизме. Все это должно было привести к мобилизации масс, повысить их политический и культурный уровень и подготовить необходимые для страны с новой идеологией кадры.

Вместе с культурным вопросом необходимо было решить вопрос национальный, так как в наследство от Российской империи большевикам досталась страна, населенная множеством национальностей, из которых предстояло также сформировать нового советского человека, минуя, а то и изменив, традиционные устои. Мартин отмечал максимальную поддержку Советским государством тех форм национального устройства, которые не входят в противоречие с существованием унитарного централизованного государства, т. е. следующих четырех «форм» существования наций: национальных территорий, языков, элит и культур [28, с. 22]. Одним из элементов национального строительства в 1920-х гг. было формирование у восточных и южных нацменьшинств новой национальной идентичности путем активной пропаганды древнего наследия этих народов, а также

трактовка их религиозных традиций как неотъемлемой части их национальной идентичности [29, с. 241]. Все это выстраивалось в тезис И. В. Сталина о национальных культурах *«социалистических по содержанию, национальных по форме»* [30, с. 9].

Описанная Мартином политика «позитивной дискриминации», достраивания современной идентичности и автономной политической мобилизации этнических групп СССР осуществлялась особенно активно в 1920-х гг. Следует отметить, что и проект «раскрепощения женщины Востока» активно осуществлялся в период до 1930-х гг., после чего было заявлено, что гендерное и национальное равенство в стране уже наступило [6, с. 182].

В проведении культурной революции и социалистическом строительстве женщины рассматривались как значительный кадровый резерв. Поэтому предполагалось переосмыслить роли женщин в обществе и особенно подчеркивалась наиболее угнетенная категория женщин СССР – «женщин Востока». Термин «восточная» использовался по отношению ко всем азиатским женщинам СССР, в том числе живущим в Сибири и на Кавказе, а также в Центральной Азии. Этому способствовало участие в разработке и проведении соответствующей государственной политики экспертов-востоковедов, которые в 1920-х и 1930-х гг. все еще оперировали такими общими категориями. В то же время советское востоковедение пыталось отойти от практики использования терминов и концепций западного ориентализма и все больше дифференцировало различные восточные этнические группы и их образ жизни.

Ассоциация востоковедов при ЦИК СССР в то время особо подчеркивала работу, проводимую ею *«по изучению быта женщин восточных народностей»* и планируемых совместных проектах, привлекая *«лучшие востоковедческие силы нашего Союза»* [7, с. 55]. Опубликованная по заданию Отдела работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) силами Ассоциации Востоковедения [31, с. 151] в 1927–1928 гг. серия брошюр «Труженица Востока» отражала не только представления ее составителей о «женщине Востока», но и преследовала цель пробудить интерес *«к политическим вопросам в еще индифферентных женских массах»* [32, с. 37]. Предполагалось, что пример советских восточных республик играл не последнюю роль в формировании революционного настроения и на зарубежном Востоке [33, с. 79].

Образ Востока в этих брошюрах был унаследован со времен Российской империи, определившей Восток как зарубежный и «свой»: т. е. такие регионы, как Кавказ, Туркестан, Западная и Восточная Сибирь и Поволжье. Подготовленные в соответствии с этими представлениями более двух десятков брошюр серии «Труженица Востока» рассказывали об отдельных национальностях Закавказья («Азербайджанка», «Армянка», «Грузинка», «Курдская женщина»), Северного Кавказа, Центральной Азии, Урала и Поволжья, Предуралья, Сибири и Дальнего Востока, а также о некоторых народах зарубежного Востока. Такой выбор был обусловлен в первую очередь внешнеполитическими задачами, а образ женщины Востока в публикациях, касающихся женского освобождения, был перегружен элементами экзотизации и постоянными упоминаниями ее «отсталости» [7, с. 49].

Чрезвычайный дефицит литературы для женщин на языках национальных меньшинств и языках Советского Востока был очевиден для советских властей. Помимо выделения средств для издания литературы на нерусских языках, в случае отсутствия подходящих местных авторов ввиду «*повальной неграмотности на Советском Востоке*» [34, с. 14], с русского переводились существующие издания соответствующей тематики. Так, упомянутая выше брошюра «Курдская женщина» [35] через год после издания была переведена на азербайджанский язык [36], что было связано с существованием в пределах Азербайджанской ССР Курдистанского уезда с населением, говорящем на курдском и азербайджанском языках.

Малочисленные национальные меньшинства в СССР зачастую фактически закреплялись за той или иной советской республикой, в рамках которой они и получали институты современной культуры и элементы собственной администрации. В ходе межреспубликанской политической борьбы, Армения активно работала над тем, чтобы фактически взять на себя вопросы, касающиеся советской курдской политики. Эта борьба нашла свое отражение в кинематографе 1920–1930-х гг.: основные картины о курдах – фильмы «Заре» (1926) и «Курды-езиды» (1932) – были сняты в Армении, и единственным исключением стала 5-минутная кинозаметка «В Курдистане» (1938) на азербайджанском и русском языках в выпуске № 7 Хроники Бакинской киностудии.

Визуальная пропаганда была мощным инструментом распространения новых идей и практик. Плакаты, текстиль и другие объекты советской материальной культуры с их яркими визуальными образами и печатными призывами агитировали мужчин и женщин бороться за новую счастливую жизнь в социалистическом государстве. Поэтому перекликающиеся сюжеты фильмов «Заре» и «Курды-езиды» можно рассматривать в контексте участия курдянок, как и других женщин Советского Востока, в глобальном проекте по созданию «нового человека» с использованием разных средств пропаганды. Но так как курдское общество не было готово предоставить актеров и тем более актрис для этих лент, и курдов, и курдянок правдоподобно играли армянские кадры.

Каждый из фильмов решал эту задачу по-своему. В «Заре» главная героиня бросает вызов традиционному обществу и сама решает свою судьбу, отказываясь от навязанного ей брака. Фильм имел значение в качестве превентивной меры по предотвращению бытовых преступлений, самый высокий процент которых на 1928 г. составляли браки с несовершеннолетними и похищение женщины, наиболее распространенные среди тюркского и курдского населения Армении [11, с. 71–72].

Что касается картины «Курды-езиды», то фильм стал наглядной демонстрацией гендерной составляющей культурной революции к окончанию первой пятилетки, поскольку он подчеркивал вовлечение восточной женщины в социалистическое строительство. В фильме приезжая учительница противостоит духовному лидеру деревни в вопросе получения образования, которое шейх считает греховным. Накануне выхода фильма на I съезде женского актива нацменьшинств Армянской ССР сообщалось, что хотя в Армении почти не встречались старые судебные формы, мелкие гражданские дела все же решались шейхами курдов-езидов [11, с. 71–72]. Что касается образования, то, несмотря на то что к началу 1932 г. были сделаны крупные достижения в области создания курдской культуры, включая новый алфавит, литературу и школы, преподавательских кадров в школьной сети курдских селений Абаранского района не хватало [11, с. 312–313]. И все же в Армении с образованием среди курдов обстояло лучше, чем в Курдистанском уезде Азербайджана, где до 1924 г. не было массового вовлечения в образовательный процесс учениц-курдянок [52, с. 4].

Результаты работы советских органов с курдским населением в целом были довольно успешными, учитывая серьезную проблему отказа от участия в общих собраниях в некоторых уездах на Кавказе, причем этот отказ мог исходить и от женщин, и от мужчин, несмотря на организацию специальных женских помещений или отдельных собраний. Тем не менее, участие крестьянок в съездах в Курдистанском уезде Азербайджана составляло почти 50 %, что объяснялось как стихийным процессом, так и активностью кочевого населения [37, с. 74]. Впрочем, для работы среди женщин там были выделены ограниченные средства: работала лишь одна юрта, которая охватила 19 пунктов и в течение двух месяцев провела 32 собрания с докладами на темы: «Соввласть и женщина Востока», «Сельское хозяйство и роль крестьянки в нем», «О гигиене» и т. д. [11, с. 302]. Безусловно, при этом советское гендерное строительство подчеркивало роль женщины и как матери, и как работницы [2, р. 31], и определяя женщину-работницу угнетенной «двояко» [55, с. 4].

В Армении явка курдянок на отчетные собрания в Абаранском районе доходила до 80 %, а в Кварельском – до 90 % [38, с. 69–70]. Позднее на предвыборных собраниях курдянки выдвигались кандидатами в депутаты, например, в 1938 г. доярка колхоза Спо Шавоевна Надоян была выдвинута от Алагезского избирательного округа [39]. Голоса курдянок звучали на встречах с партийными лидерами, например работница консервного завода Джаваир Сукиасян на встрече с А. Микояном в 1937 г. подчеркивала роль Советской Армении в деле соцстроительства среди курдов [53, с. 3]. Некоторые курдянки Армении были отмечены и в агитационных материалах как выдающиеся труженицы Армении¹. Примером для подражания была Нуре Полатова, сестра революционера курдского происхождения Федора Лыткина, известного как Ферик Полатбеков. Полатова еще в 1920-х гг. возглавляла детский дом в Аштараке для осиротевших детей курдов-езидов и в последующие годы как инструктор женотдела КП (б) Армении ездила на курдские кочевья на склонах Арагаца [43, с. 51], приложив значительные усилия для эмансипации женщин [51, р. 16].

Хотя традиционный уклад жизни курдского населения и создавал некоторые благоприятные предпосылки для работы со-

¹ Негатив на стеклянном носителе. Доярка-стахановка Халима Османова за работой. Курды. [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15172417> (дата обращения: 01.04.2024).

ветских властей с курдами, в целом этой работе не способствовал. Примером является сохранение экономического базиса в жизни курдского населения, проживавшего вдали от индустриальных центров и даже путей сообщения. Результатом стало сохранение среди курдянок, как и прочих женщин «Советского Востока», кустарных промыслов как основного вида занятий (ковровое, суконное, шелковое, бурочное, ювелирно-художественное и другие виды производства). Впрочем, советские органы считали нужным учитывать не только экономические, но и политические аспекты этой занятости, а также использовать соответствующую возможность для развития кооперации и работы среди «восточных» женщин [40, с. 75–76].

Сохранение традиций среди курдского населения, несмотря на советскую политику ускоренной социалистической модернизации, отмечалось и в тогдашних публикациях и даже культурных продуктах. Примером является образ освобожденной курдской женщины Советского Кавказа в скульптурных произведениях из Аджарии, на которых она представлена «в юбке и шароварах, в язве», т. е. «в чадре из множества мелких лоскутков» [41, с. 150–153]. То же касается и ряда произведений российского и советского художника Александра Шевченко (1883–1948), который создал ряд произведений на восточные темы, в том числе курдские: «Прачка-курдянка» (1925); «Девушка-курдянка» (1931); «Курдянки» (1932–1934), по мотивам своих путешествий по Азербайджану и Грузии в 1920–1930-х гг. [42, с. 125, 186–187, 197]. Посещавшие Закавказье исследователи отмечали, что женский наряд у курдов «сохранился в полной неприкосновенности» [54, с. 13].

Проблемы с реализацией соответствующих мер советской национальной политики в отношении курдянок можно оценить по очень скромным результатам попыток предоставить им возможность получения высшего образования. Важную роль в этом играли Курсы нацмен Советского Востока (КНСВ), которые проработали с 1932 по 1936 гг. для обеспечения ускоренной подготовки кадров для национальных меньшинств, не имевших своей государственности внутри СССР (т. е. республики или области) или за рубежом. На КНСВ прошли обучение не менее 84 советских курда, но среди них было только четыре девушки. Эти цифры выглядят весьма внушительным достижением, учитывая относительно небольшое курдское население

ние СССР. Но о сколько-нибудь его полном охвате, принимая во внимание фрагментированное расселение курдов в Армении, Азербайджане, Туркменистане и Грузии, говорить не приходится – скорее есть признаки кумовства. Как минимум 20 курдов из числа курдских учащихся в Ленинграде были родом из Карсской области (входившей до 1918 г. в состав Российской империи), которым, по видимости, на КНСВ помог оказаться Араб Шамилов – потомственный езидский шейх и инструктор ЦК Компартии Армении по работе среди курдов Армении [43, с. 49]. После переезда в Ленинград Шамилов стал первым заведующим кафедры национальных языков КНСВ [44, л. 8].

Подготовка на КНСВ предусматривала две программы: десятимесячные колхозные курсы и четырехлетний курс на педагогическом отделении. И даже принятые на обучение немногочисленные курдянки сталкивались с огромными сложностями, оставаясь порой фактически без действительной помощи вдали от дома. Показательным примером является Мария Чатоева (1912 г. р.), которая обозначала себя как «езди», т. е. езидка, из Карса [45, л. 11] и была принята на педагогическое отделение. За время своего обучения в 1931–1934 гг. она подавала заявление на отпуск как минимум дважды: по уходу за своим новорожденным ребенком [45, л. 9] и по состоянию здоровья – когда до окончания курса оставалось чуть более года, заболела туберкулезом легких, которым страдали многие курсанты. Из-за этого Чатоева была вынуждена взять годичный отпуск [45, л. 6], из которого она на КНСВ так и не вернулась, а впоследствии была отчислена [45, л. 3].

Не многим легче было остальным девушкам, зачисленным только на краткосрочный колхозный курс. Мариам Сароян (1911 г. р.) – еще одна езидка из Ленинакана [46, л. 29], которая проходила обучение в 1933–1934 гг. и была обвинена в недостойном поведении и сокрытии социального положения и своего имени – Гаваз Озман, дочери бека Омар Ага Озмана [46, л. 6, 12]. Сароян была оправдана, но от обвинений и даже травли сокурсников-курдов и односельчан ее уберегло заступничество Шамилова [46, л. 5, 18, 23].

Иные проблемы были у другой курдянки, Куде Надировой (1917 г. р.) [47, л. 6, 14] – она, судя по всему, также была езидкой, как большинство ее односельчан из села Джарджарис в Абаран-

ском районе ССР Армении. Пример Надировой особенно ярко показывает стремление курдянок к образованию. Она приехала на курсы уже после окончания приема документов, но даже нехватка курдских кадров, особенно женщин, не заставила администрацию помочь ей. В результате девушка была вынуждена подрабатывать официанткой в столовой КНСВ, пока не подойдет срок очередного приема. Тем не менее, она выдержала эти испытания и обучалась на КНСВ в 1934–35 гг. [47, л. 9–10].

Как и в случае многих других советских проектов того времени, с формальной точки зрения планы обучения курдов на курсах выглядели гораздо лучше, чем их практическая реализация. Это особенно заметно по разверстке мест для поступающих на курсы в 1933/34 [48, л. 97–98] и 1935/36 [49, л. 2, 2 об.] уч. гг., согласно которой курдам из Грузии было предоставлено соответственно 5 и 6 мест, из Армении – 7 и 9, из Азербайджана – 5 и 3. Но эти пропорции не выдерживались – в основном приезжали курды из Армении, которые оказывались к тому же езидами, что означало неохваченность этими мероприятиями большей части советских курдов. Эти диспропорции особенно заметны по девушкам – единственной курдянкой-мусульманкой была Телли Шамоева (1914 г. р.) родом из грузинского Ахалкилаки, но прибывшая по разверстке из Гянджи (Азербайджан) [50, л. 6]. Она успешно отучилась на советском отделении КНСВ в 1934–35 гг. [50, л. 1].

Дальнейшая судьба этих курсисток неизвестна, но проблема получения курдянками высшего образования и ученых степеней осталась и, судя по всему, была решена только после войны. В частности, первые курдянки-ученые смогли окончить аспирантуру только к концу 1960-х гг.: в 1965 г. кандидатскую диссертацию защитила будущий курдовед-лингвист и профессор Зара Алиевна Юсупова (1934–2022)¹, в 1967 г. кандидатом биологических наук стала Алоева Люся Мамедовна (1928–2011)², а в 1972 г. кандидатом исторических наук становится будущий курдовед-этнограф Пашаева Ламара Борисовна (1940–2015)³.

¹ Заре Алиевна Юсупова. *Институт восточных рукописей РАН*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=49 (дата обращения: 01.04.2024).

² Алоева Люся Мамедовна. *Духовный совет езидов Грузии*. 2020.07.28 [Электронный ресурс]. URL: <http://yezidi.ge/home.php?cat=2&sub=4&id=228&mode=blog&lang=ru> (дата обращения: 01.04.2024).

³ Скончалась одна из выдающихся езидских ученых Ламара Пашаева. *ĒzidiPress*, 2015.08.12. [Электронный ресурс]. <https://www.ezidipress.com/ru/2015/08/12/скончалась-одна-из-выдающихся-езидск> (дата обращения: 01.04.2024).

Обсуждение и выводы

На первый взгляд, результаты советской культурной революции среди курдов в той ее части, которая касалась гендерных аспектов, крайне противоречивы. С одной стороны, мы видим некоторые несомненные результаты в эмансипации курдянок в виде их большего участия в общественной жизни, но с другой стороны, они так и не получили серьезного доступа к реальной власти и влиянию даже на местном уровне. Одновременно ставка на женщин вроде бы не привела к заметной революционизации Востока – не была ли концепция «суррогатного пролетариата» действительно искусственной и оторванной от жизни теорией?

Но такой скоропалительный вывод недопустимо упрощал бы ситуацию. Во-первых, советская национальная политика ускоренной социалистической модернизации через разноуровневое национальное строительство и развитие даже малочисленных этнических групп носила кратковременный характер, поскольку продолжалась в целом не более десяти лет. В случае курдов их автономия не просуществовала и трех лет, но и в целом уже во второй половине 1930-х в связи с угрозой войны и нехваткой ресурсов в СССР происходит свертывание большинства программ позитивной дискриминации миноритарных этнических групп ниже уровня титульных наций союзных и автономных республик. Во-вторых, эта политика началась в условиях очень низкого уровня подготовки государственных органов, минимальной экспертной базы, крайнего дефицита квалифицированных кадров буквально по всем вопросам, что обусловило непродуманность, непоследовательность и хаотичность в ее реализации.

Советская практика вовлечения курдянок в общественную и политическую деятельность была лишь частным примером применения стандартизированной советской политики того времени. Подобное советская власть пыталась сделать в отношении, пожалуй, всех советских народов. Тем не менее, есть основания говорить, что советские подходы и методы оказали на курдов СССР и их соплеменников за рубежом больше влияния, чем на другие этнические группы. Эмансипация женщин стала важной движущей силой национальной и социальной эмансипации курдского общества и остается ею до сих пор – примеры тому мы привели в начале статьи.

Механизм перетекания советских подходов в целом понятен. Курдские активисты и эксперты-курдоведы, вовлеченные в советскую курдскую политику, сыграли видную роль в организации курдского политического движения на Ближнем Востоке. Примерами могут служить Олег Вильчевский, Канат Курдоев, Саманд Сиабандов – о роли которых в распространении советских концепций среди ближневосточных курдских организаций свидетельствовали даже ведущие курдские политики вроде Джалала Талабани. Что же касается особой практики РПК в отношении политической мобилизации женщин, то есть оснований и здесь говорить о влиянии ранней советской практики, хотя это влияние, вероятно, имело место через промежуточную стадию китайского маоизма. И ставка марксистской РПК на женщин – как самую угнетенную группу угнетенной курдской нации – пресловутый «суррогатный пролетариат», позволила этой партии развернуть беспрецедентное повстанческое движение в Турции, Сирии, Ираке и Иране – хотя марксистская РПК, как и советская власть до того, так и не сумела добиться своих главных политических целей в виде революционизации курдов и соседних народов региона.

Список литературы

1. Northrop D. T. *Veiled Empire. Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Cornell University Press, 2003. 392 p.
2. Hoffmann D. L. *Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Cornell University Press, 2011. 327 p.
3. Massell G. J. *The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929*. Center for International Studies, Princeton University, 2015. 492 p.
4. Голдман В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. 358 с.
5. Пальванова Б. П. Эмансипация мусульманки: Опыт раскрепощения женщины Советского Востока. М.: Наука, 1982. 304 с.
6. Шурко Т. «Женщина Востока»: советский гендерный порядок в Центральной Азии между колонизацией и эмансипацией // Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба № 2: Центральноазиатское художественно-теоретическое издание / сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. – Бишкек: Штаб-Press, 2016. – С. 178–209.
7. Градскова Ю. В. «Раскрепощение националки» – социально-культурная политика советской власти в отношении женщин этнических меньшинств (на примере Волго-Уральского региона в 1920-е годы) // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – № 9 (1). – С. 45–58.
8. Трудящиеся женщины стран Востока. (Доклад т. Каспаровой на IV съезде Коммунистического Интернационала) // Коммунистка. – 1923. – № 1–2. – С. 25–26.
9. Каспарова В. 8-е марта в странах зарубежного Востока // Коммунистка. – 1926. – № 2. – С. 22–27.
10. Шамилов А. Курды Закавказья // Революция и культура. – 1930. – № 15–16. – С. 86–89.

11. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917–1936): сб. документов и материалов. М.: Мысль, 1979. 350 с.
12. Эйриэ Ж. Б. Живописное путешествие по Азии. Т. 6. М.: Типография Н. Степанова, 1840.
13. Елисеев А. Положение женщины на Востоке // Северный вестник. – 1888. – № 8 (август). – С. 49–88.
14. Чурсин Г. Ф. Азербайджанские курды // Известия Кавказского Историко-Археологического Института. 1925. – Т. III. – С. 1–6.
15. Турова-Морозова Л. Поездка в Армению и Курдистан летом 1927 г. // Земледелие. – 1929. – Т. XXXI. – Вып. I. – С. 55–68.
16. Пчелина Е. По Курдистанскому уезду Азербайджана // Советская этнография. – 1932. – № 4. – С. 108–121.
17. Halle F. W. Women in the Soviet East. London: Martin Secker & Warburg Ltd., 1938. 363 p.
18. Mallowan A. Ch. Come, Tell Me How You Live: An Archaeological Memoir. Bantam Books, 2019. 207 p.
19. Вильчевский О. Л. Курды: введение в этническую историю курдского народа. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. 164 с.
20. Bruinessen M. van. From Adela Khanun to Leyla Zana: Women as Political Leaders in Kurdish History / Women of a Non-State Nation: The Kurds. Ed. by Shahrzad Mojab. – California: Mazda Publishers, 2001. – P. 95–112.
21. Gunter M. Out of Nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War. Hurst. C. Hurst & Co, 2014. 169 p.
22. Баязиди М. Нравы и обычаи курдов. М: Издательство восточной литературы, 1963. 202 с.
23. Авдал А. Быт курдов Закавказья. Ереван: АН Армянской ССР, 1957. 247 с.
24. Ваурак М. Osmanlı'da Kürt Kadını. Ankara: Özge Yayınları, 2007. 240 s.
25. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. 10 т. В надзаг.: Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. 1928. XXIX. 138 с.
26. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре с планами. Сост. Подполковник Томкеев. Т. II. СПб, 1904. 724 с.
27. Tansel A. T. Kurtuluş Savaşında Kadın Askerlerimiz. Cumhuriyet, 2001. 112 s.
28. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
29. Тольц В. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
30. Сталин И. В. О национальном вопросе и национальной культуре // Культура и письменность Востока. – 1931. – Кн. 7–8. – С. 5–13.
31. Черняева Н. А. Воображая Советский Восток: нарративы популярной этнографии в серии брошюр «Труженица Востока», 1927–1929 // Этнография. – 2022. – № 3 (17). – С. 149–178. EBN: RSSUYC
32. Штурм Г. Ближайшие задачи Международного Женского Секретариата Коминтерна // Коммунистка. – 1924. – № 11. – С. 36–39.
33. Нюрина Ф. В Средней Азии // Коммунистка. – 1925. – № 4. – С. 78–83.
34. Гопнер С. Ко “дню печати” // Коммунистка. – 1926. – № 4. – С. 10–15.
35. Смирнов Н. А. Курдская женщина. М.: Охрана материнства и младенчества НКЗ, 1927. 48 с.
36. Smirnov N. A. Qurd Kadını. Bakı, Azərneşr, 1928. 42 p.
37. Шавердова С. Труженица Закавказья на перевыборах в советы // Коммунистка. – 1926. – № 12. – С. 74–79.
38. Тодрия С. Выборы советов в Закавказье // Революция и национальности. – 1935. – № 2. – С. 69–70.
39. Советская Сибирь. – 1938. – № 105 (5537).
40. Сейфи М. На помощь женским промыслам на Востоке // Коммунистка. – 1925. – № 9. – С. 75–79.

41. Столпникова М. И. Торжество плодородия в свободной Адджарии // Искусство. – 1934. – № 6. – С. 150–153.
42. Шевченко А. В. Сборник материалов. М.: Советский художник, 1980. 282 с.
43. Чагоев Х. М. Курды Советской Армении: исторический очерк, 1920–1940. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1965. 152 с.
44. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4363. Оп. 1. Д. 973.
45. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 556.
46. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 464.
47. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 372.
48. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1005.
49. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1053.
50. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 587.
51. Konak İ. Ferik Polatbekov. Hayati ve Şiirleri. İstanbul: Aram yayınları, 2024. – 75 s.
52. Заря Востока. – 1924. – № 555.
53. Заря Востока. – 1937. – № 282.
54. Шукин П., Шукина А. Очерки Армянского нагорья // Землеведение. – 1927. – № 29. – Вып. 1–2. – С. 5–51.
55. Бит-Саргиза. Ассирийская женщина // Заря Востока. 1924. № 522. С. 4.

Gender Aspects of the Soviet Cultural Revolution of 1920–1930 Among Kurds

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya

The role of women in the Kurdish revolutionary movements of Syria and Turkey has attracted considerable attention in recent years. This phenomenon of women actively fighting for the social and national liberation of Kurdish society has parallels in early Soviet history. Soviet society was built in the process of cultural revolution, the purpose of which was to transform the very thinking and cultural framework in the direction of social liberation of the oppressed masses and national emancipation of ethnic groups of the multinational former Russian Empire. In this regard, Soviet policy developed a modern national identity for the non-Russian peoples of the USSR. In the context of the Cultural Revolution and the construction of socialism, women were seen as a driving force of paramount importance. In the absence of a large proletarian class in the Muslim societies of the USSR, they became a “surrogate proletariat” and this rethinking of the role of women in society required appropriate measures in the field of mass culture and education. One of the tools for disseminating new ideas and practices was visual propaganda of the struggle for a new life in a socialist state, primarily in Soviet Transcaucasia, by means of various art genres: painting, sculpture, cinema.

Key words: Kurds, Yezidis, Kurdistan, Turkey, USSR, cultural revolution, nation-building, women issue.

For citation: Pobedonostseva-Kaya, A. O. (2024) Gendernyye aspekty sovetskoy kul'turnoy revolyutsii 1920–1930 gg. sredi kurdiv [Gender Aspects of the Soviet Cultural Revolution of 1920–1930 Among Kurds]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 66–86. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_66. EDN: MBSOBS

References

1. Northrop, D. T. (2003) *Veiled Empire. Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Cornell University Press.
2. Hoffmann, D. L. (2011) *Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Cornell University Press.
3. Massell, G. J. (2015) *The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929*. Center for International Studies, Princeton University.
4. Goldman, W. Z. (2010) *Zhenshchiny u prokhnodnoi. Gendernye otnosheniya v sovetskoi industrii (1917–1937 gg.)* [Women at the Gate. Gender Relations in Soviet Industry (1917–1937)]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
5. Palvanova, B. P. (1982) *Emansipatsiya musul'manki: Opyt raskreposhcheniya zhenshchiny Sovetskogo Vostoka* [Emancipation of the Muslim Woman: Experience of the Emancipation of Women in the Soviet East]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Schurko, T. (2016) «Zhenshchina Vostoka»: sovetskiy gendernyy poryadok v Tsentral'noy Azii mezhdu kolonizatsiyey i emansipatsiyey [“Woman of the East”: Soviet gender order in Central Asia between colonization and emancipation]. *Ponyatiya o sovetskom v Tsentral'noy Azii: Al'manakh Shtaba № 2* [Concepts of the Soviet in Central Asia: Almanac of Shtab No. 2]. Ed. by Mamedov G., Shatalova O. Bishkek: Shtab-Press. Pp. 178–209 (In Russ.)
7. Gradszkova, Yu. V. (2011) «Raskreposhcheniye natsionalki» – sotsial'no-kul'turnaya politika sovetskoy vlasti v otnoshenii zhenshchin etnicheskikh men'shinstv (na primere Volgo-Ural'skogo regiona v 1920-ye gody) [“Emancipation of the national women” – the socio-cultural policy of the Soviet government towards women of ethnic minorities (using the example of the Volga-Ural region in the 1920s)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. No. 9 (1). Pp. 45–58. (In Russ.)
8. Kasparova (1923) *Trudyashchiyesya zhenshchiny stran Vostoka (Doklad t. Kasparovoï na IV s'yezde Kommunisticheskogo Internatsionala)* [Working women of the countries of the East. (Report by Comrade Kasparova at the IV Congress of the Communist International)]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 1–2. Pp. 25–26. (In Russ.)
9. Kasparova, V. (1926) *8-ye marta v stranakh zarubezhnogo Vostoka* [The 8th of March in the countries of the foreign East]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 2. Pp. 22–27 (In Russ.)
10. Shamilov A. (1930) *Kurds of Transcaucasia* [Kurdy Zakavkaz'ya]. *Revolutsiya i kul'tura* [Revolution and culture]. No. 15–16. Pp. 86–89. (In Russ.)
11. n.a. (1979) *Velikiy Oktyabr' i raskreposhcheniye zhenshchin Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ya (1917–1936)* [The Great October Revolution and the emancipation of women in the North Caucasus and Transcaucasia (1917–1936)]. Collection of documents and materials. Moscow: Mysl. (In Russ.)
12. Eyries, J. B. (1840) *Zhivopisnoe putesthestvie po Azii. T. 6.* [Picturesque Journey through Asia. Vol. 6]. Moscow: Tipografiya N. Stepanova. (In Russ.)
13. Yeliseyev A. (1888) *Polozheniye zhenshchiny na Vostoke* [The position of women in the East]. *Severnyy vestnik* [Northern Herald]. No. 8. Pp. 49–88. (In Russ.)
14. Chursin, G. F. (1925) *Azerbaidzhanskiye kurdy* [Azerbaijani Kurds]. *Izvestiya Kavkazskogo Istoriko-Arkhologicheskogo Instituta* [News of the Caucasian Historical-Archaeological Institute]. Vol. III. Pp. 1–6. (In Russ.)
15. Turova-Morozova, L. (1929) *Poyezdka v Armeniyu i Kurdistan letom 1927 g.* [Trip to Armenia and Kurdistan in the summer of 1927]. *Zemledeliye* [Agriculture]. Vol. XXXI. Issue. I. Pp. 55–68. (In Russ.)
16. Pchelina, E. (1932) *Po Kurdistanskomu uyezdu Azerbaydzhana* [In the Kurdistan region of Azerbaijan]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 4. Pp. 108–121. (In Russ.)
17. Halle, F. W. (1938) *Women in the Soviet East*. London: Martin Secker & Warburg Ltd.
18. Mallowan, A. Ch. (2019) *Come, Tell Me How You Live: An Archaeological Memoir*. Bantam Books.
19. Vilchevsky, O. L. (1961) *Kurdy: vvedeniye v etnicheskuyu istoriyu kurdsogo naroda* [Kurds: An Introduction to the Ethnic History of the Kurdish People]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)

20. Bruinessen, M. van. (2001) From Adela Khanun to Leyla Zana: Women as Political Leaders in Kurdish History. Women of a Non-State Nation: The Kurds. Ed. by Shahrzad Mojab. California: Mazda Publishers. Pp. 95–112.

21. Gunter, M. (2014) Out of Nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War. Hurst. C. Hurst & Co.

22. Bayazidi, M. (1963) *Nravy i obychai kurdov* [Morals and customs of the Kurds]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. (In Russ.)

23. Avdal, A. (1957) *Byt kurdov Zakavkaz'ya* [Life of the Kurds of Transcaucasia]. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Russ.)

24. Bayrak, M. (2007) Osmanlı'da Kürt Kadını. Ankara: Özge Yayınları. (In Kurd., Turk.)

25. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkiye svodki* [All-Union population census December 17, 1926: brief summaries]. Moscow, 1927–1929. Vol. 4. *Narodnost' i rodnoy yazyk naseleniya SSSR* [Nationality and native language of the population of the USSR]. 1928. XXIX. (In Russ.)

26. n.a. (1904) *Materialy dlya opisaniya rusско-turetskoy voyny 1877–1878 g.g. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre s planami* [Materials for describing the Russian-Turkish war of 1877–1878 at the Caucasus-Asia Minor Theater with plans]. Compiled by Lieutenant Colonel Tomkeev. Vol. II. St. Petersburg. (In Russ.)

27. Tansel, A. T. (2001) Kurtuluş Savaşı'nda Kadın Askerlerimiz. Cumhuriyet. (In Turk.)

28. Martin, T. (2011) *Imperiya «polozhitel'noi deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

29. Tolz, V. (2013) «*Sobstvennyi Vostok Rossii*». *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period* [Russia's own Orient: the politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods]. St. Petersburg: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

30. Stalin, I. V. (1931) *O natsional'nom voprose i natsional'noy kul'ture* [On the national question and national culture]. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Culture and writing of the East]. Vol. 7–8. Pp. 5–13. (In Russ.)

31. Chernyaeva, N. (2022) *Voobrazhaya Sovetskii Vostok: narrativy populyarnoi etnografii v serii broshyur «truzhenitsa Vostoka», 1927–1929* [Imagining the Soviet East: Narratives of Popular Ethnography in a Series of Pamphlets, The Female Worker of the East, 1927–1929]. *Etnografiya* [Ethnography]. No. 3 (17). Pp. 149–178. (In Russ.)

32. Shturm, G. (1924) *Blizhaishye zadachi Mezhdunarodnogo Zhenskogo Sekretariata Komintern* [Immediate tasks of the International Women's Secretariat of the Comintern]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 11. Pp. 36–39. (In Russ.)

33. Nyurina, F. (1925) *V Sredney Azii* [In Central Asia]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 4. Pp. 78–83. (In Russ.)

34. Gopner, S. (1926) *Ko “dnyu pechati”* [For “Press Day”]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 4. Pp. 10–15. (In Russ.)

35. Smirnov, N. A. (1927) *The Kurdish woman* [Kurdskaya zhenshchina]. Moscow: Okhrana materinstva i mladenchestva NKZ. (In Russ.)

36. Smirnov N.A. (1928) Qurd Kadını. Baki, Azərənər. (In Azer.)

37. Shaverdova S. (1926) *Truzhenitsa Zakavkaz'ya na perevyborakh v soveti* [A worker of Transcaucasia during re-elections to the councils]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 12. Pp. 74–79 (In Russ.)

38. Todria S. (1935) *Vybory sovetov v Zakavkaz'ye* [Council elections in Transcaucasia]. *Revolutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 2. Pp. 69–70. (In Russ.)

39. n.a. (1938) *Sovetskaya Sibir* [Soviet Siberia]. No. 105 (5537). (In Russ.)

40. Seyfi, M. (1925) *Na pomoshch zhenskim promyslam na Vostoke* [To help women's crafts in the East]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 9. Pp. 75–79. (In Russ.)

41. Stolpnikova, M. I. (1934) *Torzhestvo plodorodiya v svobodnoy Adzharii* [Triumph of fertility in free Adjara]. *Iskusstvo* [Art]. No. 6. Pp.150–153. (In Russ.)

42. Shevchenko, A. V. (1980) *Sbornik materialov* [Collection of materials]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik. (In Russ.)

43. Chatoev Kh.M. (1965) *Kurdy Sovetskoj Armenii: istoricheskiy ocherk, 1920–1940* [Kurds of Soviet Armenia: a historical sketch, 1920–1940]. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Russ.)

44. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TsGA SPb). F. 4363. Op. 1. D. 973.

45. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 556.

46. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 464.

47. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 372.

48. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 1005.

49. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 1053.

50. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 587.

51. Konak, İ. (2024) Ferik Polatbekov. Hayati ve Şiirleri. İstanbul: Aram yayınları. (in Turk.)

52. n.a. (1924) *Zarya Vostoka* [The dawn of the East]. No. 555.

53. n.a. (1937) *Zarya Vostoka* [The dawn of the East]. No. 282.

54. Shchukin P., Shchukina A. (1927) Ocherki Armyanskogo nagor'ya [Sketches of the Armenian Highlands]. *Zemledeliye* [Agriculture]. Vol. 29. Issue. 1–2. Pp. 5–51. (In Russ.)

55. Bit-Sargiza (1924). *Assirijskaya zhenshchina* [Assyrian woman]. *Zarya Vostoka* [The dawn of the East]. No. 522. P. 4. (In Russ.)

Об авторе

Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: apobedonostseva@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6556-3950

About the author

Pobedonostseva-Kaya Angelika O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of the Middle East, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: apobedonostseva@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6556-3950

Статья поступила в редакцию 30.04.2024

Одобрена после рецензирования 24.06.2024

Принята к публикации 8.07.2024

Женский нарратив в Швеции: путь к обеспечению гендерного равенства

Е. А. Сорокина

В статье анализируются трансформации положения, прав и возможностей шведских женщин на протяжении XX в. и начала XXI в. в семье, на трудовом рынке, в общественно-политической сфере. Представляется актуальным исследование различных изменений правового, социального, трудового статуса шведок в контексте повседневности и взаимодействия с конкретными социально-экономическими условиями Швеции последних десятилетий. Процесс реализации комплекса мероприятий по достижению гендерного равноправия является сложным и многокомпонентным. Проявления этого процесса можно отметить практически во всех сферах общественной, политической, трудовой, семейной жизни и существования женщин. Формирование современной гендерной политики было начато социал-демократами еще в 1930-е гг. и связано с построением и осуществлением в стране государственной деятельности в области семьи. В контексте становления и развития прав женщин особое внимание уделено репродуктивному поведению женщин, его ограничениям и нормам. В статье присутствует историографический анализ, необходимый для адекватной оценки и понимания исследуемых процессов.

Ключевые слова: гендер и гендерные отношения, шведское женское движение, семейная политика, семья, брак, дети, репродуктивное поведение, общественно-политическая сфера женской активности.

Благодарности: Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Сорокина Е. А. Женский нарратив в Швеции: путь к обеспечению гендерного равенства // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 87–108. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_87. EDN: MFCFHF

Введение

Признанный в российском и мировом научном сообществе ученый, Н. Л. Пушкарева в своих исследованиях раскрыла огромный и востребованный в наши дни пласт женской истории как самостоятельную сферу научных знаний и независимую исследовательскую нишу, имеющую теоретическое и практическое значение.

Гендерная тематика и гендерный фокус представляют интерес и актуальны не только для антропологических исследований в широком смысле, но и для более полноценного и разностороннего понимания и оценки повседневности как важного социально-культурного феномена, который имеет непосредственное воздействие на прошлое, настоящее и влияет на будущее развитие любого общества. Н. Л. Пушкарева автор и редактор 15 монографий, многочисленных сборников научных статей и исследований [1–9].

Н. Л. Пушкарева – инициатор, организатор и президент РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории), являющейся ресурсом, который объединяет сегодня значительную часть тех, кто изучает эту проблематику в самых различных аспектах и контекстах. РАИЖИ является авторитетным лидером развития российских гендерных исследований.

В данной статье основное внимание сосредоточим на анализе изменений и трансформаций положения, прав и возможностей шведских женщин на протяжении последнего века в самых разных сферах их жизни и бытия – в общественно-политической области, в семье, на трудовом рынке. Также обратимся к некоторым аспектам проблематики женской повседневности, что представляется актуальным в контексте анализа социальных процессов. Наиболее полноценно проанализировать получение шведскими женщинами различных юридических, политических, трудовых прав, равно как и новых возможностей в социальной жизни, можно только при более широком анализе конкретного социально-экономического контекста общего развития страны в XX–XXI вв. Именно эти достижения способствовали продвижению общества и страны по пути гендерного паритета. Такой ракурс исследования представляется важным для более полной оценки движения как общества, так и самих женщин по пути решения гендер-

ных целей и задач. В статье предполагается проанализировать в той степени, в которой позволяют рамки работы, конкретно-исторические, экономические общественные условия жизни и существования шведского общества, которые способствовали в конечном итоге гендерным переменам.

На протяжении многих веков Швеция была небогатой аграрной страной, с довольно холодным климатом и преобладающим сельским населением, которое нуждалось в постоянной работе и надежных заработках. Однако суровый климат не гарантировал ни стабильности работы, ни устойчивых урожаев. К началу XX в. население страны достигло 5,5 млн чел. Во второй половине XIX – первой трети XX в. более 1 млн шведов эмигрировали в Северную Америку, в то время интенсивно развивавшуюся. Низкая цена на землю, широкие возможности ведения фермерского хозяйства и внедрение многочисленных технических новаций – этим отличалась жизнь на североамериканском континенте. Такие условия жизни и труда представляли большой интерес для тех, кто искал работу, и способствовали в конце XIX – начале XX в. росту иммиграционного потока на североамериканский континент. Направлялись в Северную Америку иммигранты и из Швеции.

Результаты

Первоначальные элементы женской общественной активности (деятельности вне семьи) зародились в Швеции еще во второй половине XVIII в. Именно в это время сложились условия для участия женщин в деятельности различных торговых и купеческих гильдий в стране, имеющей большое количество портов и хороших морских судов. Швеция в XVIII в. была крупнейшей морской и торговой европейской державой. Первоначально основной фокус активности «деловых» женщин был сосредоточен на получении прав, равных с мужчинами (прежде всего права наследования). В XVII–XVIII вв. Швеция активно участвовала в различных военных кампаниях, что вело к сокращению численности мужского населения. В таких условиях женщины получили возможность быть включенными в экономическую жизнь страны, участвовать в предпринимательской деятельности в торговых и купеческих гильдиях; стремились к участию в политической жизни

Швеции. Одинаковые права наследования для сыновей и дочерей были введены в 1845 г. [10].

Со второй половины XIX в. расширяются возможности для женской предпринимательской деятельности, а незамужние шведки с 25 лет становятся юридически правомочными. Тогда же женщины получили право на получение среднего и высшего педагогического образования [11, р. 311–341]. Таким образом начинался очевидный процесс формирования женского самосознания и накапливался ценный опыт участия женщин в экономической и общественно-политической жизни страны.

Ко второй половине XIX в. в Швеции уже сформировались и действовали несколько добровольных женских объединений. В то время получили довольно широкое развитие различные феминистские, филантропические, религиозные движения, а также популярное в стране общественное движение за трезвость. В числе добровольных женских организаций были «Объединение за имущественные права замужних женщин» (*Föreningen för giftkvinnans äganderätt*, создана в 1873 г.) и «Ассоциация им. Фредерики Бремер» (*Fredrika-Bremer-Förbundet*, создана в 1884 г.). Основными целями различных общественных объединений было использование всевозможных путей для получения и расширения женских прав и способов самореализации женщин в общественной, семейной, социально-экономической и политической сфере жизни. Женские активистки стали обращать внимание власти и общественности того времени на острые проблемы повседневности: тяжелое материальное положение молодых матерей-работниц, необходимость оказания им своевременной финансовой помощи и материальной поддержки для обеспечения условий жизни и ухода за малышами. В XX в. стали появляться общественные организации, ставившие целью своей деятельности борьбу за политические, экономические и социальные права женщин. Среди них назовем «Женский профсоюз», работающие женские организации различных политических партий¹.

В 1909 г. шведские женщины получили право участвовать в муниципальных выборах и избираться в муниципальные

¹ Rönnbäck J. Röststrättskampen – ett triangeldrama mellan kvinnor, män och staten // Göteborgs universitetsbibliotek. Available at: <http://www2.uu.se/kvinn/portaler/rostratt/historik/> (accessed 28 November 2023).

советы. В 1921 г. шведки получили право участвовать в выборах шведского парламента – риксдага [12, с. 249]. Одна из первых шведских женщин-депутатов в муниципальном собрании и риксдаге Элизабет Тамм (*Elisabeth Tamm*) в 1925 г. организовала Женскую гражданскую школу (*Kvinnligamedborgarskolan vid Fogelstad*), в которой женщины могли получить знания по различным актуальным политическим вопросам, в том числе о существующей в Швеции избирательной системе [11, р. 334]. В фокусе внимания и непосредственной практической деятельности первых шведских женщин-депутатов находились преимущественно вопросы получения женщинами равных с мужчинами политических и экономических прав, осуществления равных принципов начисления заработной платы и равного доступа к различным профессиям [13–15].

Шведская женщина в семье и на рынке труда.

Тенденции и реалии

В XIX – первой половине XX в. в Швеции была распространена традиционная нуклеарная семья, в которой женщина – хозяйка, жена и мать – была занята повседневным домашним трудом, ведением хозяйства, воспитанием детей, обеспечением бытовых потребностей членов семьи. Как и во многих других аграрных странах того времени, в Швеции женщины рожали несколько детей. Но вместе с тем существовала и высокая детская, в том числе младенческая, смертность. Преодолеть последствия факторов, способствующих ранней гибели детей, стало возможным значительно позднее, уже в XX в., благодаря новым медицинским и фармацевтическим технологиям по обеспечению материнства и детства.

Быстрый рост и расширение промышленного производства к началу XX в. во многих странах мира требовали все больше рабочих рук. Не стала исключением и Швеция. В первой трети XX в. в Швеции в условиях интенсивного экономического развития росла потребность в новых рабочих руках и, соответственно, в росте населения страны. Успешному решению задач по увеличению численности народонаселения способствовали технологический прогресс, развитие различных медицинских направлений (разработка производства асептиков и антисептиков, создание новых лекарственных препаратов

и методик лечения), а также проведение комплекса мероприятий, направленных на сохранение жизни детей и матерей. В 1930-е гг. население Швеции превысило 6 млн чел., а к началу 1950-х гг. (до наступления массовой трудовой иммиграции 1960-х гг.) – более 7 млн чел. Женщины составляли немного больше половины населения страны¹.

Существенные изменения в социальном статусе шведских женщин стали происходить уже во второй половине XX в., когда более важным стало взаимодействие и сочетание разных социальных ролей женщин как резервного трудового ресурса, с одной стороны, и традиционной роли матери и жены, с другой стороны². Однако нормы, обеспечивающие реализацию прав женщин в связи с беременностью (и родами) или необходимостью ее прерывания, долгое время не были разработаны в должной степени. В повседневной жизни шведских женщин на протяжении многих десятилетий и практически всей первой половины XX в. имели место практики прерывания беременности без медицинского сопровождения. Такие нелегальные действия в соответствии с существовавшими в то время шведскими законами подлежали уголовному преследованию. Отметим, что предусматривалась юридическая ответственность как в отношении тех, кто проводил такие нелегальные процедуры, так и тех женщин, кто соглашался на ее проведение.

Особое значение для некоторого улучшения положения молодых работающих матерей имел «Закон об охране труда», принятый в самом начале XX в. В соответствии с его предписаниями женщинам-работницам запрещалось выходить на работу первые четыре недели после родов. Позднее этот срок был увеличен до шести недель. Важно было, что молодые матери получили возможность самим кормить своих новорожденных детей, что, безусловно, положительно влияло на формирование иммунитета и здоровье малышей. Однако послеродовой отпуск матерей-работниц никак не оплачивался, и молодые матери-работницы по этой причине не очень охотно стремились следовать нормам этого закона [16, с. 289]. Важным шагом шведской социальной политики по отношению к женщинам

¹ StatistiskaSvenskbyrån (Statistics Sweden). Available at: <http://www.scb.se/> (accessed 30 November 2022).

² Informationsverige.se (2018) Швеция в XX веке. URL: [https://www.informationsverige.se/ru/jag-har-fatt-up-pehallstillstand/samhallsorientering/boken-om-sverige/att-komma-till-sverige/sverige-under-1900-talet_\(дата_обращения: 28.11.2021\).](https://www.informationsverige.se/ru/jag-har-fatt-up-pehallstillstand/samhallsorientering/boken-om-sverige/att-komma-till-sverige/sverige-under-1900-talet_(дата_обращения: 28.11.2021).)

и семье имело введение в 1913 г. всеобщей народной пенсии. И хотя это решение касалось не всех, кто являлся наемным работником, по сути, так начала создаваться будущая система всеобщего социального страхования. В дальнейшем Закон о государственных пенсиях был принят в 1935 г., а в 1946 г. право на пенсию получили все граждане – пенсионеры по возрасту, а также вдовы и инвалиды. Еще одним шагом в сторону некоторого улучшения положения матерей-работниц стало принятие в начале 1930-х гг. «Закона о страховании по беременности и родам», закрепившим право молодых матерей на получение небольших выплат и пособий.

Несмотря на сложную политическую и социально-экономическую ситуацию, рост внешнеполитической напряженности на международной арене в 1930-е гг., шведские власти стремились разрабатывать и предпринимать определенные меры по некоторому улучшению положения трудящихся женщин-матерей. Такая политика имела важное значение для решения демографических задач, которые в те годы актуализировались в контексте депопуляции населения Швеции, о чем писали известные шведские общественные деятели Гуннар и Альва Мюрдали в своей книге «Кризис народонаселения» [17]. Шведская общественность того времени активно обсуждала демографические проблемы. На страницах газет и в общественных дебатах проводились дискуссии по вопросам количественного увеличения шведского населения, обсуждались действия правительства по мерам, направленным на некоторое улучшение положения матерей [18; 19].

Важное место в общественных дебатах занимал вопрос о легализации абортов, имеющей практическое значение для сохранения женского репродуктивного здоровья. После проведения серьезной предварительной работы, многочисленных дебатов общественности и профессионального медицинского сообщества в 1938 г. был разработан и принят «Закон о легализации абортов». Разрешалось проводить указанную процедуру только по медицинским и гуманитарным показаниям. Но, несмотря на ограниченные возможности использования практики медицинского прерывания беременности, это был начальный шаг в постановке ключевого для женщин вопроса о праве на самостоятельный выбор собственного репродуктивного поведения.

Правда, окончательное решение этой проблемы произошло уже значительно позже. Под медицинскими показаниями для совершения процедуры подразумевалась угроза жизни и здоровью ребенка или матери, наличие серьезного заболевания, криминальные причины. В этой редакции закона речь еще не шла о выборе женщиной своего репродуктивного поведения или об учете социально-экономических обстоятельств жизни будущей мамы, уровне ее доходов. В соответствии с этим законом решение о проведении процедуры могли принимать только уполномоченные органы.

Важное влияние на изменение социального и репродуктивного поведения шведских женщин имело развитие фармацевтической промышленности и появление в 1960-е гг. разнообразных средств контрацепции. Женщины получили возможность выбора своего сексуального поведения. Такое развитие событий привело к тому, что реальностью стал выбор формы семьи – свободные партнерские отношения или официально зарегистрированный брак. Прежде партнерские отношения между мужчиной и женщиной не рассматривались как полноценная семья, имеющая право на существование. Теперь общество стало воспринимать такие отношения более спокойно, традиционные этические нормы моногамии уже не оказывали столь сильного давления, как прежде. Развитие медицины имело важные социальные последствия: радикальные изменения репродуктивного поведения женщин, произошедшие в связи с появлением и распространением на потребительском рынке страны в 1960-е гг. многочисленных средств контрацепции, дали женщинам больше возможностей для самостоятельного выбора брачного партнера, формы семьи и в итоге – своего жизненного сценария [20; 21, p. 71].

Серьезные изменения, произошедшие в общественном сознании по вопросам семьи и брака, нашли свое отражение и в социальной жизни. Женщины получили определенную свободу выбора своего сексуального поведения, а общество, общественное мнение и общественная мораль стали спокойнее воспринимать новые формы семейных отношений, переставшие быть крепко привязанными к жестким этическим и традиционным моногамным нормам морали и жизни. В конце XX в. в Швеции получила широкое распространение партнерская форма брака,

предполагающая совместное проживание супругов без юридического оформления брака – *samboende, sambo* (совместное проживание или сожитительство), а также раздельное проживание партнеров-супругов – *särbo*. Законодательно было закреплено, что и дети, и сами партнеры в таких партнерских браках имеют равные права, аналогичные правам, возникающим из оформленных брачных отношений. Это касалось и наследства, и иных юридически значимых вопросов [22, р. 132, 140].

Обращаясь к изучению трансформаций положения шведских женщин, невозможно обойти вниманием практику взаимодействия государства и общества, сотрудничества различных социальных и общественных структур, направленного на изменение отношения к семье, правового статуса женщины, укрепления места и роли женщины на рынке труда, поддержки молодых семей, родителей и детей, через систему пособий и выплат. Многие важные социальные задачи в стране решаются путем перераспределения собираемых налогов (или общественного дохода) через сложную систему различных пособий и разнообразных выплат молодым семьям, родителям и детям. В процессе принятия и осуществления такого рода решений участвуют шведский парламент (риксдаг), государственные административные и муниципальные власти. Конкретная реализация таких программ осуществляется через социальные, страховые, пенсионные и иные фонды, а также через статьи муниципальных бюджетов, которые тратятся на местные нужды, к примеру на содержание школ.

В 1930-х гг. весь мир переживал глубокий экономический кризис, спад промышленного производства, глобальную экономическую депрессию. Коснулись эти процессы и Швеции. Победа шведских социал-демократов на парламентских выборах 1932 г. привела к серьезным последствиям для всей социальной системы страны, прежде всего для молодых матерей и работающих женщин. Социал-демократы разработали многовекторную, комплексную социальную программу для решения текущих актуальных социально-экономических задач и подъема страны, рассчитанную на длительный, многолетний период. Именно в это время были созданы многие управленческие структуры, которые успешно действуют и в настоящее время. Программа включала мероприятия по оказанию социальной и медицин-

ской помощи населению, организации медико-социальных поддержки для различных категорий населения – детей, инвалидов, пенсионеров, укреплению системы социального страхования.

Шведские социал-демократы, возглавляя исполнительную власть (в 1932–1976 гг. бессменно) на протяжении многих десятилетий довольно успешно осуществляли разработанную ими еще в 1930-е гг. государственную социальную политику в сфере семьи, детства и поддержки женщин, которая получила название семейной политики (*familjepolitik*). Реализация этой большой и объемной социальной программы способствует тому, что шведское государство оказывает финансовую, медицинскую и иную помощь всем жителям страны, женщинам-матерям, семьям с детьми, молодым родителям, родителям-одиночкам, а также аналогичным категориям тех, кто проживает в стране, не являясь ее гражданином, т. е. мигрантам, беженцам.

Гендерный паритет – пути достижения, политические партии, административная структура

Во второй половине XX в., в условиях происходивших в стране социально-экономических процессов, экономическое положение шведских женщин, их позиции на рынке труда претерпели существенные изменения. Активное экономическое развитие Швеции, начавшееся с середины прошлого века, привело к количественному и качественному изменению трудового и потребительского рынка страны. Потребовалось большое количество новых рабочих рук. Источников для привлечения новых участников рынка труда было относительно немного – трудовые иммигранты из разных регионов Европы и мира и женщины, основная часть которых до того времени занимались в основном семьей и домашним трудом. В 1960–1970-е гг. на шведский рынок труда стали активно выходить шведки – бывшие домохозяйки, и шведские работодатели тогда предпочитали брать на работу шведок, нежели иммигрантов и иностранцев [23, р. 49]. Такая трудовая политика в свою очередь стимулировала дальнейшее развитие гендерных изменений в обществе, политике, экономике. Активизировалось и женское движение. Необходимость расширения участия самих шведок в трудовых отношениях актуализировала разработку и осуществление государственной социальной политики, направленной

на увеличение количества детских садов и яслей, создание и организацию, а впоследствии и расширение системы ухода за престарелыми и инвалидами, больными людьми и детьми, развитие групп продленного дня в школах и создание в городах и поселках детских центров досуга. Развитие государственных социальных программ предоставило дополнительные возможности для совмещения женщинами материнства и наемной работы, снимая часть нагрузки по уходу за детьми и передавая эти функции в компетенцию общественного сектора.

Для успешной реализации адресной социальной политики еще в 1930-е были созданы различные специальные государственные органы, занимающиеся практическим осуществлением социальной политики, в том числе министерство здравоохранения и социального развития Швеции, включающее множество подразделений по социальному обеспечению, здравоохранению, по делам детей, пожилых людей и гендерного равенства. основополагающими элементами являются системы социального страхования, здравоохранения и пенсионная система. В функции государственных структур входят организация и обеспечение ухода за детьми в детских садах и школах, в различных досуговых центрах, обеспечение социального страхования и медицинской помощи, социальный уход и патронаж за пожилыми людьми, поддержка населения с особыми потребностями. Все социальные службы, осуществляющие работу с различными категориями населения, в конечном итоге оказывают значительную помощь шведкам, которые традиционно задействованы в ведении домашнего хозяйства и уходе за членами семьи значительно больше мужчин. Мы уже отмечали, что в Швеции широко распространена система выплат различных пособий на детей. Помимо этого, в стране действуют и иные социальные преференции – практически бесплатное образование (школьное, гимназическое, высшее), регулярные медицинские осмотры детей в садах и школах, всеобщая бесплатная медицинская помощь жителям страны (не только гражданам, но и мигрантам) до 20 лет.

Важными шагами шведских властей по достижению и реализации гендерного паритета в обществе стало и введение оплачиваемого родительского отпуска для обоих родителей в связи с рождением малыша. Молодые родители получили

равное право на использование месячного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком благодаря введению программ родительского страхования (1974 г.), что позволило обоим родителям по очереди использовать оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком. Впоследствии (2016 г.) законодательно была закреплена возможность каждому из родителей брать трехмесячный отпуск, который позволял матери и отцу более качественно осуществлять свои родительские права и обязанности. С 1991 г. юридическую силу в стране получил «Закон о равенстве между мужчинами и женщинами», по которому работники (и мужчины, и женщины) имеют равные права и гарантированную возможность совмещать работу и родительство (без дискриминации по полу).

Становлению и развитию политики гендерного паритета в немалой степени способствовало введение практики сбора индивидуального подоходного налога (1971 г.), что было выгодно работающим женщинам. Постоянно совершенствовалась и развивалась государственная и муниципальная система детских учреждений (детские ясли, в которые сейчас в Швеции принимают детей с годовалого возраста, детские сады, досуговые центры, группы продленного дня что облегчало работающим женщинам решение задач по уходу за детьми) [24].

По мере своего развития и укрепления политические партии Швеции стали обращать больше внимания на важность и необходимость привлечения в свои ряды женщин в качестве активного электората. Политические партии создавали женские союзы и организации, ориентированные на расширение участия женщин в работе этих партий, их вовлеченность в общественно-политическую жизнь. Политики стали публично признавать важность женского участия в деятельности политических партий [25]. Шведские партии имеют, как правило, свои хорошо организованные женские объединения. Женская секция Социал-демократической партии Швеции, к примеру, была организована еще в 1920 г. и сразу же начала заниматься привлечением новых членов и деятельностью по укреплению именно женской поддержки социал-демократов при голосовании на выборах разного уровня. Шведская консервативная партия (Moderatasamlingspartiet) имеет организацию «Умеренные женщины» (Moderatkvinnorna). У Либеральной партии

Центра (Centerpartiet) есть организация «Женщины Центра» (Centerkvinnorna). Либералы (Liberalerna), Христианские демократы (Kristdemokraterna), левая партия (Vänsterpartiet), правая партия Шведские демократы (Sverigedemokraterna) также имеют в своих рядах значительное количество активных женщин. В числе своих задач политические партии видят достижение гендерного баланса (jämställdhet), обеспечение равенства возможностей для мужчин и женщин в профессиональной, общественной, политической и приватной жизни. Существует еще более широкое понятие равенства (jämlighet), означающее равное положение для каждого и любой социальной группы, независимо от сопутствующих факторов (пол, вероисповедание, этническая и социальная принадлежность).

В контексте решения актуальных задач по достижению гендерного равенства были созданы различные государственные органы, деятельность которых связана с контролем за соблюдением гендерных норм «равенства полов» в политической, социально-экономической жизни в рамках государственной гендерной политики (Jämställdhetspolitik). В настоящее время действуют специальные структуры, контролирующие соблюдение гендерных пропорций и равноправия для женщин и мужчин во всех областях социальной и экономической жизни. Также существует должность министра по вопросам гендерного равенства (Jämställdhetsminister), который координирует правительственную политику в этих вопросах. Однако главы шведских министерств также несут ответственность за соблюдение политики равенства полов в своей подведомственной области. Основное внимание обращается на преодоление во всех областях возможных гендерных диспропорций и соблюдение гендерного паритета, уравнивание прав женщин в области политической и экономической сфере, создание и реализация возможностей женщинам для равного получения образования и медицинской помощи, преодоления домашнего насилия.

Помимо функционирования многочисленных общественных советов по вопросам гендерного равенства, существует и действует специальный представитель по равным возможностям полов (Jämställdhetsombudsmannen). Каждое административное территориальное подразделение (лен) имеет свою специальную разработанную стратегию в вопросах ген-

дерного паритета, а при территориальных администрациях разного уровня существуют эксперты по вопросам равенства полов. В сложной системе контроля и реализации политики гендерного паритета функционирует Комиссия по равным возможностям (Jämställdhetsnämnden), отслеживающая баланс гендерного равенства на рынке труда. Также действует Совет по делам равенства – совещательный орган, в котором представлены женские организации, профсоюзы, работодатели. В 2020 г. Швеция заняла четвертое место в мире по решению вопросов равноправия полов¹.

Гендерные исследования – важная часть реализации гендерной политики

Вместе с развитием общественной жизни накапливались и систематизировались знания об обществе, роли женщины в политических, экономических и социальных процессах. По мере расширения и актуализации женской проблематики гендерное направление получило мощный импульс в антропологических исследованиях последней трети XX в. На протяжении предыдущих десятилетий такие исследования чаще назывались феминистскими. В последней трети XX в. основное внимание исследователей было направлено на изучение социальных и культурных конструкций, социально-экономических и политических условий жизни субъектов (мужчин и женщин) как в обществе, так и на рынке труда, в семье и на работе. В исследованиях использовались различные методологические стратегии и методы (прежде всего сравнительный, филологический, интерпретационный, этнографический, социологический) [26]. Выход на рынок труда бывших домохозяйек поставил и новые вопросы в исследовательском поле, в изучении конкретной сферы производственного и потребительского рынков, сферы частной жизни. Потребовались адекватные ответы на текущие социальные и экономические вопросы. Приобрели актуальность и востребованность многочисленные исследования, касающиеся положения женщин в трудовой сфере и жизненном пространстве, на производстве, в семье, а также социально-экономические

¹ Global Gender Gap Report 2020 / World Economic Forum. – 2019. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (accessed: 10.11.2021); Gender equality in Sweden. Available at: <https://sweden.se/society/gender-equality-in-sweden/> (accessed 10 November 2021).

условия жизни и труда женщин-матерей [27; 28]. Заинтересованность общественности и ученых – социальных антропологов в расширении гендерных исследований, которые становились более разнообразными по тематике и методологии, стала усиливаться по мере увеличения женского участия на рынке труда и укрепления принципов гендерного паритета. Одним из важных факторов, способствующих развитию гендерных исследований, была общественная активность самих шведок. Видными шведскими исследователями гендерной проблематики в конце XX – начале XXI в. являются Ивон Хирдман, Анн-Софи Оландер, Гунилла Фюрст [29], Ула Викандер [30], Гунилла Бьерен [31] и др. Сами исследователи гендерной проблематики нередко являются активистками женского движения. Ивонн Хирдман, например, активистка социал-демократической партии Швеции. Научные и исследовательские дискуссии, касающиеся гендерных тем, привлекают все более пристальное внимание властей к текущим социальным процессам.

Изучение различных аспектов функционирования современного шведского общества, в том числе и в мультикультурном контексте, предполагает в том числе и исследования, касающиеся женщин-иммигранток, их жизненных и семейных стереотипов, алгоритмов поведения в новой для них чужой стране [32]. В фокусе социальных и антропологических гендерных исследований появились и такие темы, как культурные и общественные традиции и новации, культурологическая оценка современной общественно-политической ситуации, особенности диалога между государственными органами и активистками женских организации [33]. Состояние и перспективы гендерных исследований, касающиеся изучения различных аспектов положения женщин, являются отражением общего уровня социально-экономического развития страны и общества.

Обсуждение и выводы

Многообразная деятельность шведских властей по изменению и улучшению положения женщин-тружениц, матерей и детей, людей старшего поколения проявляется в различных формах и направлениях и является в определенном смысле результатом и достижением женского движения Швеции, представительницы которого всегда ставили в общественном дискурсе

актуальные вопросы. Отметим, что общественная активность и ее проявления у женщин-активисток были весьма разнообразны по форме и содержанию в различные периоды времени, зачастую зависели от конкретного социально-экономического контекста (например, в условиях политики противодействия коронавирусу) [34]. Первоначально интересы женщин были нацелены на решение практических, житейских задач – получение собственных, личных юридических прав и возможностей. Впоследствии для активной части шведских женщин стали востребованы и вопросы общественной, политической и социальной активности – избирательное право, получение и реализация равных прав и возможностей в экономической, общественной, политической жизни [3, с. 181]. На протяжении последних десятилетий женщины стремятся добиться равного участия, наравне с мужчинами, в практике принятия политических решений и деятельности представительных органов власти, участия во властных структурах, органах муниципального и государственного самоуправления. Для политиков и политических партий стала очевидным фактом необходимость борьбы за голоса женщин, являющихся значительной и, нередко, активной частью электората. И политики проявляли усилия в стремлении завоевать симпатии и голоса женской части избирателей. А для успеха таких действий существует единственный путь – это анализ и учет женских интересов и требований, практическая реализация этих целей и задач в программах партий и практическая реализация целей и задач на практике.

Несмотря на достигнутые в Швеции успехи в реализации норм гендерного равенства, еще остаются сферы жизни, где для женщин есть перспективы совершенствования как своего положения, так и возможностей. На рынке труда, как и прежде, присутствует разделение по секторам – частный и общественный сегменты. Женщины в основном заняты (и с меньшей оплатой) в общественном секторе экономики, а мужчины – в более доходном частном секторе. Мужчины значительно чаще представлены и на руководящих должностях. Кроме того, женщины, как правило, активнее вовлечены в домашнюю, бесплатную работу. Безусловно, успехи Швеции в улучшении социального и политического положения женщин в шведском обществе, достижении гендерного паритета очевидны.

Сами шведки активно инициировали и продвигали свои интересы, добиваясь изменений в различных областях общественной, трудовой и частной жизни (представительство, равные права в трудовой и политической жизни, за более равномерное, справедливое распределение неоплачиваемого домашнего труда в семье и по уходу за детьми и престарелыми и пр.). Шведки заявляли о своих проблемах и недостаточных возможностях в «большом мужском мире» в общественных движениях, многочисленных публикациях, выступая за возможные изменения своего положения в различных сферах – производственной, общественной, приватной. Вместе с тем надо отметить важную роль того, что на практике присутствовало понимание шведскими социал-демократическими властями актуальности выдвигаемых гендерных проблем. В итоге принимались многие постановления, законы, установления и положения, направленные на улучшения положения женщин-работниц, молодых матерей и трудящихся женщин в самых разных экономических, общественных, социальных сферах деятельности.

Конкретными практическими результатами осуществления различных государственных социальных планов, направленных на поддержку семьи, детства и женщин стали рост участия самих женщин на рынке наемного труда, стабильно функционирующая социальная система, развитие и увеличение числа разнообразных социальных учреждений и программ по уходу за детьми и за пожилыми, развитие досуговых центров для детей и прочее. Для женщин все более актуализируется роль и значение общественной сферы деятельности, которая подразумевает не только трудовые отношения, но и активное участие и восприятие общественно-политической сферы жизни страны. Такие тенденции в итоге ведут и к смене традиционных гендерных стереотипов. Отметим, что представляется интересным и ценным опыт существующих в шведской школьной программе практических занятий и обучения навыкам ведения домашнего хозяйства, ухода за малышами не только девочек, но и мальчиков. Социальная и гендерная интеграция молодых девушек и юношей в современном обществе – непростой процесс, обусловленный многими факторами, в том числе социальной и общественной активностью граждан, уровнем потребления социальных благ и степенью участия в их созда-

нии. В заключение отметим, что успешное решение проблем гендерного паритета, содействует поступательному социальному и экономическому развитию и продвижению как самого общества, так и действующих социальных институтов как механизма его управления.

Даже бегло рассмотренный шведский опыт решения гендерных вопросов позволяет понять, что социальная составляющая любого общества, представленная отношением и положением в данном обществе семьи, детей, женщин является важным показателем общего уровня развития страны и общества. Равно как и то, что в этой картине находят свое отражение и существующие проблемы и сложности. Успех процесса становления гендерного паритета и смены гендерных стереотипов как в семье, так и обществе, возможен и реален при наличии необходимых и достаточных социально-экономических факторов и, безусловно, не является синонимом отсутствия социальных противоречий и конфликтов в изучаемом обществе.

Список литературы

1. Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
2. Пушкарёва Н. Л., Александров В. А., Власова И. В. Русские: этнотерритория, расселение, численность, исторические судьбы (XII–XX вв.). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. 189 с. EDN RRFOHT.
3. Пушкарёва Н. Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М.: ИЭА РАН, 1996. 285 с. EDN RAOGYD.
4. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 1997. 381 с.
5. Пушкарёва Н. Л. Русская женщина: история и современность: два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000: материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 522 с.
6. Пушкарёва Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.
7. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница М.: Ломоносовъ, 2012. 210 с.
8. Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 446 с.
9. Пушкарёва Н. Л., Белова А. В., Мицюк Н. А. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 500 с.
10. Сорокина Е. А. Российская империя как субъект международных отношений (на примере российско-шведских отношений в 60-х годах XVIII в.) // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): в 2 ч. Ч. 1: материалы XVIII междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г. / под ред. Н. С. Нижник. Электронные дан. (3,90 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 336–340.
11. Offen K. M. More feminisms in National Settings: Portugal, Ireland, Spain and Sweden // European Feminisms, 1700–1950: A Political History. Stanford, 2000. 521 p.

12. Мелин Я., Юханссон Альф В., Хеденборг С. История Швеции. М.: Весь мир, 2002. 400 с.
13. Hirdman Y. Kvinnohistoria: om kvinnors villkor från antiken till våra dagar. Häftad, Stockholm, 2000. 224 p.
14. Ohlander A. S. Tusen svenska kvinnoår: Svensk kvinnohistoria från vikingatid till nutid / Ann-Sofie Ohlander och Ulla-Britt Strömberg. 2. uppl. Stockholm: Prisma, Cop., 2002. 210 p.
15. Ohlander A. Kvinnor, barn och arbete i Sverige (1850–1993). Stockholm: Fritze, 1994. 54 p.
16. Создавая социальную демократию / ред. К. Мисгельд, К. Мулин, К. Омар. М.: Весь Мир, 2001. 591 с.
17. Myrdal G., Myrdal A. Kris i befolkningsfrågan. Nya Doxa, 1997. 332 p.
18. Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике: Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009. 312 с.
19. Etzemuller Th. Alva and Gunnar Myrdal: Social Engineering in Modern Society. Lexington Books, 2014. 366 p.
20. Сорокина Е. А. Репродуктивные права шведских женщин: трансформация на протяжении столетия // Медицинская антропология и биоэтика. 2021. № 1(21). С. 29–40. – DOI 10.33876/2224–9680/2021–1–21/03. – EDN LKHEMN
21. Källemark A. – S. Kommer familjen att överleva? Historiska aspekter på äktenskap och familj i det svenska smahället, Den utSatta familjen: liv, arbete och samlevnad i olika nordiska miljöer under de senaste tvåhundra åren, Norman, H. (ed.). Stockholm: LT, 1983. 97 s.
22. Agell A., Arve-Parés B., Björnberg U. (eds.) Modern familjeliv och familjeseparation. Stockholm: Socialvetenskapliga forskningsrådet, 1993. 391 p.
23. Fransson S., Stuber E. Diskrimineringslagen. En kommentar. Stockholm: Norstedts, 2015. 112 p.
24. Сорокина Е. А. Дети и родители современной Швеции // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019. – С. 272–277. – EDN JSBBYU.
25. Степанова Н. М., Кириченко М. М., Кочкина Е. В. Политика гендерного равенства в скандинавских странах // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2003. 991 с.
26. Сорокина Е. А. Шведская этнология и реалии общественной жизни // Современная европейская социокультурная антропология и этнология: историографические очерки / отв. ред. М. Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 375–404.
27. Daun Å. Med rörligt sökarpjus. Den nya etnologins framväxt under 1960 – och 1970-talet. Enpersonligtidskildring. Stockholm: Stehag, 2003. 248 p.
28. Familj och kön: etnologiska perspektiv / red. Britta Lundgren, Inger Lövkrona, Birgitta Meurling. Lund: Studentlitteratur 1999. 207 p.
29. Fürst G. Jamstallda pa svenska. Stockholm: Svenska institutet, 1999. 96 p.
30. Wikander U. Kvinnoarbete i Europa 1789–1950 – Genus, makt och arbetsdelning. Stockholm: Bokförlaget Atlas, 2006. 196 p.
31. Bjerén G. Livstider: kvinnors liv på 1900 – talet. Stockholm: Instant Book AB, 2009. 216 p.
32. Сорокина Е. А. Некоторые повседневные стратегии жизни женщин-иммигранток в современной Швеции // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 05–08 октября 2023 г. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. Ч. 1. Кострома: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2023. – С. 436–440. EDN CXXCJG.
33. Сорокина Е. А. Гендерная история в социально-экономическом контексте (опыт Швеции) // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы: материалы XIV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, Кишинев, 30 сентября – 3 октября 2021 г. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. Ч. 2. Кишинев: ИЭА РАН, 2021. С. 51–55. – EDN MEDIUK.
34. Сорокина Е. А. Коронавирус по-шведски // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1(19). С. 185–213. – DOI 10.33876/2224–9680/2020–1–19/11. EDN VZKRLU.

Women's Narrative in Sweden: The Path to Gender Equality

Elena A. Sorokina

The article analyzes the transformations of the position, rights and opportunities of Swedish women throughout the 20th century and the beginning of the 21st century in the family, in the labor market, and in the socio-political sphere. It seems relevant to study various changes in the legal, social, and labor status of Swedish women in the context of everyday life and interaction with the specific socio-economic conditions of Sweden in recent decades. The tasks and process of implementing a set of measures to achieve gender equality is complex and multi-component. Manifestations of this process can be noted in almost all spheres of social, political, labor, family life and existence of women. The formation of modern gender policy was started by the Social Democrats back in the 1930s and was associated with the construction and implementation of state family policy in the country. In the context of the development of women's rights, special attention is paid to the reproductive behavior of women, its limitations and norms. The article contains a historiographical analysis necessary for an adequate assessment and understanding of the processes under study.

Key words: gender and gender relations, Swedish women's movement, family policy, family, marriage, children, reproductive behavior, socio-political sphere of women's activism.

Acknowledgements: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Sorokina, E. A. (2024) Zhenskij narrativ v SHvecii: put' k obespecheniyu gendernogo ravvenstva [Women's Narrative in Sweden: The Path to Gender Equality]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 87–108. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_87. EDN: MFCFHH

References

1. Pushkareva, N. L. (1989) *Zhenshchiny Drevnei Rusi* [Women of Ancient Russia]. Moscow: Mysl. (In Russ.)
2. Pushkareva, N. L., Alexandrov, V. A., Vlasova, I. V. (1995) *Russkie: etnoterritoriya, rasselenie, chislennost', istoricheskie sud'by (XII–XX vv.)* [Russians: ethnoterritorium, settlement, number, historical destinies (12th – 20th centuries)]. Moscow: Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. EDN RRFOHT. (In Russ.)
3. Pushkareva, N. L. (1996) *Zhenshchiny Rossii i Evropy na poroge Novogo vremeni* [Women of Russia and Europe on the threshold of Modern time]. Moscow: IEA RAS. EDN RAOGYD. (In Russ.)
4. Pushkareva, N. L. (1997) *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v doindustrial'noi Rossii. X – nachalo XIX v. Nevesta, zhena, lyubovnitsa* [The private life of a woman in pre-industrial Russia. 10th – early 19th century. Bride, wife, lover]. Moscow: Ladomir. (In Russ.)
5. Pushkareva, N. L. (2002) *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost': dva veka izucheniya «zhenskoi temy» russkoi i zarubezhnoi naukoj, 1800–2000: materialy k bibliografii* [Russian woman: history and modernity: two centuries of studying the "women's theme" by Russian and foreign science, 1800–2000: materials for bibliography]. Moscow: Ladomir. (In Russ.)
6. Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)

7. Pushkareva, N. L. (2012) *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v Drevnei Rusi i Moskovii: nevesta, zhenazhen, lyubovnitsa* [The private life of a woman in Ancient Russia and Muscovy: bride, wife, mistress]. Moscow: Lomonosov. (In Russ.)

8. Pushkareva, N. L. (2017) *Zhenshchiny Drevnei Rusi i Moskovskogo tsarstva X–XVII vv.* [Women of Ancient Russia and the Moscow Kingdom of the 10th – 17th centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House. (In Russ.)

9. Pushkareva, N. L., Belova A.V., Mitsuk N. A. (2021) *Smetaya zaprety: ocherki russkoi seksual'noi kul'tury XI–XX vekov* [Sweeping away prohibitions: essays of Russian sexual culture of the 11th – 20th centuries]. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)

10. Sorokina, E. A. (2021) *Rossiiskaya imperiya kak sub'ekt mezhdunarodnykh otnoshenii (na primere rossiisko-shvedskikh otnoshenii v 60-kh godakh XVIII v.)* [The Russian Empire as a subject of international relations (on the example of Russian-Swedish relations in the 60s of the 18th century)]. *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 300-letiyu Rossiiskoi imperii)* [State and law: evolution, current state, development prospects (to the 300th anniversary of the Russian Empire)]. In 2 parts. Part 1: Materials of the XVIII international scientific conference. St. Petersburg, April 29–30, 2021. Ed. N. S. Nizhnik. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Pp. 336–340. (In Russ.)

11. Offen, K. M. (2000) More feminisms in National Settings: Portugal, Ireland, Spain and Sweden. *European Feminisms, 1700–1950: A Political History*. Ed. K. M. Offen. Stanford.

12. Melin, Ya., Johansson, Alf V., Hedenborg, S. (2002) *Istoriya Shvetsii* [The history of Sweden]. Moscow: The Whole world. (In Russ.)

13. Hirdman, Y. (2000) *Kvinnohistoria: om kvinnors villkor från antiken till våra dagar*. Häftad, Stockholm.

14. Ohlander, A. S. (2002) *Tusen svenska kvinnoår: Svensk kvinnohistoria från vikingatid till nutid* / Ann-Sofie Ohlander och Ulla-Britt Strömberg. 2. uppl. Stockholm: Prisma, Cop.

15. Ohlander, A. (1994) *Kvinnor, barn och arbete i Sverige (1850–1993)*. Stockholm: Fritze.

16. *Sozdavaya sotsial'nuyu demokratiyu* (2001) [Creating social democracy]. Eds. K. Misgeld, K. Mullin, K. Omark. Moscow: Whole World. (In Russ.)

17. Myrdal G., Myrdal A. (1997) *Kris i befolkningsfrågan*. Nya Doxa.

18. Carlson, A. (2009) *Shvedskii eksperiment v demograficheskoi politike: Gunnar i Al'va Myrdali i mezhdvoennyy krizis narodonaseleniya* [The Swedish experiment in demographic policy: Gunnar and Alva Myrdal and the interwar population crisis]. Moscow: IRISEN, Mysl. (In Russ.)

19. Etemuller, Th. (2014) *Alva and Gunnar Myrdal: Social Engineering in Modern Society*. Lexington Books.

20. Sorokina, E. A. (2021) *Reproduktivnyye prava shvedskikh zhenshchin: transformatsiya na protyazhenii stoletiya* [Reproductive rights of Swedish women: transformation over the course of a century]. *Meditsinskaya antropologiya i bioetika* [Medical anthropology and bioethics]. No. 1 (21). Pp. 29–40. DOI 10.33876/2224-9680/2021-1-21/03. EDN LKHEMN. (In Russ.)

21. Källemark, A. – S. (1983) *Kommer familjen att överleva? Historiska aspekter påäkten-skap och familj i det svenska smahället, Den utSatta familjen: liv, arbete och samlevnad i olika nordiska miljöer under de senaste tvåhundra åren*, Norman, H. (ed.), Stockholm: LT

22. Agell, A., Arve-Parés, B., Björnberg, U. (eds.) (1993) *Modern familjeliv och familjesepara-tione*. Stockholm: Socialvetenskapliga forskningsrådet.

23. Fransson S., Stuber E. (2015) *Diskrimineringslagen. En kommentar*. Stockholm: Norstedts.

24. Sorokina, E. A. (2019) *Deti i roditeli sovremennoi Shvetsii* [Children and parents of modern Sweden]. *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i sotsial'noi istorii povsednevnosti* [Gender in the focus of anthropology, family ethnography and social history of everyday life]. Moscow: N. N. Miklouho-Maclay RAS Institute of Ethnology and Anthropology. Pp. 272–277. EDN JSBBYU. (In Russ.)

25. Stepanova, N. M. (2003) *Politika gendernogo ravenstva v skandinavskikh stranakh* [Policy of gender equality in the Scandinavian countries]. *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems]. Eds. Stepanova N. M., Kirichenko M. M., Kochkina E. V. St. Petersburg: Aletya. Pp. 700–710. (In Russ.)

26. Sorokina, E. A. (2018) *Shvedskaya etnologiya i realii obshchestvennoi zhizni* [Swedish eth-nology and the realities of social life]. *Sovremennaya evropeiskaya sotsiokul'turnaya antropologiya*

i etnologiya: istoriograficheskie ocherki [Modern European sociocultural anthropology and ethnology: historiographical essays]. Resp. ed. M. Yu. Martynova. Moscow: IEA RAS. Pp. 375–404. (In Russ.)

27. Daun, Å. (2003) Med rörligt sökarljus. Den nya etnologins framväxt under 1960 – och 1970-talet. Enpersonligtidskildring. Stockholm/Stehag.

28. (1999) Familj och kön: etnologiska perspektiv / ed. Britta Lundgren, Inger Lövkrona, Birgitta Meurling. – Lund : Studentlitteratur.

29. Fürst G. (1999) Jamstallda pa svenska. Stockholm: Svenska institutet.

30. Wikander, U. (2006) Kvinnoarbete i Europa 1789–1950 – Genus, makt och arbetsdelning. Stockholm: Bokförlaget Atlas.

31. Bjerén, G. (2009) Livstider: kvinnors liv på 1900 – talet. Stockholm: Instant Book AB.

32. Sorokina, E. A. (2023) *Nekotorye povsednevnye strategii zhizni zhenshchin-immigrantok v sovremennoi Shvetsii* [Some everyday life strategies of immigrant women in modern Sweden]. *Semeinoe, zhenskoe, povsednevnoe v istoriko-antropologicheskom izmerenii* [Family, women's everyday in the historical and anthropological dimension]. Materials of the XVI International Scientific Conference of RAIZhI and IEA RAS, Kostroma, 05–October 08, 2023. Part 1. Kostroma: N. N. Miklouho-Maclay RAS Institute of Ethnology and Anthropology. Pp. 436–440. EDN CXJCJI. (In Russ.)

33. Sorokina, E. A. (2021) *Gendernaya istoriya v sotsial'no-ekonomicheskom kontekste (opyt Shvetsii)* [Gender history in the socio-economic context (the experience of Sweden)]. *Zhenskaya istoriya segodnya: istochnikovedenie, istoriografiya, novye metodologicheskie podkhody* [Women's history today: source study, historiography, new methodological approaches]. Materials of the XIV International Scientific Conference of RAIZH and IEA RAS, Chisinau, September 30, 2021. Editor-in-chief N. L. Pushkareva. Part 2. Chisinau: IEA RAS. Pp. 51–55. EDN MEDIUK. (In Russ.)

34. Sorokina, E. A. (2020) *Koronavirus po-shvedski* [Coronavirus in Swedish]. *Meditinskaya antropologiya i bioetika* [Medical anthropology and bioethics]. No. 1 (19). Pp. 185–213. DOI: 10.33876/2224-9680/2020-1-19/11. EDN VZKRLU. (In Russ.)

Об авторе

Сорокина Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: 119019@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5296-5486

About the author

Sorokina Elena A. Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: 119019@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5296-5486

Статья поступила в редакцию 16.06.2024

Одобрена после рецензирования 11.07.2024

Принята к публикации 19.07.2024

Женщины на службе в полиции Мексики: трудная борьба за гендерное равенство

Н. С. Нижник

В статье рассматриваются вопросы обеспечения гендерного равенства при осуществлении полицейской деятельности в Мексике. На службу в органы полиции Мексики женщины впервые были привлечены в 1930 г. Сегодня женщины-полицейские составляют четверть всего состава сотрудников полиции Мексики. Однако опыт службы женщин в полиции остается неосмысленным русскоязычными исследователями. Работы, касающиеся службы женщин в полиции Мексики, в российской науке отсутствуют. В статье анализируются мотивы, привлекающие женщин на службу в полицию; особенности освоения женщинами профессии полицейского; трудности осуществления полицейской деятельности женщинами в Мексике; возможности продвижения женщин-полицейских по служебной лестнице. Сталкиваясь с явным гендерным неравенством, мачизмом, давлением наркокартелей, имея минимальные шансы подняться в звании и достичь профессионального мастерства, мексиканские женщины демонстрируют примеры самоотверженного выполнения служебного долга, часто расплачиваясь за принципиальность и ответственность на службе своей жизнью.

Ключевые слова: гендерное равенство, Мексика, женская полиция, женщина-полицейский, туристическая полиция, сексуальные домогательства, мачизм.

Для цитирования: Нижник Н. С. Женщины на службе в полиции Мексики: трудная борьба за гендерное равенство // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 109–137. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_109. EDN: ОКМУРВ

Введение

В конце XX в. исследования женской истории, женской повседневности, самоорганизации женщин и их адаптации к изменениям меняющегося мира получили новый импульс. Труды историка, антрополога Натальи Львовны Пушкаревой способствовали оформлению в исторической науке нового направления – истории женщин и появлению Российской ассоциации исследователей женской истории.

Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Н. Л. Пушкарева – основоположница исторической феминологии и гендерной истории в советской и российской науке, президент Российской ассоциации исследователей женской истории, член исполкома Международной федерации исследователей женской истории и глава Российского национального комитета Международной федерации исследователей женской истории. Н. Л. Пушкарева разработала теорию и методологию гендерных исследований [1–7]; в своих работах она определила основные направления научных исследований в сфере этнологии русской семьи, пола, сексуальности [8–13]; расширила представления об истории женского движения в России [14], истории русского традиционного быта и повседневности [15–20].

Одним из направлений междисциплинарных гендерных исследований является вовлечение женщин в общественное производство. В этой области научных знаний исследованными не в полной мере остаются проблемы «невидимой экономики» и особенности профессиональной самореализации женщин в традиционном и современном обществе; тема женского труда в контексте социокультурных перемен XIX–XXI вв.; феномен женского предпринимательства и приобщения женщины к коммерческой деятельности в России в XIX–XXI вв. Фактически неизученными остаются вопросы привлечения женщин на службу в правоохранительные органы России и зарубежных стран.

Особенности трудовой деятельности женщин в Мексике во многом определяются географическим положением и социально-экономическим состоянием страны. Мексика – североамериканское государство, расположенное в субтропической и тропической климатических зонах. По территории (1963,6 тыс. км²) Мексика занимает 15-е место в мире (между

Саудовской Аравией и Индонезией), а по численности населения (около 130 млн чел.) – 10-е место в мире (между Россией и Японией). Большинство мексиканцев проживают в городах; сельских жителей – всего 16 % населения. Женщины составляют половину населения Мексики.

Мексика пользуется большой популярностью у туристов. Главные достопримечательности – памятники доколумбовой эпохи, древние города ольмеков, сапотеков, майя и других цивилизаций, пещеры со следами доместикации древних животных и растений и наскальными росписями, которые включены в список всемирного наследия. Мексика – одна из самых посещаемых туристами стран. Большая часть мексиканцев трудится в сфере обеспечения туризма.

Мексика – страна с высоким уровнем преступности. Чертой ее жизни является сращивание преступных и властных структур. Мексика имеет общую границу с США, которая позволяет доставлять в Соединенные Штаты наркотики. Поэтому реалии мексиканской жизни – разделенность страны между наркокартелями и существование на ее территории множества криминальных банд. Война, которую правительство объявило наркокартелям (2006), вызвала волну насилия по всем штатам и спровоцировала милитаризацию общества: граждане начали создавать вооруженные отряды и самостоятельно проводить оборонительные операции, не сотрудничая с правоохранительными органами. Со временем многие отряды самообороны занялись противозаконной деятельностью и пополнили ряды преступников¹, разнообразив криминальную жизнь Мексики. Если учесть и то, что Мексика занимает лидирующее место в мире по количеству преступлений на дорогах, тогда наличие в стране множества подразделений по охране правопорядка, по численности которых Мексика входит в десятку стран с самыми крупными правоохранительными органами, становится объяснимым.

Мексиканские Соединённые Штаты – федеративное государство, составными частями которого являются 31 штат и один федеральный округ (Мехико), муниципалитеты, разделенные на общины или районы. Современные органы охраны общественного порядка создавались с учетом такого государственного устройства и должны были выполнять поставленные перед

¹ Правоохранители мира. Мексика. URL: https://dzen.ru/a/ZHULp080OVujS_PK (дата обращения: 17.04.2024).

ними задачи на федеральном, региональном и муниципальном уровне. В 2012 г. в рядах полиции Мексики служили более 544 тыс. чел., что делало ее четвертой в мире по численности (после Китая, Индии и США)¹. Однако эффективность полицейской деятельности была чрезвычайно низкой, а «главными нарушителями прав и свобод человека» граждане называли самих полицейских [21, р. 11], полицейские чины участвовали в незаконном обороте наркотиков², а «количество жалоб по поводу насилия и издевательств над людьми со стороны различных полицейских структур» росло в геометрической прогрессии [22]. Применение силы для получения признания своей вины и подписания документов, подтверждающих виновность жертв насилия; избиение руками, ногами и подручными предметами, угрозы от полицейских в адрес жертв и членов их семей в Мексике стали обыкновением [23, с. 25]. Сверхдоходы наркокартелей позволяют платить большие деньги за нужные информацию и действия, что делает полицейского с невысокой зарплатой легкой добычей *los narcos*, а коррупцию – атрибутом существования мексиканской полиции³.

Попытка правительства кардинально перестроить работу органов внутренних дел привела к объединению подразделений федеральной, военной и военно-морской полиции Мексики и созданию 30 июня 2019 г. Национальной гвардии (*Guardia Nacional*) численностью 60 тыс. человек⁴.

В обеспечении общественной безопасности в Мексике к началу 2021 г. участвовали 231 491 чел., 24,1 % из которых составили женщины⁵.

Женщины получили право служить в органах полиции Мексики еще в 1930 г. [24, р. 3]. В это время было создана женская

¹ Правоохранительные органы Мексики. URL: https://alphapedia.ru/w/Law_enforcement_in_Mexico (дата обращения: 15.05.2024).

² Former Mexican Federal Police Commander Sentenced to 10 Years' Imprisonment for Drug Trafficking Conspiracy. Available at: <https://www.justice.gov/usao-edny/pr/former-mexican-federal-police-commander-sentenced-10-years-imprisonment-drug> (accessed 11 January 2024).

³ Gardner D. Toughest job in the world: Woman, 20, becomes police chief in one of Mexico's most violent border towns... because no one else will do it. Available at: https://www.dailymail.co.uk/news/article-1322302/Female-student-20-police-chief-Mexicos-violent-towns.html?_ga=2.2286771.2047943832.1717881346-763982398.1717758833&_gl=1*_j6xucq*_ga*NzYzOTgyMzk4LjE3MTc3NTg4MzM*_ga_C9F47K6NW6*MTcxODAyOTg0Mi4xLjAuMTcxODAyOTg0Mi42MC4wLjc3NzczOTQ0NQ.*_ga_GQE6MT7DLZ*MTcxODAyOTg0Mi4xLjAuMTcxODAyOTg0Mi4wLjAuMA (accessed 17 April 2024).

⁴ Mexico Approves 60,000-Strong National Guard. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/02/28/world/americas/mexico-amlo-national-guard.html?auth=login-email&login=email&module=inline> (accessed 22 April 2024).

⁵ Instituto Nacional de Estadística y Geografía. Censo Nacional de Gobierno, Seguridad Pública y Sistema Penitenciario Estatales. 2020. Available at: <https://bit.ly/3oLTCxX>. (accessed 17 April 2024).

полиция – подразделение из 69 женщин, главной задачей которых было предоставление информации (прежде всего туристам) об исторических и культурных достопримечательностях, сведений о географических данных региона и страны. С того времени служба в полиции вошла в перечень направлений трудовой деятельности женщин Мексики. Сегодня женщин-полицейских не отличает особая дизайнерская форма с юбкой и особый – конкретный и ограниченный – перечень задач, как в 1930-е. И форма, и требования, предъявляемые к полицейским-мужчинам и полицейским-женщинам, имеют единую нормативную основу.

В связи с тем, что служба в полиции продолжает вызывать интерес у мексиканских женщин [25], необходимым является осмысление опыта их участия в осуществлении полицейской деятельности, которое должно помочь сознательному выбору профессии полицейского и быстрой адаптации женщин, поступивших на службу, к реалиям служебной жизни и требованиям, предъявляемым к современным полицейским.

История привлечения женщин на службу в органы, осуществляющие полицейскую деятельность в Мексике, уже скоро станет вековой. Несмотря на устойчивый интерес к реализации принципа гендерного равенства в полицейских системах и появление отдельных работ о зарубежной полиции¹ [26; 27; 28; 29; 30], в российской научной литературе работы, касающиеся службы женщин в полиции Мексики, отсутствуют. Статус мексиканских женщин-полицейских предметом исследования российских ученых не являлся. Не нашли освещения в российской научной литературе и проблемы организации и функционирования в Мексике органов, осуществляющих полицейскую деятельность в настоящее время. Единственная публикация – статья М. В. Саудаханова о принципах деятельности и подборе кадров мексиканской полиции [23] – фиксирует состояние полиции в Мексике в 2013 г., которое уже претерпело кардинальную трансформацию. Поэтому вопросы организации и функционирования полиции в Мексике, служба мексиканских женщин в органах полиции – не изученная российскими учеными сфера, требующая внимания современных исследователей.

¹ Щелкунова М. В. Организационно-правовые основы службы женщин в полициях зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 285 с.

Мексиканская научная мысль обращается к теме службы женщин в полиции, рассматривая ее в контексте осмысления прикладных проблем, касающихся, в частности, профессиональной подготовки полицейских (G. Palacios [31]). Ретроспективные аспекты службы женщин в полиции Мексики и проблемы, связанные с феминистским движением, получили освещение в работах F. Bailon Vasquez [32; 33], особенности психологического состояния женщин-полицейских, вопросы службы женщин в мужских коллективах и возможности карьерного роста женщин-полицейских в Мексике – в исследованиях M. D. Santana [34], M. D. Pérez [25], S. N. S. Almeyda [35]. В сферу внимания ученых попали вопросы, связанные с мачизмом и насилием, совершаемым мужчинами, противодействием насилию в быту и на службе (G. Hernández [36]). Сложность и многогранность проблем, касающихся женщин-полицейских, потребовали разработки методологии исследования особенностей реализации принципа гендерного равенства в организации и деятельности полиции Мексики (R. Hernández¹).

Учитывая существование гендерного разрыва, который ограничивает карьерный рост женщин-полицейских внутри системы, и то, что женщины становятся жертвами ненадлежащего поведения, связанного с домогательствами, дискриминацией и насилием по признаку пола на их рабочем месте, общественной организацией «Causa en Común» («Общее дело») при поддержке Канадского фонда местных инициатив, Министерства государственной безопасности Мексики и Управления гражданской безопасности штата Несауалькойотль был реализован проект «Быть женщиной-полицейским». Его целью стали определение препятствий, с которыми сталкиваются женщины, стремящиеся к карьерному росту в полиции, и выявление случаев ненадлежащего поведения в отношении женщин-полицейских. В рамках проекта, реализованного в 2019–2021 гг., были проведены опросы «Что думает полиция?» (5 тыс. респондентов – мужчин и женщин, сотрудников государственной полиции по всей стране) (2019)² и анкетирование с целью

¹ Hernández R. Metodología de la investigación // Instituto Nacional de las Mujeres. 2022. Available at: <https://www.gob.mx/inmujeres>: <https://www.gob.mx/inmujeres/prensa/aumentarla-participacion-de-las-mujeres-en-la-seguridad-es-clave-para-lograr-la-pazinmujeres?idiom=es> (accessed 23 March 2024).

² Mexicanos por una Causa en Comun AC. Encuesta Que piensa la policia? Edicion 2019. Available at: <https://bit.ly/3ofikro> (accessed 17 April 2024).

улучшения положения женщин в муниципальной полиции и внедрения гендерных аспектов в дисциплинарный режим и в целом в местную полицию (300 респондентов – женщин-полицейских) (2020–2021) [24, р. 6]. Материалы этого проекта – ценный источник для исследователей проблем реализации принципа гендерного равенства в Мексике.

Источниками исследования данной проблематики также выступают нормативные правовые акты, регламентирующие службу в органах, осуществляющих полицейскую деятельность в Мексике, документы, характеризующие место полиции в системе управления государством¹ и систему профессиональной подготовки полицейских².

Полицейская деятельность: сфера возможностей

Несмотря на то что сегодня процесс набора в полицию официально одинаков для мужчин и женщин, в Мексике служба в полиции традиционно считается мужской профессией [37]. Провозглашенное равенство в правах не стало означать, что женщины и мужчины одинаковы, но акцентировало внимание на то, что права, обязанности и возможности не должны зависеть от пола. Гендерное равенство предполагало беспристрастность в обращении с женщинами и мужчинами в соответствии с их правами, обязанностями, потребностями и возможностями. Единственное формальное отличие правового статуса женщины-полицейского от статуса мужчины, служащего в полиции, – отпуск по беременности и родам. К мужчинам и женщинам, служащим в полиции, предъявляются единые (дифференцированные) требования к физической и иной служебной подготовке; мужчины и женщины формально в одинаковом качестве участвуют во всех мероприятиях по охране правопорядка.

Мексиканские женщины идут служить в полицию по разным мотивам: прежде всего потому что нравится работа с людьми, которая позволяет оказать помощь нуждающимся; потому что в полиции служат члены семьи; потому что службу в полиции рассматривают как основу экономической стабильности. Понимание, что профессия полицейского сложна, требует ограниче-

¹ Instituto Nacional de Estadística y Geografía. Censo Nacional de Gobierno, Seguridad Pública y Sistema Penitenciario Estatales 2020. Available at: <https://bit.ly/3oLTCxX> (accessed 17 April 2024).

² Ibidem.

ний в личной жизни и особой организации жизни семьи, может приходиться не сразу. Для того чтобы женщине налагать на себя такие ограничения, она должна иметь осознанное стремление к освоению профессии и быть убеждена, что служба в полиции – «это не просто работа, а призвание, которое длится всю жизнь» [35, р. 49]. Желание служить в полиции должно опираться на «навыки и инструменты, позволяющие ценить себя и чувствовать себя способной осуществлять обязанности полицейского», подчеркнула М. Santana [34]. «Когда женщина убеждена в своих способностях, профессиональна и уверена в своих знаниях, это воспринимается другими людьми; следовательно, быть женщиной не является ограничивающим фактором для участия в учреждении, которое считается мужским», полагает G. Palacios [31].

Служба женщин современной Мексики в полиции осуществляется в объективно трудных условиях: она сопряжена с риском для жизни и здоровья; серьезные опасности в повседневной жизни, невысокая заработная плата, посменная служба, суточные дежурства, служба во время национальных праздников, личных и семейных торжеств. Необходимость тратить деньги на обмундирование дополняется трудностями, связанными с реформированием правоохранительной системы Мексики, попытками правительства кардинально трансформировать деятельность полиции, которая под мощным прессингом со стороны преступного мира погрязла в коррупции¹ и злоупотреблениях². Обыкновенными стали увольнения со службы (иногда целыми участками) полицейских, опасавшихся за безопасность своей семьи.

Несмотря на это, женщины несут службу в различных подразделениях полиции. В меньшем количестве – в отделах оперативной работы, где очевиден наибольший риск для жизни и здоровья. Это оправдано социальной ролью женщин в обществе, необходимостью обеспечения их безопасности. Но если женщина делает осознанный выбор в пользу такой сферы полицейской деятельности и соответствует необходимым квалификационным требованиям, она служит и в таких подразде-

¹ Former Mexican Federal Police Commander Sentenced to 10 Years' Imprisonment for Drug Trafficking Conspiracy. Available at: <https://www.justice.gov/usao-edny/pr/former-mexican-federal-police-commander-sentenced-10-years-imprisonment-drug> (accessed 10 June 2024).

² Former top police official in Mexico is arrested for torture. Available at: <https://www.nbcnews.com/news/latino/former-top-police-official-mexico-arrested-torture-rcna1340> (accessed 17 April 2024).

лениях. Стремление к экономической устойчивости приводит на службу в полицию матерей-одиночек.

Профессия полицейского: особенности освоения

Как выяснили мексиканские исследователи, освоение женщинами профессии полицейского – процесс сложный [24, р. 6]. Помимо объективных трудностей, испытываемых и мужчинами, и женщинами, изъявившими желание стать полицейскими, женщины сталкиваются с дополнительными препятствиями – от признания приоритета физической силы над другими способностями на вступительных экзаменах; дискриминации со стороны инструкторов во время набора; психологического давления и сексуальных домогательств со стороны мужчин-коллег до требований выполнять работу, которую полицейские-мужчины считают рутинной и второстепенной [37].

Перед лицами, прошедшими отбор в полицию, встает проблема профессиональной подготовки. Систему подготовки полицейских в Мексике совершенной назвать нельзя. По всей стране насчитывается 58 учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров для полиции [23, с. 25]. Срок освоения базового курса составляет всего 4,5 месяца [23, с. 25]. Причем лишь 17 академий полиции требуют, чтобы абитуриент имел законченное школьное образование. Поэтому большая часть мексиканских полицейских (около 56 %) имеют лишь начальное школьное образование или неоконченное начальное школьное образование, около 25 % полицейских – полное школьное образование или неоконченное школьное образование, почти 14 % – неоконченное высшее образование, а специальное высшее образование имеют только 0,2 % кадрового состава полиции [23, с. 25].

Центр по подготовке преподавателей для учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров для полиции, в Мексике не создан. Для повышения квалификации активно используются курсы в США.

Полицейские учреждения: доминанта маскулинности

Сами полицейские учреждения, по утверждению мексиканских исследователей, – «пространства, в которых исторически доминировали мужчины и культура, в высшей степени маскулинизированные» [24, р. 4]. При этом, отвечая на вопрос об органах

полиции: «Считаете ли вы, что учреждение способствует равенству между мужчинами и женщинами?», 84,18 % опрошенных полицейских (899 чел.) согласились с этим утверждением [24, р. 19]. Несмотря на то что известны заявления женщин-полицейских о том, что «руководители не часто создают надлежащий рабочий климат, способствующий равенству между мужчинами и женщинами», при ответе на вопрос, считают ли они, что их непосредственное руководство способствует созданию на рабочем месте атмосферы равенства между мужчинами и женщинами, 943 чел. ответили утвердительно (88,3 %), а 125 чел. (11,7 %) не согласились с таким утверждением [24, р. 18].

Заявления о том, что в полиции «мужчины и женщины различаются только своим полом, а не своими способностями, возможностями, интеллектом, закалкой или смелостью» [35; pp. 58–59], существуют наряду с утверждениями о том, что «одним из препятствий на пути к достижению целей женщины в полиции является патриархальная социальная структура большинства традиционных стран, а также токсичная мужественность (мачизм)» [36], а среди начальников и их подчиненных «в значительной степени преобладает мачистское мировоззрение» [24, р. 6].

В ходе опроса, проведенного организацией «Общее дело», обращение с женщинами-полицейскими со стороны их командиров получило разное описание [24, р. 9]:

«С моим начальником у меня не было никаких проблем».

«Командиры всегда очень уважительно относятся к [женщинам]».

«Бывают случаи, когда я вступаю в конфликт с коллегами, но крайней выставляю меня как женщину... потому что я виновата, потому что я с ними не согласна».

«Есть мужчины, которые в спорах с женщинами-коллегам даже били их ... и [руководители] больше поддерживают мужчин... они дают мужчине право голоса».

«Однажды мне довелось наблюдать, как избili мою коллегу, довольно сильно. И [командиры] ничего не сделали!»

«Просто, даже когда женщина беременна, она иногда подвергается дискриминации [со стороны начальства] из-за задач, на которые ее отправляют ... Они говорят: "Это для того, чтобы ты не высывалась"».

«Там, где я была, ... не было уважения [со стороны командования]... за то, что я была женщиной, меня дискриминировали; в качестве наказания они отправляли меня [для выполнения заданий] в другое место, далеко от того, где я живу».

«Там, где я сейчас работаю, начальник очень поддерживает ... Стоит только поговорить с ним, объяснить ситуацию, через которую проходишь, и он сразу помогает. Но у меня также были начальники, которые ... и правда, чинили всякие препятствия. Чтобы тебе насолить, они могли отправить работать далеко от дома, давали более продолжительный график».

Токсичная мужественность в служебных отношениях

В полицейских учреждениях, имеющих иерархическую структуру и требующих жесткую дисциплину, допускается, а иногда и поощряется, дискриминация в отношении женщин-полицейских; а в крайних случаях домогательства сексуального характера и злоупотребления превращаются в повседневность служебных отношений [35, p. 59].

Была выявлена серьезность рецидивов сексуальных домогательств и надругательств, жертвами которых становились женщины-полицейские со стороны своих коллег или начальства. Эффективных механизмов предотвращения такого поведения и наказания за них в Мексике нет. Результаты обращения женщин-полицейских в управление внутренних дел полиции с заявлениями о злоупотреблениях и домогательствах, ожиданиям заявительниц не соответствуют и на реалии служебных отношений, как правило, влияния не оказывают.

Ненадлежащие отношения складываются еще во время обучения. Из общего числа женщин-полицейских (300), принявших участие с социологическом опросе в 2019–2020 гг., почти треть ответили, что подвергались ненадлежащему поведению во время учебы в полицейской академии со стороны их инструкторов. Такое поведение выражалось в том, что «инструктор придирался к пухлым и темноволосым учащимся» [24, p. 7], девушки получали оскорбительные комплименты и непристойные комментарии (68 % опрошенных), в их адрес были направлены требования или намеки на вступление в половой контакт (18 %), сообщения, фото, комментарии с непотребными намеками и/

или оскорблениями (9 %), имели место попытки физического контакта без согласия (5 %) и изнасилования (1 %) [24, р. 10].

При этом только 17 % подвергшихся домогательствам сообщили о ненадлежащем поведении [24, р. 11]. Так, 83 % женщин не придали случившемуся публичный характер, потому что: «не верила, что его накажут» (28 % жертв, не подавших жалобу); «испугалась последствий для себя» (27 %); «не знала, куда жаловаться» (12 %); «не знала, что можно пожаловаться» (9 %); 3 % женщин открыто заявили, что такие нападения являются нормой, а факт сообщения о них может поставить их в трудное положение в служебном коллективе («Это повседневная вещь, о ней нужно сообщать, но они не принимают это во внимание, и если вы подадите жалобу, вам будет хуже из-за сплетен») [24, р. 12]. Страх возмездия и фактическое отсутствие наказания виновных создают повседневность, когда «женщины признают, что насилие по отношению к ним является нормой, потому что это часть жизни в полиции» [24, р. 15].

Предотвращению этой ситуации должно способствовать обучение по вопросам общественной безопасности и правосудия, которое, по данным Национального института по делам женщин в 2022 г., прошли уже более 12 тыс. женщин¹.

Невзирая на стеклянные потолки

Отказ от своей идентичности и демонстрацию мужского поведения женщины-полицейские признают обязательным условием завоевания признания коллег и начальства², и продвижения по служебной лестнице.

Возможности повышения по службе женщины-полицейские описывают по-разному [24, р. 8].

«Всегда дают мужчинам возможность [подняться по служебной лестнице]. Женщины очень редко командуют ... Женщин, имеющих ученую степень, крайне мало».

«В прошлом году у нас было восемь вакансий, но меня не приняли во внимание [для продвижения по службе]».

¹ Instituto Nacional de las Mujeres. 2022. Available at: <https://www.gob.mx/inmujeres>; <https://www.gob.mx/inmujeres/prensa/aumentarla-participacion-de-las-mujeres-en-la-seguridad-es-clave-para-lograr-lapazinmujeres?idiom=es> (accessed 16 April 2024).

² Causa Común. Available at: http://causaencomun.org.mx/beta/wp-content/uploads/2021/12/2021.12.06_sermu- jerpolicia_memoria_comp.pdf (accessed 17 April 2024).

«Мы немного более маргинализированы с точки зрения работы ... потому что на тебя смотрят свысока; они думают, что, поскольку ты женщина, ты – слабый пол».

«Когда мне выпала очередь быть начальником смены ... в моем секторе, нас было три женщины – начальников смены. Коллеги, командиры говорили моему начальнику: "Ты придурок. Зачем тебе эти старые начальницы смены? Эти старухи бесполезны". А мы были лучшим сектором во всем муниципалитете. У нас был самый низкий уровень краж, наибольшее количество арестов ... из всего этого наш сектор был лучшим ... Так и понимаешь, что существует дискриминация».

«Я думаю, что [процессы продвижения по службе для мужчин и женщин] одинаковы».

«Они отправляют информацию ... мужчинам и женщинам, и от нас уже во многом зависит, участвуем мы или нет [в конкурсах на повышение по службе]».

«Если бы нам дали время на учебу ... но наличие еще одного диплома не помогает нам продвигаться по службе».

Женщины служат во всех подразделениях, осуществляющих полицейскую деятельность; назначаются почти во все сферы, которые затрагивает деятельность полиции. При этом есть понимание, «что для того, чтобы женщина достигла должности с более высокими званиями и продвинулась в профессиональном плане, она должна пожертвовать собой как личностью и в семейном плане (она не только отдаляется от семьи, но и иногда не производит потомства), отдавая все свое время выполнению служебных обязанностей. Тем не менее, важно то, что решение, которое она принимает по собственной воле, состоянию физического или ментального здоровья, позволяет ей развиваться и выполнять любые полицейские функции» [35, р. 56].

Одна из самых сложных задач для женщины-полицейского – получить руководящую должность в сфере общественной безопасности. Сталкиваясь с явным гендерным неравенством, имея минимальные шансы подняться в звании и преуспеть, женщина может оказаться в различных ситуациях: от видения себя той женщиной, которая может пойти дальше и возглавить зону безопасности, до отказа продолжать свою деятельность и ухода из полиции.

Женщины в правоохранительных органах могут получить должность благодаря своим способностям, знаниям и опыту, «на-

рушая патриархальные устои, в которые погружена полицейская культура» [35, р. 57]. В последние годы наметилась благоприятная тенденция для возможностей карьерного роста женщин в полиции, которую связывают «с большим количеством женщин в полицейском учреждении, а также и с их большим стремлением к обучению по сравнению с мужчинами»¹. Основой стеклянного потолка для продвижения женщин по службе в полиции являются стереотипы, закрепляющие гендерное неравенство и допустимость дискриминации по признаку пола.

За время, когда женщины получили право служить в правоохранительных органах, они смогли добиться разнообразных успехов. Так, 135 женщин занимали высшие руководящие должности в федеральной полиции (1999–2019): комиссар Патрисия Роза Линда Трухильо возглавляла научный отдел²; комиссар Арасели Родригес Наварро являлась главой Управления по надзору за соблюдением прав человека в Мексиканских Соединенных Штатах; комиссар Мария Исабель Эрнандес Арсате возглавляла генеральный штаб штата Синалоа; главный комиссар Лаура Каррера Луго занимала должность главы системы развития полиции; комиссар Ингрид Морган Сотомайор возглавляла службу по техническому сотрудничеству, а генеральный инспектор Барбара Луго Дельгадо являлась генеральным директором по связям с общественностью [35, р. 55]. В том числе 162 женщины занимали должности директоров, генеральных директоров, координаторов и руководителей подразделений, а 3845 женщин – должности руководителей департаментов и отделов³.

Примеры успешного продвижения по служебной лестнице есть и сегодня: Крус Амелия Аумада Луна, активная сторонница вовлечения женщин в деятельность полиции и устранения мачизма в полицейских органах, после 15 лет службы в рядах полиции была назначена заместителем директора Полицейской академии Мехикали⁴; Клара Лус Флорес Карралес заняла

¹ UNL presentó una investigación sobre las mujeres policías de Santa Fe. Available at: https://www.unl.edu.ar/noticias/news/view/unl_present%C3%B3_una_investigaci%C3%B3n_sobre_las_mujeres_polic%C3%ADas_de_santa_fe#.ZAi1W3bMLIV (accessed 13 March 2024).

² México. Available at: <https://diariodigital.com.mx/mexico/mujer-policia-es-nombrada-entre-las-100-mujeres-mas-poderosas-de-mexico/> (accessed 17 April 2024).

³ Día internacional de la mujer. Policía federal. Mandosmujeres. Available at: <https://criteriohidalgo.com/dia-internacional-de-la-mujer/policia-federal-135-mandosmujeres> (accessed 11 April 2024).

⁴ Avanzó presencia de las mujeres en mandos de la DSPM. Available at: <https://www.el-mexicano.com.mx/Noticia/Estatal/24477/Avanz%C3%B3-presencia-delas-mujeres-en-mandos-de-la-DSPM> (accessed 17 April 2024).

должность главы Исполнительного секретариата общественной безопасности при Правительстве Мексики¹.

Общественность и средства массовой информации внимательно следили и за судьбой Марисоль Вальес Гарсия, названной «самым молодым начальником полиции в мире»². События с ее участием разворачивались в мексиканском городке Гуадалупе с населением 3400 чел., который вместе с соседними городками Бравос и Пракседис Герреро входит в единый муниципальный округ Валле Хуарез в северной части штата Чиуауа, граничащего с США. Сам городок находится недалеко от Сьюдад-Хуареса, небезосновательно называемого «криминальной столицей мира»³. Через штат проходит один из самых прибыльных наркотрафиков в США⁴, в связи с чем штат Чиуауа стал местом настоящих боевых действий, которые правительство страны вело против наркомафии. В 2010 г. в Сьюдад-Хуаресе произошло более 2 тыс. убийств, в ежедневных сводках упоминались факты гибели на служебном посту полицейских. Война наркокартелей в Мексике в 2007–2010 гг. унесла около 28 тыс. жизней, в том числе жизни 11 мэров мексиканских городов.

Основной наркотрафик из Мексики в США проходит через Гуадалупе. Раньше «город моего детства не был таким опасным, как сейчас, – рассказывала М. В. Гарсия. – Мэр устраивал танцы и массовые гулянья, наш регион даже привлекал туристов. Но постепенно, прямо на моих глазах, ситуация становилась все хуже и хуже. На улицах стали появляться незнакомые люди. Вскоре начали пропадать жители города – друзья, ребята, с которыми я училась в школе. Иногда их тела находили, иногда – нет. Поначалу все были в полном шоке, но время шло, и мы стали привыкать. Самое ужасное, что все это для нас стало нормой.

Некоторые мои одноклассники из небогатых семей вдруг стали разъезжать на роскошных машинах. Если я спрашивала у кого-то из них: "Откуда у тебя деньги на машину?", ответ был всегда одинаковым – пожимает плечами и коротко бросает: "Работаю". Все знали, что это за работа.

¹ AMLO designa a Clara Luz Flores-Carral como titular del Secretariado Ejecutivo de Seguridad Pública. Available at: <https://www.economista.com.mx/politica/AMLO-designa-a-Clara-Luz-Flores-Carral-como-titular-del-Secretariado-Ejecutivo-de-Seguridad-Publica-20220621-0056.html> (accessed 11 February 2024).

² Марисоль Вальес Гарсия. URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Marisol_Valles (дата обращения: 10.06.2024).

³ Самая храбрая женщина в Мексике. URL: <https://drugoi.livejournal.com/3392459.html> (дата обращения: 17.04.2024).

⁴ В Мексике полицию возглавила 20-летняя студентка. URL: <https://m.ok.ru/faktydyau/topic/68584404888378> (дата обращения: 11.03.2024).

Я помню близкого друга нашей семьи Аарона. Он был пекарем, молодой парень – 22 года. Очень веселый, любил поговорить, всегда умел меня рассмешить. Помогал моей маме делать покупки, выполнял мелкие поручения. Его застрелили, когда он просто ехал по городу. Прямо за рулем. Дедушка Аарона, сидевший на пассажирском сиденье, тоже погиб»¹.

В 2010 г. в Гуадалупе был убит начальник местной полиции Мануэль Кастро². Его обезглавленное тело со следами пыток обнаружили в одном из карьеров. Без вести пропал мэр города Густав Санчес. Его нашли погибшим от пыток в подвале одного из брошенных домов³.

В конце 2010 г. средства массовой информации рассказывали о судьбе 28-летней Эрики Гандары, которая на службе в полиции Гуадалупе осталась одна после того, как ее коллеги были убиты или уволились после убийства мэра. «Я офицер полиции», – говорила Э. Гандара, выступая перед СМИ. «Я здесь не для того, чтобы заниматься социальной работой или гуманитарным трудом. Я – единственный полицейский в городе, представитель власти»⁴. Э. Гандара, бывший радиодиспетчер, серьезно относилась к своей работе в качестве главы жителей приграничья, каждое утро выходя на патрулирование с винтовкой R-15. «Многие люди говорят, что полиция коррумпирована и что им платят наркоторговцы. Я не участвую в этой игре, потому что знаю, что когда деньги даются легко, смерть часто следует быстро»⁵. Э. Гандару похитили из ее дома, дом сожгли. С тех пор ее семья ее не видела и ничего о ней не слышала, но двое родственников, которые занимались политикой в близлежащих городах, внезапно подали в отставку вскоре

¹ Как 20-летняя девушка стала начальником полиции города в Мексике. URL: <https://dzen.ru/a/XGppGVbcO1wCuGVtb> (дата обращения: 17.04.2024).

² Ibidem.

³ В Мексике полицию возглавила 20-летняя студентка. URL: <https://m.ok.ru/faktydyau/topic/68584404888378> (дата обращения: 11.03.2024).

⁴ Gardner D. Toughest job in the world: Woman, 20, becomes police chief in one of Mexico's most violent border towns... because no one else will do it. Available at: https://www.dailymail.co.uk/news/article-1322302/Female-student-20-police-chief-Mexicos-violent-towns.html?_ga=2.2286771.2047943832.1717881346-763982398.1717758833&_gl=1*1j6xucq*_ga*NzYzOTgyMzk4LjE3MTc3NTg4MzZM.*_ga_C9F47K6NW6*MTcxODAyOTg0Mi4xLjAuMTcxODAyOTg0Mi42MC4wLjc3NzczOTQ0NQ.*_ga_GQE6MT7DLZ*MTcxODAyOTg0Mi4xLjAuMTcxODAyOTg0Mi4wLjAuMA (accessed 17 April 2024).

⁵ Gardner D. Toughest job in the world: Woman, 20, becomes police chief in one of Mexico's most violent border towns... because no one else will do it. Available at: https://www.dailymail.co.uk/news/article-1322302/Female-student-20-police-chief-Mexicos-violent-towns.html?_ga=2.2286771.2047943832.1717881346-763982398.1717758833&_gl=1*1j6xucq*_ga*NzYzOTgyMzk4LjE3MTc3NTg4MzZM.*_ga_C9F47K6NW6*MTcxODAyOTg0Mi4xLjAuMTcxODAyOTg0Mi42MC4wLjc3NzczOTQ0NQ.*_ga_GQE6MT7DLZ*MTcxODAyOTg0Mi4xLjAuMTcxODAyOTg0Mi4wLjAuMA (accessed 17 April 2024).

после того, как она пропала. Судьба Э. Гандары, названной в СМИ «самым храбрым полицейским Мексики», до сих пор остается неизвестной.

Именно в такой атмосфере Марисоль Вальес Гарсия, 20-летняя студентка, осваивавшая криминалистику, получила предложение работать в полиции. «Стать начальником полиции мне предложил мэр. После нашего разговора он пришел ко мне домой, чтобы обсудить все с моей семьей – родителями, сестрами, мужем. Все меня очень поддержали, когда узнали, что я согласилась на должность. Муж сказал, что будет помогать мне во всем и сидеть с ребенком, хотя он очень уставал на работе – он был помощником механика»¹. Других претендентов на место начальника полиции не нашлось, М. В. Гарсия была единственной, кто согласился занять этот смертельно опасный пост. 18 октября 2010 г. М. В. Гарсия стала шефом полиции, и испанская газета «El País» назвала Марисоль «самой храброй женщиной в Мексике»².

В подразделении работали четыре офицера, в распоряжении которых была одна полицейская машина. «Многого не хватало – очень мало людей и мало денег. У нас работали всего два полицейских-мужчины. При этом только они имели право носить оружие и производить аресты, женщины вооружены не были. У моих коллег-женщин даже формы не было – просто бейджи с именами и фотографиями»³.

«Помимо наркоторговли самые популярные преступления – грабежи и насилие в семье. Мы не боролись с наркотиками, для этого в Мексике есть другие организации. Мы просто хотели помочь людям жить, не испытывая постоянного страха за свою жизнь ... Фасад нашего участка был буквально изрешечен пулями, но до какого-то момента мне казалось, что это должно только сплотить нас, полицейских. Должно заставить искать друг в друге опору, чтобы вместе бороться за безопасность горожан. Я видела, что местные жители мне доверяют, и это, конечно, тоже меня очень поддерживало. Мне помогало, когда я видела людей, не позволяющих себя запугать: горо-

¹ Как 20-летняя девушка стала начальником полиции города в Мексике. URL: <https://dzen.ru/a/XGppGBcO1wCuGVtb> (дата обращения: 17.04.2024).

² Самая храбрая женщина в Мексике. URL: <https://drugoi.livejournal.com/3392459.html> (дата обращения: 17.04.2024).

³ Как 20-летняя девушка стала начальником полиции города в Мексике. URL: <https://dzen.ru/a/XGppGBcO1wCuGVtb> (дата обращения: 17.04.2024).

жан, гуляющих на главной улице со своими семьями, детей, играющих в футбол во дворах»¹. На церемонии приведения к присяге М. В. Гарсиа заявила, что борьба с наркобаронами – обязанность других правоохранительных органов, а полиция сосредоточится на программах профилактики преступности в школах и содействии улучшению отношений между соседями, высказала идею о создании велосипедной полиции. «Почти сразу же после того, как я заняла свой пост, мне позвонил представитель одного из картелей с предложением работать на них. Когда я отказалась, они стали звонить с угрозами мне и моей семье. Сначала я гнорировала звонки, но вскоре стала замечать, как странные типы курсируют на машинах возле моего дома. Я была настолько испугана, что попросила отца подвезти меня до работы. 1 марта мне позвонил мужчина и сказал, чтобы я готовилась к тому, что придут убивать меня и мою семью. До этого я не хотела уезжать в Америку, покинуть свой пост. Но у меня больше не было выбора: каждую минуту можно было ожидать облавы. Отъезд был спонтанным, и мы даже не успели упаковать чемоданы: собрались за полчаса ... Мы все были в состоянии истерики и ужаса ... До границы мы добрались в ужасном состоянии. Я объяснила пограничникам, кто я такая и что произошло, и нам разрешили проехать. Как только мы оказались в США, я смогла вздохнуть с облегчением. Через несколько дней после того, как мы с семьей – сыном, мужем, родителями и двумя сестрами – перебежали границу, я получила новости о том, что в день нашего побега дом моих родителей взломала и ограбила группа людей с автоматами»².

М. В. Гарсиа продержалась на своем посту шесть месяцев. 20-летняя Марисоль Вальес Гарсиа, 38-летняя Вероника Риос, начальник полиции Эль-Вергель, 44-летняя Ольга Кастильо, начальник полиции Вилья-Луз пополнили ряды женщин, противостоявших *los narcos*. Женщины «делают это, потому что никто другой этого не сделает. Потому что, если они этого не сделают, надежды нет. Без оружия, ресурсов ... женщины полны решимости улучшить качество жизни в основном бедных жителей – даже если они молятся о том, чтобы им удалось

¹ Как 20-летняя девушка стала начальником полиции города в Мексике. URL: <https://dzen.ru/a/XGppGBcO1wCuGVtb> (дата обращения: 17.04.2024).

² *Ibidem*.

избежать ужасного насилия»¹, подчеркнул D. Gardner. Наркокартели «не проявляют милосердия к женщинам, работающим в правоохранительных органах. Картели считают себя законом на своей территории, поэтому для них не имеет значения, мужчина вы или женщина – устранение полицейских органов или государственных чиновников посылает мощный сигнал», констатировал F. Burton².

Пока бушует эта война, женщины ставят перед собой более скромные цели – держат под контролем мелкую преступность, чтобы люди могли заниматься своими повседневными делами. Мексиканские женщины-полицейские часто охраняют города доступными средствами, используют ржавый полицейский пикап, не носят оружия. «Люди думают, что для того, чтобы быть полицейским, нужно носить оружие, но не для той разяснительной работы, которой мы занимаемся», – говорила О. Кастильо, подчеркивая, что «очень трудно не участвовать в вымогательствах, обезглавливаниях и насилии с использованием наркотиков. Вас втягивают независимо от ваших намерений. Я не испытываю оптимизма по поводу того, что конкретный начальник полиции сможет избежать опасности»³.

40-летняя Сильвия Молина, главный административный полицейский Сьюдад-Хуареса, была застрелена в июне 2008 г. Наемные убийцы прикололи к ее груди записку с заявлением о своей преданности наркоторговцу. 38-летняя глава полиции Меоки Хермиля Киньонес была застрелена 29 ноября, лишь чуть больше месяца выполняя свои должностные обязанности: только 9 октября она была приведена к присяге в качестве началька полиции из 90 человек, из которых больше никто не согласился занять этот пост. Х. Киньонес отказывалась носить оружие и передвигаться с телохранителями, но после ее

¹ Gardner D. Toughest job in the world: Woman, 20, becomes police chief in one of Mexico's most violent border towns... because no one else will do it. Available at: https://www.dailymail.co.uk/news/article-1322302/Female-student-20-police-chief-Mexicos-violent-towns.html?_ga=2.2286771.2047943832.1717881346-763982398.1717758833&_gl=1*1j6xuqc*_ga*NzYzOTgyMzk4LjE3MTc3NTg4MzM.*_ga_C9F47K6NW6*MTcxODAyOTg0Mi4xLjAuMTcxODAyOTg0Mi42MC4wLjc3NzczOTQ0NQ.*_ga_GQE6MT7DLZ*MTcxODAyOTg0Mi4xLjAuMTcxODAyOTg0Mi4wLjAuMA (accessed 17 April 2024).

² Adams Otis G. Las valientes of Mexico. Available at: <https://nypost.com/2011/01/30/las-valientes-of-mexico/> (accessed 24 April 2024).

³ To serve, protect and decorate: Mexican resort looks to employ 'beautiful' tourist police. 1 July 2011. Available at: https://www.dailymail.co.uk/travel/article-2010267/Mexico-advertises-beautiful-tourist-police-decorate-popular-holiday-resort.html?_ga=2.3887027.2047943832.1717881346-763982398.1717758833&_gl=1*1yisj91*_ga*NzYzOTgyMzk4LjE3MTc3NTg4MzM.*_ga_C9F47K6NW6*MTcxODAzODI2NC4yLjEuMTcxODAzODMzNS4wLjAuMTcxODMzNS4wLjAuMA (accessed 17 April 2024).

убийства было принято решение об обязательном ношении оружия высшим чином полиции в Меоки.

Женщина-полицейский: повседневность по-мексикански

Условия службы женщин в полиции Мексики имеют особенности, отличающие их служебную повседневность от службы женщин-полицейских в Европе и России.

Министерство общественной безопасности штата Герреро, на территории которого расположен популярный курорт Акапулько, в 2011 г. объявило набор новых сотрудников для работы в туристической полиции¹. Акапулько лежит на тихоокеанском побережье Мексики, славится на весь мир своими белоснежными пляжами и бурной ночной жизнью. Намерения Мексики войти в пятерку стран с максимальным въездным турпотокотом и принимать более 55 млн туристов в год подтолкнули к инициативе создания туристической полиции, способной обеспечивать безопасность туристов и оказывать им при необходимости помощь. Опыт организации такой полиции в Мексике уже был в 1930-е гг. Критерии для соискательниц XXI в. были близки выдвигающимся почти век назад: модельная внешность, возраст от 18 до 35 лет, среднее образование, владение иностранным языком. Как и ранее, для блюстительниц порядка дизайнеры разрабатывали специальную форму².

Подразделение из привлекательных женщин-полицейских, которые выполняли свои обязанности в сапогах на высоком каблуке, обтягивающей одежде и с ярким макияжем были созданы и в штате Агуаскальентес. Подразделение привлекло внимание всей страны в 2013 г., когда полицейские-женщины появились на фотографии с президентом Энрике Пенья Ньето. Но аналитики констатировали: на безопасность штата работа этого подразделения влияния не оказала. От продолжения этого проекта штат отказался. «Это определено дискриминация, и нет никаких доказательств того, что, нанимая привлекательных женщин [есть основания полагать, что работа будет

¹ To serve, protect and decorate: Mexican resort looks to employ 'beautiful' tourist police. 1 July 2011. Available at: https://www.dailymail.co.uk/travel/article-2010267/Mexico-advertises-beautiful-tourist-police-decorate-popular-holiday-resort.html?_ga=2.3887027.2047943832.1717881346-763982398.1717758833&_gl=1*_1yisj91*_ga*NzYzOT-gyMzk4LjE3MTc3NTg4MzM.*_ga_C9F47K6NW6*MTcxODAzODI2NC4yLjEuMTcxODAzODMzNS42MCAwLjci1ODMx-ODMyMg.*_ga_GQE6MT7DLZ*MTcxODAzODI2NC4yLjEuMTcxODAzODMzNS4wLjAuMA (accessed 17 April 2024).

² Туристическую полицию Мексики укомплектуют красотками. URL: https://vsluh.ru/novosti/transport/turisticheskuyu-politsiyu-meksiki-ukomplektuyut-krasotkami_219715/ (дата обращения: 26.05.2024).

выполнена] лучше», – подчеркнул аналитик по безопасности в городе Монтеррей Х. Кавас.

Но идея получила распространение по всей стране. И в мексиканском городе Керетаро женщины-полицейские подали жалобу в государственную комиссию по правам человека на то, что командиры-мужчины подвергли их проверкам на «привлекательность» в рамках отбора в новое женское подразделение для туристического центра города. Офицеры-женщины были выбраны для проверки (2016), в ходе которой их начальники-мужчины комментировали их внешность и вес, заявив одной женщине, которая недавно была беременна, но потеряла ребенка, что «у нее пузо». «Я училась на полицейского, а не на танцовщицу», – парировала офицер¹.

Обсуждение таких тем на фоне всплеска сексуального насилия в стране вызвало возмущение в социальных сетях и обществе в целом, а также ответную реакцию в виде женоненавистнических комментариев и угроз. Всплеск обвинений в сексуальных домогательствах произошел и в полиции. Возможность того, что нарушения прав человека внутри полиции станут достоянием общественности, вызвала тревогу руководства.

Несмотря на наличие различных подходов к оценке службы женщин в полиции, целесообразность их вовлечения в полицейскую деятельность в Мексике сомнений уже не вызывает. Служба женщин в полиции «имеет первостепенное значение, поскольку это способствует укреплению имиджа полицейских учреждений, поскольку деятельность женщин в вопросах общественной безопасности позволяет связать различные темы и группы, которые вносят свой вклад не только в работу полиции, но и в столь важную близость социальную, которая необходима для обеспечения доверия в обществе», подчеркнули С. Bonfil и А. Álvarez [37].

Одобрение участия женщин в полицейской деятельности подтверждается фактами разного характера. Один из них – подписание соглашений о сотрудничестве с 31 страной, направившей сотрудников службы безопасности для поддержания порядка во время чемпионата мира по футболу в Катаре (2022). Мексика

¹ Agren D. Female police officers subjected to «attractiveness» inspections in Mexico. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2016/apr/08/female-police-officers-mexico-attractiveness-inspections-complains-queretaro> (accessed 17 April 2024).

была единственной страной, включившей женщин-полицейских в свою делегацию на территории, контролируемой государством, в котором женщины все еще борются за свои права¹.

Еще факт – поручение женщинам-полицейским охраны демонстраций феминисток. Это – сложная задача, особенно с учетом того, что на охрану общественного порядка полицейские выходят без оружия и спецсредств для самообороны. 9 марта 2021 г. власти города Мехико привлекли к охране марша феминисток, приуроченного к Международному женскому дню, около 2,7 тыс. женщин-полицейских. Участие в демонстрации приняли более 20 тыс. человек. По словам заместителя главы Управления общественной безопасности Мехико Марселы Фигероа, полицейские подверглись нападениям с использованием молотков, палок, петард и бутылок с горючей смесью. Более 60 женщин-полицейских получили травмы в ходе беспорядков, устроенных участницами марша². Акции протеста и митинги традиционно проходят в Мексике и в Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин, который ежегодно отмечается 25 ноября. В 2021 г. демонстранты закидали силовиков бутылками, камнями и сигнальными ракетами. В числе пострадавших оказались 10 женщин-полицейских³.

И еще один факт – быстрое распространение в СМИ информации о событиях в Акапулько в ноябре 2023 г. Прибрежный город принял на себя наибольший удар урагана Отис. Более 220 тыс. домов были разрушены, около 1 млн человек остались без электричества и чистой воды, а сам город захватили мародёры. Для решения последней проблемы власти ввели в город 15 тыс. военных и полицейских. 33-летняя Аризбет Дионисио Амбросио, офицер полиции, принимала участие в спасательных работах. Когда услышала детский плач, обнаружила маму с четырехмесячным ребенком. Женщина сказала, что у нее проблемы с грудным молоком, ее сын не ел больше двух дней и плачет от голода. Аризбет Амбросио – мать двоих детей, и младшего она кормит грудью – сняла защитное снаря-

¹ Aldana O. F. México, el único país que mandó mujeres policías a Qatar 2022. Available at: https://www.espn.com.mx/futbol/mundial/nota/_/id/11234429/mexico-el-unico-pais-quemando-mujeres-policias-a-qatar-2022 (accessed 17 April 2024).

² Более 60 сотрудниц полиции пострадали в столкновениях на марше феминисток в Мехико. 9 марта 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10857995> (дата обращения: 17.04.2024).

³ Женщины-полицейские пострадали на митингах за женские права в Мексике. URL: https://lenta.ru/news/2021/11/26/police_gaz/ (дата обращения: 17.04.2024).

жение и приложила малыша к груди. Этот момент на телефон снял кто-то из присутствовавших там спасателей. Фотографии Амбросио с младенцем на коленях, опубликованные Секретариатом гражданской безопасности Мехико, вызвали эмоциональную реакцию в соцсетях, а глава секретариата гражданской безопасности Мехико Пабло Веласкес поблагодарил офицера полиции за проявленное милосердие¹. Поступок девушки вызвал широкий резонанс в Мексике, показав, что в истерзанной катаклизмом стране светлое, доброе, человеческое сохраняется.

Обсуждения и выводы

Мужчины-полицейские отмечают, что при оказании поддержки гражданам, женщины проявляют большую чуткость; женщины-полицейские лучше справляются с разведывательной работой, общением с общественностью и выявлением случаев жестокого обращения с несовершеннолетними. Национальный институт по делам женщин сделал вывод о том, что современной Мексике «необходимы женщины-полицейские нового профиля»², более профессионально подготовленные, с развитым чувством принадлежности к учреждению и связи с обществом. «Чтобы носить униформу, нужно по-настоящему любить ее, потому что она означает преданность делу, самопожертвование и ответственность»³. Женщины «стали сильной опорой организации; быть женщиной-полицейским – значит каждый день учиться у окружающих ее людей и учреждений» [35, р. 52].

За счет привлечения женщин в различные сферы общественной безопасности полицейские органы добились роста и значительных успехов. Это не означает, что мужчины плохо справляются со своей работой, равно как и то, что женщины не могут быть вовлечены в коррупцию или иную преступную деятельность, речь идет об устранении социальных предрассудков, не позволяющих укрепить гендерное равенство при осуществлении полицейской деятельности.

¹ Сотрудница полиции Мексики покормила грудью младенца, который голодал 2 дня, оказавшись в эпицентре урагана. URL: <https://mel.fm/novosti/3652041-sotrudnitsa-politsii-meksiki-pokormila-grudyu-mladentsa-kotory-golodal-2-dnya-okazavshis-v-epitsentr> (дата обращения: 17.04.2024).

² Instituto Nacional de las Mujeres. 2022. Available at: <https://www.gob.mx/inmujeres>; <https://www.gob.mx/inmujeres/prensa/aumentarla-participacion-de-las-mujeres-en-la-seguridad-es-clave-para-lograr-la-pazinnmujeres?> (accessed 17 April 2024).

³ Ibidem.

Расширение прав и возможностей женщин в сфере обеспечения общественной безопасности – реальность XXI в., которая свидетельствует о предоставлении равных для мужчин и женщин возможностей в решении социально значимых задач, создании благоприятных условий для профессионального и личностного развития женщин, избавлении от представлений о том, что служба в полиции – дело исключительно мужское. Путь к гендерному равенству в полиции Мексики пока сложен, тернист и труден. Но оснований сомневаться в решении поставленных женщинами задач нет.

Список литературы

1. Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. – 1998. – № 6. – С. 76–89. EDN RYKPAХ.
2. Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. – 2000. – Т. 3. – № 3. – С. 166–187. EDN RLCBMB.
3. Пушкарева Н. Л. Гендерная методология в истории // Гендерный калейдоскоп. Москва: Academia, – 2001. С. 52–76. EDN TYHUHR.
4. Пушкарева Н. Л. «Женский» вопрос в теории марксизма (Почему брак марксизма с феминизмом оказался несчастливым?) // Женщина в российском обществе. – 2002. – № 1. – С. 2–13. EDN JVKBAD.
5. Пушкарева Н. Л. Женская история, гендерная история: итоги и перспективы // Социальная история. 2003. Ежегодник / Центр социальной истории Института всеобщей истории РАН, Центр экономической истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Сектор этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН. – М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2003. – С. 9–44. EDN SKEFJN.
6. Пушкарева Н. Л. Гендерная антропология // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания». – 2022. – № 2. DOI 10.54972/00000001_2022_2_1. EDN VINJRW.
7. Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Пробуждение женского как феномен гендерной идентичности: девичьи «обожания» в истории русской сексуальной культуры (рубеж XIX–XX веков) // Новое литературное обозрение. – 2024. – № 1(185). – С. 69–87. DOI 10.53953/08696365_2024_185_1_69. EDN FKYGFV.
8. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Издательство Мысль, 1989. 287 с. ISBN 5-244-00281-3. EDN RAONON.
9. Пушкарева Н. Л. Статус женщины в Древней Руси и в России Нового времени: Обзор современных исследований // Русь между Востоком и Западом: культура и общество X–XVII вв.: (зарубежные и советские исследования) / Академия наук СССР, Отделение истории, Институт научной информации по общественным наукам, Национальный комитет историков Советского Союза, Оргкомитет международного конгресса византинистов; Ответственные редакторы: В. Л. Янин, А. Л. Ястребицкая. Ч. 2. – М., 1991. – С. 222–242. EDN RRZJGZ.
10. Пушкарева Н. Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996. 285 с. EDN RAOGYD.
11. Pushkareva N. Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. – New York: M. E. Sharp, 1997. – 319 p. EDN RREIRB.
12. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X в. – начало XIX в.). М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. 381 с. EDN RAODZZ.

13. Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000: материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с. EDN QOPPGD.

14. Пушкарева Н. Л. Российское женское движение 1812–2020 г. (социальный состав, цели, достижения) // Женская активность: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 21–22 января 2021 г. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2021. – С. 6–25. EDN SBHPUT.

15. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3–19. EDN OXTAQR.

16. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Гласник Этнографского института САНУ. – 2005. – № 53. – С. 21–34. EDN SNBFZR.

17. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Социальная история. 2007. Ежегодник / Центр социальной истории Института всеобщей истории РАН, Центр экономической истории, исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская ассоциация исследователей женской истории. – М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2008. – С. 9–21. EDN RYZNUP.

18. Пушкарева Н. Л. Гендерное измерение повседневности и его отражения в социокультурной памяти // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности: материалы XV-ой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН в двух частях. Пенза, 29 сентября 2022 г. Т. 1. – Пенза: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022. – С. 12–19. EDN VEXJAP.

19. Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. «Революция чувств»: проект изменений в интимной сфере повседневности в первые годы советской власти // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 октября 2023 г. – Кострома: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2023. – С. 440–443. EDN CEZEES.

20. Пушкарева Н. Л. Семейное, женское, повседневное как проблема исторической антропологии // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 октября 2023 г. / Российская ассоциация исследователей женской истории, Костромской государственный университет, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Ч. 1. – Кострома: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2023. – С. 12–14. EDN BSOZKC.

21. Eugenia J. C. Los policías siguen practicando la tortura // Milenio Diario. – 2002. – Abril 5.

22. Alcantara L. CNDH: hay cifra negra de tortura // El Universal. – 2007. – Junio 27. – P. A13.

23. Саудаханов М. В. Конституционные принципы деятельности, структура и кадровый состав мексиканской полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 12. – С. 23–25.

24. Ser mujer policía: breve estudio de las condiciones laborales de las mujeres policías en Estado de México y Nezahualcóyotl. – México, 2021. – 195 p.

25. Pérez M. D. Valoración personal de la mujer policía. – México: Instituto Tecnológico y de Estudios Superiores de Occidente, 2017.

26. Андреева И. А. Феминизация полиции Франции: исторический аспект // История государства и права. – 2012. – № 24. – С. 2–4.

27. Занина Т. М., Петранцов А. С. Зарубежный опыт организации и правового регулирования службы женщин в полиции // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 4. – С. 30–33.

28. Корабельникова Ю. Л. Вторая мировая война как катализатор внедрения принципа гендерного равенства в органах полиции: российский и зарубежный опыт // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): в 2 ч. Ч. 1: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост. Н. С. Нижник, С. А. Никифорова. – Электрон. дан. (23,3 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 1694–1698.

29. Александрова А. Н., Силкин Н. Н., Исаев И. Ш., Балахонский В. В. Гендерные аспекты службы в силовых структурах: ретроспекции и реалии // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 4(90). – С. 180–187.

30. Корабельникова Ю. Л. Гендерный баланс в органах полиции России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 4(56). – С. 232–237.

31. Palacios G. Formación policial. – México: Trillas, 2020.

32. Bailon Vasquez F. El «Cuerpo de la policía femenil»: imágenes y representaciones, ciudad de México 1930 // Secuencia, Instituto de Investigaciones José Luis Mora. – 2020. – Núm.107. Mayo-agosto. – P. 1–34.

33. Bailon Vasquez F. Historia de los movimientos feministas en México. – México: UAM–X/ Fides, 2023.

34. Santana M. D. La experiencia de las mujeres policías en el espacio masculino de la policía. Programa interdisciplinario de estudios de la mujer. – México: El Colegio de México, 2016.

35. Almeida S. N. S. Mujer policía: retos y desafíos al mando de la seguridad pública Police woman: challenges and challenges in command of Public safety // Universidad de Ciencias de la Seguridad. Estudios de la Seguridad Ciudadana. – 2023. – Vol. 7. Año 6.

36. Hernández G. Mediación como instrumento de transformación de la violencia // Ramos M. L. Violencia hacia los hombres, mediación como alternativa. – México: Tirant lo Blanch, 2021.

37. Hernández G., Monroy C., García R. Violencia hacia la mujer en la función policía // Hernández C. Criminología feminista. – México: Tirant lo Blanch, 2022.

38. Bonfil C., Álvarez A. Cultura institucional y perspectiva de género en las corporaciones de seguridad pública en México // Iusta. – 2021. – No 12–14.

Women in the Mexican Police Service: Difficult Struggle for Gender Equality

Nadezhda S. Nizhnik

The article is devoted to the problems of ensuring gender equality in policing in Mexico. Women were first recruited to serve in the Mexican police in 1930. Today, female police officers make up a quarter of the entire Mexican police force. However, the experience of women serving in the police remains unintelligible by Russian-speaking researchers. There are no works devoted to the service of women in the Mexican police in Russian science. The article discusses issues related to: the motives that attract women to serve in the police; the peculiarities of women mastering the police profession; the difficulties of policing by women in Mexico; opportunities for female police officers to advance through the ranks. Faced with clear gender inequality, machismo, pressure from drug cartels, with minimal chances to rise in rank and achieve professional skills, Mexican women demonstrate examples of selfless performance of official duty, often paying for integrity and responsibility in the service with their lives.

Key words: gender equality, Mexico, women's police, policewoman, tourist police, sexual harassment, machismo.

For citation: Nizhnik, N. S. (2024) ZHenshchiny na sluzhbe v policii Meksiki: trudnaya bor'ba za gendernoe ravenstvo [Women in the Mexican Police Service: Difficult Struggle for Gender Equality]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 109–137. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2024_3_109. EDN: OKMYRW

References

1. Pushkareva, N. L. (1998) *Gendernye issledovaniya: rozhdenie, stanovlenie, metody i perspektivy* [Gender studies: birth, formation, methods and prospects]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. No. 6. Pp. 76–89. (In Russ.). EDN RYKPAK
2. Pushkareva, N. L. (2000) *Gendernye issledovaniya i istoricheskie nauki* [Gender studies and historical sciences]. *Gendernye issledovaniya* [Gender studies]. Vol. 3. No. 3. Pp. 166–187. (In Russ.). EDN RLCBMB.
3. Pushkareva, N. L. (2001) *Gendernaya metodologiya v istorii* [Gender methodology in history]. *Gendernyj kalejdoskop* [A gender kaleidoscope]. Moscow: Academia. Pp. 52–76. (In Russ.). EDN TYHUHR.
4. Pushkareva, N. L. (2002) «ZHenskij» vopros v teorii marksizma (Pochemu brak marksizma s feminizmom okazalysya neschastlivym?) [The "feminine" question in the theory of Marxism (Why did the marriage of Marxism with feminism turn out to be unhappy?)]. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve* [A woman in Russian society]. No. 1. Pp. 2–13. (In Russ.). EDN JVKBAD.
5. Pushkareva, N. L. (2003) *ZHenskaya istoriya, gendernaya istoriya: itogi i perspektivy* [Women's History, Gender History: Results and Prospects]. *Social'naya istoriya* [Social history]. Yearbook / Center for Social History of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Center for Economic History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Sector of Ethnogender Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay of the Russian Academy of Sciences, Center for the Study of Modern Russian History and Political Science of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Publishing House "Political Encyclopedia". Pp. 9–44. (In Russ.). EDN SKEFJN.
6. Pushkareva, N. L. (2022) *Gendernaya antropologiya* [Gender anthropology]. *Obshchenacional'nyj interaktivnyj enciklopedicheskij portal «Znaniya»* [Nationwide interactive encyclopedic portal "Knowledge"]. No. 2. (In Russ.). DOI 10.54972/00000001_2022_2_1. EDN BIHJRW.
7. Micyuk, N. A., Pushkareva, N. L. (2024) *Probuzhdenie zhenskogo kak fenomen gendernoj identichnosti: devich'i «obozhaniya» v istorii russkoj seksual'noj kul'tury (rubezh XIX–XX vekov)* [The Awakening of the Feminine as a phenomenon of gender identity: girlish "adoration" in the history of Russian sexual culture (the turn of the 19th – 20th centuries)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [A new literary review]. No. 1 (185). Pp. 69–87. (In Russ.). DOI 10.53953/08696365_2024_185_1_69. EDN FKYGFV.
8. Pushkareva, N. L. (1989) *ZHenshchiny Drevnej Rusi* [Women of Ancient Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Mysl'. (In Russ.). ISBN 5-244-00281-3. EDN RAOHOH.
9. Pushkareva, N. L. (1991) *Status zhenshchiny v Drevnej Rusi i v Rossii Novogo vremeni: Obzor sovremennyh issledovanij* [The Status of women in Ancient Russia and in Modern Russia: A review of modern research]. *Rus' mezhdv Vostokom i Zapadom: kul'tura i obshchestvo X–XVII vv.: (zarubezhnye i sovsietkie issledovaniya)* [Russia between East and West: Culture and Society of the 10th – 17th centuries: (foreign and Soviet studies)]. USSR Academy of Sciences, Department of History, Institute of Scientific Information on Social Sciences, National Committee of Historians of the Soviet Union, Organizing Committee of the International Congress of Byzantinists; Editors-in-Chief: V. L. Yanin, A. L. Yastrebitskaya. Vol. 2. Moscow. Pp. 222–242. (In Russ.). EDN RRZJGZ.
10. Pushkareva, N. L. (1996) *ZHenshchiny Rossii i Evropy na poroge Novogo vremeni* [Women of Russia and Europe on the threshold of the Modern Time]. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya RAN. (In Russ.). EDN RAOGYD.
11. Pushkareva, N. (1997) *Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century*. New York: M. E. Sharp. EDN RREIRB.
12. Pushkareva, N. L. (1997) *CHastnaya zhizn' russkoj zhenshchiny: nevesta, zhena, lyubovnica (X v. – nachalo XIX v.)* [The private life of a Russian woman: bride, wife, mistress (10th – early 19th century)]. Moscow: Nauchno-izdatel'skij centr «Ladomir». (In Russ.). EDN RAODZZ.
13. Pushkareva, N. L. (2002) *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost'. Dva veka izucheniya «zhenskoy teme» russkoj i zarubezhnoj naukoj, 1800–2000: Materialy k bibliografii* [The Russian Woman: History and Modernity. Two centuries of studying the "female theme" by Russian and foreign science, 1800–2000: Materials for the bibliography]. Moscow: Ladomir. (In Russ.). EDN QOPPGD.
14. Pushkareva, N. L. (2021) *Rossijskoe zhenskoe dvizhenie 1812–2020 g. (social'nyj sostav, celi, dostizheniya)* [The Russian Women's Movement of 1812–2020 (social composition, goals, achievements)]. *ZHenskaya aktivnost': istoriya i sovremennost'* [Women's Activism: history and modernity]. Mate-

rials of the International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, January 21-22, 2021. Makhachkala: ALEF Limited Liability Company. Pp. 6–25. (In Russ.). EDN SBHPUT.

15. Pushkareva, N. L. (2004) *Predmet i metody izucheniya «istorii povsednevnosti»* [The subject and methods of studying the "history of everyday life"]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5. Pp. 3–19. (In Russ.). EDN OXTAQR.

16. Pushkareva, N. L. (2005) «*Istoriya povsednevnosti*» i *etnograficheskoe issledovanie byta: raskhozhdeniya i persecheniya* ["The history of everyday life" and the ethnographic study of everyday life: discrepancies and intersections]. *Glasnik Etnografskog instituta SANU* [The Bulletin of the Ethnographic Institute of SASA]. No. 53. Pp. 21–34. (In Russ.). EDN SNBFZR.

17. Pushkareva, N. L. (2007) *Predmet i metody izucheniya istorii povsednevnosti* [The subject and methods of studying the history of everyday life]. *Social'naya istoriya* [Social history]. Yearbook / Center for Social History of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Center for Economic History, Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Russian Association of Researchers of Women's History. Moscow: Publishing House "Russian Political Encyclopedia". Pp. 9–21. (In Russ.). EDN RYZNUP.

18. Pushkareva, N. L. (2022) *Gendernoe izmerenie povsednevnosti i ego otrazheniya v sociokul'turnoj pamyati* [The gender dimension of everyday life and its reflection in sociocultural memory]. *Proshloe, pamyat', narrativ: gendernoe izmerenie povsednevnosti* [The past, memory, narrative: the gender dimension of everyday life]. Materials of the 15th International Scientific Conference of the Russian Academy of Sciences and IEA RAS in two parts. Penza, September 29, 2022. Vol. 1. Penza: N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Pp. 12–19. (In Russ.). EDN BEXJAP.

19. Pushkareva, N. L., Pushkareva, I. M. (2023) «*Revoluciya chuvstv*»: *proekt izmeneniy v intimnoj sfere povsednevnosti v pervye gody sovetской vlasti* [The Revolution of Feelings: a project of changes in the intimate sphere of everyday life in the early years of Soviet power]. *Semejnoe, zhenskoe, povsednevnoe v istoriko-antropologicheskom izmerenii* [Family, women's, everyday in the historical and anthropological dimension]. Family, women's, everyday in the historical and anthropological dimension: Proceedings of the 16th International Scientific Conference of the Russian Academy of Sciences and IEA RAS, Kostroma, October 5–8, 2023. Kostroma: N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Pp. 440–443. (In Russ.). EDN CEZEEC.

20. Pushkareva, N. L. (2023) *Semejnoe, zhenskoe, povsednevnoe kak problema istoricheskoy antropologii* [Family, feminine, everyday as a problem of historical anthropology]. *Semejnoe, zhenskoe, povsednevnoe v istoriko-antropologicheskom izmerenii* [Family, women's, everyday in the historical and anthropological dimension]. Proceedings of the 16th International Scientific Conference of the Russian Academy of Sciences and IEA RAS, Kostroma, October 5–8, 2023 / Russian Association of Researchers of Women's History, Kostroma State University, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay RAS. Part 1. Kostroma: N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Pp. 12–14. (In Russ.). EDN BSOZKC.

21. Eugenia, J. C. (2002) Los policias siguen practicando la tortura. Milenio Diario. Abril 5.

22. Alcantara, L. (2007) CNDH: hay cifra negra de tortura. El Universal. Junio 27. P. A13.

23. Saudahanov, M. V. (2013) *Konstitucionnye principy deyatel'nosti, struktura i kadrovyy sostav meksikanskoj policii* [Constitutional principles of activity, structure and personnel of the Mexican police]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 12. Pp. 23–25. (In Russ.)

24. Ser mujer policia: breve estudio de las condiciones laborales de las mujeres policias en Estado de México y Nezahualcóyotl (2021). México.

25. Pérez, M. D. (2017) Valoración personal de la mujer policía. México: Instituto Tecnológico y de Estudios Superiores de Occidente.

26. Andreeva, I. A. (2012) *Feminizaciya policii Francii: istoricheskij aspekt* [The feminization of the French police: historical aspect]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the state and law]. No. 24. Pp. 2–4. (In Russ.)

27. Zanina, T. M., Petrancov, A. S. (2015) *Zarubezhnyy opyt organizacii i pravovogo regulirovaniya sluzhby zhenshchin v policii* [Foreign experience in the organization and legal regulation of women's service in the police]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 4. Pp. 30–33. (In Russ.)

28. Korabel'nikova, YU. L. (2020) *Vtoraya mirovaya vojna kak katalizator vnedreniya principa gendernogo ravenstva v organah politsii: rossijskij i zarubezhnyj opyt* [The Second World War as a catalyst for the introduction of the principle of gender equality in the police: Russian and foreign experience]. *Gosudarstvo. Pravo. Vojna (k 75-letiyu Pobedy sovetского naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne)* [State. Right. War (on the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War)]. In 2 parts. Part 1: Proceedings of the international scientific conference. St. Petersburg, April 28-29, 2020 / edited by N. S. Nizhnik; comp. N. S. Nizhnik, S. A. Nikiforova. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Pp. 1694–1698. (In Russ.)

29. Aleksandrova, A. N., Silkin, N. N., Isaev, I. SH., Balahonskij, V. V. (2020) *Gendernye aspekty sluzhby v silovyh strukturah: retrospekcii i realii* [Gender aspects of service in law enforcement agencies: retrospections and realities]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 4 (90). Pp. 180–187. (In Russ.)

30. Korabel'nikova, YU. L. (2020) *Gendernyj balans v organah politsii Rossii i zarubezhnyh stran: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Gender balance in the police of Russia and foreign countries: a comparative legal study]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 4 (56). Pp. 232–237. (In Russ.)

31. Palacios, G. (2020) *Formación policial*. México: Trillas.

32. Bailon Vasquez, F. (2020) *El «Cuerpo de la policía femenil»: imágenes y representaciones, ciudad de México 1930*. Secuencia, Instituto de Investigaciones José Luis Mora. 2020. Núm.107. Mayo-agosto. Pp. 1–34.

33. Bailon Vasquez, F. (2023) *Historia de los movimientos feministas en México*. México: UAM-X/ Fides.

34. Santana, M. D. (2016) *La experiencia de las mujeres policías en el espacio masculino de la policía*. Programa interdisciplinario de estudios de la mujer. México: El Colegio de México.

35. Almeyda, S. N. S. (2023) *Mujer policía: retos y desafíos al mando de la seguridad pública*. Police woman: challenges and challenges in command of Public safety. Universidad de Ciencias de la Seguridad. Estudios de la Seguridad Ciudadana. Vol. 7. Año 6.

36. Hernández, G. (2021) *Mediación como instrumento de transformación de la violencia*. Ramos M. L. *Violencia hacia los hombres, mediación como alternativa*. México: Tirant lo Blanch, 2021.

37. Hernández, G., Monroy, C., García, R. (2022) *Violencia hacia la mujer en la función policía*. Hernández C. *Criminología feminista*. México: Tirant lo Blanch.

38. Bonfil, C., Álvarez, A. (2021) *Cultura institucional y perspectiva de género en las corporaciones de seguridad pública en México*. Iusta. No. 12-14.

Об авторе

Нижник Надежда Степановна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: n.nishnik@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-3369-9490

About the author

Nizhnik Nadezhda S., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: n.nishnik@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-3369-9490

Статья поступила в редакцию 13.06.2024
Одобрена после рецензирования 01.07.2024
Принята к публикации 10.07.2024

Посещения петербургских гимназий императором Николаем I: рождение сценария

Т. И. Пашкова

В исследовании рассматривается процесс зарождения сценария августейших визитов в гражданские мужские средние учебные заведения. Делопроизводственные документы, мемуарные свидетельства и дневники гимназистов позволяют реконструировать основные элементы высочайших визитов, проанализировать исходивший от них идеологический посыл и оценить степень эмоционального воздействия на учеников и учителей. Делается вывод, что этот сценарий был заложен императором Николаем I и органично вписывался в общую канву его публичных выходов, подчеркивавших близость к народу и сокращавших дистанцию между монархом и подданными. Высочайшие визиты были призваны формировать образ заботливого и строгого отца-монарха, держать в нужном тоне преподавательский состав, приучать гимназистов к строгой дисциплине, определенным телесным и эмоциональным реакциям, воспитывать верноподданические чувства.

Ключевые слова: августейшие визиты, сценарии власти, гимназия, школьная дисциплина, верноподданические чувства.

Для цитирования: Пашкова Т. И. Посещения петербургских гимназий императором Николаем I: рождение сценария // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 138–149. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_138. EDN: OKXZIS

Введение

Высочайшие визиты в учебные заведения могут быть рассмотрены в контексте концепции Р. Уортмана об индивидуальных способах презентации императорского мифа. Исследователь отмечал, что именно при Николае I происходило расширение круга вовлеченных в различные придворные церемонии и ритуалы [1, с. 24]. Реализация «сценариев власти» осуществлялась, разумеется, и за пределами стен императорских резиденций. Одной из таких площадок являлись учебные заведения различного уровня и статуса. Этот аспект презентации мифа до сих пор не подвергался специальному изучению. Имеются лишь отдельные публикации, касающиеся, например, церемониальной культуры Петергофа или жестов и портретов на императорских парадных портретах [2; 3]; в книге Р. Уортмана эта тема также не затрагивалась. Между тем она представляет определенный интерес, поскольку раскрывает один из механизмов формирования верноподданнических чувств у подрастающего поколения российских подданных. В качестве источников были привлечены опубликованные и архивные делопроизводственные материалы, мемуарные свидетельства и дневниковые записи современников. Цель исследования заключается в реконструкции сценариев императорских визитов в учебные заведения и анализе реакции на них непосредственных участников событий.

Результаты

Документы свидетельствуют, что практика систематического посещения государем императором гражданских средних учебных заведений (в том числе столичных) установилась как раз при Николае I. Его предшественник, при котором в 1805 г. была основана первая в столице С.-Петербургская губернская гимназия (будущая Вторая), а в 1823 г. – С.-Петербургская гимназия (будущая Третья), по каким-то причинам никогда не переступал их порога, хотя в источниках есть сведения о приездах Александра I в некоторые провинциальные учебные заведения – Архангельскую, Вологодскую и Таганрогскую гимназии [4, с. 231, 232; 5, с. 49].

Как видно из приведенных ниже сведений, первые два визита Николая I в петербургские мужские гимназии были организованы с интервалами в несколько лет, и только с 1832 г.

такие посещения стали регулярными и ежегодными. Чем руководствовались при выборе того или иного заведения, сказать наверняка трудно, но во всяком случае видно, что государь явно отдавал предпочтение Первой гимназии, возможно, как самой аристократической в столице (в николаевское царствование туда принимали только сыновей потомственных дворян). Ее он посетил 18 раз; далее по убывающей шли Третья (17 раз), Четвертая (Ларинская) – 13 раз, Вторая (12 раз) и Пятая, в которую император явился только однажды, через три года после открытия [4, с. 232; 6, с. 350–351; 7, с. XXX; 8, с. XXIX; 9, с. XXI; 10, с. XXVIII; 11, с. 20–21; 12, с. 27; 13, с. 28].

Таблица

Расписание императорских посещений С.-Петербургских гимназий

Годы	Гимназии
1826	С.-Петербургская гимназия (будущая Третья)
1829	Первая, Вторая
1832	Первая, Вторая, Третья
1833	Первая, Третья
1834	Первая, Вторая, Третья
1835	Первая, Вторая, Третья
1836	Первая
1837	Первая, Вторая, Третья
1838	Первая, Третья
1839	Первая, Вторая, Третья, Четвертая
1840	Вторая, Третья, Четвертая
1841	Первая, Третья, Четвертая
1842	Первая, Вторая, Третья, Четвертая
1843	Первая, Третья, Четвертая
1844	Первая, Вторая, Третья, Четвертая (дважды – январь и ноябрь)
1845	Вторая
1846	Первая
1848	Первая, Вторая, Третья, Четвертая, Пятая
1849	Первая, Вторая, Третья, Четвертая
1850	Первая, Вторая, Третья, Четвертая
1851	Первая, Третья, Четвертая
1852	Четвертая
1853	Четвертая

Один из мемуаристов (Н. Каратыгин) писал, что Николай Павлович обычно посещал гимназии «до нового года, да и то не ежегодно» [14, с. 29]. По-видимому, эта реплика относится к 1839 или 1840 г., когда император действительно приезжал во Вторую гимназию, где учился Каратыгин, в декабре и ноябре (тем не менее, тот же мемуарист подробно описал одно из весенних посещений – в марте). На самом деле обычно государевы визиты укладывались в период между январем и мартом (в этом смысле несколько более точен другой мемуарист, А. М. Лазаревский, утверждавший, что «Николай имел обыкновение, начиная с Нового года и до Святой, посещать почти все средние учебные заведения, как военные, так и гражданские») [15, с. 488]. Однако бывали и отклонения от этого «графика», и тогда государь мог приехать в апреле (1833 г., Первая и Третья гимназии), мае (1837 г., Вторая и Третья гимназии), ноябре (1840 г., Вторая гимназия; 1844 г., Четвертая гимназия) или декабре (1839 г., Первая и Вторая гимназии). За весь рассматриваемый период был только один случай, когда Николай дважды за год удостоил своим вниманием одно учебное заведение: в 1844 г. он инспектировал Четвертую гимназию в январе и ноябре. Чем это было вызвано, установить не удастся.

Судя по упоминаниям мемуаристов, заранее никому не было известно, какие именно школы будут посещаться монархом в очередном сезоне [14, с. 29]. Возможно, такая «секретность» сохранялась специально, чтобы держать в тонусе как гимназическое начальство, так и учеников. В любом случае, стоило Николаю явиться в какое-нибудь заведение, в других начинали лихорадочно готовиться к потенциальному визиту.

Сценарий и смысловой посыл этих визитов, вероятно, являлся своеобразной экстраполяцией принципов воспитания самого будущего императора, который с детства был приучен к строгой немецкой дисциплине и повиновению, а также к обожанию своего отца [1, с. 337]. Поэтому в общении со своими юными поданными государь выступал в роли сурового, но справедливого и внимательного главы семейства, делающего замечания и раздающего похвалы. Делопроизводственные документы и мемуары свидетельствуют, что Николай I придавал первостепенное значение внешнему порядку в заведении, облику учителей и гимназистов [21, л. 2]. Поэтому обязательным эле-

ментом визита был смотр воспитанников: государь обходил их ряды и тщательно разглядывал каждого. Вполне очевидно, что эта практика была привнесена в гражданские мужские учебные заведения из военного быта [1, с. 407–410]. Церемония происходила в так называемой камере (помещении для подготовки уроков пансионерами) или в рекреационном зале [14, с. 30; 16, с. 587]. Возмущение и грозный окрик монарха могли вызвать, например, незастегнутые на куртке пуговицы [14, с. 3]. Надо думать, что у всех в памяти надолго остался случай, когда поводом к увольнению в 1837 г. директора Второй гимназии П. А. Шипилова стало то обстоятельство, что государь во время визита нашел пансионеров в «неопрятном, грязном и даже отвратительном виде» [17, с. 347]. Стараясь избежать впредь любых неожиданностей и неприятностей подобного рода, новый директор Второй гимназии А. Ф. Постельс регулярно собирал учеников и держал перед ними речь. Ее содержание сводилось к необходимости обратить особое внимание «на причёску, одежду и обувь, которые должны быть в безукоризненной опрятности» [14, с. 29]. В результате с 12 часов пансионеры специально «переодевались в новое платье и сидели в классах уже начеку» [15, с. 488]. Поскольку подобные речи произносились ежегодно, а то и по нескольку раз в год, некоторые ученики начинали относиться к ним скептически, хотя это вовсе не умаляло их верноподданических чувств к «обожаемому монарху» [14, с. 30].

Чтобы не быть застигнутыми врасплох, выставляли дежурного гимназиста, который должен был предупредить остальных о прибытии грозного гостя, либо ждали трех звонков из швейцарской [14, с. 30; 15, с. 488]. Делалось это для того, чтобы в случае надобности успеть привести себя в порядок – обеспечить ту самую «внешнюю чистоту». Как только поступал условленный сигнал, вмиг все вскакивали, отбрасывали книги и прочие вещи, «всякий торопился пригладить волосы, поправить суконный галстук (шёлковые были строжайше запрещены), застегнуть крючок на воротнике и пуговицы на рубашке» [14, с. 30].

Появление в гимназии императора трактовалось начальством заведения как великое «счастье», поэтому очень важно было продемонстрировать высокому визитёру не только внешнюю, но и внутреннюю чистоту: «...мы должны предстать перед нашим монархом с чистыми сердцами, как дети перед отцом».

Что касается манеры поведения, то она регламентировалась так: «Бодро стоять и весело глядеть в глаза его величеству! Потуплять же глаза и задумчиво смотреть *это отнюдь не должно быть*» [14, с. 29]. Таким образом, «внутренняя чистота» подразумевала дружное, заранее отрепетированное приветствие государя на военный манер, демонстрацию обожания, бодрости, веселости, «радости без всякого принуждения» [14, с. 30]. Ученика, по каким-то причинам стоявшего в строю с опущенной головой и не впивавшегося, как другие, глазами в «красиво-величественное лицо» высокого гостя, последний мог обозвать «больным» и «расслабленным». Директору заведения в такой ситуации давалось наставление отучать гимназистов от «чрезмерной застенчивости»: «Застенчивость не может быть поставлена в упрек девице; но в молодом человеке это – недостаток! Характер молодого человека должен быть: бодр, сообразителен и находчив, а не вял и апатичен» [14, с. 31–32].

Угодить строгому императору было нелегко. Его насмешку могло вызвать и чрезмерное усердие гимназиста, который «окаменел и стоит как мумия». Такому ученику Николай говорил: «Ты не солдат, держи себя свободнее» [14, с. 32]. Впрочем, все эти придирки и замечания были адресованы только старшим воспитанникам. К младшим гимназистам государь относился гораздо более лояльно и снисходительно: вступал в диалог, задавая вопросы, хвалил за «веселый и здоровый вид», за то, что они «бодро и толково» ему отвечали, громко смеялся, ласково называл «карапузами» и т. д. [14, с. 31]. Интересно, что общение с «маленькими» помимо прочего предполагало и тесный телесный контакт с императором. Эту сцену описал бывший ученик Первой гимназии И. Можайский. «Государь входит в зал, становится перед фронтом и кричит: «маленькие ко мне!» Маленькие выбегают вперед, направляясь к нему, – кто хватается за ноги, кто за руки, некоторые стараются лезть к нему на спину. Он стоит непоколебимо с улыбкою на устах, берет двух самых маленьких к себе на руки, и они целуют ему рукава сюртука, эполеты и воротник» [16, с. 587].

Другой важной составляющей высочайшего визита было посещение уроков. Николай никогда не садился в классе, а стоял «величаво», осматривая учеников своими «дивными очами» [16, с. 587]. Отвечать при нем урок считалось «особен-

ной честью и счастьем» [16, с. 587]. Однако, судя по некоторым мемуарным свидетельствам, учителя при этом хитрили. Они заранее предупреждали учеников, чтобы, когда царь войдет в класс, после приветствия оставался стоять лучший гимназист, как будто перед этим вызванный [15, с. 488]. Правда, эта уловка не всегда спасала. Так, бывший воспитанник Второй гимназии Лазаревский описывал эпизод, когда на уроке Закона Божия посредственный ученик, возможно, в состоянии стресса, забыл об упомянутой договоренности и продолжал стоять столбом, мучительно вспоминая ответ на заданный законоучителем М. Муретовым вопрос. В результате Николай потерял терпение, обозвал гимназиста «дураком» и в гневе уехал из гимназии [15, с. 489]. Успешное же выступление перед монархом могло иметь далеко идущие последствия. Так, Ф. А. Бюлер, удостоенный чести произнести «оду о порфирородном отроке», утверждал, что удовлетворение его ответом было одной из причин приказа императора перевести за его счет пятерых лучших учеников гимназии в лицей [18, с. 994]. Гость мог не только слушать ответы учеников, но и сам задавать им вопросы, иногда весьма своеобразные. Так, во время визита в Первую гимназию и посещения урока, где «писали анекдот о Эзопе», Николай спрашивал учеников: «Эзоп ли я?» и «в спине у тебя пусто или много?» [19, с. 152].

На занятиях монарх обращал внимание и на классную дисциплину. В случае ее малейшего нарушения гнев Николая и расправа над виновными принимали очень жесткие формы. Например, в той же Первой гимназии на уроке учителя истории Н. Турчанинова государь при входе в класс заметил «одного из сидевших на скамьях воспитанников облокотившимся» [20, л. 1]. В результате он повелел отставить учителя от должности (как был наказан гимназист, история умалчивает), но затем несколько смягчился, и Турчанинов отделался переводом на ту же должность в Третью, менее престижную с карьерной точки зрения, гимназию [20, л. 6].

Третьим элементом сценария мог стать обход государем всего заведения, в том числе гимназического лазарета. На этом этапе ученикам было позволено бежать «за ним сплошной массой с криками «ура!» [16, с. 587; 19, с. 153]. Если Николай всем был доволен, то приказывал распустить воспитанников на три дня. В сенях императору подавали шинель, калоши,

демонстрируя свой восторг и обожание, вырывали из султана на память перышки, провожали к коляске, окружали экипаж, хватали за постромки, колеса и т. д. [16, с. 587].

Разумеется, во время визита высокого гостя повсюду сопровождало трепетавшее перед ним начальство гимназии (директор и инспектор) [14, с. 30]. Очевидно, что одна из целей монарших появлений состояла в том, чтобы держать в нужном тоне педагогический персонал учебных заведений. Пребывавшие в возбужденном состоянии начальники и учителя потом могли долго пересказывать друг другу и заинтересованно обсуждать мельчайшие детали произошедшего события (кто где стоял, кто что сказал, сделал и т. д.) [19, с. 153]. Неслучайно в воспоминаниях бывших учеников реакция педагогов описывалась с помощью таких выражений, как «изменился в лице» [14, с. 31], «остался ни жив, ни мертв» [15, с. 489], «побледневший, шепчущий на ходу» [16, с. 586] и т. д. После окончания визита директору гимназии следовало написать подробный отчет попечителю округа, который, в свою очередь, посылал депешу министру [21, л. 1].

Стоит отметить, что для большинства гимназистов (будущих чиновников разных ведомств) визиты государя являлись чуть ли не единственной возможностью столь близкого общения с грозным монархом. Судя по дневниковым записям и мемуарным свидетельствам, они производили на воспитанников сильнейшее эмоциональное впечатление. Однако в сохранившихся мемуарах о петербургских гимназиях 1830–1850-х гг. буквально единичны случаи описания этих эпизодов. Возможно, такая ситуация связана с тем, что большинство мемуаристов сосредоточивались на изложении рутинной учебной стороны гимназической жизни.

Обсуждение и выводы

Императорские визиты в средние учебные заведения вполне вписывались в общий сценарий Николая I, подчеркивавший его близость к народу и сокращавший (в переносном и даже в прямом смысле) дистанцию между монархом и его подданными, о чем писал Р. Уортман [1, с. 397, 394]. Однако появление государя в гимназиях не являлось еще таким статусным событием (в отличие от его поездок по империи или прогулок по Петер-

бургу), чтобы найти свое отражение в прессе. Ни «Северная пчела», ни «Санкт-Петербургские ведомости» не помещали даже кратких сообщений на эту тему. Иначе говоря, эти визиты пока имели «внутренний» характер и информация о них, как правило, не выносилась в публичное пространство. Они были призваны, с одной стороны, формировать образ заботливого и строгого отца-монарха, а с другой – приучать юных подданных к определенным телесным и эмоциональным реакциям (выправке, бодрости тела и духа, находчивости, восторгу, обожанию, благоговению и т. д.).

При Николае I был оформлен сценарий августейших визитов, который в своей основе сохранился до начала XX в., обретая со временем некоторые новые элементы и коннотации. Их анализ может стать темой отдельного исследования.

Список литературы

1. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. М.: ОГИ, 2002. 607 с.
2. Пугачева К. А. «Сценарий власти» и церемониальная культура Петергофа в эпоху Николая I // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – Т. 1. – № 2. – С. 131–136. EDN: TXUSWR
3. Пчелов Е. В. Жесты и эмоции на парадных портретах российских монархов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 3. – С. 98–122. EDN: YKQQDX
4. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно / Сост. по поручению г. попечителя С. Петерб. учеб. окр. т. с. М. Н. Мусина-Пушкина А. Вороновым, инспектором Пятой С. Петерб. гимназии. СПб.: тип. Я. Третья, 1849. 293 с.
5. Пятидесятилетний юбилей и торжественный акт в Таганрогской гимназии // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). – 1858. – Ч. ХСVII. – Отд. VII. – С. 46–50.
6. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год, составленное по поручению попечителя С. Петербургского учебного округа тайного советника М. Н. Мусина-Пушкина А. Вороновым, директором училищ С. Петербургской губернии. СПб.: тип. Я. Третья, 1854. 438, 121 с.
7. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1834 год // ЖМНП. – 1835. – Ч. VI. – Апрель. – Отд. I. – С. III–CLIV.
8. Общий отчет представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1835 год // ЖМНП. – 1836. – Ч. X. Апрель. – Отд. I. – С. III–CXXXXVI.
9. Общий отчет представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1836 год // ЖМНП. – 1837. – Ч. XIV. – Апрель. – Отд. I. – С. III–CXXX.
10. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1837 год // ЖМНП. – 1838. – Ч. XVIII. Апрель. – Отд. I. – С. I–CLII.
11. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1838 год // ЖМНП. – 1839. – Ч. XXII. – Отд. I. – С. 3–16.
12. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1839 год // ЖМНП. 1840. Ч. XXVI. – Отд. I. – С. 17–125.

13. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1840 год // ЖМНП. – 1841. – Ч. XXX. – Отд. I. – С. 17–136.
14. Пятидесятилетие 2 С.-Петербургской гимназии. Воспоминания. СПб., 1880. Вып. 1. 36 с.
15. Лазаревский А. М. Отрывки из биографии // Киевская старина. – 1902. – Т. 77. – № 6. – С. 470–494.
16. Можайский И. Воспоминания о Первой С.-Петербургской гимназии // Гимназия. – 1889. – № 11. – С. 567–588.
17. Курганович А. В., Круглый А. О. Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии Ч. 2. СПб., 1894. 430 с.
18. Афанасьев Н. А. Барон Федор Андреевич Бюлер (некролог) // Исторический вестник. – 1896. – Т. 64. – № 6. – С. 990–996.
19. Дневник И. И. Шамшина // Русская старина. – Т. CLXVII. – 1916. – Вып. 7. – С. 150–157.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 22. Д. 68.
21. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 5588.

Emperor's Nicholas I Visits to St. Petersburg Gymnasiums: Birth of a Script

Tatiana I. Pashkova

The article is devoted to studying the process of the emergence of the script of monarch's visits to civilian male secondary schools. Office documents, memoirs and diaries of schoolchildren make it possible to reconstruct the main elements of the highest visits, analyze the ideological message emanating from them and assess the degree of emotional impact on students and teachers. The author comes to the conclusion that this script was laid down by Emperor Nicholas I and organically fit into the general outline of his public appearances, emphasizing closeness to the people and reducing the distance between the monarch and his subjects. The highest visits were intended to form the image of a caring and strict father-monarch, to keep the teaching staff in the right tone, to accustom schoolchildren to strict discipline, certain bodily and emotional reactions, and to cultivate loyal feelings.

Key words: monarch's visits, scenarios of power, gymnasium, school discipline, loyal feelings.

For citation: Pashkova, T. I. (2024) Poseshcheniya peterburgskikh gimnazij imperatorom Nikolaem I: rozhdenie scenariya [Emperor's Nicholas I Visits to St. Petersburg Gymnasiums: Birth of a Script]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 138–149. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_138. EDN: OKXZIS

References

1. Uortman, R. S. (2002) *Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii. T. 1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I* [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I]. Moscow: OGI (In Russ.)
2. Pugacheva, K. A. (2015) «Scenarij vlasti» I ceremonial'naya kul'tura Ptergofa v epohu Nikolaya I [Scenarios of power and ceremonial culture of Peterhof in the era of Nicholas I]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. Vol. 1. No 2. Pp. 131–136. (In Russ.). EDN: TXUSWR

3. Pchelov, E. V. (2019) *Zhesty I emocii na paradnyh portretah rossijskikh monarhov* [Gestures and emotions in ceremonial portraits of Russian monarchs]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology]. No. 3. Pp. 98–122. (In Russ.). EDN: YKQQDX

4. Voronov, A. S. (1849) *Istoriko-statisticheskoe obozrenie uchebnykh zavedenij S. Peterburgskogo uchebnogo okruga s 1715 po 1828 god vklyuchitel'no* [Historical and statistical review of educational institutions of the St. Petersburg educational district from 1715 to 1828 inclusive]. St. Petersburg: tip. Ya. Treya. (In Russ.)

5. *Pyatidesyatiletnij yubilej I torzhestvennyj akt v Taganrojskoj gimnazii* (1858) [Fiftieth anniversary and ceremonial act at the Taganrog gymnasium]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. Part XCVII. Br. VII. Pp. 46–50.

6. Voronov, A. S. (1854) *Istoricheskoe-statisticheskoe obozrenie uchebnykh zavedenij S. Peterburgskogo uchebnogo okruga s 1829 po 1853 god* [Historical and statistical review of educational institutions of the St. Petersburg educational district from 1829 to 1853]. St. Petersburg: tip. Ya. Treya. (In Russ.)

7. *Obshchij otchet, predstavlenyj ego imperatorskomu velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya za 1834 god* (1835) [General Report submitted to His Imperial Majesty by the Ministry of Public Education for the year 1834]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. Part. VI. April. Br. I. Pp. III – CLIV. (In Russ.)

8. *Obshchij otchet, predstavlenyj ego imperatorskomu velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya za 1835 god* (1836) [General Report submitted to His Imperial Majesty by the Ministry of Public Education for the year 1835]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. Part X. April. Br. I. Pp. III – CXXXVI. (In Russ.)

9. *Obshchij otchet, predstavlenyj ego imperatorskomu velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya za 1836 god* (1837) [General Report submitted to His Imperial Majesty by the Ministry of Public Education for the year 1836]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. Part XIV. April. Br. I. Pp. III – CXXX. (In Russ.)

10. *Obshchij otchet, predstavlenyj ego imperatorskomu velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya za 1837 god* (1838) [General Report submitted to His Imperial Majesty by the Ministry of Public Education for the year 1837]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. Part XVIII. April. Br. I. Pp. I – CLII. (In Russ.)

11. *Obshchij otchet, predstavlenyj ego imperatorskomu velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya za 1838 god* (1839) [General Report submitted to His Imperial Majesty by the Ministry of Public Education for the year 1838]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. Part XXII. Br. I. Pp. 3–16. (In Russ.)

12. *Obshchij otchet, predstavlenyj ego imperatorskomu velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya za 1839 god* (1840) [General Report submitted to His Imperial Majesty by the Ministry of Public Education for the year 1839]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. Part XXVI. Br. I. Pp. 17–125. (In Russ.)

13. *Obshchij otchet, predstavlenyj ego imperatorskomu velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya za 1840 god* (1841) [General Report submitted to His Imperial Majesty by the Ministry of Public Education for the year 1840]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. Part. XXX. Br. I. Pp. 17–136. (In Russ.)

14. *Pyatidesyatiletie 2 S.-Peterburgskoj gimnazii. Vospominaniya* (1880) [Fiftieth anniversary of the 2nd St. Petersburg gymnasium. Memories]. St. Petersburg. Iss. 1. (In Russ.)

15. Lazarevskij, A. M. (1902) *Otryvki iz biografii* [Excerpts from the biography]. *Kievskaya starina* [Kyiv antiquity]. Vol. 77. No. 6. Pp. 470–494. (In Russ.)

16. Mozhajskij, I. (1889) *Vospominaniya o Pervoj S.-Peterburgskoj gimnazii* [Memories of the First St. Petersburg Gymnasium]. *Gimnaziya* [Gymnasium]. No. 11. Pp. 567–588. (In Russ.)

17. Kurganovich, A. V., Kruglyj A. O. (1894) *Istoricheskaya zapiska 75-letiya S.-Peterburgskoi vtoroi gimnazii* [Historical note on the 75th anniversary of the St. Petersburg Second Gymnasium]. Part 2. St. Petersburg. (In Russ.)

18. Afanas'ev, N. A. (1896) *Baron Fedor Andreevich Byuler (nekrolog)* [Baron Fedor Andreevich Byuler (obituary)]. *Istoricheskij vestnik* [Historical Bulletin]. Vol. 64. No. 6. Pp. 990–996. (In Russ.)

19. *Dnevnik I. I. Shamshina* (1916) [I. I. Shamshin's diary]. *Russkaya starina* [Russian antiquity]. Vol. CLXVII. Iss. 7. Pp. 150–157. (In Russ.)

20. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 733. Op. 22. D. 68. (In Russ.)

21. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of Sankt-Petersburg]. F. 139. Op. 1. D. 5588. (In Russ.)

Об авторе

Пашкова Татьяна Ильинична, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: pashkovat@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0001-7504-6298

About the author

Pashkova Tatiana I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History Before the Beginning of the 19th century, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: pashkovat@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0001-7504-6298

*Статья поступила в редакцию 08.04.2024
Одобрена после рецензирования 06.06.2024
Принята к публикации 24.06.2024*

Женский персонал в детских приютах Русского Туркестана на рубеже XIX–XX вв.

С. Н. Брежнева

В Туркестанском генерал-губернаторстве в силу отдаленности территории от центра Российской империи общественные организации появлялись с опозданием. Тем не менее, вследствие желания метрополии поднять фронтирные территории до своего уровня, российское законодательство здесь должно было неукоснительно выполняться. Это в полной мере относится к созданию детских приютов. Благодаря специфике данных учреждений к работе в них активно привлекались женщины, внесшие свой посильный вклад в их развитие. В статье характеризуется деятельность женского персонала в детских приютах трех областей Туркестанского генерал-губернаторства в конце XIX – начале XX в. На основе анализа архивных делопроизводственных материалов исследуются основные направления, формы и результаты участия женщин в работе приютов. Выявлена роль конкретных женщин в контролировании деятельности приютов и их оснащении, обучении призреваемых детей, оказании им медицинской помощи, обеспечении ежедневного спокойного существования.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестанское генерал-губернаторство, детские приюты, женский персонал, деятельность женщин.

Для цитирования: Брежнева С. Н. Женский персонал в детских приютах Русского Туркестана на рубеже XIX–XX вв. // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 150–172. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_150. EDN: OLIUJT

Введение

В Российской империи огромное внимание уделялось благотворительности и детскому сиротству. Этими вопросами занималась «Собственная Его Императорского Величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии», получившая свое название по имени супруги Павла I и матери Николая I Марии Федоровны. Супругой Александра II было основано Ведомство императрицы Марии, состоявшее при канцелярии, и 18 июля 1891 г. было принято «Положение о детских приютах» [1], утверждена структура учреждений императрицы Марии и принципы их деятельности, которые распространялись на территорию всей империи, в том числе и на ее национальные окраины.

Туркестанское генерал-губернаторство, созданное в 1867 г., являясь фронтальной территорией России, также развивалось в рамках имперского законодательства. Российские законы соблюдались, однако в силу отдаленности данной территории от центра, образование соответствующих учреждений несколько запаздывало. Так было и с созданием детских приютов и областных попечительств, которые начали появляться в Туркестане с 70-х гг. XIX в. С 1895 г. туркестанские детские приюты стали постепенно переходить в ведомство императрицы Марии. Однако это не означало автоматического перехода, все приюты должны были пройти сложную процедуру, иметь единообразное устройство. Для их руководства в Туркестане были введены областные попечительства, которые формально возглавляли военные губернаторы. Внутреннее управление детским приютом распределялось следующим образом. Общий надзор возлагался на попечительницу, которая, как правило, являлась женой председателя попечительства, занимавшего должность военного губернатора. За здоровьем детей, их питанием и денежной отчетностью в приюте следил его директор – должность, назначаемая и утверждаемая ведомством императрицы Марии. Собственно, детей должна была контролировать смотрительница, обязательно «благонадежная» особа. Все назначения согласовывались с Главноуправляющим СЕИВК по учреждениям императрицы Марии Федоровны, к которому относились детские приюты. Попечительницы имели право самостоятельно выбирать себе помощниц. Состав служащих приюта как правило, был женским: надзирательница, ее по-

мощница, две-три няни, прачка, она же была, как правило, прощирней и дворником [2, л. 5].

В настоящей статье исследуется работа женского персонала в детских приютах трех областей Туркестанского генерал-губернаторства. Данная проблема является новой для научного осмысления и призвана заполнить образовавшуюся в современной отечественной историографии лауну.

Вопросы призрения детей в Российской империи активно обсуждаются в работах российских историков. Отечественная историография в последнее время пополнилась целым рядом серьезных работ, в которых проблема детского сиротства в России во второй половине XIX – начале XX в. получила новое осмысление [3–6]. В трудах российских историков в русле регионального аспекта работы попечительств детских приютов частично затрагивались проблемы детских приютов в Туркестанском генерал-губернаторстве [7–9].

Исследования участия женщин в деятельности детских приютов, находятся в русле женской истории, одной из родоначальниц которой является Н. Л. Пушкарева, впервые обратившая внимание на «женскую особость» [10]. Ныне к женской повседневности обращается целый ряд исследователей. Наиболее близкими к теме нашего исследования являются работы российских историков, касающиеся деятельности женщин в призреваемых детских сообществах [11–12].

Исследование базируется на материалах Российского государственного исторического архива, впервые вводимых в научных оборот. Автором были просмотрены и проанализированы отчеты попечительств детских приютов трех областей Туркестанского генерал-губернаторства с 1896 (когда приюты перешли в ведомство императрицы Марии) до 1917 г., когда в связи с начавшимися революционными событиями деятельность детских приютов прекращается.

Детские приюты в Сырдарьинской области

Первый приют, образованный на территории Туркестанского генерал-губернаторства и носивший имя начальника края К. П. фон Кауфмана, появился в столице г. Ташкенте в 1878 г. Позже, в 1882 г. в этом городе был образован Александровский приют, где призревались только мальчики. Оба приюта

были причислены к Сырдарьинскому областному попечительству детских приютов. Поскольку на территории Сырдарьинской области находилась столица Туркестанского генерал-губернаторства – г. Ташкент, то данной области со стороны Российской империи уделялось повышенное внимание, что сказывалось и на оснащении детских приютов.

Кауфманский приют расположился в собственном одноэтажном доме по Лагерному проспекту в центре города, в лучшей его части, недалеко от отделений государственного и Волжско-Камского коммерческих банков. Александровский же приют арендовал частную квартиру, занимая в ней пять комнат и уплачивая 600 р. в год за аренду [13, л. 11]. В августе 1900 г. приют обзавелся собственным одноэтажным помещением, расположенным на Андижанском проспекте, напротив ремесленного училища [13, л. 54].

В начале ноября 1895 г. Главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией граф Н. А. Протасов-Бахметев обратился в своем всеподданнейшем докладе с просьбой о принятии Ташкентского детского приюта имени Кауфмана в ведомство учреждений императрицы Марии, что и было сделано [14]. В конце 1896 г. ту же процедуру прошел Ташкентский Александровский детский приют [15]. После вступления обоих приютов в ведомство императрицы Марии, работа Сырдарьинского попечительства принимает систематизированный характер. В конце каждого года попечительство обязано было отчитываться перед ведомством о своей работе.

В 1897 г. председателем Сырдарьинского попечительства был назначен губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант Н. И. Корольков [13, л. 3]. Соответственно его супруга стала попечительницей детских приютов. Жены военных губернаторов туркестанских областей контролировали деятельность приютов, непосредственно участвуя в их работе. Их самоотверженный труд отмечался наградами на самом высоком уровне. Так, например, попечительнице Кауфманского детского приюта вдове действительного статского советника Екатерине Хомутовой в октябре 1915 года был пожалован Мариинский знак отличия беспорочной службы за 15 лет [16, л. 5].

Многие призреваемые в приютах дети были сиротами, некоторые из них имели только одного родителя, чаще всего это

был отец, который вынужден был сдать своего ребенка в приют, чтобы иметь возможность работать. Поэтому, конечно, призреваемые в приютах дети нуждались в женском внимании, в заботе и ласке. Архивные материалы сохранили имена и фамилии некоторых женщин, которые своим нелегким трудом облегчали жизнь детям, оставшимся без попечения родителей.

Так, смотрительницей Кауфманского приюта являлась О. П. Михайловская, занимавшая эту должность еще до перехода приюта в ведомство императрицы Марии. 23 февраля 1898 г. ее сменила выпускница Омской женской гимназии, вдова врача О. К. Новгородская [13, л. 20 об.]. В начале XX в. должность смотрительницы Кауфманского приюта занимала Александра Ивановна Качурова вплоть до 13 февраля 1910 г., затем ее сменила Анна Петровна Петрова. С 1911 г. смотрительницей приюта являлась Лидия Оскаровна Любимова [17, л. 6].

Смотрительницей Александровского приюта была Л. П. Доброхотова, назначенная на эту должность 21 августа 1897 г. и занимавшая ее до 1911 г. С этого времени смотрительницей становится Ксения Павловна Кохова. Поскольку дети приюта в его стенах проходили обучение, то необходимы были постоянные учителя. В 1912 г. репетитор-учительницей Александровского приюта являлась Анна Васильевна Дорошева, а репетитором по вольному найму – Ольга Александровна Екатерининская. Именно их стараниями воспитанникам в приютах обеспечивалась спокойная и размеренная жизнь [17, л. 6].

Посещавшие Кауфманский приют официальные лица отмечали, что в нем царит домашняя обстановка, дети обуты, одеты, сыты. Именно так оценили состояние заведения, посетившие его в 1899 г. генерал-губернатор Туркестанского края С. М. Духовской с супругой Варварой Федоровной, его помощник генерал-лейтенант Н. А. Иванов (будущий генерал-губернатор Туркестанского края), а позже и представители бухарского посольства [13, л. 36 об.]. В 1904 г. Н. А. Иванов, бывший к тому времени уже генерал-губернатором края, также посетил приют вместе с супругой, отметив особую доверительную обстановку, царившую здесь [18, л. 3 об.].

Распространенным явлением был сбор добровольных пожертвований с горожан и сельских обывателей для оплаты штата воспитателей, учителей и всей деятельности приютов.

В отчетах скрупулезно фиксировались все суммы и вещи, вносимые жителями области в счет приютов. Например, в отчете за 1899 г. отмечалось пожертвование супруги опального князя Николая Константиновича Романова, проживавшего в Ташкенте, уроженки Оренбурга Надежды Александровны Искандер, которая преподнесла приюту 64 теплых платка [13, л. 47]. Если судить по ведомости пожертвований, горожане и сельские жители вносили не только деньги и вещи, но и продукты. Примечательно, что многие при этом предпочитали оставаться неизвестными [19, л. 23–28].

В Кауфманском приюте находились и грудные дети, которым нужно было особое внимание и питание. Часто это были подкидыши, которые поступали в критическом состоянии. К тому же дети не получали естественного для их возраста питания. Грудное молоко невозможно было найти из-за отсутствия кормилиц. А заменители питания, вероятно, не удовлетворяли потребностей полностью, поэтому многие дети умирали от желудочно-кишечных заболеваний. Сюда стоит добавить эпидемии, наследственные заболевания, и изначально слабое здоровье подкидышей. Однако, поскольку число подкинутых детей с каждым годом возрастало, решено было на официальной основе создать при приюте в 1900 г. специальное отделение для малолетних. Данное отделение являлось самой большой проблемой Кауфманского приюта. Несмотря на все усилия врачей и повышенное внимание к ситуации со стороны ведомства императрицы Марии, смертность среди младенцев прогрессировала.

Естественно, что за самыми маленькими воспитанниками также ухаживали женщины. Зарплата нянь оставляла желать лучшего, к тому же работа была очень тяжелой и физически и морально, поэтому наблюдалась большая текучка кадров. Так, например, как отмечалось в отчете, к 1907 г. нянь было шесть, поступило в течение года 22, и 21 уволились. Осталось семь нянь и одна надзирательница [20, л. 11 об.].

Дети чуть старше грудничкового возраста (так называемые ходуны) имели отдельное помещение, где они находились под неусыпным вниманием надзирательниц. Одной из таковых являлась Анастасия Григорьевна Коломейцева, работавшая в приюте с марта 1905 г. С 1910 г. надзирательницей являлась

Е. А. Ярославцева. Надзирательницей грудных младенцев в это время была Н. В. Соколова.

Санитарное состояние приютов контролировали врачи города, выполнявшие свои обязанности безвозмездно. В основном медиками были мужчины. Однако были и исключения. С 1905 г. вместе с мужем врачом в Кауфманском приюте работала фельдшерица Валентина Георгиевна Гизлер [21, л. 4 об.]. Проработала в приюте она довольно длительное время. Еще в 1912 г., как свидетельствуют документы, она подписывала отчет о состоянии отделения грудничков, свидетельствуя о прогрессирующей смертности среди младенцев. В 1907 г. в качестве врача в Кауфманском приюте работала Мария Васильевна Гобби [20, л. 11]. Зубным врачом Кауфманского приюта являлась дворянка Клавдия Григорьевна Митрофанова, ставшая почетным членом Сырдарьинского попечительства. В декабре 1914 г. она была награждена императором Николаем II: за усердие и особые заслуги ей была пожалована золотая медаль для ношения на груди на Аннинской ленте [22, л. 3].

Все дети, находившиеся в приютах, с семи лет проходили обучение по утвержденным Министерством народного просвещения планам. Как следует из документов, мальчики Александровского приюта обучались в городских училищах [13, л. 36]. А в Кауфманском приюте дети проходили обучение на базе самого заведения, изучая Закон Божий, русский язык, арифметику и пение. Учительницей Кауфманского приюта с 14 апреля 1910 г. являлась Агриппина Андреевна Соловьева, в 1911 г. в приют поступила учительница Е. Е. фон Тазенкампф [17, л. 6].

В октябре 1911 г. «домашняя» школа при Кауфманском приюте была заменена на одноклассное училище и перешла в ведение Министерства народного просвещения. Заведующей училищем стала Е. Д. Сперанская, она же являлась помощницей смотрительницы [17, л. 43].

В 1911–1912 учебном году в школе обучалось 40 чел., из них все являлись воспитанниками приюта, посторонние дети в школу не принимались. Закончили курс четыре воспитанника. В 1912–1913 уч./г. учащихся было 32 чел., четверо из них сдали выпускные экзамены с хорошими баллами. В экзаменационном испытании принимал участие педагогический персонал училища во главе с инспектором народных училищ

Туркестанского края Д. Н. Люшиным. При сдаче экзамена присутствовали попечительница приюта Е. Л. Хомутова, директор приюта С. Я. Бердин и смотрительница Л. О. Любимова.

В созданном при приюте отделении рукоделия воспитанницы учились кройке, шитью, вышиванию, вязанию. В 1907 г. пять воспитанниц, кроме рукоделия, обучались вязке чулок на машине. Учительницами рукоделия были А. А. Андреева и В. Д. Травина, швеей – А. Гончарова [17, л. 7].

Воспитанники пели на клиросе в церкви при Туркестанской учительской семинарии и образовывали «весьма недурной хор» [13, л. 36]. Этот процесс также контролировали работавшие в приюте женщины. Досуг подопечных организовывали тоже дамы, работавшие в приюте. На рождественских каникулах для воспитанников приютов устраивалась елка. Обычным явлением было приглашение на этот праздник некоторых горожан. Как отмечалось в отчете Сырдарьинского попечительства за 1900 г., связь горожан с воспитанниками приютов становилась крепче с каждым годом [13, л. 56 об.]. После елки нередко устраивались чтения произведений отечественной литературы, доступных детскому пониманию, с иллюстрацией текста картинками волшебного фонаря. Согласно отчету Сырдарьинского попечительства за 1907 г., в праздник Рождества Христова дети представили сказку «Среди цветов», костюмы к которой они изготовили самостоятельно из пожертвованного материала под чутким руководством учительниц рукоделия [20, л. 11].

Таким образом, из приведенных документов видно, какую большую помощь и моральную поддержку оказывали женщины в Кауфманском и Александровском детских приютах Сырдарьинской области, облегчая тем самым существование призреваемых детей.

Приют в Семиречье

После образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. в его составе было две области: Сырдарьинская, а также Семиреченская, которая особенно активно заселялась русскими переселенцами.

В феврале 1879 г. утвержденное К. П. фон Кауфманом «Положение о Туркестанских детских приютах» с учреждением Туркестанского попечительского Совета было лично им пере-

дано военному губернатору Семиреченской области Г. А. Колпаковскому с просьбой поддержать начинание. В ответ военный губернатор в марте этого года организовал в г. Верном Комитет общественных детских приютов. В Верненском комитете решались все вопросы, относящиеся к приему детей в приют, штату и ремонту, вознаграждению работников, а также благотворительности меценатов. В 1888 г. Комитет был преобразован в Семиреченское областное попечительство, просуществовавшее до октября 1917 г.

Детский приют в главном городе Семиречья Верном был создан одним из первых в Туркестане 28 октября 1879 г. Первым его попечителем стал генерал-лейтенант Г. А. Колпаковский, а первой попечительницей – его супруга Мелания Фоминишна. Последняя назначила своей помощницей жену генерал-майора Л. А. Эйлер, которая после перевода Колпаковских в г. Омск в 1882 г., возглавила приют. Приют располагался в здании Киргизского общественного дома, переданного для него городской думой.

В 1886 г. было получено согласие на принятие приюта в ведомство императрицы Марии. В реальности это произошло только в июле 1888 г. Помимо Верненского приюта, другие так и не появились, он остался единственным в Семиречье. В одном из отчетов Семиреченского попечительства было сказано: «увеличение числа приютов и открытие других благотворительных заведений для детей является задачей довольно далекого будущего, т. к. даже действующий приют не обеспечен материальными средствами и является вполне справедливым опасение за его существование в настоящем виде при сравнительно скромных размерах его деятельности» [23, л. 34].

Содержание призреваемых детей в Верненском приюте ничем не отличалось от таких же заведений во всей Российской империи. По достижении семилетнего возраста дети должны были начинать обучение. Законоучителем почти все время существования приюта являлся А. Ф. Скальский. Учительницами общеобразовательных предметов, как правило, были женщины. Так, в 1899–1901 гг. эти дисциплины преподавала Людмила Павловна Вахнина, 1902 г. – В. В. Никольская [14, л. 4 об.].

Кроме основного обучения, детей приобщали к ведению домашнего хозяйства. Девочек обучали шитью и вязанию, мальчиков – сапожному делу. Уроки рукоделия долгое время

вела супруга канцелярского служителя Ольга Осиповна Ядрович. Под ее руководством девочки приюта шили и вышивали по полотну. Изделия воспитанниц даже были представлены на Нижегородской выставке, и в 1896 г. были удостоены диплома IV степени [33, л. 35].

Для поощрения такой работы воспитанницам и их наставнице выплачивали жалованье. Начиная с 1898 г. девочки приюта принимали заказы на пошив дамских нарядов и белья. Безусловно, что все это происходило под неусыпным вниманием и руководством учительницы рукоделия О. О. Ядрович. При ее участии в 1900 г. в приюте была создана мастерская – женская рукодельная, где девочки обучались приемам шитья и знакомились с устройством швейной машины, шили и вышивали, а также занимались починкой белья. Помимо этого, воспитанницы безвозмездно шили белье для нужд Красного Креста. За это благое дело приют был удостоен благодарности и благословения председателя местного отделения Красного Креста преосвященного Аркадия, епископа Туркестанского и Ташкентского [23, л. 99 об.]. В период Русско-японской войны девочками приюта были сшиты 200 штук белья и фуфаяк [25, л. 3 об.] для раненых, и изготовлены вещи для лотереи.

В 1897 г. по инициативе исполняющей должность попечительницы Верненского приюта Елены Аполлоновны Порошиной было организовано обучение девочек стирке белья. В будущем это обучение должно было обеспечить воспитанницам заработок по выходу их из приюта. На покупку необходимых принадлежностей было израсходовано 91 р. 50 к. За стирку белья с заказчиков брали плату [23, л. 35 об.].

На личности Елены Аполлоновны хотелось бы остановиться особо. Судя по отчетам Семиреченского попечительства, это была неравнодушная и очень энергичная дама. Она была женой полковника Я. А. Порошина, который также принимал непосредственное участие в жизни детей приюта, а с 1900 по 1901 гг. был его директором. Так, в ноябре и декабре 1900 г. при содействии супругов в помещении приюта был устроен ряд чтений в его пользу. В антрактах воспитанники исполняли различные песни. Как отмечалось в отчете попечительства, «при надлежащей постановке этих чтений они могут служить одним из источников приютских доходов» [23, л. 38].

В день Рождества Христова Еленой Аполлоновной Порошиной была устроена елка для детей приюта. В это время она уже была утверждена императрицей Александрой Федоровной помощницей попечительницы, которой являлась супруга вице-губернатора Семиреченской области Павла Петровича Осташкина – Софья Михайловна. Директором приюта в это время являлся надворный советник Евгений Павлович Левитский [23, л. 38]. Накануне праздника и в праздничные дни дети посещали богослужения.

Во время празднования для воспитанников бесплатно играл оркестр Семиреченского войска. Елена Аполлоновна в отчете писала: «Елка, добытая стараниями почетного члена попечительства казначея А. П. Харина, возвышалась до потолка, ее окружал радостный круг детей» [23, л. 44 об.]. Каждый ребенок получил подарок: мальчики – теплый шарф и игрушку, девочки – еплый платок или капор и игрушку. Кроме того, каждому достались чулки и перчатки или шарфы и перчатки, и вдоволь сладостей. В отчете отмечается, что в праздники даже прислуга получила подарки. Все это стало возможным благодаря пожертвованиям неравнодушных горожан.

Е. А. Порошина, подписавшая отчет, отмечала: «Нет сомнения, каждое пожертвование приносилось без мысли о какой-либо благодарности; но я, видевшая радость детей приюта и в свою очередь обрадованная возможностью выдать этим детям принадлежности теплой одежды, в которой чувствуется в приюте большой недостаток, считаю со своей стороны обязанностью принести от лица детей глубочайшую благодарность за устроенную елку» [23, л. 45]. Дама выражала признательность помощнику генерал-губернатора Туркестанского края Н. А. Иванову, всем членам попечительства, местным жителям и даже торговцам-сартам Верненского базара, принимавшим участие в благотворительности. Остаток средств (7 р. 29 к.) предполагалось обратить на пополнение детской одежды.

В 1897 г. от заведующей Верненским казенным садом В. П. Самариной поступило предложение обустроить незанятую землю приюта под сад и огород, с ее стороны также была предложена безвозмездная поддержка по руководству работами. Конечно же, администрация приюта с большой благодарностью откликнулась на это предложение, так как резонно полагала, что земледельческие работы будут содействовать физическому

развитию мальчиков, приучать их к физическому труду и тем самым отвлекать от шалостей [23, л. 76].

За санитарным состоянием воспитанников Верненского приюта следили безвозмездно врачи города. Персонал состоял из мужчин. Ежедневно же дети находились под строгим контролем смотрительниц. Так, в отчете попечительства за 1899 г. был описан случай, когда сразу 13 детей одновременно заболели корью. Смотрительница приюта, дочь причетника, окончившая курсы в Омской гимназии Елизавета Андреевна Ядрович поместила больных детей в своей комнате, изолировав их от остальных. Смотрительница находилась при детях неотлучно и днем и ночью, что, безусловно, потребовало огромного напряжения сил в течение нескольких дней, до полного выздоровления детей [23, л. 101].

На время частого и продолжительного отсутствия из области попечительницы С. М. Осташкиной ее обязанности выполняла дочь военного губернатора Семиреченской области Наталья Михайловна Ионова. В ноябре 1907 г. С. М. Осташкина по семейным обстоятельствам была освобождена, и ее место заняла Екатерина Николаевна Покотило. За многолетний труд Софья Михайловна Осташкина была награждена Мариинским знаком отличия за 15-летнюю службу в ведомстве учреждений императрицы Марии.

В начале XX в. в уездах Семиреченской области в выполнение указа императора Николая II [23, л. 100] были созданы попечительства. Их обязанности заключались в сборе добровольных пожертвований, оказании помощи наиболее нуждающимся сиротам на местах их проживания и призрении этих сирот в Верненском детском приюте. Действовали они самостоятельно, оплачивая проживание каждого воспитанника по 50 р. в год. Таким образом, количество призреваемых детей в Верненском приюте увеличилось, что потребовало увеличения штата и строительства дополнительных зданий. К тому же, из-за наплыва переселенцев в Семиреченскую область приют был не в состоянии обеспечить жильем всех нуждающихся. Начался сбор пожертвований, что ложилось непосильным бременем на хрупкие плечи попечительниц.

В конце этого года попечительница Верненского приюта супруга военного губернатора Семиреченской области

М. А. Фольбаума, Екатерина Павловна выступила с предложением о слиянии двух благотворительных учреждений – Верненского детского приюта и земледельческой колонии Общества попечения о нуждающихся переселенцах в Семиреченской области. Поскольку на содержание последнего ведомством Главного управления земледелия и землеустройства отпускались средства из сумм казны [26, л. 4], это должно было облегчить положение приюта. Однако предложение не было реализовано, вопрос так и остался нерешенным.

Но в 1910 г. Е. П. Фольбаум инициировала проектирование земельного участка в 347,07 десятин удобной земли и 26,43 десятин неудобной из близлежащих к г. Верному свободных казенных земель, «состоявших в пользовании кочевников» с целью передачи его во владение Верненскому детскому приюту. Участок был расположен в 18 верстах от г. Верного и в удобной своей части пригоден для сельского хозяйства. Данная инициатива была «высочайше утверждена» 24 августа 1912 г. Как было отмечено в отчете попечительства за 1912 г.: «мечта областного попечительства иметь свой собственный участок превратилась в действительность» [26, л. 3 об.].

Согласно документам, Екатерина Павловна вообще всегда близко к сердцу воспринимала все внутренние проблемы вверенного ей учреждения. Например, в 1911 г. она отправилась в Санкт-Петербург улаживать разрешение вопроса скорейшего строительства нового здания приюта, вызванного наплывом детей в приют после землетрясения 22 декабря 1910 г. В результате данной стихии погибло большое количество людей, и многие дети остались сиротами. Ею было написано обоснование, в котором она поясняла необходимость строительства дополнительного флигеля, на что необходимо 20 тыс. р., в то время как приют располагает только 11 тысячами. Е. П. Фольбаум констатировала, что после разрушительного землетрясения рассчитывать на пожертвования частных лиц, также пострадавших в результате природного катаклизма не приходится. Просьба попечительницы была адресована председателю комитета Главного попечительства детских приютов князю Д. П. Голицыну [27, л. 98].

Был получен положительный ответ, и в 1912 г. Семиреченское попечительство приступило к строительству нового корпуса в Верненском приюте. Однако вскоре, 1 мая 1913 г. вновь

произошло разрушительное землетрясение в Семиреченской области, и также пришлось объявлять сбор пожертвований [27, л. 127–128], чем вновь занялась Е. П. Фольсбаум.

В 1913 г. Департамент земледелия и государственных имуществ выделил из своей казны 60 тыс. р. на устройство колонии для переселенческих детей на отведенном детском приюте участке земли [27, л. 166]. В этом же году Верненскому приюту было присвоено имя императрицы Марии, о чем свидетельствовала телеграмма Министерства императорского двора [27, л. 146].

Положение Верненского приюта улучшалось из года в год, в том числе благодаря неравнодушию женщин, трудившихся на благо приюта, проявлявших заботу об осиротевших детях. Но в 1916 г. грянуло мощное среднеазиатское восстание, которое жестко пришлось подавлять супругу Екатерины Павловны Михаилу Александровичу Фольсбауму. А произошедшие вскоре февральские события привели к передаче Верненского приюта в ведение Министерства народного просвещения с назначением для временного управления, и его ликвидации после прихода к власти большевиков.

Самаркандский детский приют

Самаркандская область Туркестанского генерал-губернаторства образовалась в 1887 г. после выведения ее из состава Зеравшанского округа. В его ведении, а позже в ведении Самаркандской администрации, находился детский приют, образованный в 1878 г. в крупнейшем городе области – Самарканде [28, л. 2]. Приют располагался на улице Кауфманской в здании, построенном на местные средства Зеравшанского округа.

Согласно «Положению о Туркестанских детских приютах» 1879 г., утвержденному К. П. фон Кауфманом, для руководства ими создавались областные попечительства. Поскольку в Самаркандской области такого попечительства не было, его необходимо было создать. Самаркандское областное попечительство детских приютов появилось в 1897 г. и 4 июня того же года начало свою работу, приняв в свое ведение самаркандский детский приют. А через месяц, 4 июля 1897 г. самаркандский приют официально был принят в число детских приютов ведомства императрицы Марии [28, л. 2]. Первым председателем попечительства стал военный губернатор Самаркандской области

генерал-майор Яков Дмитриевич Федоров, сменивший в этой должности Николая Яковлевича Ростовцева, скончавшегося 23 августа 1897 г. Директором приюта еще до его принятия в ведомство императрицы Марии являлся капитан Михаил Дмитриевич Левшин [29, л. 3].

В первой половине 1897 г. попечительницей приюта была супруга Николая Яковлевича, графиня Татьяна Валентиновна Ростовцева. В отчете Самаркандского попечительства за 1897 г. она характеризуется с самой положительной стороны: «кроме наблюдения за воспитанием детей, она заведовала хозяйством приюта, на что конечно употребляла массу времени, и оставила в сердцах детей, видевших такую отеческую о них заботу, неизгладимую память» [29, л. 8–8 об.]. Помощницей попечительницы являлась Марья Федоровна Истцицкая. Большую помощь им также оказывала супруга начальника телеграфа Самаркандско-Андижанской железной дороги Александра Капитоновна Галахова, внесшая довольно большое денежное пожертвование.

После смерти военного губернатора Самаркандской области Н. Я. Ростовцева, его супруга Татьяна Валентиновна покинула область. Со второй половины 1897 г. до октября 1899 г. попечительницей приюта являлась супруга действующего военного губернатора Я. Д. Федорова Анна Ивановна [29, л. 8]. При ней к доходам приюта прибавился заработок, полученный с платы за шитье и чулочные работы, осуществлявшиеся воспитанницами, а также с лотереи аллегри. Анна Ивановна регулярно устраивала народные гулянья, приносившие стабильный доход около 2 тыс. р. Отчет за 1899 г. содержит лестный отзыв о А. И. Федоровой, которая все свободное время посвящала детям приюта, относилась к ним «с искренне материнской нежностью, любила детей как своих и пользовалась взаимно любовью детей и в этом отношении призретаемые дети понесли трудно вознаградимую потерю» [29, л. 11 об.] по причине ее отъезда из области.

Когда Я. Д. Федоров в связи с производством его в генерал-лейтенанты был уволен в отставку, с ним вместе область покинула и его жена. После отъезда супругов попечительницей приюта была назначена жена действительного статского советника Евгения Спиридоновна Пржецлавская. Эту должность она занимала до 1904 г., после чего попечительницей приюта

становится вдова генерал-майора Мария Артамоновна Черневская, являвшаяся почетным членом попечительства. Совместно со своей помощницей, женой статского советника Ольгой Фердинандовной Дрешь и надзирательницей приюта Н. В. Дегтяревой, она проявляла большую заботу о приобретении средств, правилах ведения хозяйства и воспитании детей [2, л. 5].

В 1907 г. в приюте была открыта швейная мастерская, которая за восемь месяцев своего существования дала положительные результаты. Так, две воспитанницы приюта по выходу из него оказались настолько подготовленными, что сами вполне могли зарабатывать себе на жизнь шитьем [30, л. 2].

В 1909 г., с назначением на должность военного губернатора Самаркандской области известного военного востоковеда Александра Семеновича Галкина, он становится председателем Самаркандского попечительства детских приютов, а его супруга Евгения Дмитриевна, соответственно – попечительницей приюта. В этой должности она была утверждена императрицей Александрой Федоровной 14 октября 1908 г. Возглавлял приют в это время директор самаркандской женской гимназии, действительный статский советник Александр Ефимович Николаев.

Смотрительницей приюта становится и утверждается личная почетная гражданка Татьяна Прокофьевна Егорова, 14 октября 1910 г. ей был пожалован императрицей Мариинский знак отличия беспорочной службы за 25 лет, учрежденный еще Николаем I женщинам за долговременную усердную службу в учреждениях императрицы [31, л. 2]. Ее помощницей была Елизавета Петровна Карачева. В качестве учительницы 1 сентября 1909 г. постановлением попечительства была утверждена дочь коллежского асессора Надежда Николаевна Гадалова. Последним было положено жалованье 360 р., и по 180 р. годового оклада соответственно [28, л. 5–6].

В 1911 г. А. С. Галкина переводят в Сырдарьинскую область на должность военного губернатора. Разумеется, вместе с ним область покинула и его супруга – попечительница приюта Евгения Дмитриевна. Как сказано в отчете попечительства за 1911 г.: вступив в должность 13 сентября 1908 г., она застала «средства приюта совершенно истощенными и долг в 12 тыс. руб.», который не только был ликвидирован к 1 января 1912 г. [32, л. 3 об.], но и образовалась свободная сумма в 3 тыс. р. Приют при ней

был приведен в образцовое состояние, поэтому было принято решение избрать ее почетным членом Самаркандского областного попечительства детских приютов [33, л. 7].

После отъезда Е. Д. Галкиной в Сырдарьинскую область попечительницей была назначена супруга нового военного губернатора Самаркандской области, бывшего начальника Оренбургского казачьего училища, генерал-лейтенанта Василия Васильевича Григорова – Анна Пименовна [33, л. 8]. Ее помощницей стала супруга председателя самаркандского областного суда Александра Федоровна Плавская. Однако уже в декабре 1911 г. А. П. Григорова в связи со смертью супруга уехала в Оренбург, освобождая тем самым должность попечительницы. Новой попечительницей стала супруга прокурора самаркандского окружного суда, действительного статского советника Александра Тимофеевна Польшнер [33, л. 23], а ее помощницей – жена члена окружного самаркандского областного суда Н. А. Костылева [34, л. 3]. Однако вскоре – в 1913 г. вместо нее помощницей попечительницы стала супруга коллежского советника А. Н. Куницына, которая в свою очередь также уволилась по болезни, и вместо нее с 30 октября 1913 г. помощницей попечительницы стала Е. П. Карачева [35, л. 3], бывшая помощницей смотрительницы в 1910 г. Таким образом, можно констатировать определенную «текучесть кадров».

После кончины В. В. Григорова военным губернатором Самаркандской области был назначен генерал-майор Илья Зурабович Одишелидзе, соответственно он стал председателем попечительства детских приютов. Через три года, в связи с назначением его начальником штаба Туркестанского военного округа, он перевелся в Ташкент.

В 1914 г. его сменил генерал-майор Нил Сергеевич Лыкошин, знаток Туркестана, 35 лет проживший в Средней Азии. В декабре 1915 г. попечительницей приюта стала его супруга Елена Андреевна Лыкошина [33, л. 46]. В следующем году она стала почетным членом попечительства. На последний период нахождения Н. С. Лыкошина на посту военного губернатора Самаркандской области приходится тяжелые испытания, связанные с войной, обострением политической ситуации в стране, восстанием в Средней Азии 1916 г., непосредственно затронувшим Самаркандскую область. Положение Н. С. Лыко-

шина было очень сложным, тем не менее, он пытался максимально разобраться в ситуации, высказывался против жестокого подавления восстания. В начале 1917 г. Н. С. Лыкошин был отстранен от должности туркестанским генерал-губернатором А. Н. Куропаткиным с формулировкой «за либерализм».

Таким образом, несмотря на все катаклизмы, приют не прекращал своей деятельности, в чем несомненная заслуга его последней попечительницы Елены Андреевны Лыкошиной. С началом революционных действий деятельность Самаркандского приюта и попечительства была прервана.

Обсуждение и выводы

Женщины, трудившиеся в детских приютах на территории Средней Азии, вписали немало славных страниц в туркестанскую летопись. Жены военных губернаторов туркестанских областей волею судьбы становились попечительницами приютов. Но, как показывают документы, их отношение к своим обязанностям и призреваемым детям было отнюдь не формальным. Супруги губернаторов туркестанских областей контролировали деятельность приютов, заботились о строительстве новых зданий, «выбивая» средства в столице империи, организовывали народные гулянья, лотереи с целью получения новых средств, занимались сбором пожертвований. В праздники ими организовывались елки, конкурсы с привлечением городских оркестров, производились постановки спектаклей. Все делалось для того, чтобы дети в приютах, лишённые материнской ласки, ощущали заботу о них. Не зря во время посещений гости отмечали домашнюю обстановку, царившую в приютах.

В отношении «среднего и низшего персонала» – смотрительниц, надзирательниц, нянь – можно сделать вывод о каждодневном подвиге, совершаемом этими женщинами. Буквально не щадя себя, они спасали детей во время эпидемий, ежедневно находясь рядом с призреваемыми – окружали их заботой и вниманием. Особенно трудным было положение нянь в Кауфманском приюте г. Ташкента, где существовало отделение для младенцев-грудничков, среди которых была очень высокая смертность.

Кроме того, как в штате, так и по найму в приютах работали учительницы, преподававшие, как правило, общественные дис-

циплины, а также фельдшерицы, женщины-врачи, стараниями которых призреваемым детям обеспечивалась упорядоченная и безопасная жизнь. Для подготовки воспитанниц к трудовой деятельности после выхода из приюта при них образовывались курсы или школы рукоделия, в которых также трудились женщины. Благодаря отчетам областных попечительств сохранились имена и фамилии некоторых дам. Под их руководством девочки за выполнение заказов даже получали жалованье. Работы воспитанниц по вышиванию выставлялись на выставках, при участии в конкурсах они получали престижные награды.

Заслуги женщин по достоинству отмечались властью, за многолетний труд они получали награды. Находясь на периферии Российской империи, в трудных условиях тяжелого климата, незнакомой обстановки, конфессиональном многообразии, русские женщины проявили стойкость и твердый характер в своем желании помочь обездоленным детям.

Список литературы

1. Высочайше утвержденное Положение о детских приютах ведомства учреждений Императрицы Марии. 18 июля 1891 г. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. (ПСЗРИ-3). СПб. (1894). Т. XI. № 7930. С. 529–530.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 763. Оп. 3. Д. 245.
3. Селютина Е. Н. Создание и деятельность учреждений ведомства императрицы Марии Федоровны по призрению детей в Орловской губернии XIX начала XX вв. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1 (57). – С. 331–336. EDN: STYVRP
4. Зайцева С. В. Деятельность общества попечения об улучшении быта питомцев Санкт-Петербургского воспитательного дома, размещенных в деревнях по линии Варшавской железной дороги, на рубеже XIX–XX веков // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2022. – № 4 (44). – С. 214–230. EDN: RWIEJO
5. Семёнова О. А. В приюте как дома (на примере приюта для призрения вдов и круглых сирот заслуженных гражданских чиновников в Санкт-Петербурге в XIX в.) // Домашняя повседневность населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 102–104. EDN: BZIZCD
6. Веремко В. А. Организация питания младенцев в общественных учреждениях С.-Петербурга (последняя треть XIX – начало XX в.) // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность. Материалы международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. – С. 212–216.
7. Волков И. В. Об учреждениях общественного призрения в Туркестанском крае: историко-правовой аспект // Власть. – 2017. – № 12 (25). – С. 137–142. EDN: ZXJDOF
8. Брежнева С. Н. Детские приюты на национальной окраине Российской империи: опыт работы Сырдарьинского областного попечительства в Русском Туркестане // Журнал фронтирных исследований. Научный электронный журнал. – 2023. – Т. 8. – № 3. – С. 112–135. EDN: XGZYUK
9. Аликеева Г. М., Шахиева А. М., Саятова А. С. История попечительства и социальной защиты детей-сирот в г. Верном (1879–1917) // Вестник Казахского национального медицинского университета. – 2017. – № 3. – С. 405–408.

10. Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения женской темы русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2000. 526 с.

11. Калашникова Т. В., Калашникова М. М. Об особенностях трудовой деятельности персонала в исправительных приютах для несовершеннолетних женского пола в царской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 223–230. EDN: TAF0CT

12. Савенкова М. М., Перепелицын А. В. Женский труд в области «охранения народного здоровья» и его роль в общественной, культурной жизни Воронежской губернии на рубеже XIX–XX веков // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1 (298). – С. 142–150. EDN: WDTDLQ

13. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 59.

14. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О принятии основанного в Ташкенте детского приюта имени покойного туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта фон Кауфмана, вместе с принадлежащим приюту домом, капиталом и движимым имуществом в число детских приютов ведомства Императрицы Марии. 4 ноября 1895 г. ПСЗРИ-3. Т. XV. СПб., 1899. № 12103. С. 590–591.

15. Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции – О принятии Ташкентского Александровского и Самаркандского детских приютов вместе с принадлежащими им капиталами и недвижимым имуществом в число детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. 13 декабря 1896 г. ПСЗРИ-3. Т. XVI. Отд. 1. СПб. 1899. № 13518. С. 771.

16. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 896.

17. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 749.

18. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 251.

19. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 129.

20. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 436.

21. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 313.

22. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 870.

23. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 56.

24. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 126.

25. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 248.

26. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 745.

27. РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1787.

28. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 548.

29. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 53.

30. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 430.

31. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 610.

32. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 677.

33. РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1954.

34. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 741.

35. РГИА. Ф. 763. Оп. 3. Д. 803.

Female Staff in Orphanages of Russian Turkestan at the Turn of the 19th – 20th Centuries

Svetlana N. Brezhneva

In the Turkestan General Government, because of the territory remoteness from the center of the Russian Empire, public organizations appeared late. Nevertheless, due to the metropolis' desire to raise the frontier territories to its level, Russian legislation here had to be strictly implemented. This fully applies to the creation of orphanages. Because of the spe-

cifics of these institutions, women were actively involved in their work, making reasonable contribution to their development. The article characterizes the activities of female staff in orphanages in three regions of the Turkestan General Government in the late 19th – early 20th centuries. Based on the analysis of archival records, the main directions, forms and results of women's participation in the work of shelters are investigated. The role of specific women in monitoring the activities of shelters and their equipment, educating children under their care, providing them with medical care, and ensuring a daily peaceful existence is revealed.

Key words: Russian Empire, Turkestan Governor-General, orphanages, female staff, women's activities.

For citation: Brezhneva, S. N. (2024) ZHenskij personal v detskij priyutah Russkogo Turkestana na rubezhe XIX–XX vv. [Female Staff in Orphanages of Russian Turkestan at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 150–172. (In Russ.). DOI: 10.3523/1/25422375_2024_3_150. EDN: OLIUJT

References

1. Vy`sochajshe utverzhdennoe Polozhenie o detskix priyutax vedomstva uchrezhdenij Imperatricy Marii. 18 iyulya 1891 g. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3. (PSZRI-3)* [The most highly approved Regulations on orphanages of the Department of Institutions of Empress Maria. July 18, 1891. The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. (PSZRI-3)]. St. Petersburg. (1894). Vol. XI. No. 7930. Pp. 529–530. (In Russ.)
2. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv* [The Russian State Historical Archives] (hereinafter – RGIA). F. 763. Op. 3. D. 245.
3. Selyutina, E. N. (2014) *Sozdanie i deyatel`nost` uchrezhdenij vedomstva imperatricy Marii Feodorovny` po prizreniyu detej v Orlovskoj gubernii XIX – nachala XX vv.* [Creation and activity of institutions of the Department of Empress Maria Feodorovna for the care of children in the Oryol province of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> centuries]. *Učeny`e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e i social`ny`e nauki* [Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences]. No. 1 (57). Pp. 331–336. (In Russ.)
4. Zajceva, S. V. (2022) *Deyatel`nost` obshhestva popecheniya ob uluchshenii by`ta pitomcev Sankt-Peterburgskogo vospitatel`nogo doma, razmeshennyx v derevnyax po linii Varshavskoj zheleznoj dorogi, na rubezhe XIX-XX vekov* [The activities of the society for the care of improving the life of pets of the St. Petersburg educational home, located in villages along the Warsaw Railway line, at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. E`lektronnyj nauchnyj žhurnal*. [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. No. 4 (44). Pp. 214–230. (In Russ.)
5. Semenova, O. A. (2022) *V priyute kak doma (na primere priyuta dlya prizreniya vdov i kruglyx sirot zaslužhennyx grazhdanskix činovnikov v Sankt-Peterburge v XIX v.)* [In the orphanage as at home (on the example of the orphanage for the care of widows and orphans of honored civil servants in St. Petersburg in the 19th century)]. *Domashnyaya povsednevnost` naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost`* [The everyday life of the Russian population: history and modernity]. Materials of the international scientific conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 102–104. (In Russ.)
6. Veremenko, V. A. (2024) *Organizacija pitaniya mladencev v obshhestvennyx uchrezhdenijax S.-Peterburga (poslednyaya tret` XIX – nachalo XX v.)* [Organization of infant nutrition in public institutions of St. Petersburg (the last third of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century)]. *Zdorov`esbereženie v povsednevnoj žizni: istoriya i sovremennost`* [Health care in everyday life: history and modernity]. Materials of the international scientific conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 212–216. (In Russ.)
7. Volkov, I. V. (2017) *Ob uchrezhdenijax obshhestvennogo prizreniya v Turkestanskom krae: istoriko-pravovoj aspekt.* [About public charity institutions in the Turkestan region: historical and legal aspect]. *Vlast`* [Power]. No. 12 (25). Pp. 137–142. (In Russ.)

8. Brezhneva, S. N. (2023) *Detskie priyuty` na nacional`noj okraine Rossijskoj imperii: opy`t raboty` Sy`rdar`inskogo oblastnogo popechitel`stva v Russkom Turkestane* [Orphanages on the national outskirts of the Russian Empire: the experience of the Syrdarya regional Guardianship in Russian Turkestan]. *Zhurnal frontirny`x issledovanij. Nauchny`j e`lektronny`j zhurnal* [Journal of Frontier Research. Scientific electronic journal]. Vol. 8. No. 3. Pp. 112–135. (In Russ.)

9. Alikeeva, G. M., Shaxieva, A. M., Sayatova, A. S. (2017) *Istoriya popechitel`stva i social`noj zashchity` detej-sirot v g. Vernom (1879–1917)* [The history of guardianship and social protection of orphaned children in Vernom (1879–1917)]. *Vestnik Kazaxskogo nacional`nogo medicinskogo universiteta* [Bulletin of the Kazakh National Medical University]. No. 3. Pp. 405–408. (In Russ.)

10. Pushkareva, N. L. (2000) *Russkaya zhenshhina: istoriya i sovremennost`*. *Dva veka izucheniya zhenskoy temy` russkoj i zarubezhnoj naukoj. 1800-2000: Materialy` k bibliografii* [The Russian Woman: History and Modernity. Two centuries of studying the female theme by Russian and foreign science. 1800–2000: Materials for the bibliography]. Moscow: Ladomir. 526 p. (In Russ.)

11. Kalashnikova, T. V., Kalashnikova, M. M. (2021) *Ob osobennostyax trudovoj deyatel`nosti personala v ispravitel`ny`x priyutax dlya nesovershennoletnix zhenskogo pola v czarskoj Rossii* [About the peculiarities of the work activity of staff in correctional shelters for female minors in Tsarist Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 3 (91). Pp. 223–230. (In Russ.)

12. Savenkova, M. M., Perepelicyan, A. V. (2023) *Zhenskij trud` v oblasti «oxraneniya narodnogo zdraviya» i ego rol` v obshhestvennoj, kul`turnoj zhizni Voronezhskoj gubernii na rubezhe XIX–XX vekov* [Women's work in the field of "protection of public health" and its role in the social and cultural life of the Voronezh province at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University]. No. 1 (298). Pp. 142–150. (In Russ.)

13. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 59.

14. *Vy`sochajshee povelenie, ob`yavlennoe Ministrom yusticii – O prinyatii osnovannogo v Tashkente detskogo priyuta imeni pokojnogo turkestanskogo general-gubernatora, general-ad`yutanta fon Kaufmana, vmeste s prinadlezhashhim priyutu domom, kapitalom i dvizhimy`m imushchestvom v chislo detskich priyutov vedomstva Imperatricy Marii. 4 noyabrya 1895 g. PSZRI-3* [The highest order announced by the Minister of Justice – To accept the orphanage founded in Tashkent named after the late Turkestan Governor-General, Adjutant General von Kaufmann, together with the orphanage's house, capital and movable property, among the orphanages of the Empress Maria's department. November 4, 1895. PSZRI-3]. Vol. XV. St. Petersburg, 1899. No. 12103. Pp. 590–591. (In Russ.)

15. *Vy`sochajshee povelenie, ob`yavlennoe Ministrom yusticii – O prinyatii Tashkentskogo Aleksandrovskogo i Samarkandskogo detskich priyutov vmeste s prinadlezhashhimi im kapitalami i nedvizhimy`m imushchestvom v chislo detskich priyutov vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii. 13 dekabrya 1896 g. PSZRI-3*. [The highest decree announced by the Minister of Justice – On the admission of the Tashkent Aleksandrovsky and Samarkand orphanages, together with their capital and real estate, to the number of orphanages of the Department of the institutions of Empress Maria. December 13, 1896 PSZRI-3]. Vol. XVI. Ed. 1. St. Petersburg, 1899. No. 13518. P. 771. (In Russ.)

16. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 896.

17. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 749.

18. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 251.

19. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 129.

20. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 436.

21. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 313.

22. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 870.

23. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 56.

24. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 126.

25. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 248.

26. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 745.

27. RGIA. F. 763. Op. 2. D. 1787.

28. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 548.

29. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 53.

30. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 430.
31. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 610.
32. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 677.
33. RGIA. F. 763. Op. 2. D. 1954.
34. RGIA. F. 763. Op 3. D. 741.
35. RGIA. F. 763. Op. 3. D. 803.

Об авторе

Брежнева Светлана Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: brezhneva_s_n@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7637-2949

About the author

Brezhneva Svetlana N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: brezhneva_s_n@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7637-2949

Статья поступила в редакцию 14.06.2024
Одобрена после рецензирования 28.06.2024
Принята к публикации 8.07.2024

Материнская забота о гигиене и питании новорожденных в работах специалистов и реалиях Оренбурга рубежа XIX–XX вв.

Е. В. Бурлуцкая, Е. Н. Абдрахманова

В статье анализируется ситуация, касающаяся гигиены и питания новорожденных в работах врачей-гигиенистов и в семьях Оренбурга рубежа XIX–XX вв. Источниками послужили материалы центральной и региональной прессы, региональной статистики, научно-популярные работы указанного времени, а также архивные материалы. Несмотря на то что теме гигиены как личной, домашней, так и городской, популярной научной литературой и прессой рубежа XIX–XX вв. уделялось практически приоритетное внимание, в Оренбурге эти вопросы продолжали оставаться «большими». Особенно печальными последствия невнимательного отношения к санитарным правилам оказывались для новорожденных и младенцев. Детская смертность в Оренбурге значительно превышала среднероссийские показатели. Такая ситуация складывалась во многом из-за того, что многие оренбургские родители, даже в привилегированных сословиях, продолжали оставаться в плену предрассудков, традиций и были абсолютно невосприимчивы к советам врачей. При этом основная ответственность за жизнь и здоровье ребенка возлагалась исключительно на матерей. Изменить ситуацию пытались оренбургские врачи и гигиенисты, сосредотачивая внимание на просвещении молодых родителей, а также на решении проблем детского питания.

Ключевые слова: детская повседневность, материнство, новорожденный, гигиена, детское питание, Оренбург, пореформенная эпоха.

Для цитирования: Бурлуцкая Е. В., Абдрахманова Е. Н. Материнская забота о гигиене и питании новорожденных в работах специалистов и реалиях Оренбурга рубежа XIX–XX вв. // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 173–195. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_173. EDN: PDKDITZ

Введение

При обсуждении вопросов, касающихся здоровья детей, обращение именно к матерям имеет глубокие исторические корни, связанные со стереотипными представлениями о социальной роли женщин. Даже в распоряжении Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р был сделан акцент на сохранении этих стереотипов: женщины и сейчас «имеют высокую бытовую нагрузку, в том числе по уходу за детьми и иными членами семьи, полностью или частично лишенными способности к самообслуживанию»¹. Таким образом, именно женщина была названа субъектом, по сути, в одиночку обслуживающим потребности детей и других членов семьи.

Обозначенные семейные традиции находят отражение в публикациях, обращающихся к социальной истории и антропологии деторождения, истории младенчества и материнства. Признанным специалистом в этой сфере можно назвать Н. А. Мицюк [1; 2], опубликовавшую ряд исследований совместно с классиком российской истории повседневности Н. Л. Пушкиревой. Так, например, в работах указанных авторов нашла отражение модернизация материальной культуры раннего детства в русских дворянских семьях рубежа XIX–XX вв. По их мнению, «сознательные матери» позитивно и весьма активно реагировали на растущую в этот период пропаганду идеологии «нового родительства», быстро набирающие популярность идеи детоцентризма, вызванные не только трансформацией общественного мировоззрения, но и модернизацией производства [3]. Реклама детских товаров, рассчитанная в первую очередь на матерей, как нельзя лучше усваивалась такими потребителями. В свою очередь, как отмечает Н. А. Мицюк в другой своей публикации [4], коммерциализация и медикализация материнства и младенчества привели к серьезным изменениям в системе детского питания и широкому распространению молочных детских смесей.

Ряд аспектов детской младенческой повседневности, в том числе связанных с организацией материнского ухода за младенцами, был исследован в работах петербургских авторов. Так,

¹ Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.: распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/> (дата обращения: 28.02.2024).

В. А. Верременко в своих статьях [5; 6] подробно анализировала тему ухода за новорожденными в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. В работах С. В. Зайцевой [7; 8] и О. А. Семеновой [9] шла речь об организации помощи нуждающимся семьям в целях борьбы с младенческой смертностью. В 2023 г. в рамках научного проекта (гранта РФ) «Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии в середине XVIII – начале XX в.» был опубликован сборник документов и материалов, касающийся указанной проблемы [10].

Вопрос участия матерей в решении вопросов гигиены и питания новорожденных комплексно по материалам Оренбурга или Оренбургской губернии еще ни разу не поднимался. Промежуточные результаты исследования были апробированы авторами на секции XV Конгресса антропологов и этнологов России (26–30 июня 2023 г., Санкт-Петербург). В рамках же научной статьи была проанализирована лишь обращенная к матерям реклама детских товаров, размещаемая в центральной и региональной прессе на рубеже XIX–XX вв. [11].

Результаты

Согласно Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в Оренбурге детей до 1 года насчитывалось 2675 чел., в том числе 1316 мальчиков (47,63% от 2763 чел. – общего числа детей мужского пола этого возраста в городах Оренбургской губернии) и 1259 девочек (45,13% от 2790 чел. – общего числа детей женского пола этого возраста в городах губернии) [12, с. 6]. Таким образом, именно губернский центр являл собой средоточие большей части младенцев, проживавших в регионе. Всего количество оренбуржцев на тот момент насчитывалось 72425 чел., значит доля младенцев в Оренбурге составляла примерно 3,7% [12, с. 7]. В соседней Самаре, для сравнения, детей до года насчитывалось 2965 чел. (1456 мальчиков и 1509 девочек), что составляло 3,3% от общего числа жителей города (89999 чел.) [13, с. 6–7]. В книге А. Г. Рашина «Население России за 100 лет (1813–1913)» были приведены данные по Европейской России, касающиеся распределения населения по полу и возрасту. Согласно этим сведениям, дети моложе 1 года в городах составляли 2,7% населения [14, с. 265]. То есть в Оренбурге

детей указанного возраста насчитывалось в процентном отношении немного больше, чем в среднем по стране, но примерно столько же, сколько и в соседней аграрной Самарской губернии.

Примерно такая же ситуация наблюдалась и в 1875 г., когда была проведена однодневная перепись жителей Оренбурга. Согласно полученным сведениям, тогда в процентном отношении дети до 1 года в городском населении составляли 3,8 % (1415 из 36992 д. об. п.) [15, с. 8]. Увеличение абсолютного числа детского населения Оренбурга к 1897 г. было связано с почти двукратным ростом общего числа горожан (от 36992 до 72425 д. об. п.), вызванным открытием железнодорожного сообщения с центральными районами империи.

Максимум рождений приходился на январь и октябрь (соответственно, зачатий – в апреле и январе), минимум – на апрель, сентябрь и декабрь (зачатий – на июль, декабрь и март) [16, с. 29]. Это было связано с бытовыми условиями и религиозными обычаями населения – календарем полевых работ, церковных праздников и постов, сроками ярмарок. Январский подъем рождаемости соответствовал апрельским, т. н. «космическим» (по выражению М. М. Кенигсберга) зачатиям, зависящим от возрождения природы, времени, «когда жизнедеятельность природы после зимнего оцепенения снова вступает в силу», когда наступала та самая «пора любви, пора мечтаний» [17, с. 111]. В июле же земледельческое население было занято полевыми работами, купцы и приказчики разъезжались на ярмарки, а значит, браков заключалось мало. Религиозные посты в декабре и в марте практически полностью исключали возможность бракосочетания и зачатия [17, с. 111–112].

Об этих же циклах повышения и снижения рождаемости (правда в отношении крестьянского населения) шла речь в статье Н. А. Мицюк, отмечавшей, что в Западной Европе максимальное «число рождений в среде сельского населения приходилось на февраль, что предполагало зачатие в апреле-мае. Сексуальная активность связывалась с “выходом из оцепенения” после зимних месяцев. В России можно выделить два пика рождений – в январе, а также в летне-осенние месяцы. [...] Определяющее влияние на репродуктивное поведение крестьян оказывало окончание полевых работ» [18, с. 207].

Главными проблемами, возникавшими у матерей в связи с рождением ребенка, были вопросы гигиены и питания младенца. Чистоте и гигиене как городской, так и личной, домашней популярная научная литература и пресса рубежа XIX–XX вв. стали уделять практически приоритетное внимание. Врачи и гигиенисты наконец осознали, какое значение имеет чистота для сохранения здоровья и жизни. Как писал Д. Красов в статье «Зло нашей ежедневной жизни», опубликованной в дамском журнале «Хозяйка», «общество, наконец, ... начинает понимать, что гигиена не есть звук пустой, что от хорошей постановки гигиенически-санитарного дела, главным образом и зависит здоровье городского населения ...» [19, ст. 928–929]. Основную роль в воспитании здорового подрастающего поколения отводил гигиене и ведущий отечественный педиатр того времен Н. П. Гундобин [20].

«Отсутствие всякого ухода за ребенком, поразительные погрешности против элементарных правил гигиены со стороны задавленной нуждой и необразованной семьи, смрад и холод гнилых и грязных изб – все это такие условия, которые часто непереносимы для нежного организма ребенка. Страшная смертность детей в России, как известно, уносит около половины общего их числа до 5-тилетнего возраста», – отмечал В. М. Бехтерев [21, с. 8]. О младенческом возрасте детей губерний Урала Т. Ю. Шестова писала, что для «уральского ребенка первый год представлял наибольшую опасность как со стороны питания, так и содержания» [22, с. 119].

Однако следует признать, что озабоченность врачей и гигиенистов условиями жизни детей объективно не могла мгновенно изменить сложившуюся ситуацию. В семьях простонародья, составлявших большинство горожан, внедрению новых веяний мешало отсутствие необходимых для этого средств и общая неграмотность. В семьях же городской интеллигенции, даже при достаточном финансовом обеспечении, по-прежнему господствовали традиции и укоренившиеся привычки в отношении вскармливания младенцев.

В итоге ужасающая детская смертность в Оренбурге, как и в России в целом, была характерна не только для городских низов. Как отмечал Бехтерев, «даже в высокообразованных семьях поражает иногда удивительное невежество относитель-

но детского организма, законов его развития и развития детской души вообще. Детей или недокармливают, или, что еще чаще случается, перекармливают, или вообще неправильно их питают, им не дают нормального сна, лишают воздуха и обнаруживают поразительное небрежение к физическому уходу за телом ребенка» [21, с. 9]. Бехтереву вторил оренбургский врач М. М. Кенигсберг: «Нам приходилось сплошь да рядом встречать и в богатых купеческих домах крайне возмутительное по своему невежеству отношение к делу питания и ухода за детьми. Убеждение, что детей лечить не следует, что в раннем возрасте все больше зависит от зубков, глубоко вкоренилось в большинстве населения» [17, с. 149].

Оренбургская пресса неоднократно поднимала вопросы родительского невежества, зачастую становившегося причиной семейных трагедий. Так, в газете «Оренбургский край» авторы, посвящая свои назидания в первую очередь матерям, писали о распространенных в родительской среде предрассудках: «Как прежде думали, так верят и теперь, что прорезывание молочных зубов вызывает у детей различные болезни рта, поносы, лихорадку, судороги, кашель, глазные болезни и пр. Период прорезывания находили опасным для детей в виду того, что прорезывание зубов считали причиной всех детских бед и как само прорезывание неустранимо, так, полагали, не должны быть устраняемы и производимые прорезыванием болезненные явления» [23, с. 2]. Когда у ребенка начинают резаться зубки, «... и теперь няни и кормилицы суют детям в рот пальцы и трут ими десны, или же вешают на шею тот или иной предмет для кусания» [23, с. 2]. Несоблюдение элементарных гигиенических норм в таких случаях создавало благоприятные условия для заражения ребенка всевозможными болезнями.

В то же время, следует констатировать, что привычка связывать проблемы младенческого здоровья с прорезыванием зубов была характерна для всех регионов империи. В книге В. Н. Жука, вновь адресуемой в большей степени матерям, были перечислены многочисленные народные средства, применяемые в этот период для смазывания десен: смесь из чистого меда и несоленого масла, лимонный сок, кровь из петушиного гребня. Использовалась даже ртуть, залепленная воском и помещен-

ная в ореховую скорлупку. «Народ верит, что “живое серебро” (Mercurius vivus) предупреждает трудное прорезывание зубов» [24, с. 1001], – констатировал автор. Практически везде детям для того, чтобы тереть десны, давали какие-то твердые предметы: кольца из слоновой кости, гуттаперчи, кусочки фиалкового корня. В различных губернских столицах, как и в Оренбурге, по словам М. М. Кенигсберга, сплошь и рядом можно было наблюдать «малое знакомство с гигиеной даже в преобладающей части нашей зажиточной и даже в, так называемой, нашей интеллигентной части населения» [25, с. 9].

По мнению многих «опытных» родительниц, младенцев, например, следовало пеленать как можно крепче, чтобы добиться ровного позвоночника и конечностей, предотвратить пупочные грыжи, чтобы ребенок не мог сам себя нечаянно поранить, а также потому, что так удобнее было носить ребенка [24, с. 568–569]. Раздел под названием «Мать и дитя» учебной книги оренбургского автора А. И. Тарнавского описывал младенца следующим образом: «Дитя лежит в люльке. Мать качает свое дитя. Это дитя грудное. Оно в пеленках. Обвязано свивальником» [26, с. 14]. Расположенная там же иллюстрация красноречиво изображала туго спеленутого младенца.

«Свивальником» В. Н. Жук называл «нечто вроде широкого бинта (у простонародья узкая тесьма или кромка, что еще хуже), которым поверх пеленок туго обматывают всего ребенка, начиная от груди до лодыжек, причем ручки прижимаются к бокам и ножки связываются вместе» [24, с. 565]. Ребенок, завернутый таким образом, лишался всякого движения, его внутренние органы теряли возможность правильной работы, дыхание и пищеварение затруднялись, появлялись опрелости. Тем не менее, такой способ пеленания продолжал существовать даже среди образованной части населения, убежденной в правильности этой традиции [24, с. 565–571]. Тугое пеленание было удобно и малолетним нянькам младенца – неподвижный сверток в люльке требовал гораздо меньше внимания и с меньшей вероятностью мог выпасть из своей колыбели. В то же время дамские журналы совершенно не рекомендовали этого делать. Так, например, журнал «Хозяйка» в ответах своим подписчикам писал: «Пеленания и колыбелей на пружинах лучше всего избежать» [27].

В сфере детского питания также наблюдалась весьма неоднозначная ситуация. Как писал М. М. Кенигсберг, искусственное кормление коровьим молоком и «суррогатами детской пищи» получило в Оренбургской губернии второй половины XIX столетия огромное развитие. «Детскую соску, жевку с их спутниками можно встретить сплошь и рядом и у зажиточных людей, несмотря даже на одновременное кормление, другой раз, и грудью. Трудность доставления здесь кормилиц, зависящая от относительной обеспеченности массы населения, заставляет еще чаще прибегать к искусственному вскармливанию, что при умственном убожестве родителей становится в их руках истым орудием смерти нежных детских организмов» [17, с. 149].

В другом своем исследовании Кенигсберг вновь обратил внимание на указанные проблемы, констатируя, что оренбургские «матери не только, часто, мало знакомы с самыми элементарными требованиями гигиены в деле питания и ухода за детьми, но сами, сплошь да рядом, не кормят грудью своих детей, оставляя их, часто, при этом, на произвол невежественных нянек, бонн, а когда и кормят сами, то, сплошь и рядом, мало заботятся о правильной жизни во время кормления и т. д.; все это вместе взятое создает почву крайне неблагоприятную для развития нежного детского организма и особенно в течение первого – самого трудного года его жизни. В деревнях, конечно, необходимые сведения в деле питания грудных детей еще более отсутствуют в массе.

Там ребенку решительно все суют в рот, лишь бы не орал, не мешал работать. Ребенку там, чуть не со дня рождения, дают и хлеб черный и незрелый плод и изжеванную и смоченную слюною матери, бабушки, няньки пресловутую “соску”. Все это, конечно, вызывает скоро у детей сильный катар желудка, кишок и смерть» [25, с. 9]. Оренбургская хроника в августе 1904 г., сообщая о появляющихся в изобилии на оренбургских рынках арбузах и дынях, и зная наверняка, что этими дешевыми плодами, в первую очередь, будут пытаться накормить младенцев, подчеркивала, что «зелень эту народ покупает нарасхват. Жаль детей!» [28].

Описываемые проблемы были характерны не только для Оренбурга. На Урале вообще часто первой пищей новоро-

жденного становился мякиш хлеба со сметаной (чтобы ребенок быстрее привыкал к «нормальной» пище), ребенку давали тряпочку-соску, в которую заворачивали тертую морковь или свеклу. Грудное молоко в Вятской губернии дети получали лишь три поста (т. е., в лучшем случае, примерно полгода), после чего употребление этого продукта считалось грехом [22, с. 120].

«Как известно, искусственное вскармливание грудных детей начинает, к сожалению, практиковаться все чаще и чаще; оно становится модным даже в семьях интеллигентных. Чувство материнства среди наших женщин стало настолько ослабевать, что они всеми силами стараются находить предлог, чтобы только отделаться самим от кормления грудью, а так как приобретать хорошую кормилицу в больших городах, а особенно в столицах, сделалось далеко не легкой задачей, то на рожковое кормление стали обрекаться даже младенцы новорожденные, крайне редко выносящие удачно подобный способ вскармливания» [29, с. 1], – отмечал Н. Миллер. Дети, вскармливаемые через рожок, от половины до 2/3 их числа, «не доживают до конца 1-го года жизни, и что вообще эти младенцы имеют в 6 раз больше шансов на смерть, чем вскармливаемые грудью» [29, с. 5], – продолжал далее автор. При этом дети, вскармливаемые матерями, имели с ними более тесную эмоциональную связь, обладали более крепким здоровьем, раньше начинали ползать, сидеть, стоять и ходить, быстрее развивались в умственном плане.

Последствия использования для прикорма младенцев пищи, совершенно для того не приспособленной, особенно ярко проявляли себя в летние месяцы, когда, во-первых, матерям, занятым работой в поле и в огороде, совершенно некогда было отвлекаться на кормление новорожденных грудным молоком, а во-вторых, даже приемлемая для маленьких детей пища быстро портилась. Результатом становилась ужасающая детская смертность, которую можно проследить, анализируя данные метрических книг наиболее крупных оренбургских церквей, расположенных в центральной части города, приход которых составляли, большей частью, городские жители – дворяне, купцы, мещане (см. табл.).

Таблица

Сезонные показатели детской смертности в Оренбурге¹

Период, г	Церковь	Месяц											
		январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
1865	Вознесенская	6	3	8	8	4	21	31	11	4	3	7	3
	Покровская	12	9	11	18	18	41	38	25	10	9	11	4
	Троицкая	7	13	15	10	20	39	56	35	15	13	12	16
1870	Петропавловская	7	7	9	4	23	24	32	28	20	9	12	8
	Вознесенская	4	2	1	-	4	18	9	2	2	3	-	5
	Покровская	8	5	7	15	12	38	20	13	13	14	8	11
1875	Троицкая	6	13	6	5	12	31	14	9	5	10	7	3
	Петропавловская	7	4	6	6	5	12	8	5	1	6	3	2
	Вознесенская	2	5	2	7	2	6	2	1	3	5	7	6
1880	Покровская	5	3	9	10	13	32	35	15	10	12	24	40
	Троицкая	3	8	9	6	10	31	18	15	9	10	15	19
	Петропавловская	6	5	4	5	7	14	10	6	6	4	12	9
1885	Вознесенская		2	1	2	5	5	8	3	-	3	-	-
	Покровская	Нет данных											
	Троицкая	Нет данных											
	Петропавловская	Нет данных											
1890	Вознесенская	1	-	-	-	-	1	1	-	3	1	-	3
	Покровская	6	8	11	8	7	23	20	21	16	10	12	10
	Троицкая	5	3	6	1	5	9	7	8	4	5	1	2
	Петропавловская	1	5	3	4	-	3	9	5	4	3	4	-
1895	Вознесенская	-	-	-	-	1	2	2	1	-	1	-	-
	Покровская	Нет данных											
	Троицкая	Нет данных											
	Петропавловская	11	6	3	7	14	16	20	16	9	7	4	6
1900	Вознесенская	3	1	3	4	2	5	1	3	2	2	-	5
	Покровская	10	8	6	5	6	11	13	15	3	11	12	5
	Троицкая	1	9	2	4	2	4	2	3	5	5	4	4
	Петропавловская	3	3	2	2	2	2	3	5	3	1	3	-
1905	Вознесенская	2	3	-	1	2	2	1	4	2	1	-	-
	Покровская	8	10	11	12	11	27	16	8	6	7	5	6
	Троицкая	5	3	2	3	1	11	6	9	2	5	1	1
	Петропавловская	-	2	3	2	2	3	3	2	1	-	2	1
1905	Вознесенская	1	-	2	1	1	1	1	-	-	2	-	-
	Покровская	Нет данных											
	Троицкая	1	2	3	2	3	11	4	-	-	2	-	4
	Петропавловская	1	1	-	-	-	1	-	-	2	1	-	-

¹Таблица составлена по данным: [30, л. 34 об.-70; 31, л. 202 об.-257 об., 71 об. -121 об.; 32, л. 70 об.-127 об.; 33, л. 84 об.-148 об.; 34, л. 106 об.-138 об.; 35, л. 132 об.-142 об.; 36, л. 38 об.-48 об.; 37, л. 86 об.-92 об.; 38, л. 60 об.-72 об.; 39, л. 56 об.-76 об.; 143 об.-168 об.; 40, л. 108 об.-139 об.; 41, л. 81 об.-123 об.; 42, л. 48 об.-64 об.; 557 об.-614 об.; 176 об.-213 об.; 282 об.-306 об.; 43, л. 37 об.-48 об.; 316 об.-358 об.; 177 об.-198 об.; 95 об.-105 об.; 44, л. 76 об.-104 об., 138 об.-149; 45, л. 64 об.-81, 180 об.-270; 46, л. 45 об.-57; 92 об.-102; 47, л. 251 об.-260; 164 об.-205; 52 об.-69; 299 об.-308; 48, л. 37 об.-47; 93 об.-98; 49, л. 240 об.-248; 142 об.-194; 50, л. 42 об.-48; 51, л. 115 об.-128; 52, л. 55 об.-68].

1910	Вознесенская	-	-	-	-	1	1	2	-	1	-	-	1
	Покровская	5	6	4	6	14	20	33	17	11	5	4	5
	Троицкая	-	1	3	2	3	6	5	1	-	3	3	2
	Петропавловская	-	-	-	1	-	-	1	2	1	-	1	1
Итого	Вознесенская	19	16	15	22	21	62	58	25	17	21	14	23
	Покровская	54	49	59	74	81	192	175	114	69	68	76	81
	Троицкая	28	52	46	33	56	142	112	80	40	51	43	51
	Петропавловская	36	33	30	31	53	75	86	69	47	31	41	27
	ВСЕГО	137	150	150	160	211	471	431	288	173	171	174	182

Извлеченные из метрических книг сведения убедительно демонстрируют факт многократного увеличения количества детских смертей именно в мае-августе.

Статистические данные, сосредоточенные в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., позволяют еще объективнее взглянуть на данную проблему. Анализ сведений, касающихся числа детей до 1 года (помесячно) в различных городах Оренбургской губернии, а также в Самаре и Перми, осуществленный одним из авторов в статье 2022 г., позволил заметить, что эти показатели иногда довольно резко снижались «к определенному возрасту. Так, например, в Оренбурге младенцев 6 месяцев обоего пола насчитывалось 360, а 7 месяцев – только 159 (т. е. почти в два раза меньше). В Орске наблюдалась та же картина – 6-месячных детей в городе было 95, а 7-месячных – только 37. В Челябинске эти показатели составили 73 и 40, а в Троицке – 107 и 37 соответственно. В Самаре наиболее серьезное изменение численности младенцев наблюдалось между 8 и 9 месяцами (248 и 175 младенцев), хотя оно и не носило такого ярко выраженного характера, как в городах Оренбургской губернии. А в Перми движение детского населения от месяца к месяцу было очень плавным, без резких перепадов.

Можно предположить, что в городах Оренбургской губернии после полугода матери массово решали отнимать детей от груди, чтобы быть более свободными в плане хозяйства, переводили младенцев на прикорм, что крайне негативно влияло на их здоровье и часто приводило к смерти» [53, с. 907].

Ситуация, которая была зафиксирована Переписью 1897 г., кстати, полностью соответствовала данным Однодневной переписи населения Оренбурга 1875 г. Согласно им, младенцев 6 месяцев в городе насчитывалось 157, а 7 месяцев – 71, т. е. более, чем в два раза меньше [15, таб. 14]. Этот факт может служить косвенным подтверждением нашего предположения

о существующей в Оренбургской губернии практике перевода полугодовальных младенцев на прикорм, и связанным с этой практикой ухудшением физического здоровья детей. Колоссальная детская смертность наблюдалась в Оренбурге практически во всех strata городского населения, в том числе и в среде городской аристократии (дворян и купечества), о чем один из авторов подробно писал в своей статье [54].

Принимая как данность тот факт, что многие матери объективно не имели возможности продолжать грудное вскармливание младенцев по истечении нескольких первых месяцев их жизни, врачи рекомендовали использовать для вскармливания готовые молочные смеси, реклама которых была массово представлена на страницах как столичной, так и региональной периодики. В Оренбурге в этом сегменте товаров для детей производился эксклюзив – «Сгущенное кобылье молоко доктора Каррика», которое стало недавно входить в употребление и готовится на фабрике близ Оренбурга, продается в герметически запааянных жестянках и стоит дешевле зарубежных препаратов. При употреблении его разводят 8-ю частями воды; оно содержит тоже много сахара, хотя и меньше, чем в швейцарском сгущенном молоке, и тоже имеет непостоянный состав, легко разлагается и плеснеет, и от него часто детей слабит» [29, с. 39]. Реклама этого продукта была размещена в газете «Оренбургский листок» за 1887 г. [55].

Спустя почти 20 лет в книге «Мать и дитя» В. Н. Жук также сказал несколько слов о сгущенном молоке доктора Каррика: «Гораздо больше сочувствия заслужила попытка одного из петербургских врачей, г. Каррика, сгущать такой редкий и, в то же время, ценный по своей удобоваримости продукт, как кобылье молоко. Его сгущенное кобылье молоко для вскармливания грудных детей (Carrik's condensed Mares' Milk) готовилось на оренбургском заводе, где для этого специально держали стадо кобылиц. Нет сомнения, что по удобоваримости своей оно было бы несравненно лучше сгущенного коровьего, особенно, если бы его употребляли в тех случаях, когда дитя не переносит другой пищи. К сожалению, завод этот, сколько нам известно, закрылся» [24 с. 844].

Детское искусственное питание относилось к товарам, реклама которых обращалась, как правило, напрямую к матерям. Так, на-

пример, журнал «Нива» рекламировал детскую молочно-мучную «пищу Алленбэрис» от британского производителя Allen&Hamburs LTD. Реклама заявляла: «Здоровое дитя – счастье матери». Причем подчеркивалось, что «при искусственном вскармливании грудных детей» это питание было единственным, заменяющим «материнское молоко с первого дня рождения ребенка» [56].

Рекламное объявление «молочной муки Нестле» сообщало, что «предохранить ребенка от заболеваний может каждая мать, укрепляя его организм рациональным питанием» [57]. Реклама «настоящей американской овсянки Геркулес» рекомендовала данный продукт «всем матерям, желающим сохранить здоровье своих детей» [58]. Таким образом, в рекламе детского питания делался упор на том, что рекламируемые смеси для прикорма обеспечивают здоровье ребенка. А это, по мнению рекламодателей, было важнейшей ценностью именно для матерей.

Отцы и вообще мужчины встречались в рекламе детских товаров крайне редко. Так, например, в оренбургской прессе нам встретилась лишь одна реклама средства для вскармливания детей «Соматоза» [59], которая сопровождалась изображением девочки, послушно принимающей снадобье из рук старшего родственника мужского пола. Во всех остальных случаях матери либо были прямыми объектами воздействия рекламодателей, либо в рекламе использовался женский образ.

Такое обилие рекламы детских смесей породило проблему массового и не всегда обоснованного отказа женщин от грудного вскармливания. Так, Н. П. Гундобин отмечал, что «главную причину уклонения русских матерей от их священной обязанности [естественного кормления – авт.] служит вина акушеров, которые слишком свободно запрещают матерям кормление ...» [20, с. 40]. В. Н. Жук утверждал, что «с началом эмансипации мать уже считает для себя оскорбительным вскармливать свое дитя, воображая, что она создана для каких-то высших целей» [24, с. 736], однако нет сомнений «что с поднятием нравственного уровня женщины и развития благосостояния в массах населения исчезнут эти уклонения от материнского долга ...» [24, с. 736].

Тем не менее, матери по разным причинам не спешили возвращаться к исполнению этого долга. Грудное вскармливание, которое при практически ежегодном появлении в семье новорожденных, превращалось в перманентное состояние, выматывало

вало женщину и физически, и психологически. Матери проще было вменить кормление младенца в обязанность няньки и получить в свое распоряжение большее количество свободного времени. «В конце XIX в., – как отмечала в своей статье В. А. Веременко, – сухие готовые смеси, служившие как заменой грудного вскармливания, так и рекомендованные в качестве прикорма, стали неотъемлемым атрибутом "интеллигентной", мало-мальски обеспеченной семьи, воспитывавшей младенца. Из числа всех своих детей мать вскармливала полный цикл одного-двух, а оставшихся либо кормили грудью не более 4–6 месяцев, либо сразу переводили на искусственное кормление» [6, с. 113].

Несмотря на широкое распространение смесей для искусственного вскармливания младенцев и их активную коммерческую рекламу, родителям, которые все же хотели бы видеть свое дитя живым и здоровым, по мнению врачей, лучше было подыскать кормилицу. В отношении кормилиц журнал «Хозяйка» утверждал, что крестьянки «предпочтительнее горожанок, тихие и спокойные – бойких и задорных, расторопные – неповоротливых» [60]. Брюнетки были предпочтительнее блондинок, так как молоко брюнеток, по мнению французских врачей, было «богаче сахаром и казеином» [60].

«Журнал для женщин» в 1914 г. писал, что «кормление матерью – наилучший способ; если это невозможно, кормление кормилицей, здоровье которой безусловно хорошо; при каком-нибудь сомнении относительно ее здоровья – ... стерилизованное молоко». При этом уточнялось, что кормящая женщина «должна употреблять в пищу небольшое количество мяса, больше мучнистых веществ, овощей и вареных плодов. Никакого спирта. Самое большее, что ей может быть дозволено – полбутылки легкого вина или литр легкого пива на сутки, но лучше всего удовольствоваться молоком, чистой водой или чаем». На искусственном вскармливании при наличии хорошей коровы ребенку рекомендовалось давать сырое коровье молоко. При этом внимание уделялось чистоте рук доярки, коровьего вымени и поддойки. В условиях же города предлагалось «покупать молоко, стерилизованное в лабораториях при 110 градусах жара» [61].

Зажиточные горожане, у которых было несколько малолетних детей, действительно, предпочитали иметь собственную корову. Так, в мемуарах челябинского акцизного чиновника К. Н. Тепло-

ухова, отца шестерых детей читаем: «Лошадей тогда не было, жена держала двух коров, конечно – кур» [62, с. 42]. Лето семейство проводило за городом, куда жена «взяла с собой и корову» [62, с. 51]. «Ответственные» матери, ставящие потребности ребенка на первое место, не жалели ни сил, ни времени, чтобы обеспечить его всем необходимым для долгой и счастливой жизни.

Однако, как писал в своем исследовании В. Н. Жук, «непрерывная забота убережет себя и детей от заражения ведет к постоянному напряжению нервов, к вечным волнениям, нескончаемому ограничению свободы детей в пользовании прогулками, свежим воздухом, здоровой пищей. Все это сопровождается постоянной проверкой самочувствия, как своего, так и детского, непрерывным лечением как существующих, так и воображаемых болезней, неизбежно развивает мнительность и трусливость в детях более старшего возраста, эгоистическую заботу о сохранении своего драгоценного здоровья и благополучия» [24, с. 1113]. Следствием подобного перенапряжения нервной системы становилась неврастения у родителей (прежде всего, у матерей), их панический страх перед каждой эпидемией, а также слабость и повышенная восприимчивость детского организма ко всевозможным инфекционным заболеваниям.

Обсуждение и выводы

В итоге можно констатировать, что в Оренбурге, как и в России в целом, на рубеже XIX–XX вв. проблема сохранения здоровья новорожденных стояла максимально остро. Неблагоприятные санитарно-гигиенические условия жизни, помноженные на невежество родителей и их склонность к традиционным (но вредным) способам ухода за младенцами, крайне негативно сказывались на детях. Детская смертность, особенно в возрасте до 1 года, в Оренбурге в указанный период значительно превышала среднероссийские показатели.

Изменить ситуацию пытались в первую очередь врачи и гигиенисты, заостряя внимание на просвещении молодых матерей, а также на решении проблем детского питания. Их рекомендации, сосредоточенные в специальной научно-популярной литературе, апеллировали к здравому смыслу женщин, материнскому долгу, а также к практически врожденному «материнскому чувству».

Увеличение спроса на детские товары вовлекало в обсуждение «детских» проблем и различные коммерческие структуры, формируя в итоге специфическое рекламное пространство. Главной темой всех рекламных объявлений, касающихся детей и предназначенных именно матерям, было детское здоровье. Судя по содержанию рекламных текстов, реальные или потенциальные болезни ребенка были постоянным женским триггером, заставляющим матерей приобретать предлагаемые товары.

Результатом такого массированного воздействия на женщину (и именно на мать, а не на обоих родителей) как со стороны специалистов, так и со стороны коммерческих структур (под этот прессинг, конечно же, в основном попадали женщины просвещенные, грамотные), как нам кажется, могло стать не столько более здоровое взаимодействие матери и ребенка, сколько постоянное нервное напряжение, ипохондрия, скорее, негативно отражающиеся на состоянии ребенка и семьи в целом.

Оренбургские матери, которые в силу неграмотности, отсутствия времени или каких-то других причин оставались в традиционной системе воззрений на ребенка, продолжали действовать по привычной схеме, ориентируясь больше на советы старших родственников, чем на книжные премудрости. Болезнь или смерть ребенка воспринимались в такой ситуации как неизбежность, рок, Божий промысел.

Матери же, стремящиеся наладить свое родительство на новых, современных, модернизированных принципах, провозглашаемых специалистами по детскому здоровью, зачастую оказывались в более сложной ситуации. На них давило чувство ответственности, многие рекомендации врачей оказывались просто невыполнимыми в условиях отдаленного от столиц провинциального, пусть даже и губернского, города. В результате именно такие матери чувствовали себя менее уверенными, успешными, спокойными и счастливыми. Если же, несмотря на выполнение большинства требований к гигиене и питанию, их младенец все же погибал, это воспринималось более трагично, поскольку смерть ребенка означала не только потерю родного человека, но и декларировала несостоятельность новомодных материнских идеалов, ценностей и моделей поведения¹.

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 295.

Список литературы

1. Мицюк Н. А. Опыт борьбы с детской смертностью в первой половине XIX века // Смоленский медицинский альманах. – 2015. – № 3. – С. 31–37. EDN: VXEKKL.
2. Мицюк Н. А. Новое родительство и материальная культура раннего детства в городских семьях начала XX в. // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, 7–9 апреля 2022 г., Санкт-Петербург: в 2 т. / отв. ред. В. А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2022. – Т. 2. – С. 46–51. EDN: VRCWUZ.
3. Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Модернизация материальной культуры раннего детства в российских дворянских семьях второй половины XIX – начала XX в. // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 1 (54). – С. 30–39. EDN: YGTEUV.
4. Мицюк Н. А. Распространение детских смесей в России (начало XX в.): медиализация и коммерциализация детского питания // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, 17–19 марта 2016 г., Санкт-Петербург / отв. ред. В. А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2016. – С. 155–160. EDN: VYGOUJ.
5. Веремченко В. А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX начале XX в. // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 3. – С. 18–31. EDN: PJCLIT.
6. Веремченко В. А. Организация питания младенцев в столичных дворянско-интеллигентных семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г., Санкт-Петербург: в 2 т. / отв. ред. В. А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – Т. 2. – С. 111–115. EDN: HHGRHY.
7. Зайцева С. В. Попытки реорганизации городской «капли молока» в Санкт-Петербурге в начале XX в. как способ борьбы с детской смертностью // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. 16–18 сентября 2020 г., Санкт-Петербург: в 2 т. / отв. ред. В. А. Веремченко, В. Н. Шайдунов. – СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2020. – Т. 2. – С. 161–167. EDN: EPCUWU.
8. Зайцева С. В. Санитарно-гигиенические условия жизни женщин и детей из малообеспеченных семей Санкт-Петербурга на основе патронажных листов «Капли молока» // Домашняя повседневность населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции, 7–9 апреля 2022 г., Санкт-Петербург: в 2 т. / отв. ред. В. А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – Т. 2. – С. 52–56. EDN: YUOMTV.
9. Семёнова О. А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. На примере городской «Капли молока» // История повседневности. – 2019. – № 4 (12). – С. 72–80. EDN: OBJXWP.
10. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX вв.): сборник документов и материалов / под ред. В. А. Веремченко. – СПб.: Пропаганда, 2023. – 432 с.
11. Бурлуцкая Е. В. Реклама детских товаров в российской региональной и центральной прессе в начале XX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX веках: сборник научных трудов V международной научной конференции, 27–29 сентября 2022 г., Новосибирск / под ред. Н. Г. Пушкаревой. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2023. – С. 156–165. EDN: EDOANO. DOI: 10.31518/TKTDR-35-2023-16.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Том XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.: Типография «Товарищества Художественной печати», 1905. 198 с.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Том XXXVI: Самарская губерния. СПб.: паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1905. 220 с.
14. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

15. Однодневная перепись населения г. Оренбурга, произведенная 21 декабря 1875 г.: статистический очерк, составленный неперем. чл., и. д. секр. Оренбург. губ. стат. ком. П. Н. Распоповым. Оренбург: типография А. Хохловой, 1878. 86 с.

16. Кенигсберг М. М. Элементы естественного движения населения Оренбургской губернии по данным за пятилетие 1902–1906 гг. и по средним данным за десятилетие 1897–1906 гг. I. По городам, уездам и губернии; II. По волостям, селениям, станицам и поселкам. Оренбург: Типо-литография П. А. Бреслина, 1911. 41 с.

17. Кенигсберг М. М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга. С картой города, таблицами и диаграммами: дис. ... д-ра медицины. СПб.: Семеновская типо-литография (И. А. Ефрона), 1886. 202 с.

18. Мицюк Н. А. Влияние природно-климатических факторов на репродуктивное поведение крестьянок дореволюционной России // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, 14–16 марта 2019 г., Санкт-Петербург: в 2 т. / отв. ред. В. А. Веременко. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – Т. 2. – С. 205–211. EDN: GABGQG.

19. Красов Д. Зло нашей ежедневной жизни // Хозяйка. – 1902. – № 33. – С. 928–929.

20. Гундобин Н. П. Воспитание и лечение ребенка до семилетнего возраста. СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1907. 246 с.

21. Бехтерев В. М. Вопросы воспитания в возрасте первого детства: (в связи с постановкою его в педологическом институте). СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909. 39 с.

22. Шестова Т. Ю. Раннее детство в свидетельствах медиков уральских губерний в конце XIX – начале XX в. // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: в 2 т. – Смоленск: изд-во СмолГУ, 2016. – С. 119–122.

23. Д-р Баратынский. Медицинские беседы. Прорезывание молочных зубов у детей (посвящение матерям) // Оренбургский край. – 1894. – № 151. – С. 2–3.

24. Жук В. Н. Мать и дитя: Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Издание В. И. Губинского, 1906. XXIV с. 1166 с.

25. Кенигсберг М. М. Общественные задачи в вопросах о сохранении жизни детей. Оренбург: Типо-литография Губернского правления, 1902. 44 с.

26. Тарнавский А. И. По предметам и по картинкам: первые уроки наглядного обучения инородцев русскому языку: с 343 рисунками. СПб.: П. В. Луковников, 1902. 120 с.

27. Почтовый ящик. Г. Ишим. Подписчику Доброву // Хозяйка. – 1902. – № 43. – С. 1256.

28. Хроника // Оренбургский листок. – 1904. – № 34. – С. 3.

29. Миллер Н. Об искусственном кормлении грудных детей // Вестник воспитания. – 1890. – С. 1–60.

30. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф. 173. Оп. 12. Д. 548.

31. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 553.

32. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 554.

33. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 555.

34. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 798.

35. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 837.

36. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 843.

37. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 846.

38. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 851.

39. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Ч. 1. Д. 39.

40. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Ч. 1. Д. 41.

41. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Ч. 1. Д. 42.

42. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Ч. 1. Д. 179.

43. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Ч. 1. Д. 526.

44. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Ч. 1. Д. 726.

45. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Ч. 1. Д. 926.

46. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Ч. 1. Д. 927.

47. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Ч. 1. Д. 1135.

48. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1598.

49. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1843.
50. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1844.
51. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 17. Д. 83.
52. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 17. Д. 120.
53. Бурлуцкая Е. В. Children in the Composition of the Population of Orenburg according to the Data of the First General Census of the Russian Empire of 1897 (Дети в составе населения Оренбурга, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) // *Vylye Gody*. – 2022. – № 17 (2). – С. 902–921. EDN: JIXYDV. DOI: 10.13187/bg.2022.2.902.
54. Бурлуцкая (Банникова) Е. В. Детская смертность в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX века // *Клио*. – 2017. – № 7 (127). – С. 80–85. EDN: ZBBEWV.
55. Оренбургский листок. – 1887. – № 15. – С. 3.
56. Нива. – 1912. – № 29. – С. 1.
57. Нива. – 1913. – № 3. – С. 60а.
58. Оренбургский листок. – 1903. – № 9. – С. 1.
59. Оренбургский листок. – 1903. – № 12. – С. 4.
60. Царство женщины. Дети. Кормилица // *Хозяйка*. – 1902. – № 26. – С. 717.
61. Воспитание детей. Очерки по физическому и нравственному воспитанию детей, выбранные из книги «Pour bien éter ses enfants», *Bibliothèque Femina*. Различные способы кормления грудных детей // *Журнал для хозяек*. – 1914. – № 7. – С. 3–4.
62. Теплоухов К. Н. Семья и время перемен. Век XIX–XX. М.: Лист Нью, 2011. Мемуары: 1899–1934. 720 с.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
60/40 %

Mothers' Care for the Newborns' Hygiene and Nutrition in the Works of Specialists and the Orenburg Realities in the Late 19th – Early 20th Centuries

Elena V. Burlutskaya, Ekaterina N. Abdrakhmanova

The article provides a comparative analysis of the ways in which issues of hygiene and nutrition of newborns were addressed in the works of hygiene experts and in the families of Orenburg in the late 19th and early 20th centuries. Materials from the central and regional press, regional statistical data, popular scientific works of that period, as well as archival documents were used as sources. Despite the fact that popular scientific literature and the press in the late 19th and early 20th centuries started paying almost priority attention to issues of hygiene, including personal, domestic, and urban hygiene, in Orenburg these issues continued to be painful. The consequences of neglecting sanitary rules were especially grave for newborns and infants. Child mortality rates in Orenburg were significantly higher than the average for Russia. This situation was largely caused by the fact that many parents in Orenburg, even those from the privileged classes, were still bound by prejudices and traditions, and refused to listen to the advice of doctors. At the same time, the lives and health of the children were solely the responsibility of their mothers. Orenburg doctors and hygiene experts tried to improve this situation by educating young parents and addressing issues related to child nutrition.

Key words: children's daily life, motherhood, newborn, hygiene, child nutrition, Orenburg, post-reform era.

For citation: Burlutskaya, E. V., Abdrakhmanova, E. N. (2024) Materinskaya zabota o gigiene i pitanii novorozhdennykh v rabotakh specialistov i realiyah Orenburga rubezha XIX–XX vv. [Mothers' Care for the Newborns' Hygiene and Nutrition in the Works of Specialists and the Orenburg Realities in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 173–195. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_173. EDN: PDKDTZ

References

1. Micyuk, N. A. (2015) *Opyt bor'by s detskoj smertnost'yu v pervoj polovine XIX veka* [The experience of combating child mortality in the first half of the 19th century]. *Smolenskij medicinskij al'manah* [Smolensk Medical Almanac]. No. 3. Pp. 31–37. (In Russ.). EDN: VXEKKL.
2. Micyuk, N. A. (2022) *Novoe roditel'stvo i material'naya kul'tura rannego detstva v gorodskih sem'yah nachala XX v.* [New parenthood and the material culture of early childhood in urban families of the early 20th century]. *Domashnyaya povsednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Home daily life of the Russian population: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 7–9 April 2022, St. Petersburg. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: LGU imeni A.S. Pushkina. Vol. 2. Pp. 46–51. (In Russ.). EDN: VRCWUZ.
3. Pushkareva, N. L., Micyuk, N. A. (2017) *Modernizatsiya material'noj kul'tury rannego detstva v Rossijskikh dvoryanskikh sem'yah vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [Modernization of the material culture of early childhood in Russian noble families of the second half of the 19th – early 20th century]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 1 (54). Pp. 30–39. (In Russ.). EDN: YGTEUV.
4. Micyuk, N. A. (2016) *Rasprostranenie detskih smesej v Rossii (nachalo XX v.): medikalizatsiya i kommercializatsiya detskogo pitaniya* [Distribution of infant formula in Russia (early 20th century): medicalization and commercialization of baby food]. *Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [The material factor and entrepreneurship in the daily life of the Russian population: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 17–19 March 2016, St. Petersburg. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: LGU imeni A. S. Pushkina. Pp. 155–160. (In Russ.). EDN: VYGOUJ.
5. Veremenko, V. A. (2012) *Uhod za det'mi rannego vozrasta v dvoryanskikh sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Early childhood care in noble families of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. No. 3. Pp. 18–31. (In Russ.). EDN: PJCLIT.
6. Veremenko, V. A. (2023) *Organizatsiya pitaniya mladencev v stolichnykh dvoryansko-intelligentnykh sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Organization of infant nutrition in the capital's noble and intelligent families of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 6–8 April 2023, St. Petersburg. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: LGU imeni A.S. Pushkina. Vol. 2. Pp. 111–115. (In Russ.). EDN: HHGRHY.
7. Zajceva, S. V. (2020) *Popytki reorganizatsii gorodskoj «Kapl'i moloka» v Sankt-Peterburge v nachale XX v. kak sposob bor'by s detskoj smertnost'yu* [Attempts to reorganize the urban “Drop of milk” in St. Petersburg at the beginning of the 20th century as a way to combat child mortality]. *Reformy v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Reforms in the daily life of the Russian population: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 16–18 September 2020, St. Petersburg. In 2 vols. Eds. V. A. Veremenko, V. N. Shajurov. St. Petersburg: LGU imeni A. S. Pushkina. Vol. 2. Pp. 161–167. (In Russ.). EDN: EPUCUW.
8. Zajceva, S. V. (2022) *Sanitarno-gigienicheskie usloviya zhizni zhenshchin i detej iz maloobespechennykh semej Sankt-Peterburga na osnove patronazhnykh listkov «Kapl'i moloka»* [Sanitary and hygienic living conditions of women and children from low-income families of St. Petersburg based on the patronage leaflets “Drop of milk”]. *Domashnyaya povsednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Home daily life of the Russian population: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 7–9 April 2022, St. Petersburg. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: LGU imeni A. S. Pushkina. Vol. 2. Pp. 52–56. (In Russ.). EDN: YYOMTV.

9. Semyonova, O. A. (2019) *Popechenie o materyah i mladencah v Sankt-Peterburge v nachale XX v. na primere gorodskoj «Kapli moloka»* [Caring of mothers and babies in St. Petersburg at the beginning of the 20th century on the example of the urban “Drop of milk”]. *Istoriya povsednevnosti* [The history of daily life]. No. 4 (12). Pp. 72–80. (In Russ.). EDN: OBJXWP.

10. Veremenko, V. A. (2023) (ed.) *Gigiena detstva v Sankt-Peterburge i Peterburgskoj gubernii (seredina XVIII – nachalo XX v.): sbornik dokumentov i materialov* [Hygiene of childhood in St. Petersburg and St. Petersburg province (mid-18th – early 20th century): collection of documents and materials]. St. Petersburg: Propaganda. (In Russ.)

11. Burluckaya, E. V. (2023) *Reklama detskih tovarov v rossijskoj regional'noj i central'noj presse v nachale XX v.* [Advertising of children's goods in the Russian regional and central press at the beginning of the 20th century]. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XX vekah* [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th – 20th centuries]. Proceedings of the International Scientific Conference, 27–29 September 2022, Novosibirsk. Ed. N. G. Pushkareva. Novosibirsk: Novosibirskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet. Pp. 156–165. (In Russ.). EDN: EDOANO. DOI: 10.31518/TKTDR-35-2023-16.

12. *Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii, 1897. Tom XXVIII: Orenburgskaja gubernija* (1905) [The First Census of the Russian Empire. Volume XXVIII: Orenburg Governorate]. St. Petersburg: Tipografija «Tovarishchestva khudozhestvennoj pečati». (In Russ.)

13. *Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii, 1897. Tom XXXVI: Samarskaja gubernija* (1905) [The First Census of the Russian Empire. Volume XXXVI: Samara Governorate]. St. Petersburg: Parovaya skoropechatnaja P. O. Yablonskogo (In Russ.)

14. Rashin, A. G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913). Statisticheskie ocherki* [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays]. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. (In Russ.)

15. *Odnodnevnyaja perepis' naseleniya g. Orenburga, proizvedennaya 21 dekabrya 1875 g.: statisticheskij ocherk* (1878) [One-day population census of Orenburg, conducted on December 21, 1875: statistical essay]. Orenburg: printing house of A. Khokhlov. (In Russ.)

16. Kenigsberg, M. M. (1911) *Elementy estestvennogo dvizheniya naseleniya Orenburgskoj gubernii po dannym za pyatiletie 1902–1906 gg. i po srednim dannym za desyatiletie 1897–1906 gg. I. Po gorodam, uezdám i gubernii; II. Po volostyam, seleniyam, stanicam i poselkam* [Elements of the natural movement of the population of the Orenburg province according to data for the five-year period 1902–1906 and according to average data for the decade 1897–1906. I. By cities, counties and provinces; II. By volosts, villages, villages and towns]. Orenburg: Tipo-litografiya P. A. Breslina. (In Russ.)

17. Kenigsberg, M. M. (1886) *Opyt mediko-topograficheskogo issledovaniya gor. Orenburga. S kartoi goroda, tablitsami i diagrammami. Dissertatsiya na stepen' doktora meditsiny* [Experience of medical and topographic study of mountains. Orenburg. With a city map, tables and diagrams. Dissertation for the degree of Doctor of Medicine]. St. Petersburg: Semenovskaya typo-litografiya (I. A. Efron). (In Russ.)

18. Micyuk, N. A. (2019) *Vliyanie prirodno-klimaticheskikh faktorov na reproduktivnoe povedenie krest'yanok dorevoljucionnoj Rossii* [The influence of natural and climatic factors on the reproductive behavior of peasant women in pre-revolutionary Russia]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Natural and geographical factors in the daily life of the Russian population: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 14–16 March 2019, St. Petersburg. In 2 vols. St. Petersburg: LGU imeni A.S. Pushkina. Vol. 2. Pp. 205–211. (In Russ.). EDN: GABGQG.

19. Krasov D. (1902) *Zlo nashej ehzednevnoj zhizni* [The evil of our daily lives]. *Hozyajka* [Hostess]. No. 33. Column 928–929. (In Russ.)

20. Gundobin, N. P. (1907) *Vospitanie i lechenie rebenka do semiletneho vozrasta* [Upbringing and treatment of a child up to the age of seven]. St. Petersburg: izdanie K. L. Rikhera. (In Russ.)

21. Bekhterev, V. M. (1909) *Voprosy vospitaniya v vozraste pervogo detstva (v svyazi s postanovkoy ego v pedagogicheskom institute)* [Issues of upbringing at the age of first childhood (in connection with its establishment at the pedagogical Institute)]. St. Petersburg: tip. B. M. Vol'fa. (In Russ.)

22. Shestova, T. YU. (2016) *Rannee detstvo v svidel'stvakh medikov ural'skih gubernij v konce XIX – nachale XX v.* [Early childhood in the testimonies of doctors of the Ural provinces at the end

of the 19th – beginning of the 20th century]. *Materinstvo i otcovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur* [Motherhood and fatherhood through the prism of time and cultures]. Proceedings of the IX International Scientific Conference RAIZHI and IEA RAS, 13–16 October 2016, Smolensk. In 2 vols. Eds. N. L. Pushkareva, N. A. Micyuk. Smolensk: SmolGU. Vol. 2. Pp. 119–122. (In Russ.)

23. D-r Baratynskij (1894) *Medicinskie besedy. Prorezyvanie molochnyh zubov u detej (posvyashchenie materyam)* [Medical conversations. Teething of baby teeth in children (dedication to mothers)]. *Orenburgskij kraj* [Orenburg area]. No. 151. Pp. 2–3. (In Russ.)

24. ZHuk, V. N. (1906) *Mat' i ditya: Gigiena v obshchedostupnom izlozhenii* [Mother and child: Hygiene in the public domain]. St. Petersburg: izdanie V. I. Gubinskago. (In Russ.)

25. Kenigsberg, M. M. (1902) *Obshchestvennye zadachi v voprosah o sohranении zhizni detej* [Public tasks in matters of preserving children's lives]. Orenburg: tipo-litografiya Gubernskogo pravleniya. (In Russ.)

26. Tarnavskij, A. I. (1902) *Po predmetam i po kartinkam: pervye uroki naglyadnogo obucheniya inorodcev russkomu yazyku: s 343 risunkami* [By subjects and by pictures: the first lessons of visual teaching of foreigners to the Russian language: with 343 drawings]. St. Petersburg: P. V. Lukovnikov. (In Russ.)

27. *Pochtovyy yashchik. G. Ishim. Podpischiku Dobrovu* [Mailbox. Ishim city. To the subscriber Dobrov]. *Hozyajka* [Hostess]. 1902. No. 43. Column 1256. (In Russ.)

28. *Hronika* [Chronicle]. *Orenburgskij listok* [Orenburg paper]. 1904. No. 34. P. 3. (In Russ.)

29. Miller, N. (1890) *Ob iskusstvennom kormlenii grudnyh detej* [About artificial feeding of infants]. *Vestnik vospitaniya* [Bulletin of education]. Pp. 1–60. (In Russ.)

30. *Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti* [United State Archive of the Orenburg region] (hereinafter – OGAOO), coll. 173, aids 12, fol. 548.

31. OGAOO, coll. 173, aids 12, fol. 553.

32. OGAOO, coll. 173, aids 12, fol. 554.

33. OGAOO, coll. 173, aids 12, fol. 555.

34. OGAOO, coll. 173, aids 12, fol. 798.

35. OGAOO, coll. 173, aids 12, fol. 837.

36. OGAOO, coll. 173, aids 12, fol. 843.

37. OGAOO, coll. 173, aids 12, fol. 846.

38. OGAOO, coll. 173, aids 12, fol. 851.

39. OGAOO, coll. 173, aids 16, part 1, fol. 39.

40. OGAOO, coll. 173, aids 16, part 1, fol. 41.

41. OGAOO, coll. 173, aids 16, part 1, fol. 42.

42. OGAOO, coll. 173, aids 16, part 1, fol. 179.

43. OGAOO, coll. 173, aids 16, part 1, fol. 526.

44. OGAOO, coll. 173, aids 16, part 1, fol. 726.

45. OGAOO, coll. 173, aids 16, part 1, fol. 926.

46. OGAOO, coll. 173, aids 16, part 1, fol. 927.

47. OGAOO, coll. 173, aids 16, part 1, fol. 1135.

48. OGAOO, coll. 173, aids 16, fol. 1598.

49. OGAOO, coll. 173, aids 16, fol. 1843.

50. OGAOO, coll. 173, aids 16, fol. 1844.

51. OGAOO, coll. 173, aids 17, fol. 83.

52. OGAOO, coll. 173, aids 17, fol. 120.

53. Burluckaya, E. V. (2022) *Deti v sostave naseleniya Orenburga, po dannym pervoj vseobshchej perepisi naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g.* [Children in the Composition of the Population of Orenburg according to the Data of the First General Census of the Russian Empire of 1897]. *Bylye Gody* [Bylye Gody]. No. 17 (2). Pp. 902–921. (In Russ.). EDN: JIXYDV. DOI: 10.13187/bg.2022.2.902.

54. Burluckaya (Bannikova), E. V. (2017) *Detskaya smertnost' v kupecheskikh sem'yah Orenburga vtoroj poloviny XIX veka* [Infant mortality in merchant families of Orenburg in the second half of the 19th century]. *Klio* [Klio]. No 7 (127). Pp. 80–85. (In Russ.). EDN: ZBBEWW.

55. *Orenburgskij listok* [Orenburg paper]. 1887. No. 15. P. 3. (In Russ.)

56. *Niva* [Field]. 1912. No. 29. P. 1. (In Russ.)

57. *Niva* [Field]. 1913. No. 3. P. 60a. (In Russ.)

58. *Orenburgskij listok* [Orenburg paper]. 1903. No. 9. P. 1. (In Russ.)
59. *Orenburgskij listok* [Orenburg paper]. 1903. No. 12. P. 4. (In Russ.)
60. *Carstvo zhenshchiny. Deti. Kormilica* [The kingdom of woman. Children. The breadwinner]. *Hozyajka* [Hostess]. 1902. No. 26. Column 717. (In Russ.)
61. *Vospitanie detej. Ocherki po fizicheskomu i npravstvennomu vospitaniju detej, vybrannye iz knigi «Pour bien eter ses enfants»*, *Biblioteque Femina. Razlichnye sposoby kormleniya grudnyh detej* [Parenting. Essays on the physical and moral education of children, selected from the book "Pour bien eter ses enfants", *Biblioteque Femina. Various ways of feeding infants*]. *ZHurnal dlya hozyaek* [Magazine for housewives]. 1914. No. 7. Pp. 3–4. (In Russ.)
62. Teplouhov, K. N. (2011) *Sem'ya i vremya peremen. Vek XIX–XX* [Family and the time of change. 19th – 20th century]. Moscow: List N'yu. Memoires: 1899–1934. (In Russ.)

Об авторах

Бурлуцкая Елена Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация; e-mail: ida777@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0001-2207

Абдрахманова Екагерина Николаевна, аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация; e-mail: eknikol@ya.ru; ORCID ID: 0000-0003-4455-2782

About the authors

Burlutskaya Elena V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation; e-mail: ida777@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0001-2207

Abdrakhmanova Ekaterina N., Postgraduate Student of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation; e-mail: eknikol@ya.ru; ORCID ID: 0000-0003-4455-2782

Статья поступила в редакцию 04.03.2024
Одобрена после рецензирования 10.05.2024
Принята к публикации 26.05.2024

К истории закона 1911 г. «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений»

О. А. Валькова

В Российской империи женщины впервые получили право на приобретение степеней магистров и докторов и на службу в ученых и высших учебных учреждениях по закону «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», принятому в декабре 1911 г. История неожиданно либерального закона, принятого в разгар реакционной политики министра народного просвещения Л. А. Кассо, остается неисследованной в современной историографии. В настоящей статье мы рассмотрим историю принятия этого революционного закона, по существу разрешившего российским женщинам доступ к профессиональной карьере в науке, и мотивы, которыми руководствовались его создатели.

Ключевые слова: закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», Российская империя, ученая степень, женщины-ученые.

Для цитирования: Валькова О. А. К истории закона 1911 г. «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений» // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 196–221. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_196. EDN: SGTKFM

Введение

«Представляется вполне справедливым дозволить лицам женского пола в общем порядке приобретать ученые степени» Н. А. Шварц, министр народного просвещения (1909 г.). 19 декабря 1911 г. император Николай II подписал закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», позволивший россиянкам впервые в истории не только получать, после сдачи соответствующих экзаменов, дипломы об университетском образовании, но и в дальнейшем претендовать на ученые степени, звания и соответствующие им должности: «Лица, выдержавшие успешно испытание в знании университетского курса (ст. 9), могут приобретать от университетов ученые степени магистра и доктора. Дипломы на степени магистра и доктора выдаются по правилам, определенным в Уставах университетов для лиц мужского пола, и с присвоением прав, предоставленных сим званиям на ученую и учебную деятельность, а также и на службу в учебных заведениях, согласно Уставам сих последних» [1]. Этот закон, хоть и содержащий ряд ограничений, тем не менее фактически открыл женщинам – подданным Российской империи дорогу к карьере в профессиональной науке, и высшей школе. Он стал поворотным моментом в истории борьбы российских женщин за право доступа к интеллектуальным профессиям. Однако до относительно недавнего времени Закон 1911 г. был практически неизвестен в отечественной историографии [2; 3]. И даже после того, как на него обратили внимание исследователи, остается совершенно непонятным, каким образом столь революционный закон оказался принят в разгар ультраконсервативной политики министра народного просвещения Л. А. Кассо (1865–1914), известного своим личным и профессиональным консерватизмом и стараниями привести образовательную систему империи в состояние, в котором она пребывала до революционных изменений 1905–1907 гг. В настоящей статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов Государственной думы, Государственного совета, Министерства народного просвещения мы исследуем историю принятия этого закона, постараемся определить его инициаторов, мотивы, которыми они руководствовались и цели, которые преследовали.

«Изложение дела»

Инициатором закона, о котором пойдет речь в настоящей статье, стала, как это может не показаться странным на первый взгляд, не какая-либо из либеральных или демократических представленных в Думе политических партий, поддерживавших борьбу женщин за равноправие, а известное своим консерватизмом, особенно в послереволюционный период Министерство народного просвещения. Однако Л. А. Кассо, назначенный министром 27 сентября 1910 г., не имел к его созданию никакого отношения. Законопроект был разработан и внесен в Думу его предшественником на этом посту Александром Николаевичем Шварцем (1848–1915), занимавшим должность министра народного просвещения в 1908–1910 гг. 27 марта 1910 г. Разряд ученых учреждений и высших учебных заведений Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения внес в Государственную думу подписанное А. Н. Шварцем представление «об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о приобретении ими ученых степеней и звания учительницы гимназии» [4, л. 1]. Как и сменивший его на посту министра Л. А. Кассо, А. Н. Шварц не славился своим либерализмом или демократическими взглядами. Назначенный на должность министра народного просвещения 1 января 1908 г. по приглашению П. А. Столыпина, он известен внесением в III Государственную думу проекта университетского устава, «исключавшего всякие положения об университетской автономии»¹, а также целым рядом мер, направленных на сглаживание и нивелирование изменений, привнесенных в образовательную систему России в революционный период 1905–1907 гг. С другой стороны, именно под руководством Шварца разрабатывался закон об обязательном начальном образовании в Российской империи, которому Шварц уделял очень много внимания [5–9], законы и положения о создании высших начальных училищ [10–12], о подготовительных училищах Министерства народного образования [13], о постановке ремесленного и технического обучения в начальных училищах [14]. Шварц заботился об увеличении мизерных зар-

¹ Шварц Николай Александрович // Летопись Московского университета. [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/peoples/762> (дата обращения: 07.06. 2024).

плат учителей церковно-приходских школ [15], большинство из которых уже составляли женщины, об улучшении положения служащих средних учебных заведений [16–17] и т. д. и т. п.

Тем не менее, в том, что касалось женщин и их прав на образование, политика правительства в 1908 г. – уже в период министерства Шварца – оставалась крайне консервативной и А. Н. Шварц не мог не подчиняться, даже если придерживался несколько иных взглядов. Например, 4 сентября 1908 г. Совет министров в своем заседании рассматривал вопрос о положении вольнослушательниц в университетах. Причем инициатором этого обсуждения выступил (уже повторно) именно Совет Министров, а не Министерство народного просвещения: «Совет Министров, в мае текущего года, вновь указал нынешнему министру народного просвещения сенатору Шварцу на необходимость восстановления в этом деле законного порядка», – записано в «Журнале заседаний» [18, л. 24]. Шварц вынужден был оправдываться и извиняться. В результате не только было решено впредь вернуться к существовавшему ранее – законному – порядку вещей и запретить университетам прием женщин в качестве вольнослушательниц, но и сделано интересное для нас заявление: «Что же касается законодательного вопроса об изменении на будущее время действующих о высших учебных заведениях узаконений в смысле допущения в означенные заведения наравне с мужчинами и женщин, то вопрос этот весьма сложный и требует особого обсуждения, причем к возбуждению его, по мнению Совета Министров, *нет достаточных оснований*, тем более, что ни в одном государстве не существует столько высших учебных заведений специально для лиц женского пола, как в России» [18, л. 25–26]. Однако, несмотря на жесткую позицию правительства, Шварц тогда же счел необходимым обратить внимание участников обсуждения на тяжелое положение, в котором очутились девушки, начавшие обучение в университетах, и не успевшие его окончить. Именно он внес предложение позволить им сделать это: «Сенатор Шварц считает своим долгом, в справедливом внимании к нынешним вольнослушательницам, обеспечить возможность дослушать до конца начатые ими университетские курсы» [18, л. 26]. И несмотря на то, что Совет Министров выдал ему строгий приказ «чтобы в предстоящем учебном году

в составе студентов и посторонних слушателей университетов оставлены были, по надлежащей проверке только лица, имеющие на то законное право, и чтобы впредь, пока существующий закон не изменен, учащиеся женского пола *ни под каким видом* в университеты не допускались» [18, л. 26], его предложение было принято, одобрено Николаем II и в конце концов превратилось в закон [19].

На фоне всей этой деятельности А. Н. Шварца разработка и подписание им проекта закона, открывавшего перед женщинами возможность карьеры в высших учебных и научно-исследовательских учреждениях империи – возможность, за которую наши соотечественницы боролись начиная с 1861 г. и в которой правительство им с того самого времени последовательно отказывало, уже не вызывает такого уж сильного удивления [3]. Какими же он соображениями руководствовался и чего именно хотел достичь в итоге, разрабатывая этот закон, как объяснял его необходимость правительству?

Сохранившаяся преамбула («Изложение дела») к законопроекту достаточно лаконична, но она, на наш взгляд, отражает причины, вынудившие министерство пойти на этот шаг. Прежде всего А. Н. Шварц счел нужным обратить внимание законодателей на то, что согласно предоставленной справке, к 1910 г. в России существовало примерно 700 женских гимназий, находившихся в ведении Министерства народного просвещения. Все они, за несколькими небольшими исключениями, содержались за счет средств, «поступавших от городов, земств, сословий, частных обществ, отдельных лиц и от родителей за обучение их детей» [4, л. 3]. Казна оплачивала содержание женских гимназий только в Виленском, Рижском, Киевском учебных округах, а также в Туркестане и Забайкалье [4, л. 3]. Таким образом, министр народного просвещения фактически утверждал, что система женского гимназического образования в империи была создана усилиями и на средства частных лиц и общественных институтов почти что без финансовой поддержки государства, но, несмотря на это, к 1910 г. она стала достаточно масштабной и разветвленной. В дополнение к системе среднего женского образования общество при поддержке частных лиц начало формировать систему высшего женского образования – к 1910 г. по сведениям министерства в стране действовало 25 различных

высших женских курсов, не считая Женского медицинского института в С.-Петербурге, чье содержание начиная с 1904 г. оплачивала казна [4, л. 4, 4 об.]. Хотел ли министр, перечисляя эти факты, подчеркнуть масштаб заинтересованности общества в женском образовании как таковом и невозможности игнорировать эту заинтересованность на государственном уровне, сказать трудно. Но именно с перечисления этих фактов начинается «Изложение дела».

Далее, однако, следует, как нам кажется, истинная причина: «*Крайний недостаток в учителях*¹ как для старших классов женских гимназий, так и для мужских гимназий побудил Министерство народного просвещения просить высочайшего соизволения (25 сентября 1901 г. и 26 августа и 6 октября 1906 г.) на предоставление министру права допускать к преподаванию в средних учебных заведениях лиц женского пола, получивших высшее образование», – пишет А. Н. Шварц, отмечая, однако, что эта мера не помогла: «Число лиц, допускаемых к преподаванию, ежегодно увеличивается, а с тем вместе все определенное выясняется вопрос о необходимости установить порядок приобретения лицами женского пола документов, удостоверяющих, что полученное ими образование вполне соответствует университетскому и может быть признано высшим» [4, л. 4 об.].

Правительство десятилетиями отказывало женщинам в праве претендовать не только на обучение в университетах их родины, но даже и на возможность сдать экзамены и получить диплом университета, именно потому, что этот диплом открывал доступ ко многим профессиям. Даже разрешенные с большой неохотой высшие женские курсы, не получили позволения выдавать дипломы государственного образца, которые давали бы их обладательницам хоть какие-то права. Именно поэтому они выдавали каждое свое свидетельство по собственному усмотрению. По закону эти свидетельства не имели никакой силы, но на практике, при недостатке учителей средней школы начальство вынуждено было принимать их во внимание. Пока случаи были единичными, они мало кого беспокоили, но с увеличением масштаба, проблема стала затруднительной для самого министерства. Конечно, при оправдании необходимости законопроекта на первый план выставлялась не загруженность

¹ Здесь и далее курсив наш. – О. В.

министерства бессмысленной, в общем-то, работой, а необходимость гарантировать должный уровень образования в империи: «Высшие женские курсы как С.-Петербургские и Московские, так и все остальные суть “частные учебные заведения”, а потому свидетельства, выдаваемые ими, не могут иметь силы официального документа. Сверх сего высшие женские курсы весьма различны по своим программам, по научной подготовке преподавателей, полноте учебно-вспомогательных установлений, а потому и свидетельства, выдаваемые курсами о прохождении в них наук, не могут быть равноценны. Нет достаточных оснований и нежелательно стеснять тех лиц и общества, благодаря энергии коих курсы возникали и развивались, но, с другой стороны, необходимо гарантировать и правительству, и обществу, что полученное данными лицами образование действительно отвечает требованиям высшей школы», – отмечал А. Н. Шварц. И объяснял далее: «Учебное начальство *поставлено в необходимость* назначать учительницами и в женские, и в мужские учебные заведения лиц женского пола, получивших высшее образование. Не имея объективных данных в каждом отдельном случае для решения вопроса, насколько то или иное лицо, получившее свидетельство от высших курсов, может быть признано получившим действительно высшее образование, учебное начальство легко может впадать в ошибки, вредные для учебных заведений» [4, л. 4 об., 5].

Таким образом, мотивы министерства в представлении проекта закона становятся понятны. Их не посетило неожиданное стремление поддержать требования о равных правах женщин на получение образования и на труд; они хотели всего лишь упорядочить сложившуюся уже фактическую практику и тем самым облегчить собственную работу. Учитывая, что вся ситуация возникла из-за упорного многолетнего нежелания правительства допускать женщин в университеты и выдавать им дипломы оных, можно сказать, что министерству Шварца пришлось наконец ради того, чтобы самим не утонуть в бесконечных прошениях, попытаться навести хоть какой-то порядок в хаосе, созданном исключительно собственными усилиями. Но учитывая, что в 1908–1909 гг., когда создавался проект закона, министерство было вынуждено иметь дело с представительским органом, оно не могло не вспомнить и об интересах самих женщин, интересах,

которые оно спокойно игнорировало на протяжении десятилетий: «В этом нуждаются и те лица женского пола, которые проходят высшие женские курсы: им тоже необходимо иметь о своих знаниях документ, который был бы достаточно авторитетен и для них, и для общества, и для правительства», – отмечал, как нам кажется, вполне искренне А. Н. Шварц [4, л. 4 об.].

Помимо необходимости привести к единому знаменателю документы, получаемые слушательницами по окончании высших женских курсов и признать их каким-то образом на законодательном уровне, облегчив таким образом принятие решений г-ну министру и руководству средних учебных заведений при принятии на службу женщин, была еще одна проблема, доставлявшая лишние хлопоты Министерству народного просвещения в эти годы. Немало девушек, поступивших в различные высшие учебные заведения в революционный период и как раз окончившие их к 1908–1910 гг., начали обращаться в советы этих учебных заведений с просьбой принять у них экзамены и выдать диплом. Советы же учебных учреждений, не имея на это законодательных оснований, начали, в свою очередь, обращаться к высшим государственным органам, создавая неудобство, в том числе и Министерству народного просвещения: «Не имея законного права и вообще достаточных оснований на присвоение выпускным свидетельствам всех высших женских курсов значения официального документа, Министерство народного просвещения не могло найти в законе также и права на допущение лиц женского пола к экзаменам в испытательных комиссиях при университетах, в уставе коих хотя и имеются ввиду экстерны, но исключительно лица мужского пола» [4, л. 5 об.]. В результате, поскольку «число желающих получить университетский диплом с каждым годом увеличивалось, а в интересах средних учебных заведений было иметь большее число лиц, получивших законом установленные дипломы», министерство было вынуждено просить «Высочайшего соизволения», дарованного 19 марта 1908 г., на разрешение министерству «не только определять условия, на которых лица женского пола, получившие высшее образование в заграничных и русских учебных заведениях, могли бы по роду своей специальности, подвергаться в той или иной комиссии, но и допускать к означенным испытаниям», – пи-

сал А. Н. Шварц и уточнял: «Это право испрашено было *ввиду создания какого-либо выхода из того положения, в котором Министерство народного просвещения находится* в вопросе об определении, кто из лиц женского пола получил высшее образование в объеме университетского курса» [4, л. 5 об., 6]. Но, очевидно, этого оказалось недостаточно, а уже существовавшие при университетах комиссии по приему экзаменов плохо справлялись с увеличившимся наплывом желающих экзаменоваться.

Перечислив причины, Шварц очень настойчиво обращался к депутатам Государственной думы: «Министерство народного просвещения находит *безотлагательно необходимым* в скорейшем времени разрешить вопрос о порядке получения лицами женского пола дипломов, которые могли бы удостоверить их научную подготовку и дать им права на ученую и учебную службу» [4, л. 5]. Постоянно растущая необходимость средних учебных заведений, даже таких элитных как гимназии, в дипломированных учителях, потребность, которую уже не могли удовлетворить выпускники-мужчины, понятна; также понятно желание министерства разгрузить себя от вала женских прошений и вызванной ими дополнительной работы. Упорядочить вопрос с дипломами следовало давно, а если как следует подумать, то его не следовало создавать... Но вот почему вдруг возникла необходимость предоставить женщинам право на «ученую службу», все еще остается непонятным. Если в разделах, касающихся дипломов, Шварц использует слово «необходимость», то, объясняя последнее, он обращается к слову «справедливость»: «Представляется вполне *справедливым* дозволить лицам женского пола в общем порядке приобретать ученые степени», – отмечал А. Н. Шварц [4, л. 7]. Это же слово он употребил, выступая перед Советом Министров в 1908 г., прося дать возможность вольнослушательницам университетов окончить их образование. У Н. А. Шварца было четыре дочери, может быть, он думал о своих девочках, когда писал эти слова, искренне сочувствуя идее женского равноправия. Возможно, надеясь провести поданный им как чисто технический закон, который мог упростить жизнь различному учебному и министерскому чиновничеству, он надеялся заодно «незаметно» разрешить вопрос, оставшийся нерешенным на протяжении десятилетий.

Однако это только наше предположение. Для проведения женских экзаменов за курс университета планировалось создание специальных государственных экзаменационных комиссий, однако именно наличие женщин, стремившихся к научной карьере, позволило Шварцу предложить сделать в определенных случаях исключение из этого правила: «Так как в среде лиц женского пола есть и такие, которые помимо педагогической и врачебной деятельности, стремятся вообще к занятиям науками и не только тем, которые входят в историко-филологический, физико-математический и медицинский факультеты, но и в юридический факультет, и в курс технических высших учебных заведений, то представляется желательным в законодательном порядке сохранить за Министром народного просвещения право допускать лиц женского пола в случаях необходимости к экзаменам и в комиссиях, образуемых при мужских учебных заведениях. Такой порядок может иметь место как в тех городах, где курсы не многолюдны, так и в тех случаях, когда число экзаменующихся в той или иной комиссии лиц мужского пола невелико» [4, л. 7–8].

Хотя, на первый взгляд, закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений» отличался от перечисленных нами выше законодательных инициатив Шварца, направленных на развитие начального и среднего образования в стране, при внимательном рассмотрении это мнение кажется ошибочным. Закон был направлен как раз на улучшение обеспечения средних учебных заведений квалифицированными преподавателями, заботу о положении этих преподавателей и, отчасти, на облегчение бюрократической нагрузки на само министерство. Только планировавшееся разрешение женщинам получать ученые степени выбивалось из этого ряда.

В недрах бюрократической машины

В недрах Министерства народного просвещения работа над законом велась, вероятно, на протяжении всего 1909 г., возможно, она была начата еще в 1908 г. В октябре 1909 г. законопроект был готов [20, л. 3] и 12 ноября отправлен на согласование в Министерство финансов и Министерство внутренних дел, с прось-

бой сообщить ответ непосредственно в Совет Министров. Товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский (1862–1935) ответил уже 3 декабря 1909 г. очень коротко: «...имею честь уведомить Ваше превосходительство, что настоящий законопроект со стороны Министерства внутренних дел никаких возражений не вызывает» [20, л. 10]. Этот ответ не удивляет, поскольку как раз в августе 1909 г. Министерство внутренних дел само было озабочено вопросом принятия женщин на службу в ряды чиновников министерства и даже проводило опрос на местах [21, л. 1, 1 об.]. Полученные ответы во многом оказались положительными: «...допущение на службу в Главное управление по делам печати лиц женского пола является полезным», – писал, например, А. В. Бельгард (1861–1942), начальник Главного управления по делам печати [21, л. 3, 3 об.]. На основании изучения документов специально созданной в 1909 г. комиссии при министерстве для выяснения этого вопроса Г. В. Гарбуз указывает: «В целом руководство МВД относилось к привлечению женщин на государственную службу положительно. Из 94 руководителей различных местных и центральных учреждений, опрошенных комиссией А. Д. Арбузова, только десять человек высказались категорически против использования женского труда в подразделениях министерства» [22, с. 25–26].

Ответ Министерства финансов пришел только 14 декабря 1909 г., несмотря на надпись на бланке: «Весьма срочно». Это неудивительно, поскольку, во-первых, создание комиссий по приему государственных экзаменов требовало определенных затрат, а во-вторых, возможность получать дипломы университетов автоматически означала возможность для женщин работы в штате учебных заведений, а не просто по найму, а это уже затрагивало вопрос более высоких зарплат, различных выплат, пенсионного обеспечения..., т. е. увеличения расходов, в том числе государственных... В предыдущие годы на частные просьбы научных учреждений о приеме женщин в штат, именно Министерство финансов отвечало отрицательно. Например, еще 25 ноября 1900 г. Императорская Академия наук от имени Пулковской обсерватории обратилась к министру народного просвещения с просьбой разработать законодательство, позволившее бы принимать на государственную службу выпускниц Высших женских курсов.

В Пулковской обсерватории к тому времени работали сдельно две выпускницы Бестужевских курсов Е. А. Максимова и М. В. Жилова (1871–1934). По словам руководства обсерватории, они «в течение пяти лет вполне оправдывали возлагавшиеся на них надежды». Поскольку «благодаря их серьезному отношению к делу обсерватория имеет теперь в лице их еще двух опытных вычислителей, труды которых приносят столь большую пользу», руководство обсерватории и президент академии, великий князь Константин Константинович (1858–1915) считали, что «весьма было бы важно обеспечить участие таких вычислительных сил и на будущее время, упрочив их положение в обсерватории». Работа «на сдельной плате» не позволяла этого, поскольку «таким образом материальное положение их в будущем, при старости, а также в случае болезни представляется очень шатким». Исходя из этого, руководство академии просило министра «об исходатайствовании в законодательном порядке права определения на государственную службу в обсерваторию лиц женского пола, окончивших Высшие женские курсы по Математическому отделению, на должности [хотя бы только] вычислителей и сверхштатных астрономов с правами на пенсию и единовременные пособия» [23, л. 1]. И 12 декабря 1900 г. господин министр народного просвещения отправил это прошение на экспертизу министру финансов [23, л. 4, 4 об., 5, 5 об., 6, 6 об.].

Ответ из министерства финансов пришел 2 января 1901 г. и это был категорический отказ: «По обсуждении настоящего дела, я не могу не обратить внимание на то, что лицам женского пола, занимающим должности в правительственных учреждениях, служебные права предоставляются вообще лишь в виде изъятия из общего правила и притом некоторым только строго определенным категориям служащих, например, учительницам, женщинам-врачам и т. д. Что касается лиц женского пола, занимающихся в Пулковской обсерватории, то к предоставлению им служебных прав, по моему мнению, не усматривалось бы достаточных оснований. Поэтому и в виду нежелательности дальнейших отступлений от общего порядка, я затрудняюсь выразить согласие на осуществление помянутого предположения и нахожу, что в Пулковской обсерватории лица женского пола могли бы быть допускаемы для занятий лишь на общих, принятых в правительственных учреждениях основаниях,

т. е. из платы по найму» [23, л. 9, 9 об.]. Переписка между Пулковской обсерваторией, Академией наук, Министерством народного просвещения и Министерством финансов по этому вопросу продолжалась на протяжении 1901, 1902 и до начала 1903 г. Академия и Министерство просвещения поддерживали просьбу обсерватории, однако решение Министерства финансов оставалось неизменным.

Окончательный ответ был дан 8 февраля 1903 г. Он чуть менее лаконичен, чем предыдущие идентичные и объясняет детали правительственной политики по этому вопросу: «Как было уже мною высказано в отзыве от 2 января 1901 г. за № 7905, лицам женского пола, занимающим должности в правительственных учреждениях, служебные права предоставляются вообще лишь в виде изъятия из общего правила и притом некоторым только строго определенным категориям служащих. Допущение изъятий из этого порядка может повлечь за собой дальнейшее расширение круга лиц женского пола с правами государственной службы, что представлялось бы крайне неудобным и нежелательным. Поэтому, и в виду неоднократных указаний Государственного совета о соблюдении крайней осторожности при предоставлении прав государственной службы я и ныне затрудняюсь выразить согласие на присвоение таковых прав лицам женского пола, занимающих должности сверхштатных астрономов и вычислителей в Николаевской Главной астрономической обсерватории» [23, л. 23, 23 об.]. В период, о котором идет речь, на посту министра народного просвещения последовательно сменилось три руководителя: Н. П. Боголепов (1846–1901), П. С. Ванновский (1822–1904) и Г. Э. Зенгер (1853–1919), Министерство же финансов все это время возглавлял С. Ю. Витте (1849–1915)¹. Очевидно, что в данном вопросе он руководствовался пожеланиями Государственного Совета, чья позиция в отношении женских прав в течение последующих пяти лет, как видим, изменилась мало, и А. Н. Шварц об этом прекрасно знал. Однако, заручившись поддержкой Министерства внутренних дел, он сумел получить также и поддержку Министерства финансов, которое в 1906 г. возглавил В. Н. Коковцов (1853–1943).

¹ Заметим в скобках, что если бы воспитавшая С. Ю. Витте бабушка, выдающаяся естествоиспытательница, Елена Павловна Фадеева (1789–1860), рожденная княжна Долгорукая, о которой он с большим уважением и восхищением писал в своих воспоминаниях, узнала о подобной политике внука, она наверно была бы очень разочарована и вряд ли его похвалила...

Заключение В. Н. Коковцева на законопроект Шварца было получено, как упоминалось выше, 14 декабря 1909 г.: «Имею честь уведомить Ваше превосходительство, для доклада Совету Министров, что, не встречая возражений по существу предложенного министром народного просвещения мероприятия, я тем не менее считаю необходимым высказать следующие соображения относительно некоторых частных частей настоящего проекта...» [20, л. 9]. Соображения касались некоторых вопросов пенсионного и финансового обеспечения, работы экзаменационных комиссий – деталей, которые вполне можно было обсудить и уточнить. Направляя 12 ноября 1909 г. свой законопроект помощнику управляющего Совета Министра Н. В. Плеве (1871–после 1929), А. Н. Шварц не преминул упомянуть о поддержке двух ключевых для гражданских вопросов министерств [20, л. 41]. 4 декабря он получил ответ от государственного секретаря А. А. Макарова (1857–1919), который, «рассмотрев означенный проект и не встречая по существу его возражений», счел своим долгом остановиться на ряде частных моментов [20, л. 50].

Законопроект был сформулирован таким образом, что и не должен был вызвать особых возражений. Планировалось создать специальные государственные комиссии, в которых девушки, отвечавшие определенным критериям, могли бы сдать экзамены и получить государственный диплом I или II степени, который, в свою очередь, упростил бы процедуру принятия их на службу в средние школы различного уровня. Также предлагалось ввести звание «учительница гимназии», которое соответствовало бы уже существовавшему званию «учитель гимназии». Предусматривалось, что женщина, получившая это звание после сдачи дополнительных экзаменов и прохождения педагогической практики, получала бы оклад, выплаты и пенсионное обеспечение, такие же как и мужчина, что отличалось от уже существовавшей практики, хотя определенные ограничения сохранялись: «Лицам женского пола, имеющим свидетельства на звание учительницы гимназии и занимающим должности по учебной службе в правительственных учебных заведениях, предоставить те же права на вознаграждение, на единовременные пособия и на пенсию, какие присвоены лицам мужского пола, занимающим соответствующие должности от таких же учебных заведений, за исключением прав...» [20, л. 46, 46 об.].

Исключения из прав касались как раз возможностей, предоставляемых государственной службой. Получение женщинами прав государственной службы было исключено уже из первоначального проекта закона. Зная о позиции Государственного совета по этому вопросу, А. Н. Шварц, видимо, понимал, что у закона не будет никаких шансов, если включить пункт о предоставлении женщинам этих прав. И прописано это условие было как раз в пункте правил, посвященном возможности женщинам получать ученые степени: «Ст. 12. Выдержавшие успешно испытание в знании университетского курса (ст. 9 сих правил) могут приобретать от советов университетов ученые степени магистра и доктора. Дипломы на степени магистра и доктора выдаются по правилам, определенным в уставах университетов для лиц мужского пола, и с присвоением прав, предоставленных сим знанием на ученую и учебную деятельность, а также и на службу в учебных заведениях, согласно уставам сих последних», – гласила статья 12 новых правил и далее следовало примечание: «Примечание. Получившие дипломы 1-й или 2-й степени *не пользуются правами и преимуществами служебными и сословными*, предоставленными лицам мужского пола уставами высших учебных заведений» [20, л. 48].

13 января 1910 г. Совет Министров в своем заседании обсудил проект «правил об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о приобретении сими лицами ученых степеней и званий учительниц гимназий»: «Обсудив настоящее дело, в связи с поступившими по оному заключениями Министерств внутренних дел и финансов, Совет Министров не встретил в существе препятствий одобрить заявленные сенатором Шварцом предположения, сделав по поводу их лишь частные замечания...» [20, л. 61]. Замечания касались недостаточной проработки вопроса о пенсиях: будут ли они сохраняться при выходе женщины замуж, при получении пенсии за умершего супруга; каким образом оставшиеся после смерти дети будут иметь право на пенсию матери; о единовременных пособиях, в т. ч. при оставлении службы по болезни; о том, какой ученый ценз необходим для членства в будущих экзаменационных комиссиях. Наконец, одно из замечаний касалось как раз процитированного нами примечания к 12 статье правил: «В примечании к статье 12 правил о неприсвоении лицам жен-

ского пола, получившим дипломы 1 или 2 степени, предоставленных уставами высших учебных заведений лицам мужского пола служебных и сословных прав надлежало бы, по мнению Совета, определительно выразить, *во избежание всяких сомнений*, что выдержавшим испытания во вновь устанавливаемых комиссиях *не предоставляется вообще никаких прав, даруемых дипломами мужских высших учебных заведений*» [20, л. 62]. В остальном же Совет Министров одобрил представленный законопроект и при условии внесения в него исправлений разрешил отправить его «на законодательное усмотрение установленным порядком» [20, л. 62].

У законодателей

Итак, А. Н. Шварц внес законопроект в Государственную думу 27 марта 1910 г. [4, л. 1]; в заседании Думы 30 марта он был направлен на рассмотрение в Комиссию по народному образованию Государственной думы [4, л. 10 об.], которая смогла рассмотреть законопроект только в ноябре, в заседаниях 16 и 30 ноября 1910 г., в присутствии товарища министра народного просвещения Г. К. Ульянова (1859–1912). 21 января 1911 г. комиссия подготовила подробный доклад и была готова «представить означенный доклад на обсуждение Общего собрания Государственной Думы» [4, л. 45]. Доклад по законопроекту от имени комиссии подготовил Михаил Яковлевич Капустин (1847/48–1919), выходец из научной среды, сын старшей сестры Д. И. Менделеева, доктор медицины, профессор Варшавского и Казанского университетов, он придерживался умеренно-либеральных взглядов и в III Думе возглавлял парламентскую партию октябристов. К этому времени Л. А. Кассо уже сменил Шварца на посту министра народного просвещения, но это не остановило процедуру рассмотрения законопроекта. В докладе М. Я. Капустин подробно изложил вопрос и заявил, что «Рассмотрев настоящее представление и относясь сочувственно к установлению в законе правил, дающих возможность лицам женского пола приобретать права, сопряженные с высшим образованием, комиссия по народному образованию остановилась, однако, при обсуждении отдельных предположений правительства на следующих замечаниях...» [4, л. 20 об.]. Это было преуменьшением. Ни одно положение нового закона,

ни одна статья планируемых «Правил» не остались без критики и исправления. Помимо прочего, сама необходимость создания отдельных экзаменационных комиссий подверглась критике, как слишком дорогая и неэффективная мера по сравнению с простым расширением уже существовавших комиссий.

В настоящей статье нет возможности вдаваться во все подробности разногласий, однако обратим внимание на некоторые, на наш взгляд, принципиально важные. В целом ряде случаев, в которых в проекте закона намечалось ущемление прав женщин по сравнению с их коллегами-мужчинами, комиссия отметила это и посчитала необходимым исправить. Прежде всего это, конечно, касалось вопроса о пенсиях: «Считая, что установления для лиц мужского и женского пола одинаковых условий для получения ими диплома об окончании высших учебных заведений должно иметь своим последствием и приобретение этими лицами равноценных прав, комиссия заметила, однако, что начало это, проводимое правительством относительно служебного вознаграждения учительниц, не выдерживается по отношению к их послеслужебному обеспечению, так как оклады пенсии, присвоенные женскому учительскому составу в гимназиях по званию домашней учительницы значительно ниже соответственных окладов лиц мужского пола», – например, указал М. Я. Капустин [4, л. 21]. Также законопроект предполагал, что женщина, сдающая экзамены, должна будет заплатить за привилегию 50 р. (это соответствовало, например, плате за полугодовое обучение на Московских высших женских курсах). «По этому поводу комиссия заметила, что раз труд женщин с высшим образованием признается для государства столь же желательным, как и труд мужчин с таким же образованием, то несправедливо было бы обставлять получение этого образования для женщин более тяжелыми условиями». Поэтому они считали необходимым установить плату в 20 р., как это было в существовавших уже комиссиях [4, л. 23 об.]. Характерно, однако, что несмотря на явное стремление уравнивать все права получивших одинаковые дипломы мужчин и женщин, комиссия Государственной думы оставила без комментариев и без изменения исключения из этого списка прав служебных и сословных так, как будто это было чем-то само собой разумеющимся: «желая по возможности

уравнять в правах лиц мужского и женского пола, обладающих одинаковой научной подготовкой, комиссия заменила ст. 10 и примечание к статье 12 одной общей статьей 10 следующего содержания: “Получившие один из указанных в статье 9 дипломов или званий, за исключением звания лекаря, пользуются всеми правами и преимуществами, предоставляемыми дипломами соответственных мужских учебных заведений, *кроме прав служебных и сословных*”» [4, л. 24].

Однако нельзя сказать, чтобы комиссия Думы позиционировала себя защитницей прав женщин; скорее, защитницей стандартов имперского образования, заходя в этом стремлении временами гораздо дальше, чем даже министерство. Комментируя одно из положений, М. Я. Капустин, например, говорил: «...полагая, что допущение к столь важному и ответственному делу, как воспитание и образование юношества, должно быть производимо не иначе как после тщательной поверки научной подготовки и учебной опытности лица, желающего заниматься преподавательской деятельностью, комиссия нашла нужным в настоящем же законе обезопасить учебные заведения от учительниц, совершенно не соответствующих своему назначению» [4, л. 24]. Замечаний было так много, что пришлось подготовить «Сравнительное изложение министерского законопроекта “Правила об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о приобретении ими ученых степеней и звания учительницы гимназий” и соответствующего проекта комиссии по народному образованию» [4, л. 28–31 об.].

31 января 1911 г. итоговый доклад и сравнительная таблица разночтений были переданы в редакционную комиссию Думы, которые она и рассмотрела в заседании 4 февраля 1911 г. [4, л. 87], подготовив свой краткий вариант проекта закона и «Правил». 25 февраля 1911 г. Государственная дума слушала наконец законопроект и без долгих обсуждений постановила его утвердить и передать в Государственный совет [4, л. 94].

Процедура рассмотрения законопроекта в Государственном совете была не менее тщательной и продолжительной по времени, чем в Государственной думе. Прежде чем поступить на обсуждение в общем собрании Государственного совета, законопроект отправили в Финансовую комиссию и затем в Комиссию законодательных предположений. Оставаясь членом

Государственного совета и, по-видимому, сохраняя заинтересованность в своем законопроекте, А. Н. Шварц присутствовал при обсуждении вопроса в обеих комиссиях [4, л. 127]. Государственный совет выслушал доклад по результатам этих обсуждений 22 апреля 1911 г. Докладывали М. М. Ковалевский и М. Д. Дмитриев. Комиссии Государственно совета признали, что в современном законодательстве империи отсутствовала возможность получения дипломов высших учебных заведений для женщин и что с течением времени это стало неудобным: «Отсутствие в законе надлежащих по сему предмету указаний, не имевшее особого значения в прежнее время, ныне, с увеличением числа высших учебных заведений и с допущением лиц женского пола к преподавательской деятельности в гимназиях, представляет существенные неудобства, с одной стороны – для многочисленных слушательниц высших учебных заведений, ближайшим образом заинтересованных в том, чтобы понесенные ими труды обеспечивали им возможность приобретения известных прав на поприще ученой или педагогической деятельности, а с другой – для самого государства, не располагающего при настоящих условиях достаточными гарантиями в том, что привлекаемые к учебной службе в средней школе лица женского пола действительно обладают высшим образованием» [4, л. 128, 128 об.]. Признав необходимость исправления сложившейся ситуации, комиссии Государственного совета нашли достаточно много моментов в законопроекте, которые вызвали их несогласие, моментов, внесенных в качестве поправок именно Государственной думой. Они нашли, что планируемый закон поставит женщин в *преимущественное* положение по сравнению с мужчинами и касалось это как раз приобретения ученых степеней и звания учительницы гимназий: «Соединенные комиссии нашли, что по самому существу дела проектируемые правила о порядке приобретения лицами женского пола ученых степеней и звания учительницы гимназий должны быть, по возможности, согласованы с усвоенным в действующем по учебной части законодательстве общим началом, в силу коего к приобретению ученых степеней магистра и доктора и звания учителя гимназий могут быть вообще допускаемы только лица, имеющие дипломы о выдержании испытаний в объеме полного

университетского курса, – указывали сенаторы и продолжали – Между тем настоящий законопроект содержит в себе существенные от этого общего начала отступления, в смысле предоставления лицам женского пола более льготных, чем установленные для лиц мужского пола, условий приобретения упомянутых выше прав» [4, л. 128 об.].

Речь шла о том, что члены Государственной думы предложили разрешить получать степени не только женщинам, сдавшим экзамены за университетский курс, но и за курсы других, более специализированных высших учебных заведений, чьи учебные планы были не такими обширными. Интересна мотивировка представителей Государственного совета: «Считая вообще *несправедливым устанавливать для лиц женского пола более льготные, чем для лиц мужского пола условия* приобретения ученых степеней и прав на преподавание в гимназиях, комиссии, кроме того полагали, что с точки зрения интересов нашей высшей и средней школы допущение лиц женского пола, не получивших университетских дипломов, к испытаниям на ученые степени и на право преподавания в гимназиях, могло бы даже иметь неблагоприятные последствия в том отношении, что открыло бы, при известных условиях, доступ к ученой деятельности в высшей школе и к преподавательской службе в гимназиях лицам, хотя и получившим высшее специальное образование, но не обладающим необходимою для научных деятелей и педагогов широтою подготовки, которая в полной мере приобретает лишь прохождением соответствующего университетского курса» [4, л. 128 об., 129]. Само же предложение разрешать выдавать женщинам дипломы магистра и доктора, а также разрешить им работу в научных и высших учебных учреждениях никаких замечаний не вызвало.

Количество поправок, внесенных в закон комиссиями Государственного совета, не уступало количеству поправок, внесенных Государственной думой. Большинство из них касалось вопросов пенсионного обеспечения, технического процесса сдачи и приема экзаменов, состава и деятельности экзаменационных комиссий. Некоторые сегодня кажутся чисто техническими, хотя для законодателей они, по-видимому, имели большое значение, как, например, предложение переименовать звание «учительница гимназий» в «учительница сред-

них учебных заведений» и пр. Государственный совет обсуждал законопроект в своих заседаниях 17, 21, 26 и 27 мая 1911 г. Далее, в соответствии с процедурой, законопроект мог быть либо возвращен в Государственную думу, либо быть передан в специально созданную комиссию, состоявшую из одинакового числа членов обоих законодательных учреждений. Этот второй вариант, по мнению Государственного совета, «в значительной мере облегчил бы вторичное рассмотрение его (закона. – О. В.) в Государственной думе» [4, л. 134]. В итоге Совет пришел к выводу о необходимости создания Согласительной комиссии «для обсуждения возникших между Государственным советом и Государственной думой разномыслий по законопроекту об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы гимназий» [4, л. 121, 121 об.]. 29 октября 1911 г. председатель Государственной думы сообщил председателю Государственного совета, что Дума избрала членов комиссии со своей стороны [4, л. 137]. В состав комиссии от Государственного совета вошли: М. Д. Дмитриев, Н. А. Зверев, Н. М. фон Кауфман, П. П. Кобылинский, М. М. Ковалевский и А. Н. Шварц. Со стороны Государственной думы – С. Н. Алексеев (впоследствии отсутствовал на заседании), В. К. фон Анреп, граф А. А. Бобринский, М. Я. Капустин, П. Н. Милюков, отец И. В. Титов [4, л. 122, 122а, 122б].

Комиссия собралась для обсуждения 14 ноября 1911 г. [4, л. 141] и прежде всего избрала своим председателем Шварца [4, л. 143] и 2 декабря представила свое заключение [4, л. 142]. Какие-то вопросы не вызвали возражений, как, например, замена звания учительницы гимназии на предложенное Госсоветом звание учительницы средних учебных заведений, или разрешение присваивать степени магистра и доктора только тем, кто выдержал экзамены на знание именно университетского курса; другие вызвали дискуссию. Это касалось не только пенсий (например, пенсионного обеспечения мужа, в случае смерти жены, имевшей право на пенсию), но и вопроса приобретения нового звания учительницами, проработавшими уже 10 лет и более после окончания образования, – поскольку было очевидно, что им будет крайне затруднительно снова сдавать экзамены за весь курс обучения, и того, кого именно и на каких

основаниях можно было допускать к экзаменам. Сохранилось сравнительное изложение вариантов законопроекта, составленного Министерством народного просвещения, в редакции, одобренной Государственной думой и изменений, внесенных соединенными комиссиями Финансовой и Законодательных предположений Государственного совета [4, л. 150–160].

Государственная дума заслушала доклад Согласительной комиссии в открытом заседании 9 декабря 1911 г. [4, л. 161 об.], внесла поправки и передала в редакционную комиссию [4, л. 165 об.]. Уже 10 декабря редакционная комиссия в составе П. Г. Матюнина, С. Н. Алексеева и Н. А. Захарьева рассмотрела законопроект и все поправки [4, л. 169]. В тот же день Государственная дума утвердила законопроект в представленной редакции [4, л. 189], а уже 13 декабря отправила утвержденный вариант обратно в Государственный совет [4, л. 241]. 19 декабря 1911 г. Николай II написал на представленном ему законе «Быть по сему» [4, л. 247]. 30 декабря 1911 года закон был опубликован и вступил в силу.

Обсуждение и выводы

Рассмотрев историю принятия закона «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», мы стали лучше понимать обстоятельства его появления. Его создатель, А. Н. Шварц, будучи министром народного просвещения, очень серьезно относился к делу постановки начального и среднего образования в стране, а закон, по своему существу призванный служить упрощению практики приема женщин на службу как раз в средние учебные заведения, хорошо укладывался в его политику. Анализ текста представленного им законопроекта позволяет утверждать, что его автор старался обеспечить равные права обладателям одинаковых дипломов независимо от их пола в отношении пенсионного обеспечения и различных выплат, насколько, по его мнению, это согласовывалось с законодательной базой Российской империи и взглядами консервативно настроенного Государственного совета. Он хорошо понимал ограничения, налагаемые политикой Государственного совета в отношении ограничения женщин в служебных и сословных

правах, и не пытался их преодолеть, осознавая, что эта попытка обречена на неудачу и приведет только к отказу от законопроекта в целом. Но поданный как чисто «технический», призванный упростить задачи государственного управления, законопроект был принят без существенных возражений, а возникшие разногласия законодателей как раз сосредоточились в основном на технических деталях. Надо заметить, что хотя законопроект теоретически и в длительной перспективе должен был упростить и улучшить положение учительниц и будущих учительниц, он принес с собой немало сложностей для них. Девушки, только что окончившие высшие женские курсы и уже сдавшие весь набор экзаменов, чтобы получить свидетельство, необходимое для предоставления в Государственную экзаменационную комиссию, должны были вновь сдавать экзамены за весь курс университета. Это занимало много времени – иногда до нескольких лет. Женщины, уже имевшие многолетний стаж преподавательской работы, вынуждены были вновь сдавать экзамены, хоть и в льготном порядке, если хотели получить новое звание и возможности, которые оно давало. Конечно, это было крайне затруднительно для женщин, разбросанных по просторам империи, живших, как правило, на очень скромные средства и часто уже имевших семью.

Пункт закона, позволивший женщинам впервые в российской истории получать степени магистров и докторов и занимать должности в ученых учреждениях и в высшей школе кажется почти чужеродным, незаметным, как будто бы он был добавлен между делом, несмотря на то, что подобная возможность была вынесена в заголовок уже самого первого варианта законопроекта. Автор законопроекта никак не объясняет его необходимость, упоминая только, что это кажется «справедливым» и не раскрывая более подробно своих мотивов. Законодатели при обсуждении закона не возражали против него, фактически не обращали на него внимание и приняли как должное. Они также никак не оговорили вопрос пенсионного обеспечения будущих сотрудниц высшей школы и научных учреждений, различных положенных мужчинам, занимающим подобные должности, выплат. Единственный момент, в котором они хотели добиться абсолютной ясности – это ясное понимание того, что женщины вместе с дипломами не приоб-

ретут служебные и сословные права, т. е. права на вступление в государственную службу, кроме оговоренной службы в учебных и ученых учреждениях, на чины, ордена, связанные с этим выплаты, права перехода в другое, более почетное сословие.

Однако изучая биографии и жизненные траектории молодых еще в 1911 г. женщин, мечтавших о профессиональной карьере ученых, можно с уверенностью утверждать, что для них эти сословные и служебные ограничения не имели значения. Они получили возможность, о которой мечтали – профессионально заниматься наукой, преподавать в высшей школе, стать полноценными членами научного сообщества, возможность, в которой государство отказывало им на протяжении нескольких десятилетий. Их не смущала необходимость несколько раз сдавать одни и те же экзамены, не беспокоила далекая пенсия. Безо всяких фанфар, тихо и почти незаметно закон А. Н. Шварца дал россиянкам право профессионально заниматься наукой, право, которое с тех пор больше никто и никогда в нашей стране не оспаривал, по крайней мере на законодательном уровне.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 31. Ч. 1. СПб., 1914. С. 1297–1300. (Ст. 36226). С. 1299–1300.
2. Валькова О. А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX–I треть XX в. // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х –1930-е годы) / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М.: НЛЮ, 2012. С. 809–848. EDN: ZXZETD
3. Валькова О. А. Штурмуя цитадель науки – женщины-ученые Российской империи: М.: НЛЮ, 2019. 792 с. EDN: BHRHLR
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1235.
5. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 50.
6. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 56.
7. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 61.
8. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 74.
9. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 75.
10. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 53.
11. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 58.
12. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 59.
13. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 73.
14. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 77.
15. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 82.
16. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 116.
17. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 117.
18. РГИА. Ф. 1226. Оп. 2. Д. 515.
19. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 31 октября 1908 г. № 173. Отдел первый. Ст. 1487. О разрешении лицам женского пола, допущенным в высшие учебные заведения, в качестве посторонних слушательниц, окончание слушания курсов на одинаковых с посторонним слушателями условиях. СПб.: Сенатская тип., 1908. 1400 с.

20. РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 129.
21. РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43.
22. Гарбуз Г. В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2009. – № 2 (10). – С. 22–28.
23. РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 229.

On the History of the Law of 1911 "On the Tests of Female Persons in the Knowledge of the Higher Educational Institutions' Course and on the Procedure for their Acquisition of Academic Degrees and the Title of Teacher of Secondary Educational Institutions"

Olga A. Valkova

In the Russian Empire for the first time women received the right to acquire master's and doctoral degrees and to serve in academic and higher educational institutions under the law "On testing female persons in the knowledge of the course of higher educational institutions and on the procedure for acquiring academic degrees and the title of teacher of secondary educational institutions", adopted in December 1911. The history of the unexpectedly liberal law, adopted at the height of the reactionary policy of the Minister of Public Education L. A. Kasso, remains unexplored in modern historiography. In this article we study the history of the adoption of this revolutionary law, which essentially allowed Russian women access to a professional career in science, and the motives that guided its creators.

Key words: the law "On the tests of female persons in the knowledge of the course of higher educational institutions and on the procedure for their acquisition of academic degrees and the title of teacher of secondary educational institutions", Russian Empire, academic degree, women scientists.

For citation: Valkova, O. A. (2024) K istorii zakona 1911 g. «Ob ispytaniyah lic zhenskogo pola v znaniy kursa vysshih uchebnykh zavedeniy i o poryadke priobreteniya imi uchenykh stepeney i zvaniya uchitel'nicy srednih uchebnykh zavedeniy» [On the History of the Law of 1911 "On the Tests of Female Persons in the Knowledge of the Higher Educational Institutions' Course and on the Procedure for their Acquisition of Academic Degrees and the Title of Teacher of Secondary Educational Institutions"]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 196–221. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_196. EDN: SGTKFM

References

1. (1914) *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e. T. 31. Ch. 1.* [The complete collection of laws of the Russian Empire. The 3rd collection. Vol. 31. Part 1]. St. Petersburg. Pp. 1297–1300. (In Russ.)
2. Valkova, O. A. (2012) *Gosudarstvennaya politika v sfere professional'nogo nauchnogo truda zhen-shchin v Rossii: konec XIX – I tret' XX v.* [State policy in the field of professional scientific work of women in Russia: the end of the 19th – 1st third of the 20th century]. *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noj i nauchnoj politiki v Rossijskoj imperii – SSSR (konec 1880-h –1930-e gody)* [Schedule of Changes: Essays on the History of Educational and Scientific Policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s –1930s)]. Ed. A. N. Dmitriev. Moscow: NLO. Pp. 809–848. (In Russ.)

3. Valkova, O. A. (2019) *Shturmuya citadel' nauki – zhenshchiny-uchenye Rossijskoj imperii* [Storming the Citadel of Science – women scientists of the Russian Empire]. Moscow: NLO. (In Russ.)

4. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [The Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 1278. Op. 2. D. 50.

5. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 50.

6. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 56.

7. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 61.

8. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 74.

9. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 75.

10. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 53.

11. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 58.

12. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 59.

13. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 73.

14. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 77.

15. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 82.

16. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 116.

17. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 117.

18. RGIA. F. 1226. Op. 2. D. 515.

19. (1908) *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva. 31 oktyabrya 1908 g. № 173. Otdel pervyj. St. 1487. O razreshenii licam zhenskogo pola, dopushchennym v vysshie uchebnye zavedeniya, v kachestve postoronnih slushatel'nic, okonchanie slushaniya kursov na odinakovyh s postoronnim slushatelyami usloviyah* [Collection of laws and regulations of the government. October 31, 1908, No. 173. Department one. Article 1487. On allowing women admitted to higher education institutions, as outside students, to finish listening to courses on the same terms as outside students]. St. Petersburg: Senate Printing House. (In Russ.)

20. RGIA. F. 733. Op. 154. D. 129.

21. RGIA. F. 776. Op. 23. D. 43.

22. (2009) Garbuz G.V. *Zhenshchiny na gosudarstvennoj sluzhbe v Rossii v nachale XX v.* [Women in public service in Russia at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region* [Izvestia of higher educational institutions. Volga Region]. No. 2 (10). Pp. 22–88. (In Russ.)

23. RGIA. F. 733. Op. 143. D. 229.

Об авторе

Валькова Ольга Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

About the author

Valkova Olga A., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of History of Physical and Mathematical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Moscow, Russian Federation; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

Статья поступила в редакцию 16.06.2024

Одобрена после рецензирования 09.07.2024

Принята к публикации 15.07.2024

Театр и революция. Роль Театрального отдела Наркомпроса в становлении государственной политики в области искусства

Е. В. Жбанкова

В первые годы советской власти происходило становление государственной политики во всех сферах общественной жизни, в том числе в художественной культуре. Особое значение в этот период имела деятельность государственных органов в области театрального дела. Знаменитый «Театральный Октябрь» В. Э. Мейерхольда стал не только основополагающим лозунгом, но и установкой для деятельности руководящих структур. Контроль за становлением и развитием нового театра, соответствующего требованиям государства диктатуры пролетариата, осуществлял Театральный отдел Наркомпроса (ТЕО НКП). За период 1918–1921 гг. на посту заведующего побывали четыре человека. Среди них были две женщины: О. Д. Каменева и В. Р. Менжинская. Кроме заведующего ТЕО, на театральную политику влияли и другие партийные и государственные деятели. Особенно необходимо отметить личный вклад Е. К. Малиновской, бывшей в то время директором Большого театра. Деятельности этих трех женщин и освещается в данной статье. В целом они все трое способствовали претворению в жизнь идей великого реформатора В. Э. Мейерхольда, которому в 2024 г. исполнилось 150 лет со дня рождения.

Ключевые слова: театр, революция, руководство, политика, советская власть, женщины, праздник, отдел, Наркомпрос.

Для цитирования: Жбанкова Е. В. Театр и революция. Роль Театрального отдела Наркомпроса в становлении государственной политики в области искусства // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 222–235. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_222. EDN: TUVFVO

Введение

Прошло уже несколько лет после того, как отметили столетний юбилей Октября 1917 г. В советской историографии это событие называлось Великой Октябрьской социалистической революцией. Внимание современных исследователей, безусловно, должно быть приковано к нему, чтобы в новых исторических условиях разобраться в тех событиях на фоне продолжающейся переоценки ценностей и пересмотра нравственных ориентиров.

Нет нужды говорить о важности и необходимости в жизни каждой личности культуры и искусства. К сожалению, сейчас, на фоне общего стремления к обществу потребления и господства массовой культуры, частых социально-политических и экономических кризисных явлений, роль высокого искусства отходит на второй план.

Поэтому обращение к первым годам советской власти, к тогдашним проблемам становления духовной культуры неслучайно и необходимо для решения сегодняшних актуальных вопросов развития художественной культуры и ее отношений с государством.

Особое место в этой связи занимает театральное искусство.

Термин «Театральный Октябрь», ассоциирующийся с революционными событиями 1917 г., в свою очередь связан с именем Всеволода Эмильевича Мейерхольда, который будучи заведующим театральным отделом (ТЕО) Наркомпроса, провозгласил его в качестве основополагающего принципа становления государственной политики в сфере театрального дела. Также с его именем связывается процесс формирования такого нового театра, который будет эффективно внедрять идеологию государства диктатуры пролетариата в сознание граждан.

Однако исследователи часто не обращают внимания на то обстоятельство, что в период 1917–1920 гг. театральную политику Советского государства фактически формировали три женщины: О. Д. Каменева, В. Р. Менжинская, Е. К. Малиновская.

Методологической основой данной статьи являются важнейшие принципы исторической науки: объективность, историзм, комплексный подход, а также опора на широкий спектр взглядов на культуру в целом и театральную культуру в частности. Исследование базируется на комплексном анализе явлений, относящихся к понятию «государственная политика в области театрального

дела», на основе междисциплинарного подхода. Также, по нашему мнению, необходимо исходить из принятого в современной науке убеждения в органической взаимосвязи явлений культуры в их историческом развитии в контексте неразрывности дореволюционной, революционной и советской культуры. С этим тесно связаны принципы преемственности в развитии культуры, традиции и новаторства, в том числе принцип плюрализма в концептуальных подходах к изучению явлений художественной культуры.

В основе анализа – принцип системного подхода к анализу фактов на примере конкретных историко-бытовых явлений. Исходя из этого, в работе были использованы следующие методы: компаративный, дающий возможность провести сравнительно-исторический анализ разных стадий развития советского театра; исторический – для оценки роли художественной культуры в конкретной социокультурной ситуации; биографический, позволяющий с помощью привлечения биографических данных отдельных личностей рассмотреть их вклад в концепцию «Театрального Октября» и ее практическую реализацию; аксиологический, при помощи которого исследуются ценностные ориентиры в нравственных и идеологических установках различных эпох.

Основными источниками данного исследования являются архивные материалы трех архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального архива общественных движений Москвы (ЦАОДМ), и Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

Целью данного исследования является определение роли Театрального отдела Наркомпроса в становлении государственной политики в области театрального дела в первые годы советской власти.

Результаты

За период 1918–1921 гг. Театральный отдел Наркомпроса (ТЕО НКП) возглавляли: О. Д. Каменева (июль 1918 – июль 1919 гг.), А. В. Луначарский (июнь 1919 – февраль 1920 гг.), В. Р. Менжинская (февраль – сентябрь 1920 г.) и В. Э. Мейерхольд (сентябрь 1920 – февраль 1921 г.) [1, с. 42].

Ольга Давидовна Каменева и Вера Рудольфовна Менжинская, безусловно, значительно повлияли на процесс становления нового театра в целом и «театрального Октября» в частности.

Третьей женщиной, также внесшей весомый вклад в развитие театрального дела в первые годы советской власти, была Елена Константиновна Малиновская, не бывшая заведующей ТЕО НКП, но осуществлявшая в эти годы руководство Большим театром и оказавшая большое влияние и на его дальнейшую судьбу, и на развитие музыкального театра в целом.

Все три женщины были ближайшими родственницами видных партийных и государственных деятелей Советской России, что, конечно, позволило им занимать руководящие посты, но в то же время оставаться в тени более именитых мужчин. Поэтому хотелось бы отчасти восстановить историческую справедливость и отдать должное женщинам, в действительности внесшим весомый вклад в отечественную художественную жизнь.

Ольга Давидовна Каменева, девичья фамилия Бронштейн (1883–1941), революционер и общественный деятель, сестра Л. Д. Троцкого и первая жена Л. Б. Каменева. Родилась в богатой семье, получила хорошее образование в Швейцарии. Революционной деятельностью начала заниматься в Бунде. В 1902 г. познакомилась с Каменевым, под его влиянием перешла на позиции большевизма. Помогала мужу в России и в эмиграции (1908–1914 гг.).

После Октября 1917 г. вплотную занималась театральными делами, руководя ТЕО НКП и фактически осуществляя планы В. Э. Мейерхольда, с которыми была солидарна. Однако не всегда ее позиции совпадали с представлениями наркома просвещения А. В. Луначарского, с которым она часто дискутировала по вопросам перспектив развития советского театра. В результате была отозвана из ТЕО НКП на политическую работу. Служила в отделе по работе среди женщин при ЦК РКП (б), который короткое время возглавляла после смерти его первой заведующей – Инессы Арманд. В 1920-е гг. занималась культработой, служила в ВОКСе, руководила кинопрокатом в СССР [2, с. 159].

Вера Рудольфовна Менжинская, родная сестра Вячеслава (Вацлава) Рудольфовича Менжинского, родилась в 1872 г. в семье профессора Римско-католической духовной академии в Петербурге. Окончила Мариинскую женскую гимназию, трехгодичные педагогические курсы, училась на Высших женских курсах П. Ф. Лесгафта.

Преподавала в Василеостровском училище и на курсах за Невской заставой. Занималась революционной деятельностью, в 1905 г. вступив в РСДРП.

После Октября 1917 г. работала в Коллегии Наркомпроса, участвовала в разработке проектов основных принципов Единой трудовой школы. Некоторое время возглавляла ТЕО НКП и способствовала формированию его структуры и деятельности. Однако ее личные взгляды на дальнейшее развитие нового театра были достаточно консервативными, поэтому Менжинскую отстранили от должности. Далее ей было поручено вести методическую и организационную работу по обучению иностранным языкам. Ею было составлено большое количество пособий и учебников, а с 1929 г. она стала директором Института иностранных языков и организовала Государственные курсы их заочного обучения [2, с. 162].

О. Д. Каменева и В. Р. Менжинская серьезно оптимизировали работу ТЕО НКП не только в творческом отношении, но и также изменяя его структуру.

Елена Константиновна Малиновская родилась 19 августа 1875 г. С начала XX в. вместе с мужем, архитектором Павлом Петровичем Малиновским она активно участвовала в общественной и культурной жизни Нижнего Новгорода. Была членом Общества распространения начального образования в Нижегородской губернии. При содействии М. Горького стала организатором и пайщиком Народного дома, построенного супругом, в котором разместилось «Горьковское театральное товарищество». Труппа товарищества просуществовала в 1903–1904 гг., в мае 1904 г. она была распущена из-за полицейских преследований и финансовых трудностей.

Е. Малиновская стала членом РСДРП в 1905 г. После Февральских событий 1917 г. организовала и возглавила художественно-просветительский отдел Моссовета. С приходом Октября 1917 г. ее муж стал гражданским комиссаром Кремля, председателем реквизиционной комиссии Моссовета, наркомом Наркомата имуществ республики, а она сама была назначена председателем комиссии по охране памятников искусства и старины Москвы и Московской области. Затем была назначена комиссаром всех московских театров, тесно сотрудничала с ТЕО НКП. В 1920–1924 гг. была директором Большого театра и оказала

большое влияние на его судьбу и в это время, и впоследствии в 1930–1935 гг. [2, с. 165]. Так, именно она привлекла к работе в Большом театре В. И. Немировича-Данченко и В. В. Лужского. В 1918 г. по ее инициативе при Большом театре была организована оперная студия под руководством К. С. Станиславского (с 1928 г. – Оперный театр им. К. С. Станиславского).

Все эти три женщины, по существу, претворяли в жизнь теоретические представления В. Мейерхольда о театре революции.

Великий режиссер Всеволод Эмильевич Мейерхольд родился в 1874 г. С 1898 г., т. е. с момента основания Художественного театра в Москве, Мейерхольд служил в его труппе. В 1902 г. ушел из него и до 1905 г. возглавлял организованное им «Товарищество новой драмы». Именно здесь начала формироваться художественная программа Мейерхольда, связанная с принципами условного театра, идей подчинения активного действия живописно-художественной форме. В 1906–1907 гг. был главным режиссером театра В. Ф. Комиссаржевской в Санкт-Петербурге, а с 1907 по 1917 г. – режиссером Александринского театра. После Октября 1917 г. Мейерхольд принял советскую власть, вступил в РКП (б) и стал активно участвовать в становлении театрального дела в РСФСР и формировании государственной политики в этом вопросе.

В 1918 г. он стал заведовать Курсами мастерства сценических постановок, где и придумал особую систему упражнений, названную биомеханикой, с целью подготовки актеров «нового типа». В 1919 г., гастролируя по Крыму и Кавказу, Мейерхольд попал в плен к войскам Деникина. После очередной смены власти был освобожден и поставлен на пост заведующего подотделом искусств в Новороссийске. Осенью 1920 г. по приглашению наркома просвещения А. В. Луначарского стал руководителем театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса. Здесь Мейерхольд объявляет борьбу академическому театру в рамках «Театрального Октября» [2, с. 166].

ТЕО НКП был образован в июле 1918 г. в Петрограде. Главной своей целью ТЕО ставил общее руководство театральным делом в стране в широком государственном масштабе, создание нового театра в условиях диктатуры пролетариата и упорядочение театральной художественно-профессиональной жизни.

Задачи ТЕО были изложены в «Положении о Театральном отделе Наркомпроса, составленном осенью 1918 г. [3, л. 2].

ТЕО составлял ряд секций, созданных для теоретической разработки вопросов в соответствующих направлениях для образования различных театральных учреждений показательного типа. Осенью 1918 г. таких секций было четыре: педагогическая, историко-театральная, репертуарная, театров и зрелищ. В педагогическую секцию входили группы: научно-теоретическая; театральных школ; школьного театра; в историко-театральную: для организации лекций по истории театра и драматической литературе; по учету частновладельческого историко-театрального имущества; издательская и редакционная; по составлению библиографии, архивографии и иконографии истории театра в России. Группами репертуарной секции были: архивных розысканий; издательская; переводческая; теоретическая; объяснительного чтения особо выдающихся пьес. Секция театров и зрелищ была представлена группами: водевильная; пантомимная; феерии; мелодрамы; музыкальная; циркового искусства; балета и балетного дивертисмента; разговорного жанра; кукольного театра; кинематографическая; по организации гуляний [4, л. 71–74].

Состав секций не был стабилен. По мере расширения своей деятельности ТЕО образовывал новые секции, подсекции, группы и т. п. Например, летом 1919 г. в состав ТЕО входили следующие подотделы: секция Бюро военных комиссаров; личного состава; информационное бюро; хозяйственная часть; финансово-сметный; бухгалтерия; бюро театральной техники; секция театрального образования; секция педагогическая; секция театрального образования; секция театров и зрелищ; коллегия национальных меньшинств; секция репертуарная; подотдел рабоче-крестьянского театра; режиссерская коллегия; обследования рабоче-крестьянского театра [5, л. 41].

Изучение структурной организации ТЕО НКП показывает, как по истечении совсем небольшого количества времени расширялся состав ТЕО, как добавлялись не только специально-профессиональные или административно-хозяйственные подразделения, но и секции с явно идеологическими или военными установками. Это свидетельствует о все большем огосударствлении искусства, поставленного на твердую организационную основу. Если в сентябре 1918 г. в ТЕО служило 7 чел., то к январю 1919 г. их было уже 160 [6, л. 11].

Государственная политика в области театрального искусства того времени получила довольно широкое освещение в еще в советской историографии [7–10]. Ограничимся в связи с этим некоторыми дополнительными замечаниями общего характера. То, что происходило в театральной жизни Советской республики в первые послереволюционные годы, можно назвать «театральной болезнью». Создавалось огромное количество театров и студий как профессиональных, так и самодеятельных. Только в Москве в 1918 г. действовало 45 профессиональных театров, в том числе 18 русских и три национальных: еврейский, латышский и украинский [5, л. 77].

Государство всячески поддерживало театральный бум, видя в театре одно из основных средств политического воспитания широких масс.

Большое внимание уделялось репертуару. На сценах, конечно, игрались пьесы классического репертуара, но новой советской власти нужны были современные драматургические произведения, через которые в сознание масс внедрялись бы революционные идеи. В репертуарной секции ТЕО НКП, отвечающей за данный вопрос, в разное время служили такие люди, как А. Блок, Н. Бахтин, К. Чуковский и, конечно, В. Мейерхольд [7, с. 166].

Секция имела своей задачей разработку всякого рода вопросов, связанных с составлением отечественного театрального репертуара, созданием списка оригинальных и переводных пьес, постановка которых признавалась желательной, с изучением старого и нового репертуара иностранных театров с целью выбора из него произведений для перевода на русский язык и пр. [3, л. 2].

В поисках нового репертуара Наркомпрос объявлял конкурсы на драматические произведения, созвучные революции. Пьес было очень много, но среди них практически не было ничего достойного внимания с художественной точки зрения, хотя они и были строго выдержаны в идейном отношении.

Самым крупным официальным мероприятием, осуществленным государством в области театрального искусства в этот период, была национализация театра. Она была проведена с целью осуществления полного контроля со стороны государства. Было разработано несколько соответствующих проектов

реорганизации театра. Дискуссионное обсуждение реформы шло на I Всероссийском съезде Наркомпроса в 1918 г., на I конференции Пролеткульта в 1918 г., на собрании Российского театрального общества в 1919 г., в печати. Проект рассматривался Совнаркомом, ЦК Всерабиса, ТЕО НКП.

26 августа 1919 г. В. И. Ленин подписал окончательный вариант, принятый СНК и названный «Об объединении театрального дела»¹. Согласно декрету, все театральное имущество (здания, костюмы, реквизит и пр.), за исключением личных вещей актеров, становилось национальным достоянием. Руководство всеми театрами сосредоточивалось в руках Центротeatра. Театральным группам предоставлялась ограниченная автономность. Центротeatр получал право контролировать деятельность театров и давать им «указания репертуарного характера в направлении приближения театра к народным массам и их социалистическому идеалу»².

С учетом конкретных условий и в ограниченном масштабе допускалась частная антреприза. Государство признавало, что берет на себя субсидирование всех театров, которые будут признаны «полезными и художественными» [8, с. 27].

Театры и театральные деятели широко привлекались к организации торжеств по случаю различных праздников. Основное внимание уделялось празднованию годовщин Октября и 1 Мая, но иногда подобные мероприятия были разовыми: в честь 100-летия К. Маркса (1918 г.), 25-летия Московской партийной организации (1919 г.) и пр.

Подготовкой к праздникам занимались все центральные органы республики: ЦК РКП(б), ВЦИК, МК РКП(б), Моссовет, Наркомпрос, Всебюровоенком (ПУР), ВЦСПС, РАБИС и т. д. Самое большое значение придавалось, конечно, Октябрьским торжествам. Создавались особые комиссии по организации праздника за несколько месяцев до него [9, с. 166].

Протоколы заседаний МК РКП(б) за 1918–1920 гг. показывают, что о первомайских праздниках вопрос начинал подниматься с первых чисел апреля, а об Октябрьских – с августа [11, л. 166]. Готовясь к первой годовщине Октября, МК еще 24 августа 1918 г. постановил войти в контакт с ЦК и ЦИК для

¹ Декреты советской власти. Т. 6. М.: Политиздат, 1973. С. 69–73.

² Там же. С. 71.

организации политического руководства праздником и делегировал своего представителя в комиссию [10, л. 108]. 21 сентября 1918 г. было решено передать вопрос о праздновании дня революции Исполнительной комиссии МК РКП(б) для обсуждения. По мнению МК, ЦИК вел работу по устройству праздника в Москве без его ведома, по поводу чего МК выразил решительный протест. 12 октября 1918 г. на заседании прозвучали слова, что МК сделал ошибку, не взяв в свои руки приготовления к торжеству, поэтому в комиссию вошли люди «чуждые коммунизму» [11, л. 133]. Но тут же подчеркивалось, что к профессиональной стороне празднества, в первую очередь, театральной, претензий нет, просто недостаточно раскрывается идея коммунизма и торжество его победы.

Это было достаточно серьезным обвинением в адрес руководителя художественно-музыкальной и театральной частью торжеств в комиссии по организации годовщины Октября О. Д. Каменевой, зав. ТЕО НКП в тот момент. Но ее карьера от этого серьезно не пострадала. В июне 1919 г. она была отозвана с этой должности на партийную работу в ЦК РКП(б) [12, л. 437].

На проведение праздников в масштабах всей республики уходили колоссальные средства. Для поддержки праздничного настроения в этот день власти увеличивали хлебный паек и выдавали бесплатные обеды. Затраты на искусство как действенное средство агитации и пропаганды, укрепления авторитета и влияния власти среди широких масс вполне себя оправдывали.

В целом театральные действия по случаю праздничных дат не выходили за рамки трафаретных официальных агитационных мероприятий.

Редкой настоящей творческой удачей была знаменитая постановка «Мистерии-буфф» В. Маяковского, оформленная К. Малевичем и впервые осуществленная В. Мейерхольдом в честь празднования первой годовщины Октября в 1918 г.

Пьеса была написана В. Маяковским по государственному заказу и поставлена В. Мейерхольдом в театре музыкальной драмы в Петрограде 7 ноября 1918 г. В афише было написано, что пьеса представляет собой героическое, эпическое и сатирическое изображение эпохи, а само представление включено в число праздничных мероприятий.

За сценографию и костюмы отвечал К. Малевич, который говорил о том, что «воспринимал сценическую постановку как раму картины, а актеров – как контрастные элементы», движения которых «должны были ритмически сочетаться с элементами декораций». Он не хотел создать «ассоциации с действительностью, существующей за пределами рамы, а создать новую реальность» [13, с. 94].

Зрители восприняли представление по-разному: одни были в полном восторге, другие отнеслись холодно.

«Мистерия-буфф» 1918 г. явилась символом «Театрального Октября», объявленного Мейерхольдом, когда он стал руководителем ТЕО НКП. 11 октября 1920 г. он выступил с докладом, в котором изложил свое видение глобальной реформы театрального дела. В нее входило: отказ от завоеваний «старого» академического театра, осуществление революции, подобной Октябрю 1917 г., которая приведет к политизации театра с моментальным реагированием на все основные события в жизни страны. Театр должен отказаться от сцены, «театральной пыли», выйти на улицу, где широко использовать опыт политических митингов и площадных действий.

После реорганизации ТЕО НКП в 1921 г., Мейерхольда освободили от должности заведующего. Однако он продолжал проводить «Театральный Октябрь» в «Театре РСФСР-1», который он создал в Москве и в котором осуществил новую постановку «Мистерии-буфф» во второй редакции. По отзывам современников, этот спектакль был менее удачен, чем первый. В 1923 г. «Театр РСФСР-1» был переименован в театр имени Всеволода Мейерхольда (ТиМ), а в 1926 г. получил статус государственного [14, с. 83].

Обсуждения и выводы

Программа «Театрального Октября» фактически была прекращена в 1923 г., когда руководством Наркомпроса был объявлен новый лозунг: «Назад к Островскому!». В 1923 г. отмечалось 100-летие драматурга, и ведущие режиссеры страны, в том числе и Мейерхольд, лозунг этот поддержали. Государственная политика в области театрального дела стала меняться, и этот процесс будет продолжаться до начала 1930-х гг.

В завершение хотелось бы отметить, что театральная жизнь первых лет советской власти развивалась на основе теорети-

ческих идей В. Э. Мейерхольда, поддерживаемого наркомом просвещения А. В. Луначарским, но конкретное воплощение в жизнь они получили во многом благодаря деятельности О. Д. Каменевой, В. Р. Менжинской и Е. К. Малиновской.

Современным исследователям нужно чаще обращаться к периоду 1918–1920-х гг. не только для пересмотра классической советской историографии, изучавшей первые постреволюционные годы, «молодыми глазами», но и за получением важнейших данных и сведений, о которых зачастую сегодня забывают в связи с естественной тенденциозностью данных произведений. Кроме того, и в тот период, и сегодня упускаются весьма важные моменты, такие как, например, восстановление имен государственных, партийных и общественных деятелей, труд которых был значителен, но недооценен и современниками, и потомками.

Список литературы

1. Росточкий Б. И. К истории борьбы за идейность и реализм советского театра. М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1950. 112 с.
2. Жбанкова Е. В. Гражданская война в России: политика советского государства в области искусства. М.: «Менеджер», 1993. 245 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 24. Д. 6.
4. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 24. Д. 1.
5. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 24. Д. 2.
6. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 24. Д. 3.
7. История советского драматического театра. Т. 1: 1917–1920 / отв. ред. К. Рудницкий. М.: Наука, 1966. 407 с.
8. Шульгин Л. А. А. В. Луначарский. Театр и революция. М.: Искусство, 1975. 159 с.
9. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 720 с.
10. Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 21.
11. ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 26.
12. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 12.
13. Февральский А. В. Первая советская пьеса «Мистерия-буфф» В. В. Маяковского. М.: Советский писатель, 1971. 272 с.
14. Советский театр. Документы и материалы 1917–1921 / отв. ред. А. Юфит. М.: Искусство, 1967. 256 с.

Theatre and Revolution. The Role of Theater Department of the People's Commissariat of Education in the Formation of Public Policy in the Field of Art

Elena V. Zhbankova

In the early years of Soviet power, the formation of state policy took place in all spheres of public life, including in artistic culture. The activities of state bodies in the field of theater were of particular importance during this period. The famous "Theatrical October" by V. E. Meyerhold became not only the fundamental slogan, but also the setting for the activities of the governing structures. The control over the formation and development of a new theater that meets the requirements of the state of the dictatorship of the proletariat was carried out by the Theater Department of the People's Commissariat of Education (TEO NCP). During the period 1918-1921, four people visited the post of head. Among them were two women: O. D. Kameneva and V. R. Menzhinskaya. In addition to the head of THEO, other party and government figures influenced theatrical policy. It is especially necessary to note the personal contribution of E. K. Malinovskaya, who was the director of the Bolshoi Theater at that time. The article is devoted to the activities of these three women. In general, all three of them contributed to the implementation of the ideas of the great reformer V. E. Meyerhold, who turned 150 years old in 2024.

Key words: theater, revolution, leadership, politics, Soviet power, women, holiday, department, Narkompros.

For citation: Zhbankova, E. V. (2024) *Teatr i revolyutsiya. Rol' Teatral'nogo otdela Narkomprosa v stanovlenii gosudarstvennoy politiki v oblasti iskusstva* [Theatre and revolution. The role of Theater Department of the People's Commissariat of Education in the formation of public policy in the field of art]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 222–235. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_222. EDN: TUVFVO

References

1. Rostockij, B. I. (1950) *K istorii bor'by za idejnost' i realizm sovetskogo teatra* [To the history of the struggle for ideology and realism of the Soviet theater]. Moscow-Leningrad: izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
2. Zhbankova, E. V. (1993) *Grazhdanskaya vojna v Rossii: politika sovetskogo gosudarstva v oblasti iskusstva* [Civil War in Russia: the policy of the Soviet state in the field of art.]. Moscow: "Menedzher". (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 2306. Op. 24. D. 6. (In Russ.)
4. GARF. F. 2306. Op. 24. D. 1. (In Russ.)
5. GARF. F. 2306. Op. 24. D. 2. (In Russ.)
6. GARF. F. 2306. Op. 24. D. 3. (In Russ.)
7. Rudnickij, K. (1966) (ed.) *Istoriya sovetskogo dramaticheskogo teatra. T. 1: 1917–1920* [History of the Soviet dramatic theater. Vol. 1: 1917-1920]. Moscow: "Nauka". (In Russ.)
8. Shul'gin, L. A. (1975) *A. V. Lunacharskij. Teatr i revolyuciya* [A. V. Lunacharsky. Theater and Revolution]. Moscow: "Iskusstvo". (In Russ.)
9. Hromov, S. S. (1983) (ed.) *Grazhdanskaya vojna i voennaya intervenciya v SSSR. Enciklopediya* [The Civil War and Military Intervention in the USSR. Encyclopedia]. Moscow: "Sovetskaya enciklopediya". (In Russ.)

10. *Central'nyj arhiv obshchestvennyh dvizhenij Moskvy (CAODM)* [Central Archive of Public Movements of Moscow (TsAODM)]. F. 3. Op. 1. D. 21. (In Russ.)

11. *CAODM*. F. 3. Op. 1. D. 26. (In Russ.)

12. *Rossijskij centr hraneniya i izucheniya dokumentov novejshej istorii (RCHIDNI)* [Russian Center for the Storage and Study of Documents of Contemporary History (RCSHIDNI)]. F. 17. Op. 65. D. 12. (In Russ.)

13. Fevral'skij, A. V. (1971) *Pervaya sovetskaya p'esa «Misteriya-buff» V. V. Mayakovskogo* []. Moscow: "Sovetskij pisatel". (In Russ.)

14. Yufit, A. (1967) (ed.) *Sovetskij teatr. Dokumenty i materialy 1917–1921* [Soviet Theater. Documents and Materials 1917–1921]. Moscow: "Iskusstvo". (In Russ.)

Об авторе

Жбанкова Елена Васильевна, доктор исторических наук, профессор, профессор факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; e-mail: evzhsbankova@mail.ru

About the author

Zhsbankova Elena V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; e-mail: evzhsbankova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.06.2024

Одобрена после рецензирования 22.07.2024

Принята к публикации 31.07.2024

Педагог-организатор женского образования и птицеводства в Петербургской губернии Е. М. Гедда (1855–1940)

В. А. Верременко, С. В. Степанов

В исследовании приведены биографические сведения о петербургском педагоге, начальнице частной женской гимназии Е. М. Гедда. На основе неопубликованных документов из петербургских архивов и библиотек (Российский государственный исторический архив, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга) уточнены биографические данные ее жизненного пути. В ходе анализа ее неопубликованных мемуаров из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и сопоставления их с педагогической управленческой деятельностью дана характеристика педагогическим взглядам Е. М. Гедда на организацию «идеальной школы», в которой должна быть создана близкая к домашней обстановка, соблюдались бы санитарно-гигиенические нормы для школьной мебели и освещения, учащиеся занимались гимнастикой и спортом, было бы организовано горячее питание. На базе гимназии были созданы три ступени женского образования: начальная подготовительная школа, учреждения среднего образования и первоначальной профессиональной подготовки. Успешная деятельность Гедда как женщины педагога, привлечение в школу молодых учительниц стали нравственным ориентиром для девушек, желавших заняться педагогической работой. Ее хобби – птицеводство, превратилось в успешный опыт организации собственного птицеводческого хозяйства в Санкт-Петербургской губернии, вылилось в успешную агрономическую деятельность и привело к созданию серии трудов по сельскому хозяйству.

Ключевые слова: женское образование, Е. М. Гедда, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская губерния, гигиена детства, птицеводство.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

Для цитирования: Верременко В. А., Степанов С. В. Педагог-организатор женского образования и птицеводства в Петербургской губернии Е. М. Гедда (1855–1940) // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 236–251. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_236. EDN: WNQOY

Введение

В историю петербургского образования прочно вошло учебное заведение – гимназия Е. М. Гедда, дававшее девушкам не только среднее образование, но и первоначальную профессиональную подготовку, а также являвшееся пионером в санитарно-гигиенической области. Деятельность Елизаветы Михайловны как практика-птицевода по внедрению передовых методов сельском хозяйстве получила широкое распространение в дореволюционной России. Изучение ее биографии, жизненных и педагогических воззрений представляет несомненный интерес для истории женского движения в России, женского образования и примера новой социальной роли женщины как теоретика сельского хозяйства – ученого-птицевода.

В настоящее время в России сложилось признание научного направления – историческая феминология, теоретико-методологическую основу которой разработала доктор исторических наук, профессор Н. Л. Пушкарева [1–3].

В российской историографии в последние десятилетия уделяется внимание разработке истории свободного воспитания и развития частных учебных заведений, в частности в работах Е. В. Пономарева [4–5]. Внимание исследователей привлекла личность Е. М. Гедда как владелицы гимназии, а также история руководимого ею учреждения. Судьба этого учебного заведения кратко прослежена Т. И. Пашковой, а педагогической деятельности Гедда уделено внимание в статьях Е. Г. Дерюгиной, К. В. Романенчук и К. С. Туманиной [6, с. 242–243; 7–8]. Вместе с тем биография Гедда, кроме раннего периода, оставалась малоизученной, а факты о ее жизни в Советской России – неизвестными.

В данной статье анализируется применение педагогических взглядов Гедда в гимназической практике 1880–1910-х гг., опыт внедрения ею передовых санитарно-гигиенических норм и педагогических инноваций. В ходе изучения неопубликованных источников из Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Центрального архива Санкт-Петербурга уточнены биографические вехи жизни.

Результаты

Елизавета Михайловна Гедда родилась в Москве 25 декабря 1855 г. в семье сенатора М. Ф. Гедда (1818–1883) и Е. Н. Шредера (1831–1899), сестры автора скульптур на памятниках «Тысячелетие России» в Новгороде, памятников в Петербурге, Севастополе и других городах России – И. Н. Шредера (1835–1908).

Об отце сенаторе Михаиле Федоровиче Гедда Елизавета Михайловна вспоминала как о «человеке труда, не оставившего своей семье другого состояния, кроме образования» [9, с. 3–4]. Это образование и приобретённый жизненный опыт позволили ей сделать успешную преподавательскую карьеру и состояться самостоятельно в жизни, получить независимое материальное положение, хотя по существовавшим в империи правилам раздела наследственного имущества она получила лишь 1/14 часть земельных владений отца в Белевском уезде Черниговской губернии [10, л. 21об.; 11, с. 472].

До 14 лет Елизавета Михайловна была на домашнем обучении. Для продолжения образования ее отдали в 1869 г. в Петербургскую Коломенскую женскую гимназию, что было «мветоном» для детей из высокопоставленных петербургских семей – ее сверстницы обучались в институтах и пансионах. Разрез с социальными нормами был обусловлен многочисленностью семейства, состоящим из 10 детей, как вспоминала Гедда, было много «гражданского мужества со стороны моих родителей, чтобы решиться на этот шаг» [12, л. 1].

Во время обучения в гимназии, а затем на педагогических курсах начали формироваться ее педагогические взгляды как будущего наставника и руководителя школьного процесса. В своих «Воспоминаниях» Елизавета Михайловна критиковала характерную для ее юности систему образования: «тот затворнический образ жизни, отсутствие семьи, развлечений. Отсутствие даже свежего воздуха. Ужасная тоска заключения ... Полное равнодушие и даже, пожалуй, озлобленность педагогического персонала, не только училища, но и гимназии...» [12, л. 2]. Гедда решила в будущем создать новую школу с гуманными порядками, просторными и вентилируемыми помещениями, возможностями для прогулок и экскурсиями для учеников.

Елизавета Михайловна окончила гимназию и поступила на педагогические курсы С.-Петербургских женских гимна-

зий, где училась у известного педагога В. П. Острогорского. Она окончила их с отличием в 1875 г. со званием «домашней наставницы» с правом преподавания русского немецкого, французского языков, арифметики и геометрии, педагогики, всеобщей и русской истории [13, л. 1]. Помимо русского, Гедда владела немецким, французским и английским языками [14, л. 1 об.].

В этом же году она начала самостоятельную преподавательскую деятельность как учительница по вольному найму в родной Коломенской гимназии, через год стала классной надзирательницей, приобретя за пять лет полезный практический опыт воспитания и обучения девочек [10, л. 9 об.].

Помощь родных людей – отца и семьи матери – тети Ю. Н. Шредер позволила найти необходимый капитал для покупки собственной школы [9, с. 15]. Внимание 26-летней учительницы в апреле 1881 г. привлекла школа, основанная в 1828 г. Тибо-Астафьевой «для детей обоего пола». В 1841 г. от нее отделилась школа для девочек, которая после нескольких смен владелиц перешла от Кондратьевой к Гедда [15, л. 1]. Школа была преобразована в перворазрядный пансион, состоящий из пяти классов и одного приготовительного, который помещался на Никольской (ныне Глинке) улице д. 4–15 [10, с. 1].

С этого времени начался 42-летний период руководства школой, а с 1883 г. – женской гимназией, который продолжался до декабря 1912 г [5, л. 1]. В жизни школы принимали участие сестры Гедда – Анна, Юлия, Елена, которые были учителями и наставницами девушек [9, с. 6]. Школа в разные годы ввиду нехватки помещений и увеличения контингента учащихся меняла адреса: 1881–1887 – ул. Глинки, в доме Бенуа; 1887–1893 – улица Глинки, дом страхового общества (в нем была она основана Тибо-Астафьевой); 1893–1902 – набережная Крюкова канала, в доме наследников Петрова; 1902–1912 – ул. Глинки, в доме Глазунова [9, с. 5].

Материальное положение школы для девочек улучшилось благодаря привлечению новой начальницей в 1883 г. покровительства великой княгини Екатерины Михайловны (?–1894), которая на протяжении 11 лет присутствовала на экзаменах, «выказывая всегда живое участие к делам гимназии» [9, с. 4]. С 1883 г. пансион получил статус гимназии, помимо обязательных предметов, в ней преподавались новые языки – английский и немецкий, музыка и гимнастика [15, л. 1 об.; 6, с. 242].

Е. М. Гедда старалась подготовить воспитанниц к взрослой жизни и дать им занятие для заработка «хлеба насущного», в 1884 г. был открыт 8-й педагогический класс. Успешное окончание седьмого и восьмого классов давало выпускнице диплом домашней наставницы, равносильный диплому Женских педагогических курсов. В восьмой класс принимались после письменного экзамена по русскому языку ученицы, получившие одобрительный аттестат об окончании общего курса частных и правительственных учебных заведений. Для поступления в педагогический класс ученицы других гимназий сдавали письменный экзамен по русскому языку. Занятия в 8-м классе разделялись на теоретические и практические и состояли из предметов, общих и обязательных для всех учениц и специальных в зависимости от выбора специальности – русская словесность и история или математика и физика [17, л. 88–88 об.].

Через шесть лет, в 1890 г. при гимназии была открыта бесплатная двухгодичная подготовительная школа, в которой ученицы могли давать пробные уроки для детей [15, л. 1–3]. В 1891 г. при гимназии была официально разрешена начальная школа, в которой преподавали гимназистки 8-го педагогического класса [9, с. 12].

Полный учебный курс гимназии включал в себя восемь основных классов и один приготовительный. Учебный год длился с 1 сентября до конца мая. Девушки принимались в гимназию Гедда, как и в большинство гимназий, приходящими, полупансионерками и пансионерками.

При поступлении в школу с каждой воспитанницы требовалось заявление от родителей, метрическое свидетельство и свидетельство о привитии оспы [18, л. 3]. В первый класс гимназии принимались девочки с 9 до 12 лет, во второй – с 10 до 13 лет, в третий – с 11 до 14 лет и в четвертый – с 12 до 15 лет.

Особое внимание помимо обязательных предметов уделялось физическому воспитанию девушек. Новаторством Гедда и педагогического коллектива было введение обязательной гимнастики для учениц, а в зимнее время – катание на коньках на собственном гимназическом катке. Полчаса в учебном дне ежедневно отводилось гимнастике, а также давалось время на завтрак и игры. Для гимнастических упражнений ученицы разделялись на две группы в которых занятия вели классные надзирательницы.

Медицинский осмотр учениц проводился в начале учебного года и при необходимости – в середине; доктор мог освободить от гимнастики по состоянию здоровья [6, с. 242; 9, с. 25].

В 1883–1884 гг. в гимназии преподавал молодой педагог, в будущем автор концепции физического воспитания П. Ф. Лесгафт (1837–1909). Проведению гимнастических занятий в здании гимназии, в доме Бенуа на Никольской (ныне Глинки) улице, препятствовало отсутствие оснащенного помещения для игр и занятий, поэтому упражнения были заменены прогулками в сквере Никольского храма [6, с. 242]. В 1888 г. Гедда пригласила для занятий по истории молодого ученого и педагога С. Ф. Платонова (1860–1933) в 8-й педагогический класс гимназии [19, л. 1 об.].

Негативные личные воспоминания о школе в детстве и юности повлияли на оборудование гимназии и распорядок дня, в котором Гедда старалась воплотить свои мысли о «идеальной школе», где ученицы не только учатся, но и «укрепляются телесно в обстановке близкой к домашней». Распорядок дня в гимназии был следующим. Уроки начинались с 9 утра после общей молитвы, а в подготовительном классе – с 10 и продолжались до 14.30. Большая рекреация (обеденный перерыв) начиналась в 11.50 и продолжалась до 12.45 дня [15, л. 2 об.].

Для завтрака ученицы собирались в большой зал. Некоторые получали бесплатно горячий завтрак от начальницы. Остальные ученики приносили еду из дома. За плату в 10 к. (на 1906 г.) они могли попить в гимназии чай и молоко. Для организации завтрака в зале посередине ставился стол с самоваром, и ученицы группировались вокруг этого и еще нескольких других столов, устроенных при окнах виде поднимающихся и опускающихся досок-столешниц. Корзинки с завтраками, приносимыми из дома, помещались вне класса на отдельных полках [15, л. 3 об., 4].

К началу XX в. в гимназии имелись столовая и библиотека, а также зал для практических работ по физике. В курс школьных предметов вошла гигиена, где девочки усваивали знания о первой помощи при несчастных случаях и заболеваниях [17, л. 86].

Мебель в классах состояла из столов и скамеек. В начале учебного года спинки скамейки и столы укреплялись по росту каждой ученицы. В 1884 г. по заказу руководства гимназии при участии врача было изготовлено три размера классного стола по росту учениц [9, с. 19]. В столах ящичков не было, поэтому

книги и тетради лежали на столе или этажерках близ столов, что исключало списывание [17, л. 3 об., 4].

Освещение классов производилось рассеянным светом лампами Фену с перевернутыми абажурами, что позволяло создать ровный свет. Тени при этом не существовало, что оберегало зрение. Обои, как потолки и внутренняя сторона абажуров, были белые для равномерного распределения света в классах [15, л. 4 об.].

Подобное устройство классов и система освещения были передовыми для того времени. Владелица гимназии Е. М. Гедда представила на международной научно-промышленной выставке «Детский мир» в 1904 г. освещение классного помещения рассеянным светом, подобное дневному, за него гимназия получила диплом и золотую медаль [8, с. 152].

Помимо оснащения классов, всем необходимым для удобства учениц и учителей, в «новой школе» внедрялись педагогические инновации. С 1906 г. в гимназии были отменены отметки, а учениц оценивали характеристиками «успешно» или «неуспешно» [6, с. 242–243].

К 1901 г. количество учеников достигло 264, было в два раза больше среднего контингента учащихся в предыдущие 20 лет, равняющемуся 80–120 учеников. В гимназии было восемь основных классов, два параллельных отделения, подготовительный класс (два отделения) и начальная школа [9, с. 5].

Председатель попечительского совета гимназии, директор I Санкт-Петербургской гимназии А. М. Груздев говорил Гедда: «...так как педагогическое знамя Вы держали стойко и высоко, то нисколько не лишились симпатий родителей» [20, с. 4]. В гимназии, по отзывам современников, царила домашняя, теплая обстановка, как отмечали родители, не было «формализма и казенщины», к 25-летию педагогической деятельности Гедда ученица 1-го класса Шлосберг сочинила стихотворение:

Мы заказали Ваш портрет,
Хотим его повесить в зале,
Чтоб и тогда, когда Вас нет
Мы все-таки бы Вас видали [20, с. 5].

С 1881 по 1912 г. количество педагогов в школе возросло с 19 до 53. Педагогами первоначально были только мужчины. При

этом Гедда «с очень приятным чувством» вспоминала «бывшую необходимость принимать иногда на должность преподавателя того или другого предмета лиц, желавших освободиться от воинской повинности, что предоставляла педагогическая карьера» [12, л. 3]. Были среди принятых педагогов малосклонные к педагогической деятельности, но некоторые стали профессионалами своего дела. Так, был «анекдотичный» учитель французского языка, которого прислали из С.-Петербургского учебного округа Монмитонне. Личной мотивацией его устройства было желание учить русский язык через общение с ученицами [12, л. 3–4].

В 1890-е г. допустили к преподаванию женщин, окончивших университет и высшие женские курсы. По мысли Гедда, они были примером для подражания для молодых девушек, выполняли «роль большого, хорошего дела к чему может стремиться женщина» [12, л. 4]. Преподавательницы вступали в более тесный контакт с ученицами, становились «руководительницами молодежи». Гедда уделяла особое внимание классным наставницам, проводила с ними собрания, рассказывала о наработанных ею приемах влияния на учениц.

С первых лет деятельности школы Гедда старалась наладить диалог между учителями и семьями учениц, в 1881–1882 г. были попытки организации собраний родителей, но они не были поддержаны семьями учениц. В 1900 г. педагоги стали ежемесячно собираться по пятницам и четвергам на заседания кружка, где обсуждали насущные проблемы школьной жизни, получившие название «Педагогические пятницы». На них стали приходить и родители учениц. Темами для обсуждения были: «О лживости в детях», «О степени доверия к ученикам при оценке письменных и устных ответов (списывание и подсказывание)», «О пессимизме вообще, школьном пессимизме в частности и мерах борьбы с ним», «Об отношении учащихся к последним общественным событиям» и другие [9, с. 25–26].

С 1880-х гг. Гедда – активный общественный деятель в области образования и детской благотворительности в Петербурге. С 1888 г. она член Коломенско-Адмиралтейского отдела Общества больных и бедных детей; с 1890 г. – первая председательница попечительства «Детской столовой в память чудесного события 17 октября 1888 г.»; с 1900-х г. – секретарь Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию,

вице-президент С.-Петербургского отдела Российского общества сельскохозяйственного птицеводства [6, с. 243]; с 1912 г. по приглашению управляющего Петербургским учебным округом состояла членом комиссии для производства испытаний на звание учительницы рукоделия [10, л. 24 об.].

В декабре 1912 г. по состоянию здоровья Е. М. Гедда передала гимназию, после более чем 40 лет руководства, А. Ф. Мушниковой, которая стала с нового 1913 г. ее начальницей [6, с. 243]. После ухода из гимназии по монаршей милости Николая II ей была назначена усиленная педагогическая пенсия в размере 600 р. в год [10, л. 35, 36–36 об.].

После Революции 1917 г. гимназия была объединена с гимназиями О. А. Лебедевой и реальным училищем С. Ю. Блюменау в 28-ю единую трудовую школу I ступени [6, с. 243].

Увлечением Е. М. Гедда стало птицеводство, переросшее с течением времени в профессиональную деятельность, итогом которого стала разработка авторской программы по заведению цыплят в домашнем хозяйстве. В своей статье про «Птичник» она сетовала, что «птицеводство может и должно быть производительной отраслью хозяйства <... >, но нельзя не сознаться, что для увеличения производительности этой отрасли делается весьма и весьма мало» [21, с. 61].

В 1890-е г. в деревне Ново-Сиверской Царскосельского уезда Петербургской губернии (ныне пос. Сиверский Гатчинского района Ленинградской области) Екатерина Михайловна создала заведение птицеводства – ферму на острове посередине реки Оредеж. В нем она начала разводить кур двух пород: плимутрок пёстрых и французскую породу фавероль. Помимо кур, искусственно разводились в инкубаторах норфольдские индейки, пекинские утки, лебеди, голуби-трубачи и кролики. Как отмечали сиверские дачники А. А. Лучинский и Н. В. Никитин в своем путеводителе «Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге», «Все птичье хозяйство ведется по последним указаниям науки и техники, и служит рассадником не только для Сиверской, но и для других мест» [22, с. 36].

На основе обобщения своего опыта по разведению цыплят Гедда подготовила учебно-методическое пособие, вышедшее двумя изданиями как в дореволюционное, так и советское время – «Птицеводство в мелком хозяйстве» (СПб.: Экономия, 1913.

32 с.; [2-е изд.] Пг.: Мысль, 1923. 40 с.). Существенным вкладом Гедда в практическое птицеводство стал выход справочного издания «Календаря птицевода» (выходил в 1905–1907 гг.), где были обобщены новшества отрасли, помещены таблицы отчётности птицеводческого хозяйства.

Увлечение птицеводством привело Гедда сначала к общественной деятельности в этой области, а после ухода с должности начальницы гимназии – к поступлению на государственную службу. С 1 января 1913 г. по 1 июля 1917 г. она служила специалистом по птицеводству департамента земледелия Главного управления земледелия и землеустройства с окладом 1 200 р. в год [24, л. 1, 3].

В Ново-Сиверской педагогический организационный опыт Гедда был востребован в среде дачной интеллигенции для улучшения культурного уровня местного крестьянства и распространения чтения среди детей. Очагом местной культуры деревни была земская школа (открыта в 1888 г.), опеку над которой взяли сиверские дачники. По инициативе Елизаветы Михайловны было учреждено Общество распространения образования в деревне Ново-Сиверской в 1902 г., итогом его работы стало открытие библиотеки-читальни (1902 г.) и чайной (1903 г.), призванной отвлечь крестьян от пьянства [24, с. 254–256].

События Первой мировой войны, тяжелое положение русских воинов и прибытие раненых с фронта не оставили равнодушными петербургское общество. Так, 2 сентября 1914 г. в 4-комнатной квартире, пожертвованной О. Л. Райковой, в доме Анненковых на набережной Черной речки, д. 49 был образован «Лазарет Кружка Е. М. Гедда». При организации лазарета на 11 коек был учтен опыт деятельности подобного лечебного учреждения при гимназии Гедда для увечных воинов, прибывших с Русско-японской войны в 1904–1905 гг. [25, с. 1–3]. С 29 октября 1914 г. она исполняла обязанности старшей сестры в Петроградском госпитале Красного Креста при Политехническом институте [23, л. 4]. За труды в госпитале 15 мая 1915 г. ей пожаловали золотую медаль на Аннинской ленте и знак отличия Красный Крест 1 степени [23, л. 2].

Судьба дворянки, отказавшейся эмигрировать и ставшей «бывшей» в Советской России показательна. Ее педагогический опыт и организаторские способности были востребова-

ны в годы НЭПа, а педагогическая деятельность снова стала источником «хлеба насущного». В 1919 г. Елизавета Михайловна вступила в профсоюз работников культурного просвещения. В 1923–1926 гг. она организовала и стала заведующей курсами женского труда при Рождественской сельскохозяйственной школе под Гатчиной в Ленинградской губернии [14, л. 1, 2]. Одновременно организовала при Белогорской школе курсы на станции Сиверская. С октября 1925 г. Гедда была переведена воспитательницей в Белогорский детский дом, созданный на базе школы [14, л. 4, 6]. Вскоре 70-летняя Гедда была уволена и жила у бывших воспитанников Новосиверской земской школы, скончалась в 1940 г. и была похоронена на Новосиверском кладбище (могила сохранилась: п. Сиверский, Гатчинский район, Ленинградская область).

Обсуждения и выводы

Деятельность Гедда как начальницы частной женской гимназии позволила создать для женщин в Петербурге полный цикл образования: начальное, среднее и начальная профессиональная школа, что дало возможность женщине не только получить образование, но и социализироваться, имея профессию домашней учительницы.

На основе анализа собственного жизненного опыта ею была внедрена модель «идеальной школы» в которой особое внимание уделялось созданию «домашней обстановки» в школе, санитарно-гигиеническим нормам в классе, освещенности и наличию свежего воздуха, занятиям гимнастикой и организации горячего питания.

Согласно педагогическим наблюдениям Гедда, привлечение женщин как педагогов в женские средние учебные заведения являлось ориентиром успешной будущей педагогической деятельности как способа самореализации для подрастающих девушек.

Хобби Гедда – увлечение птицеводством в деревне Новосиверской в Петербургской губернии – превратилось в серьёзное увлечение теорией выращивания цыплят и организации птичников, стало ее вторым профессиональным поприщем, а организация образцового хозяйства и деятельность в роли вице-президента Санкт-Петербургского отдела Российского

общества сельскохозяйственного птицеводства явились новым направлением социальной роли женщин в агрономии и сельскохозяйственном производстве¹.

Список литературы

1. Пушкирева Н. Л. Женское движение и феминизм в России 1812–2000 гг. // Женское движение: вчера, сегодня, завтра: материалы конференции, Москва, 26 февраля 2010 г. / отв. за выпуск Г. М. Михалева, М. П. Сергутина. – М.: Общество с ограниченной ответственностью Товарищество научных изданий КМК, 2010. – С. 153–172. EDN SKGEQP.
2. Пушкирева Н. Л. Женское движение // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2010. С. 303–308. EDN OYLWKG.
3. Пушкирева Н. Л. Женская история: итоги и перспективы развития в России // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2006 год. / отв. ред. А. П. Деревянко. – М.: Наука, 2007 – С. 64–82.
4. Пономарев Е. В. Сходство теоретических и практических взглядов сторонников экспериментальной педагогики столицы в поздний пореформенный период (на примере гимназии Стоюниной и училища Тенишева) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2021. – № 2 (71). – С. 46–55. EDN: QLYRZZ
5. Пономарев Е. В. Общественные взгляды сторонников экспериментальной педагогики начала XX в. (по материалам периодической печати) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т., Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 г. / отв. ред. В. А. Веремenco. Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 153–158. EDN LBCKWD.
6. Пашкова Т. И. Гимназии и реальные училища дореволюционного Петербурга 1805–1917 гг.: исторический справочник. СПб.: Серебряный век, 2015. 337 с.
7. Романенчук К. В., Туманина К. С. Педагогическая деятельность Е. М. Гедда // Воспитание и социализация молодежи: потенциал историко-педагогического познания в контексте вызовов современности: Сборник научных трудов междунар. науч.-практич. конф. – XXXII сессия Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования, Нижний Новгород, 25–26 сентября 2018 г. / под ред. М. В. Богуславского, С. В. Куликовой, К. Ю. Милованова. – Нижний Новгород: Волгоградская государственная академия последилового образования, 2018. – С. 332–335. EDN YFKDYT
8. Дерюгина Е. Г. Становление педагогической позиции директоров дореволюционных частных школ Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX века // Историко-педагогический журнал. – 2015. – № 2. – С. 143–155.
9. Двадцатипятилетие С.-Петербургской частной женской гимназии Е. М. Гедда (1881–1906). СПб.: электропеч. Я. Кровицкого, 1906. 47 с.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 740. Оп. 26. Д. 597.
11. Веремenco В. А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2009. 684 с.
12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 423. Д. 977.
13. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 918. Оп. 1. Д. 515.
14. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 584.
15. ЦГИА СПб. Ф. 348. Оп. 1. Д. 152.
16. Петербургский пансион Е. М. Гедда. Общие сведения и программы для желающих поступить в пансион Е. М. Гедда. СПб.: б. и., 1882. 33 с.
17. ЦГИА СПб. Ф. 348. Оп.1. Д. 234.

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 296.

18. ЦГИА СПб. Ф. 348. Оп. 1. Д. 6.
19. ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2609.
20. Чествование 25-летию педагогической деятельности Е. М. Гедда. СПб.: электропеч. Я. Кровицкого, 1901. 19 с.
21. Сельскохозяйственные постройки. Вып. 1: Конюшня, скотный двор, свинарник, птичник, омшанник, молочня / сост.: кн. С. Урусов, Ав. А. Калантар, Е. М. Гедда и М. А. Дернов. СПб.: б. и., 1903. 105 с.
22. Лучинский А. А., Никитин Н. В. Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге. Луга: Изд-во Голубева, 2012. 79 с.
23. РГИА. Ф. 398. Оп. 72. Д. 27542.
24. Степанов С. В. Частная благотворительность петербургской интеллигенции в развитии народного образования и просвещения в Сиверской дачной местности Петербургской губернии в начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XV Всеросс. науч. конф., 15 марта, 2024 г. / отв. ред. С. В. Степанов. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. – Вып. 15. – С. 254–260.
25. Отчет по лазарету «Кружка Е. М. Гедда»... за время с 1 сентября 1914 г. по 1 января 1916 г. Пг.: б. и., 1916. 20 с.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

E. M. Gedda (1855–1940) – Teacher-Organizer of Female Education and Aviculture in the St. Petersburg Province

Valentina A. Veremenko, Stanislav V. Stepanov

The study provides biographical information about St. Petersburg teacher, head of a private girls' gymnasium E. M. Gedda. The biographical data of her life path was clarified on the base of unpublished documents from St. Petersburg archives and libraries (Russian State Historical Archive, Central State Historical Archive of St. Petersburg, Central State Archive of St. Petersburg). Analyzing her unpublished memoirs from the Department of Manuscripts of the Russian National Library and comparing them with her management activities, the authors describe her pedagogical views on the organization of an “ideal school”, where an environment close to home was created, sanitary and hygienic standards for school furniture and lighting were observed, students were engaged in gymnastics and sports, hot meals were provided at school. Three levels of women's education were created on the basis of gymnasium: primary preparatory school, secondary education, and initial vocational training. Gedda's successful work as a female pedagogue and recruiting young female teachers to school became moral guidelines for young girls who wanted to engage in teaching work. Her hobby, poultry farming, became a successful experience of organizing private poultry farm in the St. Petersburg province and allowed her to become an agronomist and author of works on agriculture.

Key words: Women's education; E. T. Gedda, St. Petersburg; St. Petersburg province; Childhood hygiene; Poultry farming.

Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

For citation: Veremenko, V. A., Stepanov, S. V. (2024) Pedagog – organizator zhenskogo obrazovaniya i pticevodstva v Peterburgskoj gubernii E. M. Gedda (1855–1940) [E. M. Gedda (1855–1940) – Teacher-Organizer of Female Education and Aviculture in the St. Petersburg Province]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 236–251. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_236. EDN: WNQO1Y

References

1. Pushkareva, N. L. (2010) *Zhenskoe dvizhenie i feminizm v Rossii 1812–2000* [Women's movement and feminism in Russia 1812–2000]. *Zhenskoe dvizhenie: vchera, segodnja, zavtra* [Women's Movement: Yesterday, Today, Tomorrow]. Proceedings of the conference, Moscow, February 26, 2010. Resp. ed. G. M. Mihaleva, M. P. Sergutina. Moscow: Scientific Publications Partnership KMK. Pp. 153–172. (In Russ.)
2. Pushkareva, N. L. (2010). *Zhenskoe dvizhenie* [Women's movement]. *Rossijskij liberalizm srediny XVIII – nachala XX v.* [Russian liberalism of the mid-18th – early 20th centuries]. Encyclopedia, ed. V. V. Shelohaev. Moscow: Political Encyclopedia Publishing House. Pp. 303–308. (In Russ.)
3. Pushkareva, N. L. (2006) *Zhenskaja istorija: itogi i perspektivy razvitiya v Rossii* [Women's history: results and prospects for development in Russia]. *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN* [Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences]. Ed. A. P. Derevyanko. Moscow: Nauka. Pp. 64–82. (In Russ.)
4. Ponomarev, E. V. (2021) *Shodstvo teoreticheskikh i prakticheskikh vzgljadov storonnikov jeksperimental'noj pedagogiki stolicy v pozdnij poreformennyj period (na primere gimnazii Stojuninoj i uchilishha Tenisheva)* [The similarity of theoretical and practical views of supporters of experimental pedagogy in the capital in the late post-reform period (using the example of the Stojunina gymnasium and the Tenishev school)]. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin]. No. 2 (71). Pp. 46–55. (In Russ.)
5. Ponomarev, E. V. (2018) *Obshhestvennye vzgljady storonnikov jeksperimental'noj pedagogiki nachala XX v. (po materialam periodicheskoj pečati)* [Public views of supporters of experimental pedagogy of the early 20th century (based on materials from periodicals)]. *Chastnoe i obshhestvennoe v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost'* [Private and public in everyday life of the population of Russia: history and modernity]. Proceedings of the international scientific conference. In 2 volumes, St. Petersburg, March 15–17, 2018. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 153–158. (In Russ.)
6. Pashkova, T. I. (2015) *Gimnazii i real'nye uchilishha dorevoljucionnogo Peterburga 1805–1917 gg. : istoricheskij spravocchnik* [Gymnasiums and real schools of pre-revolutionary St. Petersburg 1805–1917: historical reference book]. St. Petersburg: Silver Age. (In Russ.)
7. Romanenchuk, K. V., Tumanina, K. S. (2018) *Pedagogicheskaja dejatel'nost' E. M. Gedda* [Pedagogical activity of E. M. Gedda]. *Vospitanie i socializacija molodezhi: potencial istoriko-pedagogicheskogo poznaniya v kontekste vyzovov sovremennosti* [Education and socialization of youth: the potential of historical and pedagogical knowledge in the context of modern challenges]. Collection of scientific papers of the international scientific and practical conference – XXXII session of the Scientific Council on the Problems of the History of Education and Pedagogical Science at the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy of the Russian Academy of Education, Nizhny Novgorod, September 25–26, 2018. Eds. M. V. Boguslavsky, S. V. Kulikova, K. Yu. Milovanov. Nizhny Novgorod: Volgograd State Academy of Postgraduate Education. Pp. 332–336. (In Russ.)
8. Derjugina, E. G. (2015) *Stanovlenie pedagogicheskoy pozicii direktorov dorevoljucionnykh chastnykh shkol Sankt-Peterburga konca XIX – nachala XX veka* [Formation of the pedagogical position of directors of pre-revolutionary private schools in St. Petersburg at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal* [Historical and pedagogical journal]. No. 2. Pp. 143–155. (In Russ.)
9. *Dvadcatipjatiletie S.-Peterburgskoj chastnoj zhenskoj gimnazii E. M. Gedda (1881–1906)* (1906) [Twenty-fifth anniversary of the St. Petersburg private women's gymnasium of E. M. Gedda (1881–1906)]. St. Petersburg: Jelektropechatnja Ja. Krovickogo. (In Russ.)

10. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv* [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 740. Op. 26. D. 597.

11. Veremenko, V. A. (2009) *Dvorjanskaja sem'ja i gosudarstvennaja politika Rossii (vto- raja polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The noble family and state policy of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. St. Petersburg: Izd-vo «Evropejskij dom. (In Russ.)

12. *Odnel rukopisei Rossijskoj nacional'noj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian National Library] (hereinafter – OR RNB). F. 423. D. 977.

13. *TSentral'nyj gosudarstvennyj istoričeskij arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TSGIA SPb). F. 918. Op. 1. D. 515.

14. *TSentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TSGA SPb). F. R-6797. Op. 1. D. 584.

15. TSGIA SPb. F. 348. Op. 1. D. 152.

16. *Peterburgskij pansion E. M. Gedda. Obsħhie svedenija i programmy dlja zhelajushħih postupit' v pansion E. M. Gedda* (1882) [E. M. Gedda St. Petersburg boarding school. General information and programs for those wishing to enroll in the E. M. Gedda boarding school]. St. Petersburg. (In Russ.)

17. TSGIA SPb. F. 348. Op. 1. D. 234.

18. TSGIA SPb. F. 348. Op. 1. D. 6.

19. OR RNB. F. 585. D. 2609.

20. *Chestvovanie 25-letija pedagogičeskoj deatel'nosti E. M. Gedda* (1901) [Honoring the 25th anniversary of teaching activity of E. M. Gedda]. St. Petersburg: jelektropech. Ja. Krovickogo. (In Russ.)

21. *Sel'skhozjajstvennye postrojki. Vyp. 1: Konjušnja, skotnyj dvor, svinarnik, ptichnik, oms-hannik, molochnja* (1903) [Agricultural buildings. Vol. 1: Stable, barnyard, pigsty, poultry house, moss farm, dairy]. Comp.: kn. S. Urusov, Av. A. Kalantar, E. M. Gedda and M. A. Dernov. St. Petersburg. (In Russ.)

22. Luchinskij, A. A., Nikitin, N. V. (2012) *Siverskaja dachnaja mestnost' po Varšavskoj zheleznoj doroge* [Siverskaya dacha area along the Warsaw railway]. Luga: Golubev Publishing House. (In Russ.)

23. RGIA. F. 398. Op. 72. D. 27542.

24. Stepanov, S. V. (2024) *Chastnaja blagotvoritel'nost' peterburgskoj intelligencii v razvitii narod- nogo obrazovanija i prosveshhenija v Siverskoj dachnoj mestnosti Peterburgskoj gubernii v nachale XX v.* [Private charity of the St. Petersburg intelligentsia in the development of public education and enlightenment in the Siverskaya dacha area of the St. Petersburg province in the early 20th century]. *Stolica i provincii: vzaimootnošenija centra i regionov v istorii Rossii* [The capital and the provinces: the relationship between the center and the regions in the history of Russia]. Proceedings of the XV All-Russian scientific conference, March 15, 2024. Ed. S. V. Stepanov. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Issue 15. Pp. 254–260. (In Russ.)

25. *Otchet po lazaretu «Kružhka E. M. Gedda»... .. za vremja s 1 sentjabrja 1914 g. po 1 janvarja 1916 g.* (1916) [Report on the hospital “E. M. Gedda’s Circle”... .. for the period from September 1, 1914 to January 1, 1916]. Petrograd. (In Russ.)

Об авторах

Веременко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.a.veremenko@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5217-5609

Степанов Станислав Вячеславович, кандидат филологических наук, зав. научно-образовательным центром краеведческих исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: kptloorg@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7113-5020

About the authors

Veremenko Valentina A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: v.a.veremenko@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5217-5609

Stepanov Stanislav V., Candidate of Philological Sciences, Head of the Scientific and Educational Center for Local History Research, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: kptloorg@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7113-5020

*Статья поступила в редакцию 26.06.2024
Одобрена после рецензирования 01.07.2024
Принята к публикации 09.07.2024*

Наталья Петровна Куприянова: биография общественной деятельницы Казанской губернии конца XIX – первой половины XX в.

А. Ю. Федотова

В современной российской историографии появляются работы, описывающие биографии так называемых «маленьких людей», которых никак нельзя отнести к крупным деятелям в сфере политики, науки или культуры. Применительно к женским и гендерным исследованиям биографический метод дает возможность изучить жизнь и деятельность женщин, которые на первый план ставили независимость, социальное и / или профессиональное самоопределение, участие в общественной жизни страны наравне с мужчинами во благо всех ее граждан. Целью статьи является восстановление биографии Н. П. Куприяновой (1868–1950 гг.), выявление путей усвоения ею социальных, гендерных и иных представлений и их трансферов, определение ее роли в женской общественной деятельности и формировании женских социальных сетей в публичном пространстве Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. В результате можно сделать вывод, что самореализация Н. П. Куприяновой происходила по двум направлениям – профессиональная и общественная (на ниве благотворительности) деятельности, которые наслаивались и сменяли друг на друга. При этом она сыграла огромную роль в процесс вовлечения женщин Казанской губернии в благотворительность.

Статья является частью диссертационного исследования.

Ключевые слова: Куприянова Наталья Петровна, женская биография, женское движение, женская общественная деятельность, женщины нового типа, Российская империя, Казанская губерния; конец XIX – первая половина XX в.

Для цитирования: Федотова А. Ю. Наталья Петровна Куприянова: биография общественной деятельницы Казанской губернии конца XIX – первой половины XX в. // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 252–267. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_252. EDN: WWMMDVP

Введение

Вторая половина XIX – начало XX в. дает нам немалый пример женщин, которые получили широкую известность как благотворительницы, борцы за равные права, революционерки-народоволки или пролетарки. Вклад Марии Трубниковой, Надежды Стасовой, Анны Философовой, Анны Шабановой, Марии Покровской, Веры Фигнер, Екатерины Кусковой, Александры Коллонтай и некоторых других давно хорошо изучен как в российской, так и в иностранной историографии. При этом, как правило, их деятельность с точки зрения классификации строго ранжирована в соответствии с направлениями. В то же время региональный материал дает нам примеры женщин, которые в своей жизни совмещали или сменяли различные сценарии женской общественной деятельности в зависимости от исторических обстоятельств и эволюции собственных социально-политических взглядов. Биографии таких женщин особенно интересны для историков, так как они содержат не только информацию об их индивидуальных особенностях, но их характеристики того социального слоя и меняющегося социального пространства, в котором они формировались и реализовывали свой потенциал.

В Казанской губернии конца XIX – начала XX в. одной из таких женщин была Наталья Петровна Куприянова, которая оказалась в тени своих более известных родственников – Веры Николаевны Фигнер (двоюродная сестра), Лидии Петровны Куприяновой (сестра), Виктора Алексеевича Перимова (двоюродный брат).

Отдельные аспекты благотворительности Н. П. Куприяновой, особенно по организации помощи голодающим в Казанской губернии в 1905–1907 гг., освещены в работах А. Ю. Федотовой [1–7]. В них автор рассматривает не только саму филантропическую работу, но и взаимоотношения Натальи Петровны с властью, представителями общественности, ее участие в формировании женских социальных сетей, а ее саму как яркую представительницу женщин «нового типа» в Казанской губернии. Краткая биографическая справка приводится в сборнике писем М. Л. Винавера и Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой [8]. Однако в целом жизнь и деятельность героини не нашли отражения в историографии.

Целью статьи является восстановление биографии Н. П. Куприяновой (1868–1950 гг.), выявление путей усвоения ею социальных, гендерных и иных представлений и их трансферов, определение ее роли в женской общественной деятельности и формировании женских социальных сетей в публичном пространстве Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. Исследование проведено на основе неопубликованных архивных документов центральных (Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), Государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ)), местных (Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГАРТ) и опубликованного личного (семьи Куприяновых) архива, эго-документов (воспоминания Веры Фигнер).

Основным методом исследования является биографический. С методологической точки зрения жизненный путь будет рассматриваться в рамках концепции частной/приватной и публичной сферы Х. Арендт и Ю. Хабермаса, применяя понятие «женская общественная деятельность» [9].

Статья является частью диссертационного исследования.

Детство и юность

Информацию о детстве и юности Натальи Петровны можно почерпнуть в архиве семьи Куприяновых, переданном незадолго до смерти своим ближайшим родственникам по линии двоюродного брата, Виктора Алексеевича Перимова. Речь идет о племяннице – Ольге Викторовне Гардинг (Перимовой) и ее дочери Екатерине Дмитриевне Жуковой (Гардинг). Последняя в 1990 г. на основе этих документов выпустила книгу [10]. Судьба самих документов Натальи Петровны о жизни членов таких семей, как Куприяновы, Фигнер и тесно связанные с ними Перимовы, Ляпуновы, Гардинг и др., на сегодняшний день неизвестна. Кроме того, об общем детстве с Натальей Петровной пишет ее двоюродная сестра Вера Николаевна Фигнер в своих воспоминаниях «Запечатленный труд» (1922 г.)¹.

Родилась Наталья Петровна Куприянова 22 сентября 1868 г. в Казани, крестными родителями выступили бабушка Мария

¹ Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. Т. 1. М.: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1964 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/f/figner_w_n/text_0080.shtml (дата обращения: 10.10.2022).

Ивановна Ляпунова (вели отсчет своего рода от Прокопия Ляпунова, участника Смутного времени в России – прим. авт.) и дядя Алексей Иванович Перимов [10, с. 24].

Владения семей Фигнер и Куприяновых находились в Тетюшском уезде Казанской губернии. Фигнеры проживала в селе Никифорово, Куприяновы – в деревне Христофоровке. Николай Александрович Фигнер являлся мужем Екатерины Христофоровны Куприяновой, сестры отца Натальи Петровны, поэтому в Никифорово они с семьей «дневали и ночевали». Во время отсутствия Николая Александровича двоюродные сестры и братья устраивали «симфонию детских шалостей и проказ»: «Николай (Фигнер – прим. авт.) въезжал верхом на лошади на крыльцо, Верочка переплывала в корыте прудок, сестры бросались в воду, чтобы опрокинуть ее легкое суденышко, а мы с Лидочкой (Куприяновы – прим. авт.), издавая неистовые крики, бегали вокруг ...» [10, с. 25; 11]. По праздникам (на Рождество и Пасху) семья Куприяновых посещала бабушку, Христофора Петровича Куприянова в Тетюшах и ездили к брату матери Елизаветы Викторовны, Василию Викторовичу Ляпунову. Он был врачом в маленькой деревне Отрада, где содержал больницу [10, с. 24].

В формировании жизненных взглядов, направлении будущей политической и общественной деятельности Натальи Петровны и Веры Николаевны сыграл большую роль Петр Христофорович Куприянов (1840–1899 гг.). Как отмечает И. Гофман, первичное усвоение установок происходит в семье путем подражания поведению конкретных лиц, так называемых «значимых других». В дальнейшем идет формирование новых правил поведения, которые будут характерны для женщин «нового типа» [12, с. 10, 11].

Отец Натальи Куприяновой, дядя Веры Фигнер, был потомственным дворянином, землевладельцем, земским деятелем, действительным статским советником [13, л. 58; 14, с. 311]. В 1858 г. он окончил Второй Московский императорский кадетский корпус¹. В современной исторической литературе Куприяновых, отца и сына Владимира Петровича, относят к числу «прогрессивных», «либерально настроенных земцев», которые «определяли» жизнь в Казанской губернии во второй

¹ Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/h0qfGVIS1e> (дата обращения: 10.10.2022).

половине XIX – начале XX в. [15, с. 23]. Например, при поддержке Куприянова-старшего в феврале 1890 г. было создано Общество взаимного вспомоществования учителям и учительницам Казанской губернии, одно из первых в России, которое он возглавлял до своей смерти [16, с. 22].

В своих воспоминаниях (относятся примерно к периоду 1869 г. – прим. авт.) Вера Фигнер так описывает родственника: «эти люди – всего четверо (дядя П. Х. Куприянов с женой и супруги Головни – прим. А. Ю.), – надо отдать им справедливость, были целой головой выше уездной обывательской среды. Это были "мыслящие реалисты" (термин, которого тогда в моем лексиконе не было), последователи Писарева, Чернышевского и Добролюбова, и либералы-демократы по более поздней терминологии», «свободные от религиозных, общественных и сословных предрассудков, дядя и Головня, как демократы, стояли за всеобщее народное образование, за труд и личный заработок каждого, за равноправие женщин и за скромный образ жизни». «Как общественный деятель, Петр Христофорович среди земских гласных, уездных и губернских, занимал видное место и, как мировой судья, пользовался общим уважением. Благодаря ему при встречах в семейном кругу часто говорилось о разных общественных делах и отношениях и подчеркивалась мысль о жизни не только для себя, для семьи, но также и для общества»¹. Дядя же впервые познакомил ее с теорией утилитаризма: «наибольшее счастье наибольшего числа людей должно быть целью каждого человека...» [11; 16, с. 152].

Судя по дальнейшей жизни и деятельности Натальи Петровны Куприяновой, влияние ее отца простиралось не только на племянницу, но и на собственных детей.

По воспоминаниям уже самой Натальи Петровны, в 1876 г. семья переехала в Казань, так как девочек нужно было отдавать в гимназию. В «Историческом очерке Казанской Мариинской женской гимназии за 25 лет ее существования (1859–1884)» упоминается, что в 1878 г. Наталья пошла в первый класс, а Лидия – в подготовительный [17, с. 199, 201]. Последняя закончила гимназию в 1886 г., а Наталья Петровна – в 1888 г. Она посещала

¹ Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. Т. 1. М.: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1964 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/f/figner_w_n/text_0080.shtml (дата обращения: 10.10.2022).

8 классов, включая педагогический класс, и получила звание учительницы [18, л. 11]. В 1890 г. Наталья Петровна (преподавала французский язык) и Лидия Петровна служили учительницами в частном четырехклассном женском училище на Лядской улице в Казани. В тоже время их мама – Елизавета Викторовна Куприянова – была попечительницей в этом училище [18, л. 12; 19, с. 57].

Наталья Петровна писала: «Усердия у нас с сестрой было хоть отбавляй: к гимназии мы приходили так рано, что дверь была заперта, и мы садились на тумбы тротуара, терпеливо ожидая, когда откроются двери». Девушки отличались жаждой чтения. Лидия Петровна увлекалась исторической литературой, Наталья Петровна – приключениями и мемуарами [10, с. 25–26]. В 1890–1891 гг. Наталья Петровна слушала лекции по общественно-кооперативным вопросам в Париже [18, л. 11], а в 1892–1895 гг. сестра ее, Лидия Петровна, училась на юридическом факультете (Ecole de droit) в Париже и, получив диплом лиценциата прав, вернулась в Казань [20, с. 102].

Дом Куприяновых в Казани был местом встреч представителей интеллигенции. В частности, его посещал Николай Павлович Загоскин, историк русского права, профессор и ректор Казанского императорского университета в 1906–1909 гг., издатель газеты «Волжский вестник». Героиня нашей статьи так вспоминает эти встречи: «На масляной неделе был у нас в гостях Николай Петрович, сокрушался, что цензор не только снимает с полос целые статьи, но и «выгрызает» фразы, куски из других. <...> Много говорилось в нашей гостиной о женском образовании, горячими поборниками которого были папа и Загоскин» [10, с. 30]. В тексте воспоминаний ошибка в отчестве Загоскина. Правильно Николай Павлович.

Благотворительность как профессия Натальи Петровны

О трудовой, общественной и благотворительной деятельности Н. П. Куприяновой сохранились материалы в ее личном деле в фонде Коммунистического интернационала РГАСПИ (Ф. 495. Оп. 65а. Д. 3200) и в фонде Казанского губернского жандармского управления ГАРТ (Ф. 199). Особенный интерес представляет анкета, заполненная Натальей Петровной в 1928 г. при поступлении на работу в МАИ (Московский авиационный институт). Такое название вуз получил только в 1930 г. При этом на документе

напечатано «Анкетный лист М.А.И.» и написано от руки «Копия анкетного листа, поданного 27/VII 1928 г.» [18, л. 11–13 с об.].

Наталья Петровна в 1905, 1907 и 1911 гг. привлекалась Казанским губернским жандармским управлением к дознанию в качестве обвиняемой. В сведениях о лице, привлеченном к дознанию, в графе «занятие или ремесло (средства к жизни) и последнее место службы» она отмечала «благотворительница» [13, л. 18].

Действительно, в этот период времени назвать себя «благотворительницей» было самоидентификацией Натальи Петровны, а благотворительность – способом самореализации. Еще в конце XIX в. она включается в общественную жизнь Казанской губернии: член правления, затем председатель Общества учителей и учительниц Казанской губернии (1890–1905 гг.); член правления, затем председатель Общества народных университетов (1907–1918 гг.); заведующая трудовым комитетом для женщин (1902–1907 гг.) [18, л. 13]. О последнем в источниках ничего не встречается. В начале XX в., согласно Адрес-календарю Казанской губернии за 1903 г., Наталья Петровна, кроме того, являлась попечителем XXIV городского начального училища, одной из старшин Общества любителей изящных искусств под высочайшим его императорского величества государя императора покровительством [21, с. 150, 174, 268]. Сама она о работе в этих организациях нигде не упоминает.

Огромную роль сыграла Наталья Петровна в деле помощи голодающим в Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. В 1899 г. во время голода в Поволжье она присоединяется к комитету врачебно-продовольственной помощи, образованному в ходе VII Пироговского съезда, собиравшегося в Казани [16, с. 38]. В ноябре 1905 г. по ее инициативе был организован комитет общественной помощи голодающим, который с 8 января 1906 г. был преобразован в Казанское отделение комитета помощи голодающим при императорском Вольном экономическом обществе. Наталья Петровна сохранила за собой пост председателя комитета [22, с. 4, 7].

В условиях революции 1905–1907 гг. любая открывающаяся организация должна была зарегистрироваться в губернском по делам об обществах присутствии. Комитет Натальи Петровны не регистрировался и, таким образом, не имел законных оснований для своей работы [23]. Поэтому практически сразу

он в своей деятельности стал встречать препятствия со стороны губернской власти. Несмотря на это, благотворительная организация продолжила работу. Основным местом оказания помощи стал Тетюшский уезд, который являлся одним из наиболее нуждающихся. В то же время казанским губернатором было разрешено Куприяновой открывать столовые только в данном уезде, так как там находилось ее родовое имение [3; 24, с. 11].

Несмотря на трудности, Наталья Петровна в деятельность Казанского отделения комитета помощи голодающим при императорском Вольном экономическом обществе активно вовлекала значительное число женщин. По имеющимся источникам в его работе принимало участие около 22 (23) женщин: семь (восемь) дворянок / помещиц / землевладельцев, семь учительниц, три медицинских работника (врач и слушательницы курсов), одна мещанка. О социальном и профессиональном статусе остальных участниц в источниках нет информации [25; 26; 6, с. 224–225].

С ноября 1906 г. к Казанскому отделению присоединились две новые организации – «Университетский кружок дам, учительниц столовых и пекарен для голодающих Казанской губернии» и мусульманский комитет помощи голодающим под руководством общественного деятеля Казани, муллы А. Апанова [4].

В 1905–1906 гг. не только Казанское отделение комитета помощи голодающим при императорском Вольном экономическом обществе подвергалось преследованию со стороны губернской администрации, но и Общество взаимного вспомоществования учителей и учительниц Казанской губернии. В это время Наталья Петровна Куприянова была его председателем. В вину обществу вменялось устройство собраний, на которых «обсуждаются доклады о предпринимаемых правительством мерах против распространения революционной пропаганды и вырабатываются политические приемы борьбы с органами правительственной власти». Спустя несколько месяцев, признавая деятельность Общества взаимного вспомоществования учителей и учительниц «совершенно незаконной и крайне вредной», губернатор предложил «закрывать оное и известил о сем правление упомянутого общества» [10, с. 47; 18, л. 13].

В неурожайные и голодные 1911–1913 гг. Наталья Петровна по соглашению с председателями волостных попечительств вновь

пришла на помощь пострадавшему населению Казанского, Тетюшского, Лаишевского, Чистопольского уездов Казанской губернии под эгидой Вольного экономического общества. Однако в этот период размах ее деятельности был гораздо меньше, так как только крестьянским учреждениям, Российскому обществу Красного Креста, Попечительству о трудовой помощи и местным земствам было разрешено организовывать таковую [27, л. 8 об., 30 об., 38].

В 1915 г. в документах Казанского губернского жандармского управления Наталья Петровна называется председательницей Казанского общества народных университетов [13, л. 24; 24]. В анкете Наталья Петровна указывает в качестве хронологических рамок своей работы в нем 1907–1918 гг. [18, л. 13].

В вихре революций и первых десятилетий Советской России

Наталья Петровна в 1917 г. разворачивает в Казани кипучую деятельность в общественной и административной работе. Уже в марте 1917 г. она своей речью открывает женский митинг в Казани, в которой говорит, что «русская женщина наравне с мужчинами примет деятельное участие в строительстве новой России»; в апреле в письме к Вере Фигнер просит прислать агитационные материалы для проведения собеседований как в казармах и на заводах, так и в аудиториях Казанского общества народного университета; в августе выступает с речью на Первом губернском учительском съезде, разрабатывает в рамках ликвидации неграмотности примерную программу «для дополнительных школ в деревне – для юношей и девушек от 17 до 21, окончивших начальную школу», была гласным Казанской городской думы [10, с. 130–132; 8, с. 166].

Однако деятельность ее прерывается в августе 1918 г., когда из Казани под напором частей Красной армии отступали белые. Надо отметить, Наталья Петровна не принадлежала ни к белым, ни к красным, ни к каким-либо политическим партиям. Уже в Омске в 1919 г. она писала, что «хотя и близко, можно сказать, рядом жила с людьми, верившими большевикам, еще в начале века общалась тесно с ними, а вот не прониклась их идеями, считала, что главное для нас, интеллигенции России, – борьба с темнотой народа, произволом властей. Дорого обходится мне моя собственная темнота» [10, с. 144].

Не упоминая напрямую тех, кто «верил большевикам», надо полагать, что она имела в виду свою сестру Лидию Петровну Куприянову, которая, не «вступая в социал-демократическую партию, работала в легальных и нелегальных организациях, в контакте с ней и с деятелями социал-демократического рабочего движения» [20, с. 102], и своего двоюродного брата Виктора Алексеевича Перимова, являвшегося членом Казанской партийной организации РСДРП [28, с. 458]. Подтверждением этого является тот факт, что, в отличие от своей сестры, она не получала персональную пенсию [29]. Кроме того, в 1903 и 1907 гг. Куприянова в числе других лиц была подвергнута в порядке Положения о Государственной охране обыску по делу о казанской социал-демократической организации и оба раза доказательств не было найдено [13, л. 18–18 об.]. Сама Наталья Петровна в анкете в 1928 г. писала, что ни в каких партиях не состояла и не состоит [18, л. 12]. Несмотря на это, ряд исследователей относили ее к РСДРП [30, с. 108; 16, с. 22].

Поздним вечером 27 августа 1918 г. на заседании Казанской городской думы было принято решение оставить Казань. Подчинилась этому решению и Наталья Петровна, воспринимая его как нечто вынужденное, но временное. Однако конечной точкой этого путешествия в 1919 г. становится Иркутск (минуя Бирск, Уфу, Омск) [10, с. 135–144].

В 1919–1920 гг. в Иркутске Наталья Петровна работала делопроизводителем, заведующим регистратурой и журналистикой Иркутского губернского революционного комитета, являлась ближайшим помощником секретаря [8, с. 166].

К концу 1920 – началу 1921 г. относится возвращение Куприяновой в Казань. Вновь окунается она в дела благотворительности и народного образования. С наступлением голода 1921 г. в ТАССР (Татарская Автономная Советская Социалистическая республика) и созданием местной структуры общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (ВКПГ существовал в июне – августе 1921 г.) включается в оказание помощи пострадавшим и возглавляет эту работу в Тетюшском уезде. К сожалению, ее опыт и знания не были оценены по достоинству, и после ликвидации комитета она была ненадолго арестована [31, с. 414]. Примерно в это же время она работала в Татсоюзе (Татарский союз потребительских обществ) [18, л. 12].

С 1922 г. жила в Москве: сначала на Солянке, в доме № 7, кв. 5, затем Чистый переулок, 3 кв. 2¹. Работала в столице Наталья Петровна научным сотрудником Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ), активно участвовала в деятельности организации «Помощь политическим заключенным» (ПОМОПЛИТ) [8, с. 166]. Установить годы ее работы в этих организациях не представляется возможным. Эту информацию можно даже поставить под сомнение, так как в анкете она об это не упоминает. Примерно во второй половине 1920-х гг. она служила в акционерном транспортном обществе потребительской кооперации «Покотранс», являлась членом транспортного профсоюза. С 1928 г. была хранителем картотеки по отделу Бюро библиографической консультации в Московском авиационном институте, чьи годы формирования приходятся на это время. В целом в графе «ваша профессия» она свою работу характеризовала следующим образом: «научная и практическая работа по кооперации и просвещению» [18, л. 11–13].

В годы Великой Отечественной войны Наталья Петровна вместе с сестрами – Лидией Петровной и Верой Николаевной Фигнер – продолжала жить в Москве, изредка уезжая в Казань².

Умерла Наталья Петровна Куприянова в 1950 г. Точные дата, место смерти и захоронения в данный момент неизвестны.

Обсуждение и выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что благодаря своим родителям и ближайшему окружению, Наталья Петровна изначально впитала в себя идеи о социальном и гендерном равенстве, всеобщем образовании и труде, которые в последующем будет активно транслировать в своей профессиональной и общественной деятельности. По образованию она была учительницей и периодически возвращалась к этому в том или ином виде (работа учительницей, руководство Обществом взаимного вспомоществования учителям и учительницам Казанской губернии, Казанским обществом народного университета, разработка школьных программ), большую часть своей сознательной

¹ Почтовая карточка Алексею Андреевичу Ляпунову от Натальи Петровны Куприяновой // Открытый архив СО РАН [Электронный ресурс]. URL: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pa_vl_635513015734375000_6285&eid=L1_0002_0504 (дата обращения: 10.10.2022).

² Почтовая карточка от Натальи Петровны Куприяновой Ляпунову Алексею Андреевичу // Открытый архив СО РАН [Электронный ресурс]. URL: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pa_vl_635513015734375000_6589&eid=L1_0003_0197 (дата обращения: 10.10.2022).

жизни она позиционировала себя как благотворительница. На данном поприще она действовала не только самостоятельно, но и создавала общественные организации, в состав которых вовлекалось достаточно большое количество женщин Казанской губернии, желающих проявить себя в публичной сфере. В этом процессе Наталья Петровна сыграла не последнюю роль. Достижения революций 1917 г. позволили ей реализовывать себя как в общественной сфере, так и в органах власти и различных учреждениях местного и государственного значения. При этом основная цель этих структур заключалась в том числе в организации помощи различным социальным группам, что, безусловно, коррелировало с ее жизненными взглядами. Заполнить лакуны в биографии, ответить на вопросы, связанные с общественно-политическими взглядами и мотивами тех или иных действий, сможет только архив Натальи Петровны (ее воспоминания, дневники и переписка), местоположение которого в данный момент неизвестно¹.

Список литературы

1. Федотова А. Ю. Женская благотворительность в Казанской губернии в 1906–1907 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2015. – № 3/4. – С. 36–40.
2. Федотова А. Ю. В борьбе за право на благотворительность: помощь Н. П. Куприяновой пострадавшим от неурожая 1906–1907 гг. в Казанской губернии // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2016. – № 1/2. – С. 157–163.
3. Федотова А. Ю. Между голодом и властью: общественная инициатива в борьбе с голодом 1905–1907 гг. в Казанской губернии // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–16 марта 2019 г. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – Т. 1. – С. 144–149. EDN: VODAQY
4. Федотова А. Ю. Деятельность Казанского отделения Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе (краткий обзор) // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике: материалы I Всероссийской с международным участием научной конференции, посв. 100-летию со дня рождения А. А. Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рождения А. И. Суханова (1934–1989); Ижевск, 7–8 ноября 2019 г. / отв. ред. и сост. В. В. Пузанов, Д. В. Репников. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. – С. 169–177.
5. Федотова А. Ю. Общественная помощь голодающему населению Казанской губернии в 1905–1907 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 1. – С. 37–50.
6. Федотова А. Ю. Женщина «нового типа» в Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв. (глава 4) // Женщина и государство. Историко-политическое и социально-правовые измерения взаимоотношений (проблемный подход). – Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2022. – С. 217–230. EDN DUTHLA
7. Федотова А. Ю. Женщины в борьбе с голодом в Казанской губернии в 1905–1907 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2024. – № 88. – С. 81–90.

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 297–298.

8. «Наш спор с Вами решит жизнь». Письма М. Л. Винавера и Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой. 1923–1936 / сост., предисл. и коммент. Л. А. Должанский. Научный редактор И. В. Чубыкин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2009. 195 с.

9. Федотова А. Ю. Женская общественная деятельность: терминология и методология изучения женского движения в России во второй половине XIX – начале XX в. // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2024. Т. 8. № 1. С. 177–208. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-5>. EDN: WKCCOQ

10. Жукова Е. На полках старинного шкафа: Семейная хроника. М.: Политиздат, 1990. 319 с.

11. Федотова А. Ю. Петр Христофорович Куприянов: «властитель дум» (частный пример роли дяди и отца в воспитании девушек второй половины XIX в.) // *Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т., Санкт-Петербург, 06–08 апреля 2023 г.* / отв. ред. В. А. Веремко. Т. 2. – СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2023. – С. 201–206. EDN SKADID.

12. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.

13. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 1435.

14. Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь / сост. Г. А. Двоеносова, отв. ред. Л. В. Горохова, Д. Р. Шарифудинов. Казань: «Гасыр», 2001. 640 с.

15. Айнутдинова Л. М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900–1917 гг.). Казань: Фэн, 2003. 207 с.

16. Низамова М. С. Казанское земство в конце XIX – начале XX вв.: Местное самоуправление и земское общественное движение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. 96 с.

17. Исторический очерк Казанской Мариинской женской гимназии за 25 лет ее существования (1859–1884) / сост. П. Смирнов. Казань: Типография Губернского правления, 1884. 233 с.

18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 65а. Д. 3200.

19. Памятная книжка Казанской губернии за 1889–1890 г. в двух частях. Казань: Типография губернского правления, 1890.

20. Шемякина О. В. Автобиография Л. П. Куприяновой (1870–1941) – деятельницы революционного и общественного движения Российской империи рубежа XIX–XX вв. // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. 2023. – № 4. – С. 99–110.

21. Адрес-календарь. Памятная книжка на 1903 г. Казанской губернии. Казань: Издание Казанского Губернского Статистического комитета, 1903.

22. Отчет Комитета по оказанию помощи голодающим, состоявшего при Императорском Вольном экономическом Обществе // *Труды Императорского Вольного Экономического общества*. – 1908. – № 1–2 (январь – апрель). – Т. 1.

23. ГАРТ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 1.

24. Предварительный отчет Комитета по оказанию помощи голодающим за 1905–1906 продовольственный год // *Труды Императорского Вольного Экономического общества*. 1906. № 4–5 (июль – октябрь). Т. 2.

25. ГАРТ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 41.

26. Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1906–1908 гг.

27. ГАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1205.

28. Петрова Р. Г. Виктор Алексеевич Перимов. Страницы жизни // *Казанский медицинский журнал*. – 1987. – Т. 68. – № 6. – С. 457–459. doi: 10.17816/kazmj96953

29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-539. Оп. 1, 3–5.

30. Нафигов Р. И. Поиск продолжается ... Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. 155 с.

31. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Татарстан. Казань, 2003. Т. 7. 472 с.

Natalya Petrovna Kupriyanova: Biography of a Public Activist of Kazan Province of the Late 19th – First Half of the 20th Centuries

Anastasiya Ju. Fedotova

In modern Russian historiography appear works describing the biographies of so-called “little people” who cannot be attributed to major figures in politics, science or culture. In the case of women's and gender studies, the biographical method, among other things, makes it possible to study the lives and activities of women who prioritized independence, social and/or professional self-determination, and participation in the public life of the country on an equal footing with men for the benefit of all its citizens. The aim of the article is to reconstruct the biography of N. P. Kupriyanova (1868–1950), to identify the ways in which she internalized social, gender and other perceptions and their transfers, to determine her role in women's social activities and the formation of women's social networks in the public space of Kazan province in the late 19th – early 20th centuries. As a result, we can conclude that N. P. Kupriyanova self-realization took place in two directions – professional and public (in the field of charity) activities, which overlapped and replaced each other. At the same time, she played a huge role in the process of involving women of Kazan Province in charity. The article is a part of the dissertation research.

Key words: Natalia Petrovna Kupriyanova, women's biography, women's movement, women's social activity, women of a new type, Russian Empire, Kazan province; late 19th – first half of the 20th centuries.

For citation: Fedotova, A. J. (2024) Natal'ya Petrovna Kupriyanova: biografiya obshchestvennoj deyatel'nicy Kazanskoj gubernii konca XIX – pervoj poloviny XX vv. [Natalya Petrovna Kupriyanova: Biography of a Public Activist of Kazan Province of the Late 19th – First Half of the 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 252–267. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_252. EDN: WWMDVP

References

1. Fedotova, A. YU. (2015) *ZHenskaya blagotvoritel'nost' v Kazanskoj gubernii v 1906–1907 gg.* [Women's charity in Kazan province in 1906–1907]. *Gasylrar avazy – Ekho vekov* [Gasylrar avazy – Echo of the centuries]. No. 3/4. Pp. 36–40. (In Russ.)
2. Fedotova, A. YU. (2016) *V bor'be za pravo na blagotvoritel'nost': pomoshch' N. P. Kupriyanovoj postradavshim ot neurozhaya 1906–1907 gg. v Kazanskoj gubernii* [In the struggle for the right to charity: N. P. Kupriyanova's help to the victims of the 1906–1907 crop failure in Kazan province]. *Gasylrar avazy – Ekho vekov* [Gasylrar avazy – Echo of the centuries]. No. 1/2. Pp. 157–163. (In Russ.)
3. Fedotova, A. YU. (2019) *Mezhdu golodom i vlast'yu: obshchestvennaya iniciativa v bor'be s golodom 1905 – 1907 gg. v Kazanskoj gubernii* [Between hunger and power: public initiative in the fight against the famine of 1905 – 1907 in Kazan province]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Natural and geographical factors in the daily life of the population of Russia: history and modernity]. Materials of the International Scientific Conference, 14–16 March 2019, Saint Petersburg. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Vol. 1. Pp. 144–149. (In Russ.)
4. Fedotova, A. YU. (2019) *Deyatel'nost' Kazanskogo otdeleniya Komiteta pomoshchi golodayushchim pri Imperatorskom Vol'nom ekonomicheskom obshchestve (kratkij obzor)* [Activity of the Kazan branch of the Committee for Assistance to the Starving at the Imperial Free Economic Society (a brief review)]. *Aktual'nye problemy regional'noj istorii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istoricheskoy dinamike* [Actual problems of regional history: the relationship between the center and the regions in the historical dynamics]. Materials Of The 1st All-Russian Scientific Conference

With International Participation, Dedicated to the 100th Anniversary of birth of A. A. Aleksandrov (1919–2010) and the 85th Anniversary of birth of A. I. Sukhanov (1934–1989). 7–8 November 2019, Izhevsk. Ed. and co-ed. V. V. Puzanov, D. V. Repnikov. Izhevsk: Publishing Center "Udmurt University". Pp. 169–177. (In Russ.)

5. Fedotova, A. YU. (2021) *Obshchestvennaya pomoshch' golodayushchemu naseleniyu Kazanskoj gubernii v 1905–1907 gg.* [Public assistance to the starving population of Kazan province in 1905–1907]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Gasyrlar avazy – Echo of the centuries]. No. 1. Pp. 37–50. (In Russ.)

6. Fedotova, A. YU. (2022) *ZHenshchina «novogo tipa» v Kazanskoj gubernii na rubezhe XIX–XX vv. (glava 4)* [Woman "new type" in Kazan province at the turn of the XIX – XX centuries (Chapter 4)]. *ZHenshchina i gosudarstvo. Istoriko-politicheskoe i social'no-pravovye izmereniya vzaimootnoshenij (problemnyj podhod)* [Woman and the State. Historical-political and socio-legal dimensions of relationships (problem approach)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo federal'nogo universiteta im. Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina. Pp. 217–230. (In Russ.)

7. Fedotova, A. YU. (2024) *ZHenshchiny v bor'be s golodom v Kazanskoj gubernii v 1905 – 1907 gg.* [Women in the fight against hunger in Kazan province in 1905–1907]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija.* [Bulletin of Tomsk State University. History.]. No. 88. Pp. 81–90. (In Russ.)

8. CHubykin, I. V. (2009) (ed.) «*Nash spor s Vami reshit zhizn'*». *Pis'ma M. L. Vinavera i E. P. Peshkovej k E. D. Kuskovoj. 1923–1936* [Our dispute with you will be decided by life'. Letters of M. L. Vinaver and E. P. Peshkova to E. D. Kuskova. 1923–1936]. Moscow: tip. AST: Vostok-Zapad. (In Russ.)

9. Fedotova, A. YU. (2024) *ZHenskaya obshchestvennaya deyatel'nost': terminologiya i metodologiya izucheniya zhenskogo dvizheniya v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Women's social activity: terminology and methodology of studying women's movement in Russia in the second half of XIX – early XX century]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii* [Historia provinciae – journal of regional history]. Vol. 8. No. 1. Pp. 177–208. (In Russ.) DOI: 10.23859/2587-8344-2024-8-1-5.

10. ZHukova, E. (1990) *Na polkah starinnogo shkafa: Semejnaya hronika* [On the shelves of the ancient cabinet: Family chronicle]. Moscow: tip. Politizdat. (In Russ.)

11. Fedotova, A. YU. (2023) *Petr Hristoforovich Kupriyanov: «vlastitel' dum» (chastnyj primer roli dyadi i otca v vospitanii devushek vtoroj poloviny XIX v.)* [Petr Hristoforovich Kupriyanov: "ruler of thoughts" (a private example of the role of uncle and father in the girls education in the second half of the 19th century)]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 6–8 April 2023, St. Petersburg. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Vol. 2. Pp. 201–206. (In Russ.)

12. Gofman, I. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni* [Presenting oneself to others in everyday life]. Moscow: tip. «KANON-press – C», «Kuchkovo pole». (In Russ.)

13. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan] (hereinafter – GART). F. 199. Op. 2. D. 1435.

14. Dvoenosova, G. A., Gorohova, L. V., SHarafutdinov, D. R. (2001) (eds.) *Kazanskoe dvoryanstvo 1785–1917 gg. Genealogicheskij slovar'* [Kazan nobility 1785–1917. Genealogical Dictionary]. Kazan: tip. «Gasyr». (In Russ.)

15. Ajnutdinova, L. M. (2003) *Liberal'noe dvizhenie v Kazanskoj gubernii (1900–1917 gg.)* [Liberal movement in Kazan province (1900–1917)]. Kazan: tip. Fen. (In Russ.)

16. Nizamova, M. S. (2003) *Kazanskoe zemstvo v konce XIX – nachale XX vv.: Mestnoe samoupravlenie i zemskoe obshchestvennoe dvizhenie* [Kazan zemstvo in the late 19th – early 20th centuries: Local self-government and zemstvo social movement]. Kazan: Izd-vo Kazansk. un-ta. (In Russ.)

17. Smirnov, P. (1884) (ed.) *Istoricheskij ocherk Kazanskoj Mariinskoy zhenskoy gimnazii za 25 let ee sushchestvovaniya (1859–1884)* [Historical sketch of the Kazan Mariinsky female gymnasium for 25 years of its existence (1859–1884)]. Kazan: Tipografiya Gubernskogo pravleniya. (In Russ.)

18. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 495. Op. 65a. D. 3200.

19. (1890) *Pamyatnaya knizhka Kazanskoj gubernii za 1889–1890 g. v dvuh chastyakh* [Memorable book of Kazan province for 1889–1890 in two parts]. Kazan: Tipografiya gubernskogo pravleniya. (In Russ.)

20. SHemyakina, O. V. (2023) *Avtobiografiya L. P. Kupriyanovoj (1870–1941) – deyatel'nicy revolyucionnogo i obshchestvennogo dvizheniya Rossijskoj imperii rubezha XIX–XX vv.* [Autobiography of L. P. Kupriyanova (1870–1941) – a figure of revolutionary and social movement of the Russian

Empire of the turn of the 19th – 20th centuries]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Gasyrlar avazy – Echo of the centuries]. No. 4. Pp. 99–110. (In Russ.)

21. (1903) *Adres-kalendar'. Pamyatnaya knizhka na 1903 g. Kazanskoj gubernii* [Address-calendar. Memorable book for 1903 of Kazan province]. Kazan: Izdanie Kazanskogo Gubernskogo Statisticheskogo komiteta. (In Russ.)

22. (1908) *Otchet Komiteta po okazaniyu pomoshchi golodayushchim, sostoyavshego pri Imperatorskom Vol'nom ekonomicheskom Obshchestve* [Report of the Committee for Assistance to the Starving, which was attached to the Imperial Free Economic Society]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Free Economic Society]. No. 1–2 (January–April). Vol. 1. (In Russ.)

23. GART. F. 411. Op. 1. D. 1.

24. (1906) *Predvaritel'nyj otchet Komiteta po okazaniyu pomoshchi golodayushchim za 1905–1906 prodovol'stvennyj god* [Preliminary Report of the Committee for assistance to the starving for the food year 1905–1906]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Free Economic Society]. No. 4–5 (July–October). Vol. 2. (In Russ.)

25. GART. F. 99. Op. 1. D. 41.

26. (1906–1908) *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Free Economic Society]. (In Russ.)

27. GART. F. 199. Op. 2. D. 1205.

28. Petrova, R. G. (1987) *Viktor Alekseevich Perimov. Stranicy zhizni* [Viktor Alekseevich Perimov. Pages of life]. *Kazanskij medicinskij zhurnal* [Kazan Medical Journal]. Vol. 68. No. 6. Pp. 457–459. (In Russ.)

29. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. A–539. Op. 1, 3–5.

30. Nafigov, R. I. (1993) *Poisk prodolzhaetsya ...* [The Search Continues ...]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta. (In Russ.)

31. (2003) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressij Respubliki Tatarstan* [Book of Memory of Victims of Political Repressions of the Republic of Tatarstan]. Kazan. Vol. 7. (In Russ.)

Об авторе

Федотова Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения, Высшая школа международных отношений и мировой истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация; e-mail: Stasi7886@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7115-7660

About the author

Fedotova Anastasia Ju., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History and Archival Studies, Higher School of International Relations and World History, Institute of International Relations, Kazan Federal University; Kazan, Russian Federation; e-mail: Stasi7886@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7115-7660

Статья поступила в редакцию 21.06.2024
Одобрена после рецензирования 22.07.2024
Принята к публикации 29.07.2024

Письма Нины Озеровой-Анерт как отражение процесса женской эмансипации в 1920-х гг.

М. В. Кротова

В статье анализируются письма архитектора Нины Озеровой-Анерт (1892–1968) из Ленинграда в Харбин, которые сохранились в личном архиве ее бывшего мужа, известного геолога Э. Э. Анерта. Источник можно считать уникальным, так как он отражает внутренний мир интеллигентной женщины 1920-х гг. в переходный период, когда женщинам из «бывших» необходимо было встроиться в новую социальную реальность. В письмах затронуты вопросы, связанные с изменениями роли женщины в обществе, семье, повседневной жизни. Несмотря на индивидуальный случай, из содержания корреспонденции можно вычленить определенные черты, характерные для поведения женщин этого периода, которые вынуждены были решать вопросы о женском предназначении, профессиональной реализации, материнстве, браке и проч. Используя антропологический подход, в статье предпринята попытка реконструировать жизненные сценарии, паттерны женского поведения автора писем. Статья основана на неопубликованных документах из РГАЭ, ЦГАЛИ СПб, ЦГИА СПб, ЦГА СПб. В итоге можно сделать вывод, что даже такой специфический источник, как эпистолярное наследие, при внимательном прочтении способен помочь в изучении процессов эмансипации в 1920-х гг.

Ключевые слова: гендерная история, женский вопрос, эмансипация, СССР, 1920-е гг., Ленинград, эго-документы, переписка.

Для цитирования: Кротова М. В. Письма Нины Озеровой-Анерт как отражение процесса женской эмансипации в 1920-х гг. // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 268–286. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_268. EDN: XEGBJN

Введение

1920-е гг. в российской истории являются особым переходным периодом, эпохой слома всех устоев и попыткой заменить прежние основания новой идеологией и формированием нового человека. Так как одной из декларируемых ценностей победившей революции стало гендерное равенство, новый семейный уклад, «освобождение» женщины, то, естественно, этот период привлекал к себе самых разных исследователей женской истории [1–6]. Итогом этого периода стали экономическая мобилизация женщин, культивирование «бесполости» и господство модели «работающая мать» [1].

Расширение исследовательского поля всегда подразумевает привлечение новых источников. В связи с антропологическим и лингвистическим поворотами в исторической науке, особым вниманием к микроистории и индивидуальному опыту эго-документы, в том числе и корреспонденция, приобрели новое измерение и особую актуальность [7–11]. Надо заметить, что эпистолярное наследие, как и другие документы личного происхождения, является уникальным источником, который несет на себе отпечаток эпохи и открыт для различных интерпретаций. Письма отражают непосредственные впечатления, субъективное восприятие окружающего мира, позволяют выявить особенности личности и имеют несомненную историческую ценность. Частная переписка до последнего времени играла огромную роль в системе межличностного общения, сообщая адресату о текущих делах, физическом и психическом состоянии, взаимоотношениях с родственниками, любовных переживаниях, хозяйственных заботах, творческих замыслах, достижениях и неудачах [12, с. 48]. Обращение к такого рода источникам при анализе и обобщении позволяет выявить определенные тенденции, перемены в поведенческих практиках и устройстве частной жизни.

В личном архиве известного геолога Э. Э. Анерта (1865–1946), который находится в Российском государственном архиве экономики, содержатся письма его бывшей жены Нины Озеровой-Анерт (1892–1968) [13]. Это более 40 писем (143 листа), которые она посылала в Харбин из Ленинграда с 1922 по 1932 гг. Письма эти были написаны в период драматических перемен как в жизни автора, так и страны, и отразили ее попытки реали-

зоваться в профессии и перипетии запутанной личной жизни. Из содержания писем складывается определенный нарратив, демонстрирующий формирование гендерных ролей и возникновение конфликта между традиционной и современной моделью женского поведения [14–16]. Представляется, что изучение индивидуального женского опыта, с применением антропологического подхода и биографического метода, позволит понять, насколько послереволюционные изменения и представления о «новой» женщине повлияли на развитие процесса женской эмансипации, формирование жизненных сценариев и паттернов женского поведения. При этом необходимо учитывать специфику источника, его уникальность и крайнюю субъективность, тщательное выстраивание своего образа автором писем.

Цель статьи – на основе эпистолярного наследия выявить особенности формирования личности и жизненной стратегии интеллигентной женщины в Ленинграде 1920-х гг. Исходя из цели, были поставлены исследовательские задачи: провести внешний и внутренний анализ источника; восстановить биографию автора писем (возраст, происхождение, образование, формирование личности, жизненные обстоятельства), а также его адресата; проанализировать текст писем и выделить представления о «новой женщине»; выявить расхождения между декларируемыми ценностями и реальным поведением; реконструировать жизненные сценарии женщины в 1920-х гг.

Реконструкция биографии Нины Озеровой-Анерт

Для анализа такого источника, как письма, необходимо было выяснить подробности жизни их автора и его адресата. Для этого пришлось обратиться к архивным документам, исследовательской литературе и анализу текста писем. Из личных дел и анкет Нины Озеровой-Анерт и ее сестры Евгении Павловой [17–19] выяснилось, что Нина Семеновна (урожденная Павлова) родилась в 1892 г. в Тифлисе, в семье страхового агента Семена Павловича Павлова из купеческого сословия. В 1908 г. она окончила 3-ю Тифлискую женскую гимназию, после чего отца перевели в Москву, и она недолгое время училась в Москве на Высших женских курсах проф. В. И. Герье, в 1909 г. вместе с семьей переехала в Санкт-Петербург, где поступила на Бестужевские курсы (историко-филологический факультет), которые

так и не окончила [19, л. 1], потому что поняла, что ее призвание архитектура. Позже в личном листке члена Союза архитекторов СССР она указала, что в 1911 г. прожила месяц в Париже, где изучала архитектуру, в 1912 и 1913 гг. с той же целью совершила путешествие в Италию (Рим, Неаполь, Венеция) [19, л. 8]. В 1912 г. Нина Семеновна поступила на Высшие женские политехнические курсы (архитектурный факультет), окончание которых давало право исполнять строительные и технические работы, и в 1918 г. окончила их со званием архитектора [17, л. 7]. Можно предположить, что Нина Семеновна до революции вращалась в артистической среде Петербурга. Ее имя мелькает на страницах дневника Лидии Рындиной, актрисы театра и кино, писательницы и эзотерика, жены С. А. Соколова (Кречетова) [20, с. 217], круг знакомых которой состоял из литераторов, а также артистов Москвы и Петербурга. Нина также упоминает Лидию Соколову в своих письмах [13, л. 77].

В 1914 г. Нина Семеновна Павлова вышла замуж за Э. Э. Анерта, который к тому времени был уже состоявшимся ученым, действительным статским советником, членом Геологического комитета. Супруги поселились в квартире Анерта на Троицкой ул. (ныне ул. Рубинштейна), 23, но прожили вместе недолго: в мае 1918 г. Анерт отбыл на Дальний Восток, откуда уже не вернулся, а в 1919 г. официально был оформлен развод. Нина Анерт вторично вышла замуж за инженера Николая Васильевича Озерова, в 1921 г. родилась дочь Марина. В дальнейшем после самоубийства мужа в 1925 г. она какое-то время надеялась на воссоединение с Анертом, но в 1928 г. вновь вышла замуж.

Отдельно необходимо сказать несколько слов и об адресате писем – Эдуарде Эдуардовиче Анерте (1865–1946), геологе, известном своими изысканиями не только на Дальнем Востоке, но и в Китае [21]. У Анерта это был второй брак (первая жена умерла), и со второй женой была значительная разница в возрасте (27 лет), образовании, социальном статусе (он был дворянин, она – из купеческого сословия). Его письма к Нине не сохранились (она все уничтожила, остались только копии трех писем Анерта в его архиве), но документы из архива Анерта и мемуары эмигрантов позволяют составить впечатление о нем, как о интеллигентном, мягком и деликатном человеке, который поддерживал материально не только родственников (сестру

и племянника), но и друзей и знакомых в Харбине, в то время как сам жил более чем скромно. После брака с Ниной он больше не женился, жил одиноко, работал до конца жизни и умер в 1946 г. в Харбине [21]. Из эмиграции он помогал бывшей жене и ее матери в Ленинграде денежными переводами и посылками, пытался с помощью сохранившихся связей помочь Нине с устройством на работу. Во многом именно его характером объясняется содержание и тон писем Нины к бывшему мужу.

Анализ содержания писем

В архиве Анерта насчитывается 46 писем Нины с 1922 по 1932 гг., и, судя по всему, это далеко не полный список. Переписка началась в 1922 г., когда Нина узнала от знакомых о местонахождении бывшего мужа в Харбине, но была непостоянной: иногда она писала ежедневно, но были перерывы в несколько месяцев и даже лет. Для анализа содержания писем необходимо выяснение мотивов начала переписки и ее продолжения. Скорее всего, это было не просто желание напомнить о себе, но и меркантильный интерес.

Уже в начале переписки в письме от 13 ноября 1922 г., где Нина Семеновна в обширном письме на 16 страниц рассказывает, что произошло в ее жизни после отъезда Анерта из Петрограда в 1918 г., она пишет о потребности «излить душу» («ты мое последнее прибежище от всех душевных мук»), рассказывая о годах «страданий и одиночества», начале самостоятельной работы в качестве архитектора, но тут же оговаривается, что «жила я, конечно, на твое жалованье, которое мне выплачивали в Геологическом комитете аккуратно до октября 1919 г.», после чего пришлось продавать вещи и менять их на продукты [13, л. 70]. В этом письме, рассказывая о своем новом замужестве и рождении дочери, Нина напоминает о некоей связи между ней и Анертом, которую «не нарушить даже другим браком», жалуется на свою жизнь, вспоминает, как прекрасно они жили первые годы, просит «во имя нашей любви» и ребенка о материальной помощи, приглашает вернуться, чтобы «зажить по-старому» [13, л. 73 об.]. Просьба возымела действие, и с 1923 г. Анерт регулярно посылал Нине деньги.

В дальнейшем интенсивность переписки зависела от поступления денежных средств от Анерта. Именно поэтому при

чтении писем не оставляет ощущение, что Нина не до конца искренна. Конечно, ей было важно, какое впечатление она произведет на бывшего мужа, так что в содержании писем сплелись разные мотивы – потребность в участии, желание нравиться, финансовый интерес, надежды на перемены в жизни. В то же время можно полагать, что письма были не только некоей отдушиной в жизни Нины, своеобразным способом разобраться в своих чувствах, но и средством манипуляции для решения своих денежных проблем.

Обращает на себя внимание стиль писем Нины – неровный, полный разнообразных эмоций, отражающий нестабильное психологическое состояние автора. Она легко меняет регистры – от высокого к низкому, и за предложениями об одиночестве следуют деловитые фразы о способах передачи денег из Харбина в Ленинград. По содержанию письма малоинформативны. Только по отдельным фразам, брошенным вскользь, можно догадаться, что происходит в жизни Нины (работа, замужество, рождение ребенка, отношения с новым мужем и другими мужчинами и проч.). В центре большинства писем – она сама, ее чувства, желания, метания, страдания. Текст писем производит впечатление определенным путем выстроенного нарратива, в нем чувствуется литературность и следование намеченным линиям. Возможно, именно в письмах она проигрывала сюжеты своей будущей книги, которую, по ее сообщениям, писала.

Хотелось бы обратить внимание на своеобразие речевых практик – аффективная и экспрессивная лексика («до жути», «безумно», «ужасно», «страшно», «кошмарно скверно»), использование модных выражений («довольно колбасы, как говорят у нас»), игривость, обилие многозначительных многоточий. Отдельные выражения могли бы стать ключом к пониманию ее отношений с бывшим мужем: она обращается к нему «Дядя», «дорогой», «старый», «единственный» друг, все время напоминает о «прожитых хороших днях», «светлой дружбе», ждет от него «ласкового слова», любви и жалости. Стоит отметить низкий уровень грамотности автора писем, отсутствие знаков препинания, ошибки в написании иностранных слов (даже название любимых духов *L'Origan Cotu* она написала неправильно – *Logigan Coti*), хотя в анкетах указывала – «читаю и перевожу с французского» [19, л. 1; 17, л. 5]. Язык писем представляет

несомненный интерес, так как через определенные слова и выражения можно выяснить ее представления о современности.

Есть в письмах и еще один мотив – бытовая сторона жизни, которой она тяготилась. После замужества с Анертом Нина, по-видимому, жила обеспеченной жизнью в пятикомнатной квартире в центре Петрограда, в семье была прислуга, устроенный быт, Нина ни в чем не нуждалась (в письмах упоминаются бриллианты, которые пришлось продать). Тем трагичнее был переход к тяжелым послереволюционным временам, «без света, без воды, с замерзшими фановыми трубами», с «бесконечными хождениями пешком» [13, л. 71]. Описывая голодный и холодный Петроград 1918–1919 гг., Нина Семеновна подчеркивает, что прислуги не было, и ей приходилось работать и делать всю грязную «каторжную» работу – стирать белье, убирать комнаты, готовить обед, мыть грязную посуду, и кроме того, продавать вещи, обменивая их на продукты, шить из занавесок шарфы, писать плакаты для торжеств и проч. [13, л. 71]. По ее словам, она «многое прожила» – портьеры, ковры, все свои платья и драгоценности. К тому же, при уплотнении квартир она впустила жильцов, которые ее обворовали. В письмах много деталей повседневной жизни Петрограда/Ленинграда 1920-х гг. – послереволюционный и «нэпманский» быт, цены на продукты, товары и жилье, бюджет, зарплаты, квартирный вопрос, модные новинки вроде розовых чулок и стриженных волос в 1926 г.

Большую часть писем составляет подробный рассказ о взаимоотношениях Нины с мужчинами. Сначала это некто П. П. – человек, связь с которым началась еще во время брака с Анертом и стала, скорее всего, причиной развода. Так, Нина в письме от 13 ноября 1922 г. проговаривалась: «Последний год я совсем не щадила тебя, а ты все выносил и даже не жаловался» [13, л. 74]. Эта связь продолжалась до 1920 г., когда Нина встретила Николая Васильевича Озерова, который был женат и имел сына, однако это не помешало им сойтись. В 1921 г. родилась дочь Марина, после чего был оформлен брак, Нина Анерт взяла фамилию мужа и стала Озеровой. Однако и этот союз счастья не принес, и летом 1925 г. Н. В. Озеров покончил жизнь самоубийством (повесился), после чего Нина предложила Анерту переехать в Ленинград, чтобы быть вместе, даже вернула себе старую фамилию, став Озеровой-Анерт. В дальней-

шем была еще одна «неудачная любовь», которую она подробно описала, а в 1928 г. она встретила «самое прекрасное существо в мире» и вышла замуж в третий раз. Переписка на несколько лет прекратилась и возобновилась только в 1932 г., чтобы выяснить вопрос о получении денег по страховому полису общества «Нью-Йорк», которым Анерт застраховал свою жизнь в ее пользу [13, л. 60].

Представления о «новой» женщине

Одной из тем писем, которая занимала Нину, был так называемый «женский» вопрос и поиск своей идентичности. Концепция «новой» женщины сложилась к концу XIX в., и сильно различалась в зависимости от социальной, политической, культурной принадлежности [9]. Одним из главных маркеров было образование, которое открывало путь к женской эмансипации [14, с. 23]. После революции понятие новой женщины приобрело дополнительные оттенки, и о взглядах Нины можно лишь догадываться, реконструируя ее представления по отдельным высказываниям и поступкам. В первую очередь, для Нины была значима независимость – экономическая, связанная с получением образования и профессии, а также свобода в выборе партнера.

Можно предположить, что представления Нины о новой женщине принадлежали еще Серебряному веку, периоду модерна, отсюда в письмах театральность, надлом, аффектация, позирование, постоянное напоминание о том, как она хороша собой. Скорее всего, она ориентировалась на модернистские литературные произведения конца XIX в., модные в то время, – Г. Ибсена, К. Гауптмана, Г. Майзель-Гесс, Г. Зудермана, А. Амфитеатрова, Е. Нагродской, И. Потапенко и др., где героинями стали новые женщины, утверждающие себя разными способами в мужском мире, протестующие против традиционной роли матери и жены. Из содержания писем заметно, что символическими лицами для Нины являлись Нора Хелмер из пьесы «Кукольный дом» Г. Ибсена (1879) или Тата – героиня романа Евдокии Нагродской «Гнев Диониса» (1910), в котором замужняя женщина предпочитает страсть стабильному браку, но в дальнейшем тяготеет и любовью, и материнством.

Переломные события заставили Нину Семеновну искать применение в новой реальности, извлекая из советской дей-

ствительности какие-то преимущества, в первую очередь в вопросах равноправия и определенной свободы в семейных и сексуальных отношениях. Для нее важным было быть вровень с веком, утвердить новую роль женщины – друга, любовницы, профессионала. Главный акцент в письмах сделан на том, что новая женщина – в первую очередь работающая женщина. Собственно, Нина Семеновна с первых писем подробно описывает свой трудовой путь, начиная с отъезда Анерта в 1918 г.

Из содержания переписки, которое верифицируется данными из личного дела, можно составить ее профессиональную биографию. Она начала работать с 1919 г. в Отделе по делам музеев и охране памятников старины Народного комиссариата по просвещению (Наркомпроса), где ей поручили обмер Эрмитажного театра в Зимнем дворце. Этой работой Нина Семеновна была горда: «Когда никто из мужчин не работал – кто саботировал нарочно, кто просто не мог примениться к современным условиям, обмер окончила. Представь себе, как мне было трудно добиться признания как архитектора и получить самостоятельную строительную работу» [13, л. 71 об.].

Затем она перешла в отдел музеев, где отвечала за производство работ по ремонту и реставрации памятников архитектуры Наркомпроса. С 1920 г. Нина работала в Новгороде заведующей отделом охраны памятников, руководила ремонтом и реставрацией церковей Спаса Нередицы, Федора Стратилата, Знаменской и Вологовской церковей, звонницы Софийского собора [19, л. 6]. Этот период для Нины был особенным: «Я отлично понимала, что или сейчас, или никогда. Я могла стать величиной, и я начала действовать» [13, л. 71]. Нина проработала в Новгороде три летних сезона, проделав, по ее словам, «колоссальную» работу в сложных условиях, «когда все летело кавардаком, при антагонизме с церковью и насмешливом отношении к искусству вообще». Ей удавалось доставать средства, добывать нужные строительные материалы, все согласовывать и вести работу «с самым научным подходом». Под ее руководством работало более 60 человек рабочих и помощников. Она сообщала Анерту о том, что была счастлива «сознанием исполняемой большой работы»: «Я горела, я жила полной жизнью. <...> Ты бы порадовался за меня, когда я читала в академии материальной культуры доклад и демонстрировала свои диапозитивы» [13, л. 71 об.].

В это же время она не оставляла попыток поступить в Академию художеств, затем, после смерти мужа в 1925 г., хотела экстерном закончить институт гражданских инженеров, чтобы доказать свою состоятельность, расти профессионально и зарабатывать.

Так, в первые послереволюционные годы Нине удалось «выкарабкаться», найти работу по специальности, приобрести статус самостоятельной женщины. Однако заявления о стремлении к независимости сочетались в ней со слабостями и сомнениями. Судя по содержанию писем, чувства для Нины всегда были важнее, и именно любовь ассоциировалась со счастьем и полной жизнью: «сердце мое навсегда останется глупым и жаждущим тепла и любви» [13, л. 14 об.]. Причем при появлении новой любви старая тут же тускнела. Так, чувство к П. П., которого она, по ее словам, любила и ради которого пожертвовала многим, при встрече с будущим мужем Н. Озеровым мгновенно «вылетело из сердца, и новая любовь как-то посетила меня»; «я чувствовала себя, как птица, вырвавшаяся на волю» [13, л. 73].

Однако брак с Н. В. Озеровым принес страдания: его бывшая жена угрожала самоубийством, сын от первого брака жил с ними, отравляя Нине существование. Муж настоял на том, чтобы Нина ушла со службы, так как «ему нужна женщина, а не архитектор», и ей пришлось быть «за прислугу при большой семье». «Нудная противная черная работа», стряпня, экономия («записываю каждый грош и получаю выговор за каждую истраченную копейку») стали для Нины «кромешным адом»: «Мечтала о семейном счастье – имею какую-то жалкую пародию» [13, л. 76]. К тому же муж часто уходил в запой и обладал деспотичным характером, даже поднимал на нее руку, о чем Нина в деталях написала Анерту в письме от 17 февраля 1923 г. Она не ушла от мужа, оправдываясь тем, что любит Озерова, и привязанность к нему, в том числе и сексуальная, была сильнее ее [13, л. 79].

Но не прошло и года после трагической смерти мужа, как Нину посетила новая любовь – это был коллега по работе, но так как он был женат, приходилось вести «тайную жизнь», и этот роман окончился разрывом. В 1928 г. она встретила человека, который «во всех отношениях вполне мне соответствует, которого я всем своим существом хочу навсегда и безраздельно иметь своим» [13, л. 58], поэтому Нина сообщила Анерту о своем новом замужестве, и переписка прекратилась.

Паттерны женского поведения и жизненные стратегии

Можно только догадываться, кто был для героини символическим лицом и моделью для эмансипации, реконструируя ее представления по отдельным высказываниям. Она примеряла на себя разные роли, утверждая, что ее жизнь вся похожа на ряд картин, где она «всегда другая»: роковая демоническая женщина, разрушающая чужие жизни, мать и хозяйка, подчиненное мужчине существо («вся во власти «повелителя» и его милости» [13, л. 76 об.]).

Судя по письмам, ей был дорог образ современной независимой женщины- профессионала. Уход со службы после замужества в 1922 г. она оправдывала «безвыходным положением»: «своим трудом я прожить не могу, особенно с ребенком»; «интеллигентный труд оплачивается сейчас вообще кошмарно скверно»; «женщине сейчас опять так же трудно найти работу, как и до революции»; «как бы ни работали, все равно на нас смотрят, как на баб» [13, л. 76].

В 1923 г. Нина решила, что важнее всего в жизни творчество, и ей необходимо заняться литературным трудом и описать опыт своей «пестрой» жизни, где ей пришлось испытать «почти все, что вообще достается женщине». Она считала, что смогла прожить «судьбу многих женщин», что ее миссия – прояснить «женский вопрос» и рассказать «кое-что очень интересное» о «современной женской душе» [13, л. 83]. Сначала она хотела просто описать свою жизнь, но потом решила переработать свой женский опыт и воплотить его в разные образы, «прибавив из наблюдений над другими», даже придумала название будущей книги – «Бессильная душа» [13, л. 83]. Анерт интересовался судьбой книги, просил почитать что-то из нее, но после смерти мужа она сообщила в письме от 17 сентября 1926 г.: «От искусства я совсем ухожу, слишком мучительны занятия им, а главное, ненадежно, мне нужен твердый заработок» [13, л. 25].

Роль, которая удавалась ей лучше всего, – это «раба любви», объект для удовлетворения желаний, придаток мужчины, интересы которого она ставила выше своих. Так, рассказывая в письме Анерту об отношениях с П. П., она упоминала о том, что хотела поступить в Академию художеств в 1918 г., но тот «вбивал мне в голову, что я бездарность, что глупо мне учиться», потому что имел «огромную власть надо мной», и она отказа-

лась от своих планов [13, л. 70]. При описании сложного клубка отношений с Н. Озеровым, она сообщала, что терпела «тысячу мелких унижений» ради «иллюзии любви», была «связана по рукам и ногам», но эта зависимость была ей приятна: «Правда, бывают порывы, когда я невыносимо страдаю и жажду свободы, но все это проходит» [13, л. 89]. И в дальнейшем после смерти мужа в письмах Анерту Нина писала об ожидании любви, мужчины, способном «вызвать опять и опять блаженную радость любовного экстаза в моем теле» [13, л. 19 об.]. Новая любовь представлялась ей вызовом, особенно, если мужчина был несвободен: «Если я любила и хотела, то я к этому стремилась всем существом, и я достигала, невзирая на чужие страдания и вообще на все препятствия. Мне последнее доставляло даже удовольствие» [13, л. 18]. Интересно заметить, что у ее третьего мужа она была также третьей женой.

Жизнь с Озеровым, несмотря на домашнее насилие, она оправдывала наличием ребенка, однако в традиционной роли женщины-матери ей было тесно. Судя по всему, Нина не хотела детей. Сообщая Анерту о том, что у нее появилась дочь от Н. В. Озерова, она пишет: «Ты, наверное, поражен, это так на меня не похоже. <...>. Ты знаешь, как я этого боялась раньше, но видно, для всякой женщины пробьет свой час» [13, л. 74]. Однако материнство стало для нее обузой, трудно совместимой с работой: через пять недель после рождения дочери она уехала на работу в Новгород, где приходилось и работать, и заботиться о ребенке, а это «ужасно изнуряет» [13, л. 74]. Когда она вышла замуж и бросила работу, «беспрерывный детский писк и болтовня» не давали ей сосредоточиться. В письме от 30 декабря 1924 г. она жаловалась: «Буквально, я от этого с ума сойду. У меня нет минуты для себя, а мне нужно по крайней мере 3 часа в день» [13, л. 101]. После самоубийства мужа ей было «жаль дитя, которое я так безрассудно вызвала к жизни» [13, л. 129]. В дальнейшем она перепоручила ребенка матери и учительнице немке, которая жила в их квартире. О дочери в письмах Нина упоминала только в связи с ее болезнями или успехами, делая акцент на том, какая она «очаровательная» и «хорошенькая». Интересно замечание Нины в письме от 2 августа 1926 г., которое полностью посвящено ее новому романтическому увлечению: «Дочь моя, хоть и любит меня, но уже

обнаруживает признаки эгоизма, и я предчувствую много страданий впереди» [13, л. 17 об.].

В зависимости от периодов жизни Нины вырисовывается несколько моделей брака: «дружеский брак» (содружество) с Анертом (в письме она писала, что отношения у них последние годы совместной жизни были «дружеские и не брачные» [13, л. 73 об.]); свободный союз с П. П., полный страстей и унижений; традиционная патриархальная семья с Н. В. Озеровым, с элементами четкого распределения ролей (женщина сидит дома, муж зарабатывает) и домашним насилием [13, л. 80]. Когда в 1926 г. на работе завязался новый роман с коллегой, она описала идеальный союз: «Нас связывает все: работа, общие вкусы и интересы, половое влечение и нежная дружба. <...> Мы вместе читаем, играем на скрипке и на рояле, говорим, занимаемся железобетоном» [13, л. 19]. Вот только о последнем браке она практически ничего не писала, кроме того, что любовь эта «ни в коей мере не отразится на моей работе, я знаю твердо, что без работы я не могу быть счастливой» [13, л. 59].

Стоит заметить, что в письмах тема личной жизни соседствовала с мотивом профессиональной реализации. После трагической гибели мужа Анерт предложил Нине с дочкой переехать к нему в Харбин, но она отказалась: «Здесь я человек, личность, и несмотря на все трудности – все-таки работаю по специальности и думаю кое-чего достичь» [13, л. 3]. В этом письме от 10 января 1926 г. она сообщала, что собирается поступить в институт гражданских инженеров для специализации по отоплению и вентиляции, прибавив, что учиться – «это самое большое мое удовольствие» [13, л. 6]. И в последующих письмах Нина писала о профессиональных планах, работе, проектах, подчеркивая свою самостоятельность, хотя и не была уверена в завтрашнем дне: «К женщинам-инженерам отношение определенно недоверчивое и в лицо говорят: “женщин не надо”» [13, л. 12 об.].

Ее понимание эмансипации было своеобразным – делая акцент на свободе и независимости, она постоянно обращалась к Анерту за финансовой помощью. По ее словам, деньги ей нужны были для свободы творчества и самореализации, просить у Озерова она не хотела, но Анерт был другое дело. В письме 19 января 1924 г. она проговорила: «Ведь ты – сама доброта, и это я всегда эгоистично эксплуатирую. Да, мы любим друзей,

которые дают!» [13, л. 94]. Отношение к Анерту было сугубо прагматическим: с одной стороны, Нина призывала его приехать, чтобы жить в одном городе, но с другой стороны, считала, что его нахождение в Харбине имеет свои преимущества: «удобно, что в случае чего-нибудь есть, куда уехать» [13, л. 87]. После смерти мужа она умело манипулировала то воспоминаниями о прошлом, то здоровьем ребенка, то своим тяжелым существованием и угрозой самоубийства: «Здоровье мое очень плохо – нервы болят и силы убывают, ... часто хочется умереть и взять с собою Марину» [13, л. 136]. Анерт ежемесячно посылал суммы от 40 до 80 руб. (Нина называла это «обычное ежемесячное пособие»), на которые Нина рассчитывала, так как иначе пришлось бы «во многом необходимом себе отказывать» [13, л. 41].

Хотя Нина в письмах подчеркивала свою слабость и инфантильность, однако, судя по переписке, она не была такой уж беспомощной. В письме от 26 марта 1925 г. она сообщала, что у нее есть прислуга, и что она нашла для себя кое-какую работу: делала этикетки для макаронной фабрики, проект киоска для «Севпечати», перепланировку части их дома по поручению Жилтоварищества. Она организовала при доме детский сад, куда устроила Марину, чтобы освободиться от домашних дел. Сняла дачу в Сестрорецке и сдавала комнаты, чтобы «немного зарабатывать» [13, л. 94].

Желание Нины быть современной, идти в ногу со временем сочеталось с невозможностью отказа от старых «буржуйских» привычек. В письме от 20 декабря 1925 г. она просила Анерта прислать ей из Харбина небольшую посылку с французскими духами, пудрой, чулками и модными лайковыми перчатками («особенно скучаю без духов») [13, л. 141]. В письме от 28 октября 1928 г. она сообщала Анерту о своем образе жизни: два раза в месяц в театр, два раза в месяц в кино, один раз на заседания в Обществе архитекторов и «редко в Деловом клубе», где состою членом [13, л. 34]. Не забывала об отдыхе («ремонттировать свое тело необходимо» [13, л. 55]: лето проводила на даче в Сестрорецке, зимой отдыхала в Кисловодске. В письмах то и дело встречаются упоминания о поездках на юг во время отпусков за свой счет. Даже в последнем письме 7 августа 1932 г. Нина сообщала Анерту, что отдыхает на курорте, «была в санатории, лечу печень и нервы»; собиралась в Крым, в Алушту [13, л. 60].

Дальнейшая судьба Нины Озеровой-Анерт показала, что, по-видимому, ей удалось найти равновесие между семьей, личной жизнью и профессией. Судя по всему, жизнь Нины сложилась удачно, и она состоялась как профессионал. Выйдя повторно замуж, она работала по профессии архитектором-проектировщиком, в 1933 г. вступила в Союз архитекторов СССР, в 1930–1937 гг. спроектировала несколько заводов и зданий. Во время войны она эвакуировалась из Ленинграда в Самарканд, в 1944 г. переехала в Киев, где работала в управлении по делам архитектуры, затем старшим научным сотрудником в Академии архитектуры УССР. В 1956 г. вышла на пенсию, после смерти мужа вернулась в Ленинград и еще в общественном порядке выполняла работы по заданию ГИОП [19, л. 2–3]. Скончалась Нина Семеновна в 1968 г. в Ленинграде.

Обсуждение и выводы

В результате анализа писем Нины Озеровой можно прийти к выводу, что составить полный, законченный образ женщины 1920-х гг. через эпистолярное наследие без привлечения дополнительных источников, включения их в исторический контекст вряд ли возможно. Можно говорить только об эскизе, наброске, впечатлении в импрессионистском ключе. Но принимая во внимание чрезвычайную субъективность такого рода источников, как письма, надо признать за ними большой потенциал для исследований в области истории повседневности, гендерной истории и возможность расширения представлений о женской идентичности. Индивидуальный личный женский опыт, описанный в письмах Нины Озеровой-Анерт, несомненно, интересен с точки зрения женской репрезентации. Конечно, гендерную проблематику можно найти практически в любом источнике личного происхождения, но именно письма позволяют раскрыть дополнительные смыслы, скорректировать наши представления о таком явлении, как женская эмансипация в 1920-е гг. Из разных мелочей, оговорок, недосказанностей складывается определенная картина, отражающая все оттенки женского поведения, пусть и не вполне объективная, так как корреспонденция ограничена одним адресатом. При сравнении с другими эгодокументами (дневниками, мемуарами) того времени можно заключить, что такой стиль отношений не был исключением.

Письма Нины Озеровой-Анерт показывают, как ее представления о новой женщине, независимости и профессионализме приходят в противоречие с ее женской природой, поисками «сильного плеча», мужского поклонения и комфортной жизни. Провозглашая свободу в выборе профессии, партнера, модели брака, финансовой независимости, героиня мечется между модерностью и традиционностью, свободой и подчинением, с одной стороны, разрушая гендерные стереотипы, с другой, подтверждая их. Можно предположить, что дистанция между декларируемыми ценностями женской эмансипации и реальным поведением женщин имела место не только в случае с Ниной Озеровой-Анерт, но и была довольно типичной. Найти примеры такого поведения и в прошлом, и в настоящем не составит труда. Можно предположить, что традиционный взгляд на женщину и ее роль в семье и обществе оказывается гораздо более укорененным в советском /русском социуме и культуре.

Список литературы

1. Пушкирева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // НЛО. – 2012. – № 5 (117). – С. 8–23. EDN: PFSTCP
2. Blekher F. *The Soviet Woman in Family and Society (a sociological study)*. – New York; Toronto: Halsted Press, 1980. – 234 p.
3. Goldman W. *Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 376 p.
4. Lapidus G. *Women in Soviet society: Equality, Development, and Social Change*. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 381 p.
5. Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. – Princeton: Princeton University Press, 1978. – 464 p.
6. *The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union* / ed. by M. Ilic. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – 1053 p.
7. Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – Т. 137. – № 3. – С. 184–199. EDN: RTEEAZ
8. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. статей / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкирева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 864 с. EDN: RVRQHL
9. Синова И. В. Женские эго-документы рубежа XIX–XX веков: гендерная проблематика и образ «новой женщины» // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов: коллективная монография / под ред. В. Б. Зусевой-Озкан. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 144–159. EDN: PASFWY
10. *Biography and Society: The Life History Approach in the Social Sciences*. Ed. by D. Bertaux. – London: Sage, 1981. – 309 p.
11. Greyerz K. von. *Ego-Documents: the Last Word?* // *German History*. – Vol. 28. – No. 3 (2010). – Pp. 273–282.
12. Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 гг. СПб.: «Петрополис», 2009. 385 с. EDN: UGMMZT

13. Российский государственный экономический архив (РГАЭ). Ф. 732. Оп. 1. Д. 194.
14. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб: Алетей; АНО «Женский проект СПб», 2007. 496 с.
15. Connell R. W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. – Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1987. – 334 p.
16. Komarovskiy M. *Cultural Contradictions and Sex Roles* // *The American Journal of Sociology*. – 1946. – Vol. 52. – No. 3. – Pp. 184–189.
17. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1378. Оп. 15. Д. 402.
18. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 436. Оп. 1. Д. 13268.
19. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 341. Оп. 3. Д. 312.
20. Из дневников Л. Д. Рындиной / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Богомолова // *Лица. Биографический альманах*. Вып. 10. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. С. 177–241.
21. Бельчич Ю. В. Эдуард Анерт. Страницы биографии (по материалам личного архива ученого) // *Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События*. – 2004. – № 3 (44). – С. 162–170. EDN: HLCANL

Nina Ozerova-Ahnert's Letters as a Reflection of the Process of Women's Emancipation in the 1920s

Mariia V. Krotova

The article is devoted to the analysis of letters of the architect Nina Ozerova-Ahnert (1892–1968) from Leningrad to Harbin, which were preserved in the personal archive of her ex-husband, the famous geologist E. E. Ahnert. The source can be considered unique, as it reflects the inner world of an intelligent woman of the 1920s during the transition period, when women from the “former middle class” needed to integrate into a new social reality. The letters address issues related to changes in the role of women in society, family and daily life. Despite the individual case, certain features characteristic of the behavior of women of this period, who had to solve questions about women's destiny, professional realization, motherhood, marriage, etc., can be isolated from the content of the correspondence. Using an anthropological approach, the article attempts to reconstruct the life scenarios, patterns of female behavior of the author of letters. The article is based on unpublished documents from the RGAE, TsGALI SPb, TsGIA SPb, TsGA SPb. As a result, it can be concluded that even such a specific source as the epistolary heritage, if carefully read, can help in studying the processes of emancipation in the 1920s.

Key words: gender history, women's issue, emancipation, USSR, 1920s, Leningrad, ego documents, correspondence.

For citation: Krotova, M. V. (2024) Pis'ma Niny Ozerovoy-Ahnert kak otrazhenie processa zhenskoi emancipatsii 1920-h gg. [Nina Ozerova-Ahnert's Letters as a Reflection of the Process of Women's Emancipation in the 1920s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No 3. Pp. 268–286 (In Russ). DOI: 10.3523/1/25422375_2024_3_268. EDN: XEGBJN

References

1. Pushkareva, N. L. (2012) *Gendernaya Sistema Sovetskoy Rossii i sud'by rossiyanok* [The gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], No. 5 (117). Pp. 8–23. (In Russ.). EDN: PFSTCP
2. Blekher, F. (1980) *The Soviet Woman in Family and Society* (a sociological study). New York; Toronto: Halsted Press.
3. Goldman, W. (1993) *Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Lapidus, G. (1978) *Women in Soviet society: Equality, Development, and Social Change*. Berkeley: University of California Press.
5. Stites, R. (1978) *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton: Princeton University Press.
6. Ilic, M. (2018) (ed.) *The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union*. London: Palgrave Macmillan.
7. Zareckij, Yu. P. (2021) *Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya* [Ego documents of the Soviet era: terms, historiography, methodology]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [An inviolable reserve. Debates about politics and culture]. Vol. 137. No 3. Pp. 184–199. (In Russ.). EDN: RTEEAZ
8. Pushkareva, N. L. (2012) (ed.) *Rossijskaya povsednevnost' v zerkale gendernyh odnoshenij* [Russian everyday life in the mirror of gender relations]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.) EDN: RVRQHL
9. Sinova, I. V. (2022) *Zhenskije ego dokumenty rubezha XIX–XX vekov: gendernaya problematika i obraz "novoj zhenshchiny"* [Women's ego documents of the turn of the 19th – 20th centuries: gender issues and the image of a “new woman”]. *Zhenshchina moderna: Gender v russkoj kul'ture 1890–1930-h godov* [Modern woman: Gender in Russian culture of the 1890s – 1930s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 144–159. (In Russ.). EDN: PASFWY
10. Bertaux, D. (1981) (ed.) *Biography and Society: The Life History Approach in the Social Sciences*. London: Sage.
11. Greyerz, K. von. (2010) *Ego-Documents: the Last Word?* *German History*. Vol. 28. No. 3. Pp. 273–282.
12. Petrovskaya, I. F. (2009) *Biografika: Vvedenie v nauku i obozrenie istochnikov biograficheskikh svedenij o deyatelyakh Rossii 1801–1917 gg.* [Biography: Introduction to science and review of sources of biographical information about the figures of Russia of 1801–1917]. St. Petersburg: “Petropolis”. (In Russ.) EDN: UGMMZT
13. *Rossijskij gosudarstvennyj ekonomicheskij arkhiv* [The Russian State Economic Archive] (hereinafter – RGAE). F. 732. Op. 1. D. 194.
14. Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg: Aleteya; ANO “Zhenskij proekt SPb”. (In Russ.)
15. Connell, R. W. (1987) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford: Stanford University Press.
16. Komarovskiy, M. (1946) *Cultural Contradictions and Sex Roles*. *The American Journal of Sociology*. Vol. 52. No 3. P. 184–189.
17. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TsGA SPb). F. 1378. Op. 15. D. 402.
18. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TsGIA SPb). F. 436. Op. 1. D. 13268.
19. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg] (hereinafter – TsGALI SPb). F. 341. Op. 3. D. 312.
20. *Iz dnevnikov L. D. Ryndinoy* [From the diaries of L. D. Ryndina] (2004) *Lica. Biograficheskij al'manakh* [Persons. Biographical almanac]. Issue 10. St. Petersburg: Phoenix; Dmitrij Bulanin. Pp. 177–241. (In Russ.)
21. Bel'chich, Yu. V. (2004) *Eduard Ahnert. Stranicy biografii (po materialam lichnogo arkhiva uchenogo)* [Eduard Ahnert. Biography pages (based on the materials of the scientist's personal archive)]. *Rossiya i sovremennyy mir: Problemy. Mneniya. Diskussii. Sobytiya* [Russia

and the modern World: Problems. Opinions. Discussions. Events]. No. 3 (44). Pp. 162–170. (In Russ.)
EDN: HLCANL

Об авторах

Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: mary_krot@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7948-0251

About the author

Krotova Mariia V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Political Science, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: mary_krot@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7948-0251

*Статья поступила в редакцию 15.06.2024
Одобрена после рецензирования 08.07.2024
Принята к публикации 16.07.2024*

Лучший продавец-женщина города Оренбурга (профессиональное становление А. Н. Головкиной)

Е. В. Годовова

В статье, опираясь на новую биографическую историю как методологическую основу исследования, представлен жизненный путь и профессиональное становление оренбургского продавца Александры Николаевны Головкиной. В основе «персональной истории» лежит история жизни конкретного человека во всей ее уникальности и полноте. Опираясь на документальные материалы: свидетельство о рождении, трудовая книжка, удостоверения к медалям, орденская книжка, грамоты, благодарности; заметки из периодической печати; фотодокументы из личного архива автора статьи и воспоминания дочери А. Н. Головкиной Н. А. Росляковой, автор приходит к выводу, что Александра Николаевна Головкина, обычная сельская девочка, не имевшая образования, была признана лучшим продавцом города Оренбурга, занесена в областную Книгу Почета и Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Трудового Красного Знамени. Её трудовой путь – свидетельство того, что человек, любящий свое дело, благодаря целеустремленности, упорству и настойчивости может стать профессионалом.

Ключевые слова: Александра Николаевна Головкина, профессиональное становление, гендерная история, история повседневности, новая биографическая история, продавец, Оренбург.

Для цитирования: Годовова Е. В. Лучший продавец-женщина города Оренбурга (профессиональное становление А. Н. Головкиной) // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 287–294. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_287. EDN: YUFGFO

Введение

В современной исторической науке, наряду с историей повседневности, гендерной историей, историей ментальностей в конце XX – начале XXI в., сформировалась новая биографическая, или персональная история («personal history»). Её основной исследовательский предмет – «история одной жизни» во всей её уникальности и полноте [1, с. 8]. Одной из задач «персональной истории» является раскрытие конкретного содержания процесса индивидуализации сознания и поведения человека [2; 3].

Целью настоящей статьи является рассмотрение жизненного пути и профессионального становления моей бабушки по материнской линии Александры Николаевны Головкиной.

Источниковая база исследования представлена документальными материалами: свидетельством о рождении, трудовой книжкой, удостоверениями к медалям, орденской книжкой, грамотами, благодарностями; заметками из периодической печати; фотодокументами, хранящимися в личном архиве автора; воспоминаниями дочери А. Н. Головкиной Н. А. Росляковой.

Результаты

Александра Николаевна родилась 14 мая 1916 г. в селе Яшкино Сорочинского района Средне-Волжского края в семье Николая Егоровича и Матрены Мартыновны Щеколдиных [4]. Из трех сестер она была самая старшая. Был еще старший брат, который умер примерно в 1932 г. от туберкулеза костей.

В 17 лет Александра приехала в Оренбург. Не имея образования (она обучалась грамоте в школе ликбеза), в 1936 г. стала работать в магазине № 2 «Бакалея» уборщицей (ул. Советская, 30/1 г. Оренбурга – Е. Г.). Согласно трудовой книжке, к тому времени она уже имела двухлетний, подтверждённый документами трудовой стаж, а в профсоюзном билете отмечено, что с 1933 г. она была членом профсоюза [5]. Проработав уборщицей 11 месяцев, Александра Николаевна была переведена в ученики продавца этого магазина. Так начался путь ее профессионального становления в торговой сфере.

В декабре 1937 г. Александра Николаевна уже стала работать продавцом и после успешной сдачи гостехэкзамена в Учебном комбинате Облвнутторга города Оренбурга в январе 1938 г. получила III разряд [6], а через полгода – II разряд. К 8 марта

1939 г. за лучшие показатели работы и перевыполнение плана товарооборота она была премирована 75 р. и такой же суммой к 1 сентября 1939 г. в связи с 25 годовщиной Международного юношеского дня «за сознательное, добросовестное отношение к производству и перевыполнение норм выработки». В ноябре того же года Александра Николаевна стала работать «продавцом первой руки» (или I разряда – Е. Г.).

В годы Великой Отечественной войны Александра Николаевна дежурила в госпитале, размещенном в здании школы № 30 (ныне физико-математический лицей – Е. Г.), ухаживая за ранеными. В 1944 г. она была откомандирована на завод «Автозапчасть», где работала токарем цеха № 3, а также принимала участие в заготовке леса в Бузулукском районе. К 8 марта 1942 г. ей была вынесена благодарность за добросовестное и честное отношение к труду, а 30 октября 1946 г. Александра Николаевна была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [7].

18 марта 1944 г. Александра Щеколдина была принята в магазин № 2 «Гастроном» продавцом отдела научных работников, с 1946 г. бакалейно-кондитерского отдела¹. В том же году она вышла замуж за Андрея Федоровича Головкина (моего дедушку – Е. Г.) и взяла его фамилию. 18 июля 1947 г. в их семье родилась дочь Наталия (моя мама – Е. Г.). В государстве, восстанавливающем экономику после войны, декретный отпуск составлял 77 дней², поэтому через 42 дня после рождения ребенка Александра Николаевна продолжила работу.

С января 1948 г. она была переведена продавцом II разряда бакалейно-кондитерского отдела в магазин № 1, расположенный по адресу Кирова, 30 / Советская, 25 г. Оренбурга. Записи в трудовой книжке Александры Николаевны свидетельствуют о практически ежегодных поощрениях: май 1948 г. – объявлена благодарность за безупречное выполнение возложенных обязанностей (а ведь ее дочери еще не было и года), май 1950 г. – за перевыполнение плана товарооборота, март 1951 г. – за добросовестное отношение к работе, май 1951 г. – за личные показатели

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 299–300.

² Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944. URL: https://e-ecolog.ru/docs/gOQcMye_V1gm5XUGWFzRy?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.yandex.ru%3F%2F (дата обращения: 7.05.2024).

работы занесена на доску Почета с вручением грамоты, октябрь 1951 г. – вручена грамота за образцовое обслуживание покупателей [8]. Итогом работы в 1951 г. стало награждение Александры Николаевны значком «Отличник социалистического соревнования Министерства торговли СССР» (приказ от 20.10.1951 г.) [9]. Отметим, что социалистическое соревнование в торговле было направлено на досрочное выполнение плана товарооборота, обеспечение высокой культуры обслуживания покупателей, на повышение производительности труда, соблюдение режима экономии, внедрение передового опыта, на сознательное и творческое отношение к труду. Награжденные этим значком состояли на персональном учете в Министерстве торговли СССР.

До 1958 г. Александра Николаевна продолжала работать в этом магазине на должностях старшего продавца и заместителя заведующего бакалейно-кондитерским отделом. Оно любила дело, которым занималась. Ежегодно ей объявляли благодарность за лучшие производственные показатели, хорошую и добросовестную работу. В 1953 г. премировали 100 рублями, в 1954 г. – ценным подарком и почетной грамотой. Награждали обычно к трем праздникам: 8 Марта, 1 Мая, 7 ноября [8].

В феврале 1958 г. Александра Николаевна перешла на работу продовольственный магазин № 2 (ул. Советская, 30/1 г. Оренбурга – Е. Г.). В 1961 г. прошла аттестацию на должность старшего продавца. В этом же году в связи с 25-летием работы в торговле была награждена почетной грамотой. В газете «Южный Урал» от 11 марта 1962 г. помещена фотография Александры Николаевны и ее коллеги Лидии Субботиной с подписью «Хорошо обслуживают покупателей продавцы магазина «Гастроном» № 2 (Оренбург), члены бригады коммунистического труда Л. Д. Субботина и А. Н. Головкина» [10].

В 1964 г. Александру Николаевну и двух ее коллег перевели работать в магазин № 11 Гастронома «Заря» для слаживания коллектива. Она продолжила участвовать в соцсоревнованиях, за что получала благодарности в 1965 г., 1966 г., 1968 г., а в 1969 г. была занесена на Доску почета [8].

Выполняла Александра Николаевна и наставнические функции, обучая молодых продавцов. В 1965 г. за хорошую подготовку кадров была награждена почетной грамотой. В газете «Южный Урал» от 8 октября 1965 г. вышла такая заметка: «В га-

строномическом магазине "Заря" работают старшими продавцами Купцова Ольга Семёновна и Головкина Александра Николаевна. Сюда они пришли из гастронома № 2. Каждая из них по 30 лет проработала в торговле. Свой богатый опыт кадровые работницы прилавка щедро передают молодежи. Министерство торговли наградило тт. Купцову и Головкину значком "Отличник советской торговли"» [11].

27 февраля 1969 г. решением объединенного комитета Оренбургского «Гастрономторга» Александре Николаевне Головкиной было присвоено звание «Лучший продавец» Оренбургского «Гастрономторга» с вручением Диплома, а 31 октября того же года – звание «Лучший продавец города Оренбурга», завоеванное в конкурсе продавцов в 1969 г., с вручением Диплома первой степени и именных часов [8].

За достигнутые высокие производственные показатели в социалистическом соревновании А. Н. Головкина, старший продавец магазина № 11 «Гастроном» 6 февраля 1970 г. была занесена в Книгу Почета Оренбургского Гастрономторга (Свидетельство о занесении в Книгу Почета за подписью директора Гастрономторга И. Шеина, секретаря п/организации В. Спицыной и председателя ОК профсоюза В. Груш). Постановлением бюро Оренбургского обкома КПСС, исполкома областного Совета депутатов трудящихся и президиума областного Совета профсоюзов от 24 марта 1970 г. «за достижение высоких показателей в социалистическом соревновании в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина по итогам за 1969 год и два месяца 1970 года товарищ Головкина Александра Николаевна – старший продавец магазина «Заря» № 11 Оренбургского гастрономторга занесена в Областную Книгу Почета» (Свидетельство за подписью секретаря Обкома КПСС А. Коваленко, председателя облисполкома А. Баландина и председателя облсовпрофа А. Шибаланского), 20 апреля 1970 г. от имени Президиума Верховного Совета СССР она была награждена юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» [8].

В магазине № 11 Гастронома «Заря» Александра Николаевна проработала в должности старшего продавца до 1970 г., затем была переведена в магазин № 15 на должность администратора торгового зала. 4 июня 1971 г. Александра Николаевна ушла

на пенсию, а 10 июня 1971 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденом Трудового Красного Знамени № 662808 [12].

Обсуждение и выводы

Трудовой путь Александры Николаевны Головкиной – свидетельство того, что человек, любящий свое дело, может стать профессионалом. Важно отметить, что, получив лишь начальные основы чтения и письма, Александра Николаевна очень плохо, можно сказать, по складам читала и также плохо писала, но, когда во время работы приходилось учиться для повышения квалификации, она всегда все экзамены сдавала очень хорошо. Как ей это удавалось? Необходимые книги и конспекты лекций (их всегда давали молодые коллеги) ей вслух читала дочь, а она все запоминала и потом пересказывала. Конечно, было трудно, но по-другому Александра Николаевна просто не могла. Она была убеждена в том, что учиться и работать нужно только на «отлично», а помогут в этом упорство и настойчивость. Уже будучи на пенсии, чтобы без запинки читать внучке детские книжки, она по нескольку раз перечитывала их и постепенно смогла читать даже заинтересовавшие ее серьезные книги [13].

Нельзя не сказать и о том, что Александра Николаевна очень хорошо считала устно, а на счетах просто виртуозно: все четыре арифметических действия выполняла всегда безошибочно и очень быстро. Наверное, именно поэтому ее чаще всего ставили на продажу соленой сельди, цена которой была 1 р. 30 к. Сколько нужно заплатить за рыбку весом 217 граммов? Несколько щелчков костяшками в течение нескольких секунд – и точный – до копеечки! – результат получен [13].

Моя бабушка – Александра Николаевна Головкина – была удивительным человеком – чутким, добрым, отзывчивым. Её все любили – и родные, и друзья, и даже покупатели. Наблюдать за тем, как она их обслуживает, было одно удовольствие. Многие из тех, кто приходил в магазин за продуктами, предпочитали покупать их именно у неё. Свою работу Александра Николаевна очень любила, покупателя всегда встречала с улыбкой, никогда не отдавала покупку, не сказав: «Пожалуйста!». Ей нравилось угождать покупателю, обслуживать его так, чтобы ему захотелось прийти в этот магазин еще раз. Уже будучи

на пенсии, она иногда с удовольствием продавала излишки смородины, выращенной на даче, и очень радовалась, что может снова почувствовать себя будто бы за прилавком.

Список литературы

1. Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях. Вместо предисловия // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. 720 с.
2. Рутчайлд Р. Г. Н. Л. Пушкарева – создательница российской школы гендерных исследований в истории и этнологии // Вестник антропологии. – 2019. – № 3 (47). – С. 5–9.
3. Войтиков С. С. Наталья Ивановна Басовская (21 мая 1941 г. – 24 мая 2019 г.) // История повседневности. – 2019. – № 4 (12). – С. 113–133.
4. Свидетельство о рождении А. Н. Шеколдиной № 85 от 20 мая 1916 года // Личный архив Е. В. Годовой.
5. Профсоюзный билет А. Н. Головкиной № 37706888 // Личный архив Е. В. Годовой.
6. Удостоверение А. Н. Головкиной № 024585 // Личный архив Е. В. Годовой.
7. Удостоверение А. Н. Головкиной М № 387629 // Личный архив Е. В. Годовой.
8. Трудовая книжка А. Н. Головкиной // Личный архив Е. В. Годовой.
9. Удостоверение А. Н. Головкиной № 9119 // Личный архив Е. В. Годовой.
10. Южный Урал. 1962. – 11 марта.
11. Южный Урал. 1965. – 8 октября.
12. Орденская книжка А. Н. Головкиной Ж 3868218 // Личный архив Е. В. Годовой.
13. Воспоминания дочери А. Н. Головкиной Н. А. Росляковой.

Best Female Salesperson in Orenburg (A. N. Golovkina Professional Development)

Elena V. Godovova

The article, based on a new biographical history as the methodological basis of the study, presents the life path and professional development of the Orenburg seller Aleksandra Nikolaevna Golovkina. The basis of “personal history” is the study of the life history of a particular person in all its uniqueness and completeness. The article is based on documentary materials: birth certificate, work record book, certificates for medals, order book, diplomas, testimonials; notes from periodicals; photographic documents from the personal archive of the author of the article and memories of N. A. Roslyakova, A. N. Golovkina's daughter. The author comes to the conclusion that Aleksandra Nikolaevna Golovkina, an ordinary rural girl with no education, was recognized as the best salesman in the city of Orenburg, was included in the Regional Book of Honor and was awarded by the Order of the Red Banner of Labor by Decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet. Her career shows that a person who loves his job, thanks to dedication, perseverance and persistence, can become a professional.

Key words: Aleksandra Nikolaevna Golovkina, professional development, gender history, history of everyday life, new biographical history, salesperson, Orenburg.

For citation: Godovova, E. V. (2024) Luchshij prodavec-zhenshchina goroda Orenburga (professional'noe stanovlenie A. N. Golovkinoj) [Best Female Salesperson in Orenburg (A. N. Golovkina Professional Development)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 287–294. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_287. EDN: YUFGFO

References

1. Repina, L. P. (2010) *Lichnost' i obshchestvo, ili istoriya v biografiyah. Vmesto predisloviya* [Personality and society, or history in biographies. Instead of a preface]. *Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya* [History through personality: Historical biography today]. Ed. L. P. Repina. Moscow: Kvadriga. (In Russ.)
2. Rutchajld, R. G. (2019) N. L. Pushkareva – sozdatel'nica rossijskoj shkoly gendernyh issledovanij v istorii i etnologii [N. L. Pushkareva – creator of the Russian school of gender studies in history and ethnology]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 3 (47). Pp. 5–9. (In Russ.)
3. Vojtkov, S. S. (2019) *Natal'ya Ivanovna Basovskaya (21 maya 1941 g. – 24 maya 2019 g.)* [Natalya Ivanovna Basovskaya (May 21, 1941 – May 24, 2019)]. *Istoriya povsednevnosti*. [History of everyday life]. No. 4 (12). Pp. 113–133. (In Russ.)
4. *Svidetel'stvo o rozhdenii A. N. Shchekoldinoj № 85 ot 20 maya 1916 goda* [Birth certificate of A. N. Shchekoldina No. 85 dated May 20, 1916]. *Lichnyj arhiv E. V. Godovovoj* [Personal archive of E. V. Godovova]. (In Russ.)
5. *Profsoyuznyj билет A. N. Golovkinoj № 37706888* [Trade union card of A. N. Golovkina No. 37706888]. *Lichnyj arhiv E. V. Godovovoj* [Personal archive of E. V. Godovova]. (In Russ.)
6. *Udostoverenie A. N. Golovkinoj № 024585* [Certificate of A. N. Golovkina No. 024585]. *Lichnyj arhiv E. V. Godovovoj* [Personal archive of E. V. Godovova]. (In Russ.)
7. *Udostoverenie A. N. Golovkinoj M № 387629* [Certificate of A. N. Golovkina M No. 387629]. *Lichnyj arhiv E. V. Godovovoj* [Personal archive of E. V. Godovova]. (In Russ.)
8. *Trudovaya knizhka A. N. Golovkinoj* [Work book of A. N. Golovkina]. *Lichnyj arhiv E. V. Godovovoj* [Personal archive of E. V. Godovova]. (In Russ.)
9. *Udostoverenie A. N. Golovkinoj № 9119* [Certificate of A. N. Golovkina No. 9119]. *Lichnyj arhiv E. V. Godovovoj* [Personal archive of E. V. Godovova]. (In Russ.)
10. *Yuzhnyj Ural. 11 marta 1962 g.* [Southern Urals. March 11, 1962]. (In Russ.)
11. *Yuzhnyj Ural. 8 oktyabrya 1965 g.* [Southern Urals. October 8, 1965]. (In Russ.)
12. *Ordenskaya knizhka A. N. Golovkinoj Zh 3868218* [Order book of A. N. Golovkina Zh 3868218]. *Lichnyj arhiv E. V. Godovovoj* [Personal archive of E. V. Godovova]. (In Russ.)
13. *Vospominaniya docheri A. N. Golovkinoj N. A. Roslyakovoj* [Memories of daughter of A. N. Golovkina, N. A. Roslyakova]. (In Russ.)

Об авторе

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация; e-mail: godovova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5798-3413

About the author

Godovova Elena V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation; e-mail: godovova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5798-3413

*Статья поступила в редакцию 01.06.2024
Одобрена после рецензирования 26.06.2024
Принята к публикации 08.07.2024*

СЧАСТЛИВОЕ ДИТЯ - СЧАСТЬЕ МАТЕРИ

ПИША «АЛЛЕНБЭРИСЪ»
"Allenberrys Food"

ЛАБОРАТОРИЙ
ALLEN & HAMBURYS, LTD.
LONDON.

СЛУЖИТЬ
ПОЛНОЙ ЗАМЪНОЙ
МАТЕРИНСКАГО МОЛОКА

при искусственном вскармливании грудныхъ дѣтей съ перваго дня рожденія ихъ.
Новѣйшая система прогрессивнаго вскармливанія.

На выставкѣ при V международ. анж.-гинекол. съѣздѣ въ С.-Петербургѣ удостоена почетнаго диплома.

Брошюра № 25 о свойствахъ и способѣ приложенія Алленберисъ высылается бесплатно по запросу требованія. Адресъ: О-ль «Алленъ и Гамбургъ» (Россія) Москва, Мясницкая, 32. Почта. ящикъ № 229. Телеф. № 235-14 и 346-66. Телеграфный адресъ: Аллен-Беррисъ, Москва.

Имеется въ продажѣ въ лучшихъ аптекахъ и оптовыхъ магазинахъ.

Р. С. При требованіи брошюры присылать выкупъ № 25.

Детское питание «Алленбэрис»
Ива. 1912. № 29. С. 1.

«Свивальникъ»
Тарнавскій А.И. По предметамъ и по картинкамъ: первые уроки нагляднаго обученія инородцевъ русскому языку: с 343 рисунками / сост. Александръ Тарнавскій, директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губ. СПб.: П.В. Луковниковъ, 1902. 120 с. С. 14.

СТУЩЕННОЕ КОВАБЬЕ МОЛОКО
ДЛЯ ВСКАРМЛИВАНІЯ
ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ
Заводъ **КАРРИКА** и №
(CARRICK'S CONDENSED MARES' MILK & KOUMISS)
Trade Mark

Серебрянная медаль на Мануфактурно Московскои Выставкѣ 1882 г.

Золотая медаль на Лодовскои Международнои Выставкѣ Здравія 1884 г.

Конный Заводъ и Фабрика Силаъ Оренбурга.

Способъ употребленія описанъ на каждой жестянкѣ. Цѣна большаго жестянаго
№ 25 — мильтъ 75 к. с.

Въ большаго молоко стущенно съ прибавленіемъ 3% сахара; въ мильтъ, съ 1% глицерина, чистаго глицерина.

Продается въ магазнѣ Н. А. Малышева и въ аптекахъ К. Ф. Капеллера и Е. Ф. Розенберга

Реклама стущеннаго молока д-ра Каррика
Оренбургскій листок. 1887. № 15. 5 апреля. С. 3.

К статьѣ Е. В. Бурлуцкой и Е. Н. Абдрахмановой

Елизавета Михайловна Гедда
Фотографии 1880-1900-х г.
Коллекция РО ИРЛИ (Ф. 855. Оп. 1. Д. 9.)

Елизавета Михайловна Гедда
Фотографии 1880-1900-х г.
Коллекция РО ИРЛИ (Ф. 855. Оп. 1. Д. 9.)

Птичник Е. М. Гедда
Автор фотографии С.М. Прокудин-Горский. Почтовая открытка, 1904-1913 г.
Музей-усадьба Рождесвено - филиал музейного агентства Ленинградской области

К статье В. А. Верменко и С. В. Степанова

На крыльце дома Куприяновых (между 1892–1895 г.)

Василий Викторович Ляпунов, ниже его жена Елизавета Александровна, правее Николай Николаевич Фигнер (1857–1918) — знаменитый тенор, солист Мариинского театра, еще правее его жена итальянка Медея (1859–1952), тоже певица, правее (с мячом) Екатерина Христофоровна Фигнер (урожденная Куприянова), рядом с ней ее брат Петр Христофорович Куприянов, над ним его жена Елизавета Викторовна (урожденная Ляпунова), сестра Василия Викторовича, правее Петра Христофоровича — три сестры Фигнер (дети Екатерины Христофоровны и сестры Н. Н. и В. Н.), над ними Владимир, Лидия, и Наталья Куприяновы — дети Петра Христофоровича и Елизаветы Викторовны. Последний справа Петр Николаевич Фигнер, рядом с ним его жена. В детской цепочке 5-ая снизу Вера Васильевна, 6-ая — Елена Васильевна Ляпуновы.

Фото из архива М. Н. Фигнер

Магазин № 1, А. Н. Головкина (нижний ряд, в центре)

Фото из семейного архива

Магазин № 15, А. Н. Головкина (нижний ряд, вторая слева)

Фото из семейного архива

А.Н. Головкина (к. 30-х – н. 40-х гг. XX в.)
Фото из семейного архива

А.Н. Головкина (1971 г.)
Фото из семейного архива

К статье Е. В. Годовой

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен одним файлом:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

1. название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;
2. аннотация на русском и английском языках объемом 120–150 слов;
3. ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

Определите тип публикации:

- научная статья / Original article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

3. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. NB! В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. Пример: *Everyday Life of Murmansk Women and the Beginning of the Women's Movement on the Kola Peninsula During the "Perestroika" Years.*
- **Аннотация.** Рекомендуемый объем 120-150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».
- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.

- **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных. Рекомендуется включить описание методики исследования, ее объекта и последовательности. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.
- **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы). При желании авторы могут добавлять тематические рубрики внутри статьи. В таком случае слово "результаты" опускается, а прописываются только авторские рубрики.
- **Выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).
- **Сведения об авторе.** В отдельном файле необходимо указать следующие данные на русском и английском языках:
  - ФИО (полностью);
  - Ученая степень;
  - Ученое звание;
  - Полное название организации без указания организационно-правовой формы;
  - Город;
  - Страна;
  - Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>);
  - E-mail.

Внутритекстовые ссылки оформляются следующим образом:

- [3, с. 46] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы.
- [5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;
- [8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;
- [1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать **личный вклад** в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах: TIFF (300 dpi), PNG, JPG/ JPEG.

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном: <https://lengu.ru/mag/istoriya-povsednevnosti/avtoram-6>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 3 (31)

2024

Редактор **Т. Г. Захарова**

Технический редактор **Н. П. Никитина**

Верстальщик **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 23.09.2024. Формат 60x84 1/16.

Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 19.

Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ № 1978

На обложке размещен плакат Н. С. Изнар

«Женщина! Грамотность залог твоего
раскрепощения», 1920 г.,

Российская государственная библиотека, Россия

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru